

Серия «Семейная книга»

Книга первая

Л.С. РУБАН,
при участии
И.А. ЛУКЬЯНОВА

**КАКОГО
ЦВЕТА
СЧАСТЬЕ?**

МОСКВА

2023

**Международный проект «ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО
КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ»
(«МОСТ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ»)**

КАКОГО ЦВЕТА СЧАСТЬЕ?

Серия «Семейная книга»

Книга первая

**МОСКВА
Academia**

2023

УДК 821.161.1
ББЛ 94
Р 82

Рецензенты:

Ковалева Н.Н., доктор филологических наук, профессор,
Меркулова М.Г., доктор филологических наук, профессор

Книга представлена в авторской редакции.

Рубан Л.С., при участии **Лукьянова И.А.**

Какого цвета счастье? Москва: международный проект «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), АНО ИПЦ БиблиоТВ. Серия «Семейная книга». 2023. Книга первая. 252 с.

Этот сборник открывает новую серию «Семейная книга», которая призвана показать единство семейных ценностей и способствовать укреплению связи между поколениями.

Каковы основные задачи семейной книги? Прежде всего – крепить нравственные ценности, на которых держится семья, воспитывать в детях человеколюбие, доброту, показывать, что семья, дружба, порядочность – это не только высшие ценности социальной жизни, но и просто обязательные условия ее существования, такие же, как и гуманное отношение к братьям нашим меньшим, потому, что с малого начинается великое.

В сборнике представлены произведения разных лет как ответ на вопрос: почему взрослые люди пишут для детей? Это просто: они не могут забыть, как сами были детьми, какие чувства испытывали, как воспринимали окружающий мир, с кем дружили, а с кем – нет. Основы мировосприятия, заложенные в детстве, определяют мироощущение на всю жизнь: быть честным, не лгать, не предавать, уметь дружить и обладать чувством юмора, то есть не быть занудой. А ещё все мы воспитывались на книгах К.И. Чуковского, сделавшего так много, чтобы миллионы детей выросли настоящими людьми.

ISBN 978-5-87531-128-4

© Рубан Л.С. (текст), 2023
© Лукьянов И.С. (текст), 2023
© Academia (оформление), 2023

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступительное слово Рязанцева С.В., члена-корреспондента РАН,
директора Института демографических исследований РАН.....7

Часть I. Рубан Л.С. Какого цвета счастье?

Стихи для детей от 8 до 12 лет

1. Весёлые ножки.....	9
2. Радуница.....	10
3. К нам приехал крокодил.....	11
4. Поэма «Таракан в Букингемском дворце».....	13
5. Ночь идёт на мягких лапах	15
6. Прodelки злого крокодила.....	16
7. Старушки.....	17
8. Рыжий котёнок.....	17
9. Солнечный лучик.....	18
10. Какого цвета счастье?.....	19
11. Зимушка.....	20
12. Зима.....	21
13. Вот зима отмела.....	22
14. Осеннее.....	23
15. Песня котов девочке Маше, уехавшей летом в лагерь.....	24
16. Принцесса.....	24
17. Гавайи.....	25
18. Кормить на пляже акул строго воспрещается!.....	26
19. Распорядок школьника.....	27
20. Урок истории Древнего мира.....	28
21. Баллада о вредной еде.....	29
22. Здоровье, спорт, искусство (а сил нет).....	30
23. Гена-крокодил.....	30
24. Щенок.....	31
25. Читаем «Мойдодыр» домашним питомцам.....	32
26. Животные-киногерои.....	33
27. Лесные кормушки.....	34
28. В тенечке.....	35
29. Пасха.....	36
30. Вечерний город.....	36

31. Цвета и чувства.....	37
32. Снегопад.....	38
33. Берёза.....	39
34. Небо.....	40
35. Тихая осень.....	41
36. Бабье лето.....	42
37. Пожелание.....	43

Часть II. Рубан Л.С. Рассказы о детях и животных

1. Машуня и Мышуня.....	44
2. Патрикеевна.....	47
3. Полканчик и Метелочка.....	50
4. Почтальон, исполняющий желания.....	53
5. Волшебная чашка.....	56
6. КАРМЭН или мэн по имени КАР.....	59
7. Пушистое коварство.....	65
8. Что они о нас думают?.....	69
9. Белочка.....	75
10. Библионочь с классиками.....	79
11. Каждый вечер на закате.....	82
12. Ундина или Бегущая по волнам.....	88

Часть III. Сказки

1. Рубан Л.С. Птица-Ночь прилетает, когда мы ждём чуда.....	96
2. Рубан Л.С. Про новую Золушку и ее добрую мачеху.....	103

Часть IV. Фэнтези для всей семьи.

Л.С. Рубан, И.А. Лукьянов. **Эти зелёные глаза.**

Предисловие.....	111
Глава 1. Поход в Дебри и трудная охота.....	112
Глава 2. Возращение домой и поворот судьбы.....	117
Глава 3. Отъезд из дома и новая жизнь Томаса.....	125
Глава 4. Таинственный враг, или что случилось в замке?.....	133
Глава 5. Охотничий домик и новое знакомство.....	138
Глава 6. Прodelки феи.....	145
Глава 7. Станный городок и коварство мэра.....	153
Глава 8. Преследование и волшебный огонь.....	159

Глава 9. Приезд в королевский дворец.....	165
Глава 10. Поступление Томаса в школу магов и новые товарищи...	168
Глава 11. Первый урок, штрафные баллы и план мести врагам.....	178
Глава 12. Отмщение.....	183
Глава 13. Загадочная смерть	189
Глава 14. Поиск убийцы.....	197
Глава 15. Тайнственная пластина.....	204
Глава 16. Возвращение похищенных сокровищ.....	211
Глава 17. Ночные приключения Томаса.....	213
Глава 18. Поручение колдуньи.....	221
Глава 19. Бунт зверей и новая дружба.....	230
Глава 20. В паутине.....	233
Глава 21. Циклопус.....	235
Глава 22. Новая погоня за убийцей.....	241
Глава 23. Магическая дуэль.....	243

Часть V. Эссе

1. Рубан Л.С. Эти очень взрослые детские стихи К.И. Чуковского» (или «Как не стать Бармалеем»)	247
2. Рубан Л.С. Золушка для детей и Золушка для взрослых (или, как говорится, почувствуйте разницу)	259

Часть VI. Жены гениев и летящая чашка (Диалоги с Полиной Виардо)

Глава 1. Встреча с «царицей муз» Полиной Виардо	271
Глава 2. Жены и подруги гениев и их непростые судьбы.....	286
Глава 3. Детство и юность героев. Такие разные семьи.....	316
Глава 4. Глубокое и неизбывное чувство, светлое, но с привкусом горечи.....	347
Глава 5. О, женщины, женщины... Вы – счастье, Вы – горе, Вы – судьба.....	360
Глава 6. Великий Пушкин – кумир и полубог многих поколений.....	374
Глава 7. Собратья по литературному цеху. Такие непростые взаимоотношения	395
Глава 8. Творчество И.С. Тургенева. «О великий и могучий русский язык!».....	407
Глава 9 (заключительная). Прощание.....	419
Литература.....	425

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я уже не застал, но мои родители хорошо помнят, как в их семье было принято читать по вечерам вслух книги. Тогда еще не было телевизоров в массовом порядке, а поход в кино или театр был целым событием, поэтому, собравшись вечером в уютной гостиной, они погружались в мир замечательных книг. Читали «Два капитана» Вениамина Каверина, «Кортик» и «Бронзовую птицу» Анатолия Рыбакова, «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева, «Дети капитана Гранта» и «Необитаемый остров» Жюль Верна, «Три мушкетера» и «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма-отца, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо и ещё много всего интересного и увлекательного.

Но самым главным было то, что они не просто читали книги, а вместе их обсуждали, делились впечатлениями, спорили о героях и событиях. Воспоминания об этих драгоценных минутах семейного единения до сих пор согревают душу моим родным. Такие вечера без всяких нравоучений скрепляли тесными узами родителей и детей, укрепляли семью, её устои.

Когда Лариса Семёновна Рубан рассказала мне о своей задумке сделать новую серию книг, а именно серию «Семейная книга», которая объединила бы круг чтения и детей, и родителей, и бабушек, и дедушек, мне эта идея показалась интересной и в человеческом, и в профессиональном плане, так как она будет способствовать укреплению семьи и сплочению младшего и старшего поколений в наше непростое время. Это будет книга для всей семьи, интересная и детям, и взрослым.

Лариса Семёновна – член Союза писателей России по Московской городской организации (МГО СПР) и работает в жанре: поэзия, проза, публицистика. Она опубликовала 420 произведений, в том числе ряд книг для детей и юношества, к примеру: «Диалоги с Полиной Виардо» (2018 г.), поэтический сборник «Какого цвета счастье?», посвященный великому детскому писателю К.И. Чуковскому (первое издание вышло в 2020 г.), участвовала в сборнике стихотворений для детей, изданном Московской городской организацией СПР «Вместе весело шагать» (2019 г.), «Поэзия 2020» и др. И вот теперь читателям представлена эта новая книга.

Большое внимание Лариса Семёновна уделяет в рамках организованного ею международного проекта «Диалоговое партнёрства как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») пропаганде русского языка, литературы и культуры за рубежом, причем её книги являются некоммерческими и

передаются бесплатно в научные, культурные и образовательные учреждения России и зарубежных стран.

За развитие толерантности у молодёжи Рубан Л.С. награждена Орденом «За вклад в просвещение» (2008), ей объявлена благодарность министром образования и науки России (2017), получены Почётные грамоты от женской дипломатической группы стран АТР (APWG) и Посольства Филиппин (2010), благодарность Посла Вьетнама в России (2012); Почётные грамоты Посольства Венесуэлы (2017) и Латиноамериканского Дома в РФ (2019).

В 2020 г. Рубан Л.С. была награждена Московской городской организацией Союза писателей России за верность отечественной литературе, пропаганду русского языка, литературы, культуры за рубежом и исследование русского зарубежья медалями И.А. Бунина и А.И. Куприна, став лауреатом премии «Преодоление» и литературно-общественной премии «Гранатовый браслет», в 2021 г. – медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Она стала лауреатом премии «Жизнь задыхается без цели» с вручением медали Ф.М. Достоевского, дипломантом премии «Кому на Руси жить хорошо» с вручением медали Н.А. Некрасова, в 2022 г. – лауреатом премии «Золотая осень» с вручением медали С.А. Есенина и дипломом премии «Наш век» с вручением медали Ф.И. Тютчева.

В год своего юбилея Рубан Л.С. стала победителем премии «Универсальный человек» с вручением в 2023 г. медали М.В. Ломоносова.

Хочется пожелать Ларисе Семёновне многих лет успешной творческой деятельности и новых свершений.

Рязанцев С.В.,

член-корреспондент РАН, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН

Часть I

КАКОГО ЦВЕТА СЧАСТЬЕ?

Стихотворения

ВЕСЁЛЫЕ НОЖКИ

Весёлые ножки
бегут по дорожке
с подарком в корзинке
в саду по тропинке.

Куда же бегут
эти резвые ножки
с подарком в корзинке
в саду по дорожке?

И что же такое
хранится в корзинке,
которую быстро
несут по тропинке?

Быть может, конфеты,
печенье, картинки
находятся в этой
чудесной корзинке?

Нет-нет не конфеты,
нет-нет не картинки,
а самые лучшие
в мире ботинки.

Спешат и вприпрыжку
несут по дорожке
в подарок для друга
весёлые ножки.

Несут не для белки,
несут не для кошки,
для лучшего друга –
для ёжика-крошки.

И к другу на помощь
ботинки в лукошке
несут, чтоб не мёрзли
у ёжика ножки.

А нам остается
похлопать в ладошки
и быстренько в сад
убежать по дорожке.

РАДУНИЦА

Радуница, радуница,
Вся природа радуется.

Высушило солнышко
Все дожди до доньшка.

Лес умыт и прибран весь,
Стал он просто чудо-лес.

Птицы весело щебечут,
Звонко песенки поют.

Подождем, ключи от счастья
Нам кузнечики куют.

К НАМ ПРИЕХАЛ КРОКОДИЛ

Просьба учесть, что родственники крокодила, описанного в стихотворении, не имеют ничего общего со злым крокодилом, «который солнце проглотил».

В Москву приехал крокодил,
Он по проспектам походил,
Но вспомнил о родстве зверей
И в зоопарк пошёл скорей.

Он угощенья накупил,
Ведь про зверушек не забыл.
Спросил: «Как кормят? Что дают?
И создают ли им уют?»

Узнал:
«День города» у нас
И показать решил
Всем класс!

Не зря же он в бассейн ходил,
И по Москве-реке поплыл.
Он даже обогнал баркас,
Ведь у него прекрасный брасс.

Отлично помнил крокодил,
Что дед галоши есть любил,
И что отец галоши ел,
Но сам в Макдональдс захотел.

Он на Тверской в него зашёл,
Но мало радости нашёл:
Попробовал большой БигМак,
По вкусу тот почти башмак.

И крокодил пошёл в кино,
Он фильмов не смотрел давно,
Где славный Гена-крокодил
С детьми так преданно дружил.

Наш крокодил его искал,
Повсюду спрашивал и звал.
Их с Чебурашкой он нашёл,
Когда к нам на концерт пришёл.

Сказали мы: «Давай дружить!
Со всеми будем в мире жить.
К нам в гости станешь приезжать,
И будем мы с тобой играть».

Когда вернулся он домой,
Раздал подарков целый рой.
Приедет к нам на Новый год
И будет веселить народ.

Поэма
ТАРАКАН В БУКИНГЕМСКОМ ДВОРЦЕ

«Таракан попал в стакан...»

Ф.М. Достоевский «Бесы».

*Факты, изложенные в стихотворении,
являются вымышленными и не имели
места в действительности.*

В Букингемский дворец прибежал таракан,
И он нагло залез в королевский стакан.

Королева-мать как закричит,
Каблуками об пол застучит.

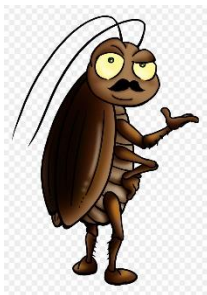
«Это что же такое ужасное,
Загрязняет жильё нам прекрасное?»

Мои внуки, и внучки, и правнуки,
Надевайте скорей нарукавники.

Как же будем мы пить фэйф-о-клок?
Ну, и кто эту дрянь приволок?

А министры бегом прибежали,
Сразу в обморок от страха упали.

И сидит таракан на столе,
растопорщился на серебре.

«Вы принцессы, герцогини приходите,
Своих деток ко мне приносите.

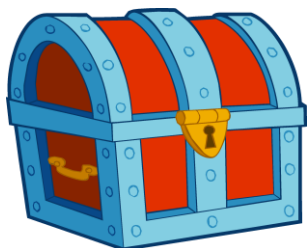
Отдавайте мне их насовсем!
Я голодный и я их всех съем!»

Сразу кликнули клич из дворца,
Нужно срочно найти молодца.

Тараканище кто победит?
Этот зверь очень зол и сердит.

Шёл по площади русский турист
И глазел на афиши актрис.

И услышал глашатаев он:
За победу дают миллион!

И Иван поплевал в кулаки:
«Битва нам очень даже с руки!»

И пошёл наш Иван во дворец,
И увидел огромный ларец.

Из ларца доставали топор,
а дворец заперли на запор.

Увидел снаряженье Ванюша
И подумал: «Какая же туша?
Этот гадкий злодей таракан.
Из каких, интересно, он стран?»

Одевали Ивана в кольчугу,
Автомат ему дали с испугу.

И вошёл наш Иван в тронный зал,
Огляделся и храбро сказал:

«Ну, и где это гадкое чудо?
Ох, и будет ему сейчас худо!»

Таракан от испуга сошёл
с королевского трона на пол.

«Ну, и где же этот гад ползучий?» –
В раж вошёл Ивашка наш везучий.

Топнул грозно он так сапогом,
Таракана убил каблуком.

Слава! Слава герою Иванушке!
Ну, не все же ему только камушки.

Нарядили, за стол посадили,
Миллионом его наградили.

И приехал домой молодец,
Он примерный был сын и отец.

Всех подарками он оделил,
Никого из друзей не забыл.

НОЧЬ ИДЕТ НА МЯГКИХ ЛАПАХ

Ночь идёт на мягких лапах,
Как большой пушистый кот.
Засыпай, не надо плакать,
Скоро Новый год придёт.

Он придёт такой нарядный
В ёлках, в золотых огнях.
Засыпай мой ненаглядный,
Завтра мы пойдёт гулять.

Разрумянит щеки ветер,
С горки скатимся стремглав.
Ты прекрасней всех на свете,
Завтра будет день забав.

ПРОДЕЛКИ ЗЛОГО КРОКОДИЛА

Солнце злой крокодил проглотил,
И по скорой он в СКЛИФ угодил.

Солнце жарко желудок печёт,
И слюна вон из пасти течёт.

А недобрый хирург-Айболит
Пить таблетки ему не велит.

«Мы разрежем живот!» – приговаривает,
Страх вселяет и ужас наваливает.

И спастись решил крокодил,
Солнце жаркое освободил.

То-то радость ребятам-пострелятам
и зверятам!

Солнце снова светит ярко,
Стало солнечно и жарко.

СТАРУШКИ

Старушки-подружки
подарят друг дружке
Таблетки, микстуры
и всё для фигуры.

А после в кафешке
закажут пирожных
И прочих вкуснейших
сластей всевозможных.

Для внуков старушки
возьмут по ватрушке
И чаю попьют
из фарфоровой кружки.

И будут потом
вечера коротать
и встречу с подружкой
добром вспоминать.

РЫЖИЙ КОТЕНОК

Смешной и пушистый
котёнок-мурлышка.
Он дверь открывает
и мчится вприпрыжку.

Прищурив глаза
и прижав свои ушки,
удобно усаживается
на подушку.

«Хозяйка, опять тебя
друг твой обидел?
Не плачь, чтоб я слёз
твоих больше не видел!»

А мне вспоминается
взгляд твой холодный,
Чужой, потемневший,
как снег прошлогодний.

Котёнок глазёнками
круглыми водит,
Мурлыча, волшебную
песню заводит:

«Мы счастья, – поёт, –
наколдуем немножко.
Судьбу мы обманем,
она ведь не кошка».

Ах, маленький, толстенький
рыжий плутишка,
Судьба, хоть не кошка,
да друг мой – не мышка.

И как растопить
ледяное сердечко?
Угасла любовь.
Догорела, как свечка.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК

Солнца луч меня заметил,
Ярким зайчиком отметил:
«Поднимайся, не ленись!
Потянись и улыбнись».

Я, конечно, улыбнулась,
Очень сладко потянулась
И решила: полежу
И за солнцем послежу.

Луч меня не отпускает,
Он щекочет и сверкает,
Тормошит со всех сторон
И зовёт из дома вон.

Наконец-то, поднимаюсь,
Умываюсь, собираюсь
И из дома выхожу –
Я ведь с солнышком дружу!

КАКОГО ЦВЕТА СЧАСТЬЕ?

Какого цвета счастье?
Голубое?
Как небо,
безмятежное такое.

Иль розовое?
Будто на заре
Восходит солнце
в раннем октябре.

Зелёное?
Как травы на снегу?
Ах, я сказать
Вам это не могу.

Как снег в горах?
Холодный воздух чистый?
Глаз любящих взгляд
Ласковый, лучистый?

Оно, как море,
Свой меняет цвет.
А, может быть,
у счастья цвета нет?

ЗИМУШКА

Зимушка, зимушка,
зимушка-зима!
К нам сегодня зимушка
ты идешь сама.

В тёплой шубке собольей,
шапке меховой,
В серебре снежинок
по речке ледяной.

Щеки разрумянились,
и глаза блестят,
И подарков в сумочке
много для ребят.

Ёлочки наряжены,
свечи зажжены.
Все мечты сбываются,
как цветные сны.

Ты приносишь, Зимушка,
много для ребят
самых разных радостей:
лепишь снежных баб,

Весело играешь
с нами ты в снежки,
С нами надеваешь
лыжи и коньки.

Ну а с ярким солнышком –
приходом весны
Ты от нас уходишь
до будущей зимы.

ЗИМА

Словно в вальсе кружатся,
падая с небес,
Белые снежинки
на замёрзший лес.

Серебрится инеем
молодая ель.
Красоты такой ещё
не видал досель.

Вот утихнет ветер,
будет тишь да ладь.
На широкой речке
будет лёд сверкать.

С тройкой по дороге
пронестись бы мне,
Чтоб звенел, аж,
воздух в вышине!

ВОТ ЗИМА ОТМЕЛА

Вот зима отмела,
наступает весна.
«Я любовь принесла», –
говорит нам она.

Этот солнечный свет,
голубой небосклон
Счастьем, кажется мне,
полон он, полон он.

Не вернуться назад
холода и снега,
И печали уйдут
навсегда-навсегда.

И нахлынет стремглав
половодья вода.
Радость, счастья тепло
не уйдут никогда!

ОСЕННЕЕ

Когда наступят сумерки,
я выйду в тихий сад
И поброжу подольше там,
как много лет назад.

И тихо так, а с ясеня
спадёт осенний лист.
И хорошо, и грустно так,
а воздух свеж и чист.

А по небу лазурному
бежит как в речке рябь.
И поступью ажурною
к нам близится октябрь.

Погода грустная стоит
совсем по-пастернаковски.
«Дождинками унизана,
заплакана-закапана».

ПЕСНЯ КОТОВ ДЕВОЧКЕ МАШЕ, УЕХАВШЕЙ ЛЕТОМ В ЛАГЕРЬ

Маша, Маша, где же ты?
Горько плачут все коты.
Нас не кормят и не поят,
Лапы нам совсем не моют.

А когда вернешься ты,
То от радости коты,
Все коты и кошечки
Будут бить в ладошки.

ПРИНЦЕССА

Жила-была принцесса
в большом-большом дворце.
Хранила бриллианты
она в своём ларце.

Командовать любила
всем строем слуг своих.
Капризно говорила,
дерзила за двоих.

Учителям грубила,
небрежною была.
Училась лишь вполсилы,
Такие вот дела.

Не ведала принцесса,
Чтоб верным другом быть,
Заботиться о ближних
никак нельзя забыть.

Подружек не имела
она совсем-совсем
И грустно песни пела
не знаю, уж, зачем.

Помочь тому, кто слабый,
устал иль занемог,
Пусть даже он не просит,
чтоб ты ему помог.

И лишь, когда всё это
принцесса поняла,
со всеми подружиться
она тогда смогла.

Г А В А Й И

How are you, Hawaii?
Ну, как Вам живётся?
Всё так же о берег,
волна Ваша бьётся?

И песня поётся,
и музыка льётся,
Пляшущая чайка
над нами смеётся.

За рифы умчимся
на лодке с тобою,
И парус летит
над волной голубою.

И пальма под бризом
ветвями качает
И небо волшебным
закатом венчает.

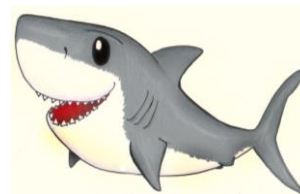

КОРМИТЬ НА ПЛЯЖЕ АКУЛ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

*Уместно привести цитату из
К.И. Чуковского, перефразировав его
строчки: «А огромный крокодил...
Взял его и проглотил!»*

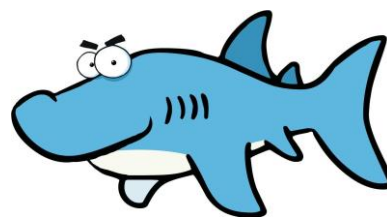
*На Гавайях туристов инструктируют, что нельзя
далеко заплывать в океан, купаться ночью и в мутной
воде, т.к. акула близко подходит к берегу. Но каждый год
бесшабашные туристы из России нарушают эти правила.*

Плывёт акула в океане
В уже сгустившемся тумане.
Уж солнце опустилось низко,
И пляжный берег очень близко.

А русский толстенький турист
идёт на риск.

Он всё на свете забывает,
О чём-то, о своём, мечтает.
К нему акула подплывает
И терпеливо выжидает.

А вкусный жирненький турист
издаст лишь писк.

Он с плеском на спину ложится,
Чтоб звёздным небом насладиться.
Ну, а акула размышляет,
Куда куснуть, всё выбирает.

Ах, этот глупенький турист
В мечтах о звёздах он завис.

Он ничего не замечает,
А рядом с ним плавник мелькает.
И острый хищника зубок,
Прикусит бок.

Ах, этот пьяненький турист,
Он же большой авантюрист.

Судьбу мы сами выбираем,
Когда рискуем и дерзаем,
А плаванье в ночной воде
Приводит только лишь к беде.

РАСПОРЯДОК ШКОЛЬНИКА

Утром надо мне вставать,
Заправлять мою кровать,
Одеваться, умываться,
Быстро в школу собираться.

Чтобы силы мне набраться,
Также нужно завтрак съесть,
И до школы чтоб добраться,
И за парту смирно сесть.

Ох, совсем забыл опять,
если только не проспать,
Физзарядку по утрам
Очень нужно выполнять.

От неё сильнее станешь,
И быстрее, и здоровей,
Днём подольше не устанешь,
станешь только ты бодрей.

После школы, так и знай,
Веселись и отдыхай,
если хочешь, поиграй,
и к «домашке» приступай.

Вечером совсем устал,
На диван без сил упал,
Ну, а завтра – снова школа,
не до игр, не до футбола.

УРОК ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Мы учили древних греков,
И Гомера, и про Троию.
Воевать они умели,
Только ведь – ломать не строить.

Но построили Акрополь,
Парфенон и всё такое.
И ходить умели строем,
Ну, и многое другое.

Жили боги на Олимпе,
Но спускались часто к людям.
А ещё герои были,
Подвиги их не забудем.

Нынче гвардия в помпонах,
шапочках и белых гольфах,
а оракулы вещали в древности
в великих Дельфах.

Привезли руно с Тавриды,
Победили Минотавра
И откушали ставриды,
Плавали до Гибралтара.

Нынче кризис, нынче вирус,
Греки ждут, что рассосётся,
А мгновенья убегают,
Что у нас ещё стрясётся?

Разрушается Акрополь,
Но плодоносят оливы,
А о бедах хватит охать,
Главное – что все мы живы!

Как и прежде Пенелопы
Ожидают Одиссеев.
Всё пройдет – не надо охать,
Оптимизм сейчас важнее.

БАЛЛАДА О ВРЕДНОЙ ЕДЕ

То пицца, то паста,
А нам бы котлетку,
да чаю стаканчик,
да с булкой конфетку.

А гамбургер с пепси,
И с фантой, и с колой,
Он чужд нам в душе,
А едим поневоле.

А суп со сметанкой,
Оладьи с вареньем –
Они не еда –
Они стихотворенье.

Круглеют бока,
Наливаются силой,
Откушаешь славно
И станешь верзилой.

ЗДОРОВЬЕ, СПОРТ, ИСКУССТВО (а сил нет)

Я кручу, кручу педали,
Нарезаю новый круг,
пусть медали мне не дали,
зато спорт – мой лучший друг.

Я сжигаю килограммы,
Нагоню их за столом,
А потом играю гаммы,
а ещё ведь мы поём!

Вечером я на спектакле –
Я заядлый театрал.
На балете ем в антракте,
Аппетит я нагулял.

Сил, однако, не хватает.
Я на опере уснул.
Вдохновенье улетает.
Может, просто взять отгул?

Отоспаться бы мне дома,
ведь я до смерти устал!
Та беда нам всем знакома –
Каждый день у нас аврал!

ГЕНА- КРОКОДИЛ

Жил-был Гена-крокодил,
Он по городу ходил,
был он добрый и хороший,
дружбу он с детьми водил.

И нашёл он в коробке
своё счастье:
Оно было глазасто и
ушасто.

Отвечал Гена людям
всем вокруг:
«Чебурашка – не зверь!
Он – мой друг!

И стучались все к Гене
в дверь.
Спрашивали:
«Чебурашка – что за зверь?»

И я буду его защищать,
Никому не дам его обижать!»
Так вот, Гена настоял на своём,
И теперь они дружат вдвоём.

Чебурашку по TV показали,
Его дети во всем мире узнали.
Во всем мире его полюбили.
Вместе с Геной дети с ним заружили.

ЩЕНОК

Вяли мы себе щенка,
ему налили молока.
Лапами залез он в миску,
Лужу сделал на полу,

Тапки сгрыз, облаял киску,
Мирно спит теперь в углу.

Утром станет он играть
и из школы меня ждать.
Растащив мои игрушки,
будет весело визжать.

А когда он подрастёт,
мы отправимся в поход.
Будем мы в палатке спать,
он нас будет охранять.

Станет пёс надёжным другом,
Это знает каждый!

Добрый и весёлый будет,
Да ещё отважный!

ЧИТАЕМ «МОЙДОДЫР» ДОМАШНИМ ПИТОМЦАМ

Я одна читаю книжки:

Нет сестрёнки,
Нет братишки,

Но зато, хоть есть питомцы:
Свинка, хомячок, котей –
С ними вместе веселей.

«Мойдодыр» я им читаю,
К чистоте их приучаю.

Кот спросил морскую свинку:
«Часто моешь свою спинку?»
«А ты – толстый хомячок
Не купаешь свой бочок?»

Свинка Муся не смолчала
И котейке отвечала:
И хотя морской зовусь я,
Но любой воды боюсь я!

Ну, а ты, Василий-кот,
Часто моешь свой живот?»

Возмутился Вася-котик:
«Чистый у меня животик!
Язычком я мою шубку,
Чистоплотен не на шутку!»

Спохватилась свинка Муся:
«А над вами не смеюсь я,
Я не против чистоты –
Без неё нет красоты.

Муся я, а не Федора,
С чистотою я не в ссоре.
И когда пойду ко сну,
Ванну, так и быть, приму!»

ЖИВОТНЫЕ-КИНОГЕРОИ

Из животных, кто снимается в кино,
Многие прославились давно.

Скажем, крошка-паучок-паучок,
Он в кино не новичок-новичок.

Человека-паука он сыграл,
И награды все за роль он собрал.

Или Гена-крокодил-крокодил
Все экраны исходил-исходил.

С Чебурашкой – они звёзды кино.
Во всём мире их знают давно.

И не каждый человек-человек
Без дублера может прыгать вниз – вверх.

Миллионы им совсем не дадут
Но детишки их любят и ждут.

ЛЕСНЫЕ КОРМУШКИ

Как студёно на дворе
в этом снежном декабре.
Мы повесили кормушки,
Чтоб насытились зверушки.

Мы кормушки навешаем,
птиц и белок угощаем.

Посмотри-ка – посмотри –
прилетели снегири!
А синицы, а синицы –
желтогрудые сестрицы.

Над кормушками снуют
и мелькают там и тут.

Заяц след петлёй оставил,
он тропинку пересёк.
Вот мелькнул и скрылся заяц,
Он умчался со всех «ног».

Белки прыгают по веткам,
чтоб найти орехов деткам
из кормушек от людей,
И назад в дупло скорей.

И хоть мы повеселились,
но немного утомились
И торопимся домой,
нагулялись мы с тобой!

В ТЕНЕЧКЕ

А я сижу в тенёчке,
в тенечке на пенёчке.
Зеленые листочки
На ветках шелестят.

Передо мною речка
вдоль нашего местечка,
красивые цветочки,
и четверо котят.

Сижу и тихо млею,
на солнце бронзовею.
Сижу я и люблюсь
угодьями окрест,

Красотами природы,
Прекрасною погодой,
отсутствием работы
и переменой мест.

Красивые цветочки
сплетаю я в веночки,
а как сплету, то в речку
веночки опущу

Сижу и хорошею,
Тихонько здоровею,
От счастья веселею,
И в город не хочу.

ПАСХА

Звонит звонарь, и неба синь
И воздух в клочья рвётся.
Заслышав этот звон душа
Ликует и смеётся.

Пасхальный звон летит с небес
И праздник возвещает.
И мама ставит куличи
И чаем угощает.

Оставим все свои труды,
Покоем насладимся.
Прочтём молитву «Отче наш»,
Душой возвеселимся.

Христос воскрес назло врагам,
На радость христианам.
И возвещает благовест
О Пасхе прихожанам.

ВЕЧЕРНИЙ ГОРОД

Ты видел вечерний город?
Как фонари убегают
В высокие кроны деревьев,
И там, в темноте, они тают.

Ты слышал вечерний город?
Глухой шагов стук о камень.
А в тёмном бархатном небе
Взметнулся неоновый пламень.

На башне пробило полночь.
На улице я да луна.
Не видно последних прохожих,
И тишина, тишина...

ЦВЕТА И ЧУВСТВА

Ты ощущал дух
голубого цвета?
Не приходилось?
Значит, не узнаешь,

Как будто в дом
ворвался с моря ветер,
И в высь летишь.
Ты это понимаешь?

А темнота тебя
пронзает жаром,
Чего-то смутного
ещё душа желает.

Взошла луна
и серебром, как мёдом,
рукою щедрой
воздух поливает.

СНЕГОПАД

С неба сыпать серебром,
Землю покрывать ковром.
На реках мостишь мосты –
Это можешь только ты.

Ярко блещет гладкий лёд,
А на нём детей народ.
Разрумянил им мороз
Всё лицо и даже нос.

Вот такая благодать!
Радость в сердце не унять.

БЕРЁЗА

Утром холодным
Белая берёза,
Серебром обсыпана,
Стынет от мороза.

Грустная, холодная,
Но такая близкая,
Тоненькая, стройная,
И совсем не низкая.

Кажется, погибла
И совсем пропала,
Но она живая,
Лишь белее стала.

Падают снежинка
На ветви берёзы,
И ещё сильнее
Всё трещат морозы.

А весною ясной
Ты зелёной станешь,
К солнышку погреться
Веточки протянешь.

Осенью унылой
Облетят листочки,
И будут всю зиму
Серебриться почки.

НЕБО

Небо вздумало упасть,
С неба, с неба, с неба
Сверху падают, кружась,
Тучи снега, снега.

Этот вихрь будто весна
Обсыпает с вишен
И цветки, и лепестки –
Всё летит на крыши.

Полной грудью я душу
Вихрем тем морозным.
Этот час да в снегопад
Кажется мне звёздным.

ТИХАЯ ОСЕНЬ

Такая тихая осень,
что хочется
Идти и идти по улицам,
А в сердце точится
Щемлящая грусть.

И листья жёлтые падают
С таким хрустящим
шорохом,
Их сваливают ворохом,
Их топчут, ну, и пусть.

Такое небо синее, что хочется
Рукой его погладить,
Щекой тереться ласково.
А надо ли?
Судить я не берусь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, бабье лето, бабье лето,
Вслед за летним к нам пришло
за ярким светом.
И прогнало птиц в страны дальние,
подарило нам цветы, цветы печальные.

Бабье лето, бабье лето, бабье лето,
Сенокосы от рассвета до рассвета,
Пахнет сеном, пахнет хлебом,
пахнет травами,
Сенокосами и дубравами.

Бабье лето, бабье лето, бабье лето,
Ты заплакало дождями – песня спета,
И ушло, по лужам громко шлепая,
Вслед за птицами ушло в страны далекие.

ПОЖЕЛАНИЕ

*Это пожелание счастья и добра
хотелось бы сделать и детям,
и их родителям, и бабушкам,
и дедушкам.*

Мы приходим ненадолго,
Ненадолго мы приходим.
В жизни счастье мы находим,
А бывает – не находим.

Полной грудью дышим жизнью,
И рассеются ненастья.
У судьбы удачи просим,
Просим славы, просим счастья.

Мы приходим ненадолго,
Жизнь летит в одно мгновенье.
Пусть минуют Вас невзгоды!

Счастья Вам и вдохновенья!

Часть II

Рубан Л.С. РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ И ЖИВОТНЫХ

МАШУНЯ И МЫШУНЯ

В этом замечательном доме всегда было тепло, тихо и очень уютно. Родители каждый день, кроме выходных, уходили на работу, и девочка Маша (её все звали ласково: «Машуня») оставалась дома со старенькой бабушкой, которая, если

не вязала носок или свитер, мирно дремала в кресле.

Но однажды в норке за плитусом на кухне поселилась мама-мышь и её дочка Мышуня. Мышка-малышка была очень любопытной и любознательной. Она любила везде совать свой маленький носик. И как-то она собралась с духом, и, набравшись храбрости, выбралась из норки. Мышуня бежала по кухне, хотя мама ей это категорически запрещала, но мамы рядом в тот момент не было. Она куда-то отлучилась по своим мышинным делам.

Комната была такой тёплой, светлой, наполненной солнцем. Она показалась Мышуне огромной-преогромной, а на полу в углу (о, чудо!) стоял двухэтажный розовый игрушечный домик со всей обстановкой. В нём сидели куколочки, а перед ними – маленькая чашечка с угощеньем. Лакомство так сладко пахло, а домик и его обитательницы были такими красивыми, что Мышуне захотелось рассмотреть их поближе, да и полакомиться угощеньем тоже не мешало бы.

Мышуня быстро-быстро побежала вперед. Она так спешила, что не заметила бабушку в кресле и стоявшую возле неё Машуню, но

главное – она не заметила невысокую скамеечку с мягким пуфиком, на котором сидели кошка Мурра и её муж – кот Василий.

Мышуня вприпрыжку бежала, предвкушая столько разных удовольствий сразу, но тут огромный рыжий Василий бросился за ней, и Мышуня поняла, что ей не спастись, но всё равно продолжала бежать вперёд. Это увидела девочка Маша и громко закричала:

– Ой, мамочка-мама!» – и горько заплакала.

Но не этот крик отчаяния остановил Василия. Кошка Мурра негромко сказала мужу:

– Василий, ну-ка, иди сюда быстро.

Ослушаться жену кот ну никак не мог. Он шумно затормозил на полу, а тем временем Мышуня юркнула в кукольный домик и прижалась к кукле в голубом платье. Мышуня вся дрожала, а её маленькое сердечко колотилось так сильно, что, казалось, оно вот-вот выскочит из груди. Постепенно Мышуня отдышалась, прислушалась и услышала, что говорит кошка Мурра своему мужу:

– Ну, ты даёшь, Василий! И зачем тебе нужен этот жалкий маленький мышонок? Ты что, голодный? Или тебя дома не кормят? Погляди на Машуню – ведь до слёз ребёнка довёл. А если бы ты мышку поймал и схватил, Маша такое уж точно не пережила бы. Нет, Вася, ты это брось! Не смей мышонка трогать. Это я тебе приказываю строго-настрого!

Услышав это, Мышуня поняла, что она не только спасена, но теперь может безнаказанно выходить из норки, когда захочет, и играть в прекрасном кукольном домике. От радости она совсем осмелела и подошла к чашечке с угощением.

Козинаки с кунжутом были такие сладкие и вкусные. Ничего подобного в своей жизни Мышуня никогда ещё не пробовала. Она с

хрустом грызла козинак и даже зажмурилась от удовольствия, а когда открыла глазки, то увидела неподалеку девочку Машу и услышала:

– Ешь, мышка, ешь и ничего не бойся. Тебя здесь никто не тронет и никогда не обидит!»

Это было счастье! И не только потому, что угощение такое вкусное. Мышуне очень-очень повезло – она нашла настоящего друга – большого, сильного, ласкового и заботливого.

С того самого дня Мышуня стала приходить днём к Машуне в гости. Они весело играли в куклы в игрушечном домике, а Маша всегда угощала свою новую серую подружку чем-нибудь вкусненьким.

На Новый год под нарядно украшенной ёлкой они вместе разбирали подарки. Это было так увлекательно! А летом Маша стала готовиться к поступлению в школу в первый класс, и они вместе учили буквы. Мышуня очень старалась, она не хотела отставать в уроках от своей подруги и даже выучила четыре буквы. Теперь Мышуня точно знала, что она – **М Ы Ш Ъ!**

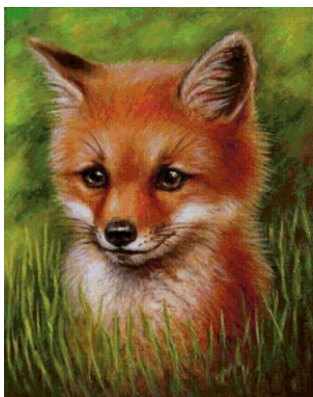

Лето пролетело быстро, и 1 сентября вся семья торжественно проводила Машуню с букетом цветов в школу. Мышуня помахала ей в след из норки лапкой и задумалась: прошёл год – она теперь совсем взрослая мышь. Вчера её мама-мышь познакомила Мышуню с очень большим и сильным Мыш Ивановичем, и завтра Мышуня переезжает к нему в норку. Что ж, детство закончилось, но она обязательно будет навещать свою замечательную подружку Машуню, ведь

дружба – это же на всю жизнь!

ПАТРИКЕЕВНА

Весна в этом году выдалась холодной и мокрой, а начавшееся (по календарю) лето не было жарким, да и вообще теплом особо нас не баловало.

Молодой лисе Патрикеевне два дня подряд не везло – она не могла найти никакой еды и оттого немного ослабела. Есть очень хотелось, причём все сильнее и сильнее. И Патрикеевна решила рискнуть и пойти в деревню. Уж там-то есть какая-нибудь еда! Но на задах деревни ей опять не повезло: большая стая злобных собак учуяла её и бросилась следом. Лиса убегала изо всех сил, но они были уже на исходе.

Собаки приближались, и расстояние между ними и Патрикеевной постепенно сокращалось. Псы разделились на две стаи, одна из которых отрезала Патрикеевне дорогу в лес. Теперь ей можно было бежать только вперёд. Патрикеевна припустила из последних сил и выбежала на берег реки. Деваться ей было уже некуда – сзади приближались собаки с оскаленными мордами, а впереди вода.

И тогда Патрикеевна решилась – она прыгнула в уже отчалившую надувную лодку, а собаки остались на берегу и злобно лаяли.

Мужчина в лодке удивлённо посмотрел на Патрикеевну, покачал головой и снова взялся за весла. Он догрёб до противоположного берега, привязал лодку к старой иве на берегу тихой заводи, достал снасти и начал лов.

Рыба сразу стала клевать, видимо, была заранее прикормлена, но шла пока только мелкая рыбёшка. И мужчина снимал её с крючка и бросал Патрикеевне. Лиса, прижав рыбку лапой, дожидалась, когда та перестанет трепыхаться, и начинала есть. Скоро Патрикеевна насытилась и задремала, но чутко прислушивалась к тому, что делает рыбак. Она его уже не боялась, но ещё не знала, можно ли ему доверять и не опасен ли он для неё?

Мужчина закончил рыбалку, достал из воды привязанную сетку с живой рыбой (Патрикеевна отметила взглядом, что это были крупные жирные карпы и плотва), развернул лодку и погрёб назад. Доплыв до берега, он выгрузил вещи, подождал, когда выпрыгнет на берег Патрикеевна, вытащил лодку из воды и начал спускать из неё воздух. Сложив лодку, он надел тяжёлый рюкзак на плечи и пошел к стоявшей вдалеке машине. Патрикеевна осторожно шла за ним следом на небольшом расстоянии. Мужчина погрузил вещи в багажник и, открыв заднюю дверцу машины, спросил лису:

– Ну, ты как? Поедешь со мной? Или боишься? А если снова собаки?

И Патрикеевна снова рискнула. Она быстро запрыгнула в машину и притихла в ожидании: что же дальше будет? Ждать почти не пришлось, так как машина ехала недолго и остановилась у последнего дома дачного посёлка на опушке леса, того самого, где и жила всю жизнь Патрикеевна.

Мужчина вышел из машины, открыл ворота и въехал во двор.

– Ну, что ж, выходи, Патрикеевна, – сказал он, открывая дверцу, – приехали.

Патрикеевна осторожно вышла из машины и огляделась. Двор был большой и ухоженный: ровные ряды грядок с помидорами и огурцами, уже зацвела малина, краснела ранняя клубника. Под развесистой яблоней сидел большой серый кот и с интересом и совсем без страха (он же у себя дома, значит – хозяин) смотрел на лису.

Мужчина пошёл в дом. Кот бежал следом за ним, коротко мяукая, видно, докладывая новости за день хозяину. Патрикеевна осторожно поднялась на крыльцо и присела. Она уже не боялась, ведь во дворе собак не было, а от улицы ограждал крепкий забор, за которым был лес, её родной лес, который она очень хорошо знала.

Мужчина вышел на крыльцо с эмалированным тазиком, в котором лежала вымытая рыба, и начал её чистить и потрошить. Кот сидел рядом. Он не обращал внимания на рыби потроха, которые хозяин сложил горкой на кулке, а Патрикеевна подошла и не спеша откушала.

– Пойдёмте уху варить, – позвал мужчину животных и пошёл к летней кухне. Кот остался на крыльце, только запрыгнул на перила, на них ещё падал солнечный свет, и было тепло, а Патрикеевна пошла следом за мужчиной. Она села под лавкой и стала ждать продолжения.

Мужчина сноровисто развёл огонь в печке, поставил кастрюлю, начал чистить картошку, лук и морковь. Скоро уха закипела, пошёл дивный рыбный дух. Патрикеевна, хоть уже не была голодна, сглотнула слюнки. Пришёл кот, стал тереться о ноги хозяина.

– Кузя, ты же человеческую еду не ешь, – сказал ему мужчина и положил коту в миску кошачьего корма, но кот только возмущённо потряс лапами и есть не стал. Хозяин пододвинул миску лисе, и та деликатно съела. Затем мужчина налил ухи себе и коту с лисой. Сел есть, а миски для зверей остывали.

И вот перед Патрикеевной невиданная еда, которая так вкусно пахнет. Они с котом лакали наперегонки, пока не насытились. Потом мужчина с котом ушли в дом, а лиса легла на тёплое местечко поближе к остывающей печке и уснула. И снился ей самый счастливый день беззаботного детства: лето, теплынь, рядом мама, и Патрикеевна играет её хвостом. Хорошо!

За две недели Патрикеевна отъелась и отоспалась в гостях, она стала упитанной, а огневая её шерстка красиво блестела и лоснилась. Но, несмотря на сытость и покой, она всё чаще поглядывала в сторону родного леса, тем более что там каждый день неподалёку мелькал её знакомый лис с белым пятном на грудке. Как-то он подошёл вплотную к калитке и тявкнул.

– Что, дружок твой тебя в лес зовёт? – спросил Патрикеевну мужчина. – Пойдёшь?

Патрикеевна потрусилась к калитке. Мужчина открыл ей и сказал:

– Если что – заходи. Я всё лето здесь буду, – и лисы побежали быстро к лесу. На опушке Патрикеевна остановилась, обернулась и подумала, что это славно – сытый и безопасный дом, но родной лес всё равно не отпускает, ведь здесь за опушкой начинается

С В О Б О Д А !

ПОЛКАНЧИК И МЕТЁЛОЧКА

Я не помню, когда первый раз их увидела, может быть, две недели назад, а, можем быть, и три. Они пугливо остановились недалеко от детской площадки нашего дома и стали настороженно осматриваться.

Небольшая худенькая собачка с пушистым, как ковыль, хвостом (я назвала её сразу «Метёлочкой») была рыженькой, но не яркой, а её щенок, по-детски пухлый, похожий на шарик, был палево-коричневым с черными отметинами. Несмотря на малый возраст, его лапы уже были довольно крупными, что предвещало, что он вырастет в большую и сильную собаку.

Дворник Порфирыч, с утра поливавший деревья, посмотрел на собак, но прогонять не стал. Сказал:

– Они смирные, никого не укусят, только к щенку не подходите.

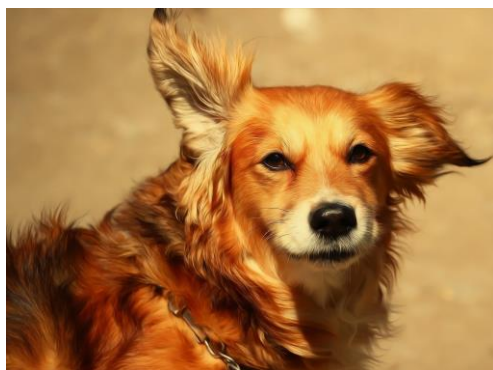
А нам как раз хотелось поиграть именно с щенком.

Я посмотрела просительно на сестру и спросила:

– Можно я с собачками поиграю? Я осторожно.

Сестра мне посоветовала:

– Сходи домой, возьми две котлетки и угости их, вот тогда и поиграешь. Они же голодные. Вон смотри, собачка – какая худенькая!

– Люда, – опять спросила я сестричку, – а если мы вместе попросим маму, она разрешит нам взять Полканчика (так я его уже для себя назвала)?

– Ну, ты даёшь! А как же его мама – она ведь плакать будет, скучать по нему. Если брать, то надо брать обоих, но двух собак мама не возьмёт, да и папа не разрешит. Так что лучше мы их кормить станем, когда они сюда приходить будут, – разумно заметила сестра, она была старше меня на три года, уже училась в третьем классе и многое в жизни понимала, поэтому я слушалась её безоговорочно.

Прошла неделя. Полканчик подрос. Мы с ним подружились, да и все ребята из нашего двора с ним охотно играли, но кормили собак только мы с Людой. Как-то вечером я увидела, как Метёлочка с сыном устраиваются на ночлег в уголке соседнего двора.

– Люда, – протянула я, – они же бездомные! Им жить негде!

– Не бездомные, а бродячие, – поправила меня Люда.

– Всё равно! Это ужасно! Как же они зимой жить на улице будут? Они же замёрзнут! – продолжала я.

– Я придумала, – сказала сестра. – Когда завтра приедут с дачи дедушка с бабушкой, мы их попросим, чтобы они взяли Метёлочку и Полканчика с собой на дачу в деревню. Так будет лучше, но только надо обязательно деда уговорить, а бабушка сразу согласится – она добрая.

Дело в том, что у нас была «тёплая» дача с отоплением и горячей водой. В этом доме можно было находиться круглый год, и бабушка с дедушкой с удовольствием там жили на свежем воздухе и в тишине. Дед посадил овощи и яблони, а бабушка разводила розы.

Когда на следующий день приехали дед с бабушкой, я лисой ходила безотрывно за ними следом. Бабушке я по секрету рассказала о нашей просьбе. Та покачала головой и сказала мне шёпотом, что дед, вряд ли, согласится. Трудно будет уговорить его.

Я стала подлизываться к деду. Спросила его: не забыл ли он, что скоро у меня день рожденья? Дед засмеялся и шепнул:

– Ну, лиса-патрикеевна, да не забыл я и уже купил тебе куклу, большую-пребольшую, как ты хотела. Что не рада-то?

А я сразу приуныла, второй подарок просить было неудобно, но всё же рискнула:

– Дедунь, я щеночка хочу маленького. Он во дворе живёт – такой хороший, весёлый и ничейный. Но в квартире ему неудобно будет. Может быть, возьмёте его на дачу, а я к вам приезжать буду и его навещать.

– Подумать надо, да и с бабушкой посоветоваться, – ответил, улыбаясь, дедушка.

– Дедунь, а бабушка уже согласна, – я была просто счастлива. – Только у Полканчика мама есть, и её тоже нужно на дачу взять, – я просительно посмотрела на деда, но тот сурово свёл брови на переносице и сказал:

– Ну, мы так не договаривались! Две собаки – это слишком.

Весь вечер я тихонько шмыгала носом. Сестра тоже загрустила, ведь такая удачная, казалось бы, затея не удалась.

Следующим утром дед загружал машину. Бабушка стояла рядом с нами и пыталась нас утешить. Метёлочка и Полканчик весело играли на площадке. Я не заметила, как прибежали мальчишки из соседнего двора и начали кидать камни в собак. Те отбежали, но спрятаться им было негде. Метёлочка заслонила Полканчика собой. Камень угодил ей в заднюю лапу. Она громко взвизгнула и заскулила от боли.

– Вы что же, хулиганье, делаете? – громко крикнул дед сорванцам и грозно направился в их сторону. Мальчишки быстро убежали.

Я подошла к Метёлочке и стала гладить её по голове. От жалости я заплакала. Сестра тоже всхлипывала.

Подошёл дед, подхватил одной рукой Метёлочку, другой – Полканчика и направился к машине. Потом обернулся к нам и сказал:

– Да не плачьте вы, сейчас в ветеринарку заедем, прививки собакам сделаем, заодно её лапку посмотрят. А вы к нам с бабушкой приезжайте, не забывайте.

Так мы стали владельцами сразу двух собак.

Прошёл год. На лето мы с сестрой уехали на дачу к дедушке и бабушке. Было тепло и солнечно. Наливались, пока еще зелёные яблоки на ветках яблонь, и благоухали розы, за которыми с такой любовью ухаживает бабушка.

По газону весело носились Полканчик с Метёлочкой. Собачка стала упитанной и спокойной. Она больше пугливо не озирается по сторонам, а Полканчик вырос, он теперь уже до колена деду, ведёт себя во дворе как хозяин и на чужих лает густым и низким басом. Собаки нас не забыли и радостно бросились навстречу, норовя лизнуть в лицо.

*Как хорошо, когда есть надежный тёплый дом,
где тебя любят и ждут родные люди, когда есть
друзья, на которых всегда можно положиться!*

ПОЧТАЛЬОН, ИСПОЛНЯЮЩИЙ ЖЕЛАНИЯ

Вася Солнышкин учился в десятом классе «Б» средней школы № 1477 с углублённым изучением литературы и русского языка, вернее – русского языка и литературы, а вечерами разносил почту, так как копил на мопед. Работа была не особенно тяжёлая, но требовала внимания. Нельзя было перепутать письма, газеты и журналы, иначе жильцы очень сердились и жаловались в отделение заведующей, но в вечерней разноске таких изданий было не так много, а платёжки и извещения Васе доставлять не давали.

Был он невысокого роста, рыжий, с зелёными глазами, а всё его лицо было усыпано веснушками. В школе его прозвали Подсолнухом, и на это безобидное прозвище он не обижался.

Сегодня он как обычно разнёс почту и уже собирался идти домой, как его со скамейки возле дома окликнула маленькая девочка лет пяти. Она спросила:

– Дядя, а в 18-ю квартиру для Лены Марковой ничего нет?

– В восемнадцатую? – переспросил Вася и ответил, – нет ничего.

Он бы и проскочил мимо, но его впервые в жизни назвали дядей. Обычно, когда его окликали, он слышал:

– Мальчик, юноша или парень, но дядя...

Девочка тяжело вздохнула, и на глаза её навернулись слезы.

– Ну, что ты? – постарался утешить её Вася, – письмо надо подождать.

– Я уже целый месяц жду, – ответила девочка, – с того самого дня, как мы сюда переехали с 12-й Парковой улицы.

– А кто должен написать? – спросил Вася, чтобы как-то поддержать разговор.

– Подружка моя – Таня Сизова. Она уже большая и писать умеет хорошо – во второй класс ходит, – продолжала объяснять девочка Лена.

– Что же ты ей не позвонишь? – спросил Вася.

– Да нам телефон пока не установили. Говорят, что линия перегружена. Целый месяц ждём. Пока не освободилась, – девочка опять грустно вздохнула.

Чтобы её отвлечь, Вася спросил:

– Ты ещё совсем маленькая, как же ты читать письмо будешь, ведь читать-то ещё, наверно, не умеешь?

– А мне мама прочитает, она хорошо читать умеет. Она мне на ночь каждый день сказку читает, каждый раз новую. Очень интересно, – улыбнулась Лена.

– Ты знаешь, – обнадёжил её Вася, – я на почте внимательно посмотрю, может быть, твоё письмо случайно затерялось среди других писем. Их там у нас очень много.

Он улыбнулся на прощание девочке и быстро побежал на почту, так как нужно было оформить один возврат из-за неправильно написанного адреса.

Прибежав в отделение, Вася, в первую очередь, попросил у девушки Гали из первого окна красивый конверт с цветочками и сердечками. Придя домой и поужинав, он отложил учебник в сторону, взял чистый лист бумаги и красиво написал:

«Здравствуй, Лена, извини, что я тебе не писала, но мы уезжали к бабушке в гости и только сегодня вернулись домой.

Как ты поживаешь на новом месте? Есть ли у тебя там подружки? Во что вы играете?

Я недавно смотрела в кино фильм «Бетховен» про собаку. Очень понравился. Я даже попросила папу купить мне такого же щенка, но папа сказал, что мне пока хватает хлопот с котёнком Мурзиком, и вряд ли, он будет дружить с собакой.

Не грусти, скоро привыкнешь и обживёшься на новом месте, подружишься с девочками и перестанешь скучать.

Да, чуть не забыла. Ответное письмо отдай лично в руки почтальону, а не бросай в ящик, тогда оно быстро дойдёт и не потеряется.

Твоя подружка Таня Сизова».

Вася положил письмо в карман почтальонской куртки, чтобы не забыть, когда будет собираться завтра второпях на работу, и с чувством выполненного долга пошел пить чай и смотреть футбол по телевизору.

На следующий день Вася после школы пообедал, быстро сделал уроки и побежал на работу. Возле подъезда 32-го дома его нетерпеливо ждала Лена Маркова. В её глазах стоял безмолвный вопрос, а спросить она боялась: вдруг опять ничего!

– Лена, танцуй, – ещё издали крикнул ей Вася и показал письмо. – Давай, я его тебе прочитаю, – предложил он девочке. Она согласно кивнула головой, а потом внимательно всё выслушала.

– Ой, как здорово! – сказала она обрадовано. – Таня меня не забыла и беспокоится, как я тут на новом месте. Она настоящая подружка! Мы с мамой напишем ей сегодня вечером письмо, и я вам его завтра передам. Спасибо вам большое!

Счастливая девочка побежала домой, прижимая к груди письмо, а Вася думал:

– Надо же, один маленький листочек бумаги может сделать человека счастливым. Как важно знать, что тебя помнят и не забыли.

Это так здорово – быть нужным людям!»

ВОЛШЕБНАЯ ЧАШКА

В детстве я очень не любила какао, даже «Золотой ярлык», и никто: ни бабушка, ни мама, ни сестра не могли уговорить меня выпить чашечку. Папа в такую чепуху не вмешивался. Он был занят серьезными делами. Но в один прекрасный день мама пришла из магазина с загадочным видом. У неё в руках была коробочка, перевязанная красивой ленточкой, а на коробочке было написано: «Волшебная чашка». Мама поставила её передо мной и сказала:

– Развязывай! Это тебе – подарок ко дню рождения.

Я развязала ленту, осторожно открыла коробочку и увидела белую фарфоровую чашку, но не маленькую и тонкую как яичная скорлупа, которую страшно взять в руки (из такой мама по утрам пьёт кофе), а основательную и, главное, с рисунком – золотой рыбкой (вуалехвост) с пышным хвостом. Рыбка внимательно смотрела на меня. Казалось, что она ждёт, когда же я начну загадывать желания.

– А почему она волшебная? – спросила я маму. – Что в ней такого особенного, чудесного?

Мама протянула мне напечатанную крупным шрифтом на бумаге инструкцию, в которой было написано: «Чашкой может обладать только очень хорошая девочка, умная, вежливая, послушная, некапризная, тогда чашка будет совершать чудеса и волшебство. Кроме того, все напитки, налитые в чашку, станут вкуснее и полезнее: и чай, и молоко, и сок, и компот, и кисель, и какао, но только самое лучшее «Золотой ярлык». После того, как девочка выпьет, скажем, чай из этой волшебной чашки, у неё все будет отлично получаться, в школе она станет получать одни пятёрки, у неё никогда не будет болеть горло, и вообще ей будет очень везти во всём. Чашку надо беречь, чисто мыть и осторожно с ней обращаться, чтобы она не разбилась. В конце стояло: «Приятного чаепития!»

– Начнём? – спросила меня мама, а сестра очень внимательно посмотрела на чашку и сказала:

– Я тоже хочу такую же чашку!

– Детка, – объяснила ей мама, – ты уже почти большая, а волшебные чашки покупают только очень маленьким девочкам. Мне налили чай в волшебную чашку и дали моё любимое печенье курабье. Чай был замечательный со вкусом малины и смородинового листа и ещё чего-то очень приятного, но незнакомого.

– Это вкус волшебства», – хихикнула сестрица.

– Что же ты инструкцию до конца не дочитала, – мама повернула листок другой стороной, и я увидела красные буквы: «Если девочка, которой подарили волшебную чашку, будет примерной, то она сможет раз в неделю загадывать заветное желание, и чашка его исполнит».

– Мама, а я уже примерная? – спросила я почему-то шёпотом.

– Ну, пока не совсем, ты ведь не пьёшь по утрам какао и не ешь булку с маслом, – напомнила мне мама.

– Жаль, – тяжело вздохнула я. – А мне так хотелось уже сейчас загадать чашке моё самое заветное желание.

– Всё-таки ты попробуй, – предложила мама. – Может быть, чашка тебе поверит, что ты будешь примерной, и выполнит твоё желание.

Я погладила ладошкой тёплый бок чашки и тихо сказала:

– Милая чашечка, я буду очень хорошей девочкой, завтра утром выпью из тебя какао и съем булку с маслом. Сделай, пожалуйста, так, чтобы мамочка разрешила мне взять котёночка. У соседской кошки родилось четыре котёнка, но этот – самый красивый и умный. Он мне так нравится, и я буду за ним сама ухаживать и играть с ним.

Потом мама отпустила меня с сестрой гулять. Когда через полтора часа мы вернулись довольные и румяные, в прихожей нас встретил маленький котёнок, который стал с нами играть, пока не устал и не уснул у меня на руках. Мы назвали его Пушком.

Утром в благодарность чашке за исполненное желание я выпила какао и съела булку с маслом, и они мне показались даже очень вкусными, ведь я пила какао из настоящей волшебной чашки. В школе мне сразу же повезло. На уроке рисования нужно было изобразить любимый предмет и рассказать его историю и за что ты его любишь. Я нарисовала мою любимую волшебную чашку с золотой рыбкой и рассказала историю про котёнка. Учительница поставила мне в дневник пятёрку и почему-то сказала:

– У тебя очень заботливая мама.

После уроков я зашла в гости к своей подруге Леночке, и она показала мне, пупса, которого привез ей из командировки папа: совсем как настоящего, в голубом костюмчике и с соской на ленточке.

– А у тебя есть такой? – спросила меня Лена.

– Пока нет, но я попрошу у волшебной чашки, – сказала я и быстро побежала домой. Бабушка поставила передо мной обед, и я без капризов всё съела, даже суп, а за чаем стала шептать чашке про пупса. Бабушка улыбнулась и напомнила мне:

– Только не забывай – ты должна быть примерной!

На следующий день на уроке чтения меня похвалили за выученное наизусть стихотворение и поставили пятёрку. Я уже предвкушала, как вечером буду играть с пупсом, но случилась беда. Вредная Ирка нагло взяла мой учебник и нарисовала ручкой Пушкину усы, а Лермонтову – рога. От такой подлости слёзы выступили у меня на глазах, и я треснула Ирку по голове испорченным учебником.

Учительница не стала разбираться, кто виноват, поставила меня в угол, взяла мой дневник, зачеркнула пятёрку и поставила двойку за поведение. Заливаясь слезами, я пришла домой и рассказала всё волшебной чашке, хотя и не надеялась, что она сможет помочь моему горю. Самым обидным было то, что наказание было несправедливым.

Вечером мы с сестрой пошли в спортзал на занятия гимнастикой. Я была так расстроена, что упала с бревна и расшибла коленку. Вот тут уж я не сдержала слёз и заревела в голос как рёвушка-коровушка. Заплаканная я вернулась домой, и первое, что увидела – это был прекрасный пупс в розовом костюмчике, его преданно охранял Пушок.

Я давно выросла. У меня есть маленькая дочка Машенька. И как-то, когда я разбирала посудный шкаф на кухне, увидела чашку с рыбкой и поняла, что её нужно подарить моей дочурке,

ведь у каждого ребёнка обязательно должна быть своя волшебная чашка!

КАРМЭН или мэн по имени КАР!

В конце мая стояла очень жаркая погода: солнце нещадно палило, не было ни ветерка, ни облачка на небе. Разомлевшие птицы с открытыми клювами лениво сидели в тени деревьев. Это была пара молодых ворон: КАР и ЛАРРА.

КАР предложил подруге взлететь повыше, может быть, там будет прохладнее в воздушных потоках. Но ЛАРРА только покачала головой, а он взлетел. Однако воздух был сильно разогрет. Даже в вышине было очень жарко, и КАР, спланировав на теньевую сторону здания, опустил на ограду балкона на шестнадцатом этаже.

Он отдышался и прислушался. Балконная дверь была открыта и из квартиры слышалась незнакомая ритмичная музыка, а затем красивый мужской голос запел:

У любви как у пташки крылья,
Её нельзя никак поймать.

Рефреном шло: **ЛЮБОВЬ! ЛЮБОВЬ!**

Это очень понравилось КАРу, особенно про крылья у пташки и про любовь, и он с удовольствием прослушал оперу до конца. Когда последние такты музыки смолкли, КАР не удержался и в восторге громко каркнул.

На этот звук из балконной двери вышел пожилой мужчина и, удивлённо взглянув на КАРа, спросил:

– Что, понравилось? Любишь музыку?

КАР утвердительно кивнул головой и взмахнул крыльями.

Мужчина понимающе улыбнулся:

– Догадываюсь, что тебе больше всего понравилось: «У любви как у пташки крылья».

КАР кивнул головой и утвердительно каркнул.

Мужчина весело засмеялся и негромко сказал:

– Что ж, давай знакомиться: меня зовут Юлиан Иннокентьевич, я преподаю мировую историю в Институте культуры. Можешь называть меня просто профессор. А как тебя зовут?

КАР представился:

– КАР! – он хотел добавить, что очень любит музыку и рад новому знакомству.

– Потрясающе, – ответил ему профессор. – Мэн по имени КАР, любящий «КАРМЭН»! Ты, наверно, хочешь пить? – и мужчина отправился в комнату за водичкой для птицы. Кроме мисочки с водой

он прихватил булочку с изюмом, чтобы побаловать ворона-меломана этим лакомством.

Пока профессор ходил за угощением, КАР успел слетать за ЛАРРОЙ, и теперь они смиренно сидели на ограде балкона.

– Твоя подруга? – спросил профессор, – и грустно добавил: а моя Клара Георгиевна нас покинула, так что остались мы одни с Тимофеем, – и профессор указал на сидящего на подоконнике большого белого с рыжими пятнами кота, недовольно смотревшего на ворон.

– Вы его не бойтесь. Он смирный, потому что очень ленивый, и вас не тронет.

Птицы напились воды и деликатно клевали кусочки булочки. Увидев большую изюмину, ЛАРРА вопросительно посмотрела на КАРА, а тот кивнул ей, что означало, ешь, я не хочу, и ЛАРРА с удовольствием ею полакомилась.

Потом профессор ещё раз поставил гостям так любимыи КАРУ отрывок. Вечерело. Лёгкий ветерок принёс прохладу. Начинало темнеть, и птицы, раскланявшись, улетели к себе в гнездо, которое располагалось с другой стороны дома на высоком раскидистом тополе.

Дом и его обитателей вороны знали хорошо. На четвёртом этаже жил владелец автосервиса Павлуша с женой и детьми. Он каждое утро выносил из дома объёмистый пакет с остатками еды и отдавал бабушке Кате с первого этажа, которая кормила кошек и голубей. Воронам тоже удавалось получить свою долю.

На седьмом жила вредная и сварливая тётка-парикмахерша Нюся, от которой неприятно пахло лаком и ещё чем-то химическо-косметическим. Если КАР или ЛАРРА случайно садились на ограду её балкона, она поднимала истошный крик и прогоняла их. Правда, ЛАРРА тоже была хороша, как-то раз, когда парикмахерша пила кофе на балконе и отлучилась, чтобы ответить на звонок телефона, ЛАРРОЧКА стащила у неё из чашки блестящую ложечку. Вот потом крику было.

На третьем этаже жила бабушка с девочкой Милочкой и вредной кошкой Фенечкой, которой под когтистую лапу лучше было не попадаться.

На пятом обитал хулиганистый рыжий мальчик-двоечник Вовка, который стрелял из рогатки по голубям.

На первом этаже жил дворник Ибрагим с семьёй. Ворон он гонял, хотя и не был злым, но однажды весной вредная парикмахерша пожаловалась ему, что ворона клюнула её в прическу, когда та шла домой, и потребовала, чтобы Ибрагим смыл вороньи гнёзда с деревьев из шланга.

Ибрагим резкой струёй учинил это разорение. Когда КАР прилетел, он увидел остатки гнёзд на земле, безутешных ворон-родителей, горевавших по погибшим деткам, и расстроенную и заплаканную ЛАРРОЧКУ.

КАР стал утешать свою подругу. Он говорил ей, что это счастье, что в гнезде не было ни яиц, ни птенчиков. И вообще это гнездо было очень старым и ему совсем не нравилось. Что они соорудят новое гнездо, лучше прежнего, но ЛАРРОЧКА была безутешна, ведь пропала вся её любимая коллекция красивых блестяшек, которую она собирала всю жизнь.

Тут КАР увидел, как недалеко у песочницы что-то блеснуло на солнце. Он подлетел и подхватил с земли маленькое детское колечко с ярким блестящим стёклышком, которое принёс ЛАРРЕ взамен утраты. Она улыбнулась, и мир был восстановлен.

Так они и жили. Иногда прилетали в гости к профессору послушать музыку. Но ЛАРРОЧКА не была меломанкой, и КАР подозревал, что в гости к Юлиану Иннокентьевичу она отправляется совсем не для того, чтобы послушать записи выступлений симфонических оркестров и опер. И на то у него были веские основания.

Однажды, когда они собирались в гости, ЛАРРА спросила его:

– А что сегодня будет?

– Как что, – удивленно ответил КАР. – Сегодня Моцарт! Помнишь увертюру к «Женитьбе Фигаро»?

– Я не о том, – ответила, потупившись, ЛАРРОЧКА. – Интересно, сегодня будет булочка или колбаска?

Быстро пролетело лето, прошла осень и наступила зима. Она выдалась на редкость теплой и мягкой, поэтому птицам больших проблем не доставила.

Если с едой было трудно, они прилетали на балкон к профессору, зная, что тот всегда их покормит. И всё равно КАР и ЛАРРА с нетерпением ждали весны.

Наступил март, но вдруг в середине месяца грянули сильные морозы с метелью и ледяным ветром. В первую ночь птицы очень замёрзли. Плохо было то, что им не удалось найти еды, и на вторые сутки они просто измучились, без еды и сна, так как боялись заснуть, чтобы не замёрзнуть.

КАР и ЛАРРА сидели в гнезде, тесно прижавшись друг к другу, но не могли согреться и понимали, что замерзают. Просящими глазами ЛАРРА поглядела на КАРА и повернулась в сторону дома профессора.

– Что ж, летим, – ответил он. – Другого выхода нет, да и метель ненадолго стихла.

ЛАРРА летела с трудом, еле поспевая за КАРОМ. Он пытался шутить, тихонько напевая:

– Погода подходящая,
Студёная, бодрящая!

Но потом и он приуныл. Когда они прилетели на балкон к профессору и сели на выступ окна, снова замело. Мороз усиливался.

Шторы на окне были задёрнуты, и КАР испугался, что их не увидят и не смогут помочь. ЛАРРА из последних сил стала стучать клювом в окно, но не очень сильно, чтобы не разбить стекло.

Юлиан Иннокентьевич сидел на диване под торшером и читал газеты. Он заметил, что Тимофей вдруг забеспокоился, спрыгнул с дивана, подбежал к окну и вспрыгнул на подоконник.

– Зря ты, Тима, там метель метёт, и ничего не видно, – сказал коту профессор.

Но Тимофей начал громко мяукать, подзывая к себе хозяина.

Юлиан Иннокентьевич нехотя встал с дивана и подошёл к окну. Он отдёрнул штору и вздрогнул: на выступе перед окном сидели заметённые снегом, замерзающие на холодном ветру птицы.

Профессор положил газеты на подоконник, согнав с него кота, открыл створку малой рамы и подхватил совсем обессиленную ЛАРРУ. Следом в комнату быстро впрыгнул КАР.

ЛАРРА так замёрзла, что не смогла даже сидеть. Её лапки подогнулись, и она упала на подоконник. КАР сидел рядом с ней, нежно вороша клювом пёрышки на её голове. ЛАРРА сразу даже не почувствовала тепла, она только поняла, что мучения закончились, и, обессиленная, провалилась в сон.

Профессор принёс птицам теплой водички. Тимофей тоже не сидел без дела. Он сбегал на кухню и притащил в зубах пакетик своего кошачьего корма, на ходу сердито ворча, что не колбасой же ворон кормить.

Профессор погладил кота по голове и сказал, что лучше замёрзшим птицам дать горячей пищи, и принёс мисочку с картошкой с овощами и мясом, которые остались от ужина.

КАР с удовольствием попил тёплой воды, поел, оставив половину угощения спящей ЛАРРЕ, и задремал. А ЛАРРЕ снилось лето. Было тепло, очень тепло. Не было ни вьюги, ни снега, ни мороза. Становилось жарко и захотелось пить.

ЛАРРА открыла глаза, увидела спящего КАРА, мисочки с водой и вкусной едой и с удовольствием напилась и наелась.

Птицы крепко спали всю ночь до самого утра. Их никто не беспокоил, так как Тимофея, который обычно ночевал в зале на диване, Юлиан Иннокентьевич от греха подальше взял с собой в спальню. Кот сердито мурчал, словно хотел спросить:

– Они что, теперь всегда у нас жить будут?

– Успокойся, Тимочка, – ласково гладил котофея хозяин, приговаривая, – ты же добрый котик и не хочешь, чтобы птички замёрзли.

– Птички! – сердито фыркнул кот. – Если клювом щёлкнут по лбу – мало не покажется. – Но постепенно успокоился и замурлыкал.

Утром он первым делом побежал навестить гостей и проследить, чтобы они не покидали подоконник.

Метель мела три дня, и всё это время птицы спасались от стужи у профессора в доме. Они отогрелись, наелись, а вечерами наслаждались музыкой, которую включал профессор.

– Ну, прямо санаторий, – шепнула КАРу ЛАРРА, – я бы всю жизнь так жила.

– Совесть надо иметь, – отвечал тот. – Вот метель стихнет, и домой – в гнездо полетим. Вон Тимофей следит, чтобы мы не загостились.

На следующий день погода чудесно изменилась: мороз спал, метель закончилась, потеплело. Небо стало синим-синим, как и положено весной. Ярко светило солнце, согревая стекла в окне. Птицы забеспокоились. Профессор накормил их и, распахнув раму, выпустил на волю.

КАР и ЛАРРА бодро взлетели и, рассекая крыльями воздух, взмыли в весеннее небо. Они были молоды, веселы и счастливы: жизнь продолжалась, наступила весна, и они точно знали,

**что нет ничего надежнее в трудную минуту,
чем помощь верного друга!**

ПУШИСТОЕ КОВАРСТВО

Скажем честно: коварство было не очень-то пушистое. Кошечка Фенечка была гладкошёрстной, чёрной с белым «жабо» на грудке и белыми носочками на передних лапках и гольфах – на задних.

Но коварство и вредность были ей очень даже свойственны. Она могла оцарапать ни за что ни про что своей когтистой лапкой или укусить, прогрызть на кухне пакеты, разодрать на стене обои, подрать когтями кресло или от души полазать по шторам, оставляя за собой заметные на ткани следы. Её журили, но не били и не наказывали. Хозяйки бабушка Катя и внучка Милочка только грустно переглядывались и вздыхали после очередной Фенечкиной шкоды, говоря:

– У неё было тяжёлое детство, это перенесённый стресс даёт себя знать. Может быть, обрастётся и со временем исправится.

Всё началось с несчастья: у соседской старой кошки – Фенечкиной мамы не было молока, и Фенечка должна была погибнуть от голода. Кошка это чувствовала и очень переживала, а котёнок слабо попискивал. Соседка не могла на это спокойно смотреть, она взяла крошку, вышла из квартиры и, увидев на площадке Милочку, протянула ей котёнка.

– Возьми, поиграй, – сказала она.

– А потом вам принести? – спросила девочка.

– Не надо, у кошки молока всё равно нет, – ответила соседка. – Можешь потом где-нибудь во дворе положить. – Ей было совсем не жалко Фенечку.

Милочка взяла котёнка и побежала домой.

– Бабушка, бабушка, – спросила она, – а почему у котика глазки закрыты? Он такой маленький, на ладошке умещается.

Бабушка Катя увидела двухдневного котёнка и пришла в ужас. Она спросила Милочку:

– Ты где взяла эту крошку?

Милочка честно ответила:

– Тётя Валя дала поиграть. Она почему-то сказала, что у их кошки нет молока.

Так начались в их семье большие хлопоты с маленькой кошечкой. Бабушка подогрела молочка и стала из пипетки кормить котёнка. Потом положила в коробочку впитывающую салфетку и поместила малышку туда, но Милочка в первый день проносила котёнка на руках, нежно прижимая его к себе. На ночь бабушка забрала котёнка в свою комнату, так как приходилось его кормить

молочком три-четыре раза, причём котёнок об этом напоминал звонким писком. Через шесть дней у котёнка открылись глазки. Они были голубые, младенческие.

Бабушка сказала:

– Ну, теперь надо придумать хорошее имя.

– Может быть, назовём его Мурзиком? – спросила Милочка.

– Что ты, – возразила бабушка. – Это же кошечка. Давай назовём её Фенечкой, как твою подружку из детского садика. Уж больно капризная она и вредненькая, как та девочка.

– Кошечка, наверно, по маме скучает, – сказала Милочка и предложила устроить Фенечке встречу с её мамой.

Она взяла котёнка и отправилась в гости к тёте Вале, которая встретила девочку совсем без энтузиазма, а, напротив, с опаской:

– Обратно котёнка не возьму, – категорично заявила она.

– Я на минуточку, – оправдывалась Милочка, – только кошке Фенечку покажу, чтобы она не беспокоилась и не переживала о дочке.

Но кошка котёнка не признала, хотя прошла всего одна неделя, да и Фенечка испугалась «чужого» незнакомого животного в чужой квартире, со страху забившись в рукав милочкиной кофточки.

Через две с половиной недели Фенечка научилась есть не только молоко, а ещё и детское мясное питание «Тёма», стала быстро расти и с азартом играть. Когда Фенечку привезли в ветеринарную клинику на осмотр, она исцарапала всех: и врача, и бабушку, и Милочку.

В душе маленькая кошечка была охотницей. Больше всего на свете Фенечка любила смотреть в окно на птичек, которые прилетали на карниз дома или садились на ограду балкона. Её ставшие жёлтыми (тигриными, как говорила бабушка Катя) глаза делались хищными, и она выпускала острые когти. Если бы не закрытые на защёлку окна, то птичкам бы несдобровать.

Милочкины родители были геологами, поэтому всё время находились в командировках. Сейчас они работали на Азовском море.

Папа заскочил в Москву на два дня по служебной надобности и решил забрать с собой Милочку на море, чтобы она поплавала и поела вдоволь фруктов. На прощанье Милочка прижала к себе Фенечку, поцеловала и сказала ей:

– Не скучай, я вернусь в августе. И главное – слушайся бабушку Катю.

Фенечка сначала не поняла, что Милочка уезжает. Она весело играла с её вещами, залазила в дорожную сумку, а потом утомилась и уснула на ковре, где играла. Когда Фенечка проснулась, Милочки нигде в квартире не было: ни в зале, ни на кухне, ни на балконе. Фенечка даже посмотрела в шкафу и под ванной, но девочка исчезла.

Котёнок загрустил и сел ждать хозяйку в прихожей, гордо решив, что виду не покажет, что скучает и ждёт девочку.

Вечером Фенечка даже не стала есть и печально пошла спать в спальню к бабушке Кате, и той показалось, что котёнок грустно вздохнул. Утром Фенечка загадала, что, когда она откроет глаза, увидит Милочку, ведь та исчезла, когда Фенечка уснула. Но девочки не было, и дни потянулись грустной чередой, даже птички не развлекали.

Когда котёнку исполнился месяц, бабушка начала приучать Фенечку к лотку, показывала, как надо грести лапками, но кошечка, то, резвясь, каталась и валялась в наполнителе, то, хулиганя, поднимала в лотке пыль столбом. Фенечка не была глупой, она всё понимала, но из вредности делала свои кошачьи дела возле лотка, чем доводила бабушку Катю до слёз.

Наступил конец августа. Стало прохладно. На деревьях появились первые жёлтые листочки, и однажды, когда Фенечка лениво играла с шариком на ниточке, в дверь позвонили, и на пороге появилась загорелая и подросшая Милочка.

Она поставила сумку на пол, осмотрелась и позвала:

– Фенечка, ты где? Милая, ты, наверно, по мне сильно скучала?

Фенечка обиженно сидела на диване, хотя ей хотелось броситься к Милочке и прижаться к ней.

Девочка подбежала к котёнку, подхватила на руки и стала нежно гладить мурлыку.

– Ни за что больше её никуда не отпущу, – подумала Фенечка и потерлась о щёку Милочки своей пушистой щекой.

Только сейчас кошечка поняла, как сильно она любит девочку, и даже удивилась, за что же Милочка и бабушка Катя её любят, такую своенравную и капризную?

В её маленькой голове мелькнула догадка, что

**ЛЮБЯТ НЕ ЗА ЧТО-ТО,
А ЛЮБЯТ ПОТОМУ, ЧТО ПРОСТО ТЕБЯ ЛЮБЯТ!**

ЧТО ОНИ О НАС ДУМАЮТ?

Близился конец августа. Скоро в школу, и прощай летняя вольница. Милочка уже успела рассказать всем своим подружкам, как хорошо было на море, а в Москве тепло уже заканчивалось, становилось прохладно.

Утром девочка сидела на диване и смотрела передачу о Московском зоопарке, как вдруг с экрана прозвучало приглашение посетить зверинец бесплатно в день открытых дверей.

Бабушка и Милочка заговорщически переглянулись и быстро стали собираться. Такую возможность они не могли упустить. Фенечка же забеспокоилась и забегала по комнате.

– Не нервничай зря, – сказала девочка кошечке. – Я никуда не уезжаю. Мы с бабушкой только пойдём зверушек посмотрим, а то, когда школа начнётся, особо не разгуляешься.

Они составили план, что хотят увидеть в первую очередь. Конечно же, обезьянок, белых медведей, тигров и камышовых котов, тем более что в 16.00 можно будет посмотреть, как их кормят.

И хотя посетителям зверей кормить нельзя, решили взять немного угощения: для обезьянок – конфеты горошек (у них ограждение сетчатое, так что можно будет горошинки пропулынуть незаметно), а для белого медвежонка – большой сливочный пломбир «48 копеек», для чего прихватили с собой маленькую сумку-холодильник. С пломбиром как с горошком номер не пройдёт, поэтому бабушка и внучка понимали, что придётся просить зрителя угостить медвежонка.

Хоть вход в День открытых дверей был бесплатным, всё равно посетителям нужно было взять билеты, поэтому двадцать минут пришлось отстоять в очереди в кассу. Но вот они прошли через турникет и отправились в левую часть зоопарка.

Сначала были выставлены большие клетки с попугаями, от маленьких разноцветных, шумных и суесящихся птиц, от которых рябило в глазах, до больших и важных. Так хотелось, чтобы они что-нибудь сказали, даже не обязательно умное, а просто чтобы что-то сказали. Но попугаи издавали резкие гортанные звуки, говорить же категорически не хотели.

Когда Милочка и бабушка уже прошли клетки с птицами, несколько попугаев переглянулись и ехидно хихикнули. Один из них сказал другому:

– Они думали, что мы сейчас с ними заговорим! Размечтались! Мы говорим только тогда, когда мы этого сами хотим.

Тот ответил:

– И вообще, ещё не известно, кто на кого здесь смотрит!

Следом была большая загородка с высоким домом, куда в открытую дверь беспрестанно входил и выходил жираф. Он задумчиво смотрел на посетителей и никак не мог понять, почему нельзя было сделать ступенчатый помост как в зарубежных зоопарках, чтобы зрители могли подняться на уровень его головы, заглянуть ему в глаза, улыбнуться и покормить вкусными веточками или фруктами.

За жирафом начинались вольеры с обезьянами, перед которыми кривлялись и дразнились дети и подростки. Некоторые макаки с осуждением смотрели на человеческих детёнышей, другие дразнились и гримасничали в ответ. Милочка с бабушкой внимательно осмотрели вольер. Их внимание привлекла обезьяна-мама с капризным дитятей. Милочка негромко свистнула, привлекая их внимание, а когда те к ней повернулись, выстрелила через сетку розовой конфетой-горошиной.

Обезьяний детёныш поймал конфету, счастливо улыбнулся и сунул розовый кружочек в рот. Его мамаша забеспокоилась, словно хотела сказать: «Ну, вот, опять всякую дрянь в рот тянет». В это время Милочка выстрелила голубой горошиной. Её поймала мама-обезьяна, понюхала и сунула себе в рот, причмокнула и счастливо улыбнулась, подумав: «Хорошая деточка-конфеточка!»

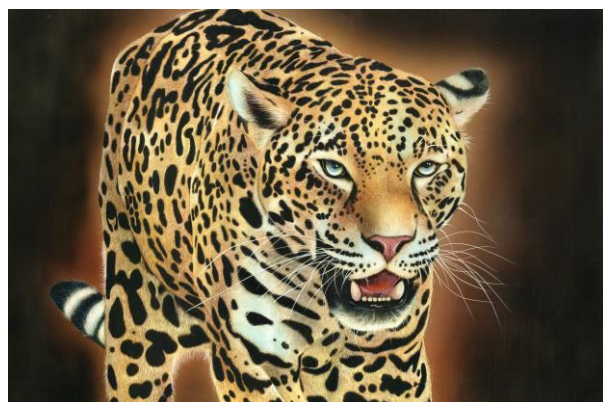

Её детёныш обиженно засопел и поднял возмущённый писк, который привлёк большую обезьяну – папу.

– Пойдём-ка дальше, – сказала Милочке бабушка, – мы потом к ним вернёмся, а то этот громила все конфеты слопает, а малышу ничего не достанется.

Следующей была тигриная вольера. Большой тигр спал в тенёчке, две тигрицы медленно и лениво ходили в разных концах загородки, но их янтарные, как у Фенечки, глаза были всё время настороже. У задней двери лежала молодая тигрица, напротив неё за решётчатой дверью сидела на корточках девушка-служительница и что-то ласковое говорила зверю, изредка поглаживая её по голове.

– Да, – сказала бабушка, – всем хочется тепла и ласки.

По соседству с тиграми был вольер пятнистого леопарда, который, не останавливаясь ни на минуту, ходил как заведённый в зад-вперёд по вольеру, изредка издавая грозный рык.

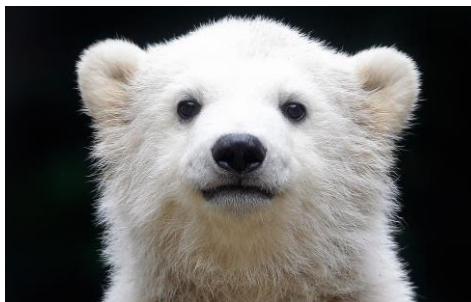
Леопард был пойман уже подростком и помнил, что такое свобода и вольная жизнь. Он наматывал километры по вольеру, как будто на самом деле готовился к побегу, а взгляд его говорил:

– Я убегу! Обязательно убегу! Я вырвусь на свободу!

От леопарда они пошли к белым медведям.

Толстая медведица мирно спала в тенёчке перед бассейном. Были видны её огромные когти – сантиметров десять. Не просыпаясь, она перевернулась с боку на бок. А медвежонок не находил себе места, постоянно вертелся. Ему очень хотелось поиграть, а было не с кем. Он скучно смотрел на посетителей. Он родился в зоопарке и людей не боялся, успел привыкнуть к зрителям, и жизнь на виду его совсем не тяготила.

Милочка заметила, что у задней двери медвежьей вольеры что-то делал служитель, и потянула к нему бабушку Катю. Мужчина возился с замком задней двери. Он отложил инструмент, вытер пот со лба и присел отдохнуть. Было жарко.

Бабушка вежливо обратилась к нему:

– Уважаемый, в такой жаркий денёк мы хотели бы угостить медвежонка мороженым. Оно в сумке-холодильнике. У нас есть чек, что оно куплено в Елисейском магазине сегодня утром. Мы даже одноразовые тарелки взяли, чтобы можно было на них положить угощение. Брикет нужно развернуть, – продолжала бабушка

убедительно и с достоинством, – разломить на два куска, чтобы мамаша убедилась, чем её малыша угощают и не беспокоилась за него.

Медвежонок заинтересовался и направился в сторону служителя.

– Умка, иди сюда быстрее: тебя хотят угостить вкусеньким, – сказал тот, подсовывая под дверь пластиковую тарелку с пломбиром.

Медведица моментально отреагировала, будто и не спала вовсе. Она быстро спустилась с возвышения и стремительно направилась к задней двери, опередив медвежонка. Служитель успел подсунуть под дверь вторую тарелку с пломбиром. Мохнатая мамаша подошла, понюхала мороженое и моментально слизнула его с тарелки.

В это время приковылял топтыжка. Он ринулся к тарелке и начал с удовольствием слизывать пломбир. Глаза его были зажмурены от удовольствия. Закончив есть, он вздохнул, глядел на Милочку и думал:

– Хорошая девочка! Я бы ещё съел мороженого! Очень вкусно!»

Мамаша внимательно наблюдала за этой сценой, а потом стала подгонять медвежонка назад к бассейну.

– А спасибо? – не удержалась Милочка.

Медведица повернулась и посмотрела на девочку. Нельзя сказать, чтобы взгляд её был доброжелательным.

– Что вы хотите? Это дикий зверь, а не игрушка! За медвежонка мать кого хочешь порвать может, – сказал служитель, а бабушка с Милочкой отправились к камышовым котам, так как начиналось их кормление, и две служительницы в резиновых сапогах, брезентовых костюмах и рукавицах принесли в клетку миски и стали накладывать в них курицу без костей.

Коты подошли к мискам и начали есть, а девушки подкладывали им еду. Одна девушка попыталась погладить кота, но тот ударил когтистой лапой по резиновому сапогу и зашипел, словно хотел сказать:

– Я вольный камышовый кот! В лесу я сейчас ел бы мышей, но меня не купить за вкусную курочку! Я не забыл, что такое свобода!»

Близился вечер. Стало прохладно. Милочка с бабушкой, усталые, но довольные, направились к выходу из зоопарка. У обезьяньих клеток они «расстреляли» макакам все конфеты-горошек и с чувством выполненного долга пошли к метро.

Дома их с нетерпением ждала Фенечка. Она тут же забралась на колени к Милочке и замурлыкала, как будто у неё внутри был моторчик. Девочка включила телевизор. Шёл мультфильм «Маугли». Милочка обняла Фенечку со словами:

– Ах ты, моя Багира!

С экрана улыбался мальчик в окружении зверей, которые говорили:

**МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ, ТЫ И Я!
НАМ ТОЖЕ БЫВАЕТ БОЛЬНО И ГРУСТНО,
А МЫ ХОТИМ БЫТЬ
ВЕСЁЛЫМИ И СЧАСТЛИВЫМИ!**

БЕЛОЧКА

Мне не нужно ездить на дачу, чтобы подышать свежим воздухом и полюбоваться цветами. Мне достаточно перейти через дорогу и войти в ворота Кузьминского парка (Усадьба Голицыных «Влахерное-Кузьминки»), а потом, не торопясь, идти по тропинкам вдоль зарослей малины и выглядывающей из травы земляники.

Солнце не печёт, на землю ложится нежная кружевная тень. Слышен щебет птиц, носятся, сверкая крыльями стрекозы, неспешно порхают бабочки, и слышно, как где-то вдалеке кукует кукушка.

От Кузьминских прудов исходит прохлада. Вниз по пруду движется паромчик «Мельник Кузьма». Играет лёгкая музыка. Парочки катаются на лодках. В водной глади видны кувшинки и лилии, а от лип слегка пахнет мёдом. Развесистые ивы склонились к воде, спасаясь от жарких лучей. Вокруг спокойствие и умиротворение, нарушаемое изредка позвякиванием звонка велосипедиста, проносящегося по дорожке вдоль пруда.

Роскошные клумбы изысканно украшены забавными фигурками, которые прячутся среди разноцветных цветов и декоративных трав. Кусты жасмина усыпаны цветами и стоят огромными пахучими белыми шарами. Хорошо!

Чёрные кованые грифоны зорко охраняют запертые ворота, ведущие к флигелям голицынской усадьбы. Барский дом не сохранился. На его месте высится пустующее кирпичное здание бывшей ветеринарной академии, а за ажурной металлической оградой расположен восстановленный реставраторами обширный прохладный грот, облицованный белым камнем и забранный решёткой.

Если хочется уединения и тишины, можно пройти в тенистые аллеи парка и посидеть на скамейке или на изумрудной травке в тени деревьев. Когда скамеек в парке ещё не было, я приходила на заросшую аллею перед аркой и садилась на бревно под изогнутой сосной. Мне надо было закончить книгу, и после того, как я распечатывала готовые главы, приходила в парк их вычитывать, а заодно любоваться природой и отдыхать. Прогуливающиеся по тропинке дамы здоровались со мной и интересовались:

– Ещё не дописала? Скоро книга будет готова? Когда её издадут?

Ближе к вечеру на велосипеде приезжала моя знакомая. Она привозила что-нибудь вкусненькое, мы лакомились и неторопливо беседовали. В зарослях молодых деревьев была повешена кормушка для белок. Доброхоты приносили семечки и орешки лесным кумушкам. Каждый вечер приходила белочка. Она садилась на край бревна, я негромко с ней разговаривала и угощала её. Белочка обычно была не голодна. Она сидела рядом и отдыхала со мной за компанию.

Однажды я заторопилась в парк и забыла взять ей угощение. И именно в тот раз белка была голодной.

– Извини, – сказала я ей уходя. – Так получилось.

Но белка прыгала по тропинке следом и дергала меня за брюки. В её взгляде был укор, обида и разочарование, казалось, что она хотела сказать:

– Что же ты обо мне забыла? Как же так получилось, что ты пришла с пустыми руками? А ведь я тебя ждала!

Проходящая мимо незнакомая девушка, увидев эту сцену, очень удивилась, что белка меня совсем не боится. Я объяснила ей, что забыла угощение для белочки, поэтому зверёк не доволен. Девушка открыла сумочку, достала из неё козинаки с кунжутом и протянула мне, чтобы я угостила белку. Белочка сначала понюхала незнакомое лакомство, затем попробовала, а потом быстро понесла добычу в своё

дупло, а девушка сказала, что теперь будет обязательно приносить что-нибудь вкусное для белки.

В тот раз, когда всё произошло, был тихий тёплый вечер. Мы с подругой сидели на бревне и беседовали, лакомясь мороженым. На ветке сосны над бревном сидела белочка. Она уже насытилась семечками, посидела рядом с нами и теперь отдыхала. Мы поглядывали на рыженькую зверушку, помахивавшую пушистым хвостом. Вдруг что-то большое и тёмное с силой рухнуло сверху вдоль ствола сосны, а затем, скользя вдоль дерева по касательной, спланировало у самой земли и унеслось в глубь парка.

Это была крупная сова. Она вышла на вечерний промысел. Хищница охотилась на белочку. Белка поняла, что чудом увернулась от острых когтей ночной птицы и избежала смерти. Потрясение маленького животного было так велико, что она спрыгнула с ветки на дорожку рядом с нами и громко и надрывно закричала.

Этот крик был полон ужаса и страха. Белочка выплеснула всё то тяжёлое, что накопилось в её жизни: как трудно, холодно и голодно в лесу зимой, когда нет ни орехов, ни ягод, а только опасности и беды от хищных птиц, как заунывно воет холодный ветер, неся колючий снег, как стая ворон напала на её подругу – молодую белочку, выклевала ей глаз и заклевала бы до смерти, но гуляющие люди отбили её от нападавших птиц.

Белка долго кричала, а мы стояли рядом с ней и старались её успокоить, говоря ей, какая она хорошая, что всё будет благополучно, что злая сова улетела и белочка спасена. Потом белочка успокоилась и замолчала. Уже смеркалось, и она попрыгала в своё дупло. А мы стояли потрясённые этим случаем и думали, что

***необходимо, чтобы в тяжёлую минуту
кто-то оказался рядом, утешил и успокоил,
высказал сочувствие.***

БИБЛИОНОЧЬ С КЛАССИКАМИ

Девушка Лена окончила Московский институт культуры, получила специальность библиографа и работала в библиотеке. Свою работу, библиотеку и книги она очень любила, прекрасно знала и русскую, и зарубежную литературу, могла дать дельный совет и помочь найти нужную книгу, за что её любили читатели. Ещё в библиотеке часто устраивали различные культурные мероприятия, в частности, в Библионочь поставили спектакль, посвящённый А.С. Пушкину и роману в стихах «Евгений Онегин». Совсем юные артисты рассказывали о произведениях поэта, задавали вопросы зрителям, в общем, очень старались.

Лена стояла среди стеллажей и с интересом смотрела спектакль. Отступив на шаг назад, она услышала чей-то негромкий голос:

– Дама, вы мне наступили на ногу.

Она обернулась и увидела смуглого кудрявого мужчину с бакенбардами в несовременном сюртуке.

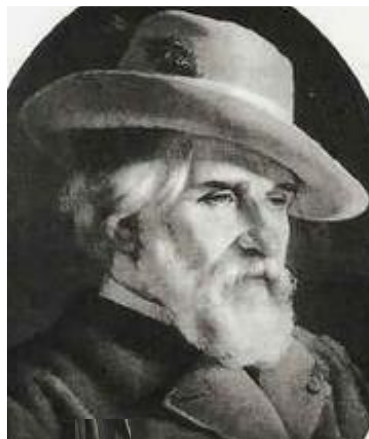
– Простите, пожалуйста, – извинилась она, а затем спросила удивлённо:

– Неужели это вы, Александр Сергеевич?

– Да, – ответил поэт. – Я к вам часто захоживаю. Хорошо тут у вас. Интересно. Книг много. Удивительно, что все на русском.

От стены раздался тихий шорох. Лена повернулась и увидела сидящую на диване элегантную даму и крупного седовласого мужчину.

Приглядевшись, девушка узнала в них Полину Виардо и Ивана Сергеевича Тургенева. Они подошли поздороваться и сказали, что идут смотреть музыкальный спектакль в малом зале, помахав рукой кому-то на балкончике второго этажа библиотеки.

Приглядевшись, Лена увидела там Николая Васильевича Гоголя, который вежливо с ней раскланялся. Он с интересом наблюдал за инсценировкой. По всему было видно, что спектакль ему нравится. Иногда он негромко смеялся.

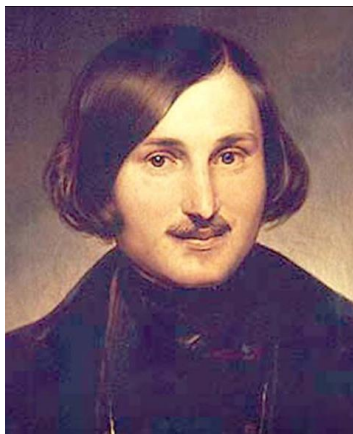
– Вот так чудеса, – подумала Лена, а сама спросила Пушкина:

– Вы к нам только на мероприятия или в обычные дни тоже приходите? И вас все видят?

Пушкин улыбнулся и охотно ответил:

– Я стараюсь приходить в ваше вечернее дежурство. Тихо, спокойно. Можно книги почитать, но меня никто не видит. Это мы сегодня решились к вам подойти и заговорить. Должны же быть чудеса в Библионочь.

– Ну, чудеса – это уже из моего репертуара, – сказал, подходя к ним, Николай Васильевич. – Кстати, а Вам что из моих книг больше нравится?

Лена, недолго думая, откровенно ответила:

– Когда хочется повеселиться, то перечитываю «Вечера на хуторе близ Диканьки», а если тянет на мистику, то «Вий». Мы в детстве друг друга пугали: «Хома! Хома! Ха-ха-ха!» – красивая, но страшная легенда.

– А у меня, что больше всего любите? – заинтересовался Пушкин.

Лена улыбнулась:

– «Евгения Онегина». Я поэтому в эту смену и вышла сегодня.

Набравшись храбрости, она спросила классиков:

– Раз уж сегодня волшебная библионочь, то, может быть, сотворите чудо: очень хочется хоть одним глазком заглянуть во вторую часть «Евгения Онегина» и второй том «Мёртвых душ». Интересно узнать, что стало с главными героями. Неужели рукописи сгорели? Ведь **рукописи не горят!!!**

– Ещё как горят, Леночка, причём безвозвратно, а что сделалось с главными героями, то сделалось, и так тому и быть, – разом грустно вздохнули классики. – Одно радостно, что читателей у вас много, и читают они не только развлекательную литературу, а и серьёзные вещи. Это очень отрадно.

Александр Сергеевич с гордостью продолжал:

– Я так удивился, что такие малыши знают, кому я посвятил «Евгения Онегина»?

Николай Васильевич не без ехидства поддел его:

– Лена, а нет ли тут какого подвоха? Ведь совсем ребята малые!

Библиотекарь кивнула и, рассмеявшись, подтвердила:

– Им перед спектаклем записочки с правильными ответами дали, но теперь они эти ответы никогда не забудут. Зато перед зрителями они так гордились своими знаниями.

Став серьёзной, Лена сказала классикам:

– Я вам тоже секрет открою. Там у соседнего стеллажа с гостями стоит профессор Рубан Лариса из Союза писателей, она написала книгу «Диалоги с Полиной Виардо», причём они с Полиной часто встречались в старом Музее Тургенева на Пречистенке и долго беседовали. Если хотите, я Вам дам её книгу почитать, там и о Вас много написано. Думаю, будет интересно.

Потом, когда спектакль закончился и гости разошлись, Лена села за свой рабочий стол в читальном зале, а классики расположились на диване. Девушка рассказа им, что прямо над ними в малом зале пианистка Валентина Лисица будет играть ноктюрны Шопена в первой части, а во второй – из Сергея Рахманинова и «Картинки с выставки» Мусоргского.

– А можно нам её послушать? – спросили с большим интересом Пушкин и Гоголь.

– Конечно, – заверила их Лена. – Когда все усядутся, я вас тихонечко проведу в зал. Там для библиотечных работников всегда два кресла оставляют.

Писатели ушли на концерт. Лена оглядела свою любимую библиотеку и поняла, что этот зал стал теперь и навсегда будет для неё волшебным местом.

*Когда любишь своё дело и стараешься
поделиться знаниями и радостью с окружающими,
чудеса случаются!*

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР НА ЗАКАТЕ

Вечером на закате по набережной реки Волги на велосипеде ехала старая волшебница Аделаида Петровна. За день она утомилась, так как совершила восемь чудес и сделала шестнадцать добрых дел, которыми была очень довольна, и неторопливо направлялась домой, где собиралась от души почаевничать с плюшками и любимым абрикосовым вареньем.

Впереди она заметила гордо шагающую свою соседку – рыженькую Киру, которая возвращалась из студии, где занималась ирландскими танцами. За Кирой понуро брёл её одноклассник Володька. Только что Кира его отчитала за то, что он ходит за ней, как пришитый.

Кира считала себя взрослой, а Володьку мальчишкой. Она была влюблена в Серёжу из второго подъезда, ему было уже 16 лет, и он учился в Мореходке, здание которой располагалось напротив астраханского Кремля на площади Ленина.

Володя выглядел таким несчастным, что Аделаида Петровна решила ему помочь. Она пристально посмотрела на Киру и негромко щёлкнула пальцами. Девочка остановилась, повернулась к Володке и с улыбкой сказала:

– Ну, раз уж ты здесь, сбегай за мороженым. Жарища невозможная. Только возьми мне эскимо, а я тебя на скамейке подожду.

Счастливым мальчик помчался к ларьку и мигом вернулся с мороженым. Он протянул его Кире и присел рядом с ней. Володя был бесконечно счастлив, ведь они сидели рядом, ели эскимо и разговаривали. Об этом ещё пять минут назад он и мечтать не мог.

А Кира с упоением рассказывала, какой у них хороший танцевальный коллектив (6 девочек и 5 мальчиков), кстати, она – солистка. Что со следующей недели они будут выступать перед зрителями в разных организациях города, об этом их руководитель договорился. Одна беда – сосед Серёжа на неё никакого внимания не обращает, когда приходит в увольнительную из Мореходки.

– А ты всё пилишь? – Кира кивнула на скрипичный футляр в руках Володи.

Мальчик утвердительно кивнул и решился пригласить Киру на воскресный концерт, который состоится на открытой сцене в Кремле. Ему в Музыкальном училище дали два билета.

– Я подумаю, – загадочно улыбнувшись, сказала Кира и даже разрешила проводить себя до дома.

В это время Аделаида Петровна уже подъехала к дому, закатила велосипед в подъезд и открыла квартиру. Она вскипятила чайник, достала из шкафа чашки и поставила на стол плюшки и варенье, когда раздался звонок в дверь – это вернулся со службы её внук Витюша, который был строевым командиром в Мореходном училище.

Он поцеловал бабушку и побежал мыть руки. Потом за чаем долго рассказывал обо всём, что произошло за день: о занятиях, маршировке, спортивном соревновании, которое он организовал, и о том, что их сосед Серёжа занял первое место по отжиманию.

Аделаида Петровна внимательно выслушала внука, а потом сказала:

– Спорт – это очень хорошо. Курсанты должны быть сильными и ловкими, но будущие морские офицеры должны быть ещё и культурными. Я понимаю, – продолжала она, – что на концерт симфонического оркестра или оперу современную молодёжь особо не заманишь, но ведь можно пригласить в училище современный танцевальный коллектив, к примеру, ирландских танцев?

Витя согласно кивнул, и Аделаида Петровна предложила связаться с руководителем ансамбля через солистку Киру, их соседку. Внук сказал, что доложит командиру, и они разошлись отдыхать по своим комнатам.

Курсант Серёжа в это время находился дома в увольнительной. Он ужинал с родителями и взахлёб рассказывал, какой замечательный спортивный праздник им сегодня устроило начальство, что их курс вышел из всех состязаний победителем, а он занял первое место по отжиманию от пола.

Мама с отцом радовались, что у них такой спортивный сын, который к тому же получает замечательную профессию и продолжит дело деда, бывшего в своё время морским офицером.

Кира же, сидя дома перед телевизором, предавалась мечтам. Ей грезилось, что Серёжа смотрит на неё восторженными глазами и вручает ей букет алых роз.

Уже засыпая, Аделаида Петровна подвела итоги за день и пожелала, чтобы у всех мечты сбылись в самое ближайшее время.

На следующий день, она позвонила в дверь Киры и попросила передать просьбу от Мореходки руководителю ансамбля выступить с концертом перед курсантами вечером в воскресенье.

Счастливая Кира вихрем помчалась в студию с этой потрясающей новостью. На обратном пути она столкнулась возле дома с Володькой и сообщила ему, что не сможет пойти с ним в Кремль на концерт, так как у неё в воскресный вечер выступление. Это известие так огорошило бедного парнишку, что он без сил опустился на скамейку перед домом. Ещё вчера вечером он был счастлив, строил планы на воскресенье, а теперь всё рушилось. Слёзы навернулись ему на глаза.

– Ты что, плачешь? – раздался рядом удивлённый голос его однокурсницы по Музыкальному училищу Танюши, которая с сочувствием смотрела на него.

– Опять с Киркой поссорился? – сказала она понимающе.

– Да, нет, – отмахнулся Володя. – Просто что-то в глаз попало.

– А я тебя искала, – продолжала девочка. – Ребята в группе говорят, у тебя есть второй билет на воскресный концерт в Кремле? Может быть, ты сможешь мне его дать? Уж очень хочется послушать питерских солистов. Они такие талантливые!

– Ладно, – сказал ей Володя, – послушаешь, раз уж очень хочешь. Только тогда дай мне списать алгебру, а то самому решать задание совсем времени нет, да и неохота.

Танюша тут же согласилась, и они с Володей расстались.

Неделя перед концертом пролетела быстро и незаметно, и вечером в воскресенье ансамбль ирландских танцев, в котором Кира танцевала, выступал перед курсантами Мореходного училища. Сережа сидел во втором ряду и внимательно смотрел на неё. Когда же Кира танцевала вместе с солистом Сашей, кстати сказать, очень красивым и талантливым юношей, ей показалось, что Сережа расстроено отводит в сторону глаза.

Но когда был её сольный танец, Кира видела, что он не сводит с неё восхищённых глаз, и поэтому танцевала великолепно и вдохновенно, ведь она танцевала специально для него.

После концерта к ней подошёл Серёжа и вручил букет алых роз, который ему дал командир Виктор Иванович. Кира была счастлива. Они с Серёжей пошли вместе домой, так как его увольнительная на выходные ещё не закончилась. Он нёс её сумку с костюмом и рассказывал о жизни в Мореходке. Кстати, он сказал Кире, что она здорово танцует, особенно хорошо, когда одна – без партнёра.

А в Кремле перед концертом Танюша протянула Володе тубик со средством от комаров и сказала:

– Ты лучше намажься, а то во время концерта хлопать себя по разным местам некрасиво будет, артистов с такта собьёшь.

После концерта они не торопясь шли вместе домой и делились восторженными впечатлениями от услышанного. Всё-таки питерские солисты – это школа высшего класса! Возле дома они столкнулись с Кирой и Серёжей, и тогда Володя очень даже порадовался, что он с Таней, а не один. Пусть Кира не думает, что он в тоске и печали рыдает по ней.

А Аделаида Петровна, дождавшись вечером внука, попросила его подкачать спустившееся переднее колесо у велосипеда, ведь завтра ей нужно всюду успеть и сделать столько важных дел.

Если вам очень грустно и слёзы наворачиваются на глаза, смахните их и не печальтесь, потому что

**КАЖДЫЙ ВЕЧЕР НА ЗАКАТЕ
ВАС ОБЯЗАТЕЛЬНО ЖДЁТ СЧАСТЬЕ!**

Кстати, быть волшебником совсем не трудно, а очень даже легко, нужно только иметь доброе, чуткое и отзывчивое сердце.

УНДИНА

ИЛИ БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ?

С Ленкой мы познакомились во время вступительного экзамена по немецкому языку в Литературный институт имени Горького. Я взяла билет и поняла, что смогу отвечать без подготовки, но тихо сидела и ждала, когда освободится понравившийся мне экзаменатор – красивый седовласый мужчина. Мне он показался добрым и симпатичным. Это потом я узнала, что мой тезка профессор Преображенский – самый строгий, его все студенты боятся.

Рядом со мной сидела девушка с ангельской внешностью: золотистые локоны свободно спадали на плечи, зелёные русалочьи глаза и нежная матовая кожа. Она повернулась ко мне и прошептала:

– Я пропала. Перевод...

– Давай текст, – сказала я тихо и быстро перевела ей весь лист.

Тут освободился «добрый» экзаменатор, и я быстро пошла отвечать, но какой же я была наивной! Он гонял меня, как сидорову козу: измучил грамматикой, особенно нелюбимым мною плюсквам-перфектом, долго допытывался, почему я поступаю к ним в Институт, расспрашивал, кто мои родители. Прослушав мой перевод, удивился:

– Перевод оригинальный и литературный, но ты его сделала без словаря. Это же сразу видно.

Потом, не дождавшись ответа, вздохнул, поставил мне пятёрку и отпустил, а сам поглядел на Ленку и позвал её:

– Ну, Ундина, иди держать ответ.

Она задрожала и беспомощно посмотрела на него, как кролик на удава. Тут я не выдержала и спросила:

– Можно я останусь послушать мою подружку? Она очень волнуется и вообще неразговорчивая.

– Что ж, оставайся, – сказал профессор и обратился к Ленке:

– Ангел чистый, что ты там написала? Покажи-ка.

Ленка протянула ему исписанный мной листок. Он посмотрел на текст с интересом и усмехнулся:

– И ты тоже без словаря обошлась?

Затем спросил меня:

– Твоя подруга также хорошо, как ты, владеет немецким языком?

– Даже лучше, – ответила я. – Слышали бы Вы как она «Лорелею» Гейне читает! И начала с чувством:

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten
Daß ich so traurig bin;
Ein Märchen aus alten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Ленка улыбнулась, сделала ангельское лицо и продолжила по-русски:

Не знаю, что стало со мною,
Печалью душа смущена,
Мне всё не даёт покоя
Старинная сказка одна.

Потом картинно опустила глаза и закончила одной фразой на немецком, которую только и успела запомнить:

– Ich weiß nicht...

– Ну, порадовали, – сказал профессор, – а то я уж совсем заскучал. А по какой теме будете специализироваться?

Я ответила, не задумываясь:

– Пушкин. «Бахчисарайский фонтан»:

Фонтан любви, фонтан живой!
И в то же время – фонтан слёз.

– А ты, Ангел? – спросил Преображенский Ленку.

Та потупилась и выдавила из себя:

– Ich weiß nicht...

– Она не скажет, – ответила я за Ленку. – Это её тайна. Она будет изучать творчество Александра Грина, а больше всего любит

«Бегущую по волнам». Знаете, какое она стихотворение романтическое написала? – и я прочитала:

Море – мужик-рабочий,
Камни оно ворочает.
Скалы крошит в гальку.
Есть в море много тайн.
Волны есть и чайки.
Есть и Фрези Грант.

Ты бежишь по воде легко
В золотых туфельках,
К острову заоблачному,
словно в тумане.
Наступает рассвет, и он
Исчезает вдали за волнами.

Ты спешишь до него добраться,
Но волна не оставит следов.
Ты бежишь,
чтоб найти этот остров-призрак,
Что скрывается в свете зорь.

Этот остров тебе пригрезился,
Но ты веришь в мечту,
И стремишься к заоблачной дали,
Потому, что такие, как ты,
Не нашли, но искали,
Искали!

Ленка смотрела на меня во все глаза, а Преображенский удивлённо сказал:

– Что ж, шероховато, зато талантливо и с чувством.

– Она стесняется, – продолжала я, – ведь Грин, как бы это сказать – не от мира сего.

Но тут не выдержала Ленка:

– Да уж, не от мира сего. Он очень даже хорошо мог приспособливаться к суровой действительности. Знаете, как он первый раз приехал в Петроград?

И продолжала взахлёб:

– Придя в писательскую организацию, он выбил себе паёк – килограмм крупы и пачку чая (и это в условиях разрухи и голода), разрешение и ордер на проживание в писательском доме, а также немного денег. На них он купил печку-буржуйку. По дороге в дом писателей он где-то оторвал доску от забора, которой печку-буржуйку

растопил, сварил себе кашу и вскипятил чай, а на стену повесил картину, оставшуюся от его прежней жизни.

На следующий день Грин пошёл в издательство, которое задолжало за рассказы, и потребовал, чтобы ему срочно выплатили сто рублей, угрожая, что иначе он от них не уйдёт. Это он велел секретарше, которая встретила его в приёмной, передать начальству. Издатель, наверно, подумал, что к ним пришёл буйный сумасшедший, и выдал ему сто рублей, на которые Грин купил золотые часики и подарил их приглянувшейся ему секретарше. Она и стала его женой.

– Вот вам и не от мира сего! – выпалила на одном дыхании Ленка.

Профессор Преображенский, любовавшийся покрасневшей от жаркой речи Ленкой, спрятал улыбку в усы и сказал:

– Успехов вам, девочки, и до встречи осенью.

Мы вышли из аудитории растерянные и счастливые. За дверью нас встретила Ленкина мама – Татьяна Евгеньевна, красивая сорокапятилетняя женщина с копной пшеничных волос, аккуратно уложенных в величественную корону. Она работала в Литинституте заведующей библиотекой.

– Ну как? – с беспокойством выдохнула она. – Троечка?

Ленка покачала головой и счастливо улыбнулась.

– А сколько? – недоумевала её мама. – Неужели четыре?

– Ты не поверишь, – торжествовала Ленка. – Пять!!!

– Не может быть, – не поверила Татьяна Евгеньевна. – Ты же немецкий язык совсем не знаешь!

Лена заливисто рассмеялась:

– Мам, чудо! Обыкновенное чудо! А вот и моя спасительница, которая перевела мне весь текст и уболтала самого профессора Преображенского!

– Ляля, – скромно представилась я. – Кстати, тоже Преображенская.

– Что ж, девочки, – сказала Татьяна Евгеньевна, – такой успех нужно достойно отметить! Я уже и торт заказала, так что едем домой и почаёвничаем!

Они жили в просторной трёхкомнатной квартире. Ленкин отец был полковником и командовал частью под Оренбургом, а жена с дочерью перебрались в Москву, чтобы Ленка смогла учиться в Институте.

Общежития в Литературном не было, и Ленкина мама предложила мне поселиться у них. Я тут же с радостью согласилась и

разместилась в зале на диване. В мои обязанности входило подгонять ленивую Ленку, подтягивать её по немецкому языку и всячески дисциплинировать.

С подругой мы никогда не ссорились, всюду ходили вместе, в институте нас даже считали сёстрами. После окончания первого курса предполагалась практика в литературных музеях. Ленкина мама выбила для меня Михайловское, и Ленка поехала со мной. Это было дивное время: просторы Псковщины, бескрайнее небо с пышными облаками, зелёными полями и садами, которые просто ломились от урожая яблок. Нас окружали старинные усадьбы, восстановленные после войны, и главное – была возможность общаться и слушать легендарного директора Михайловского Семёна Степановича Гейченко, писателей и поэтов, которые приезжали в музей.

Никогда не забуду Ленку, стоящую за мельницей на холме над рекой Соротью в широкой накидке, раскинувшую руки, как для полёта, и звонко кричащую на всю округу одну перефразированную пушкинскую строчку:

– На свете счастье есть,
И есть покой и воля!!!

Я попыталась её остановить и сказала, хохоча:

– Это неправда! С тобой никогда и никому покоя не будет!

На следующий год у нас выдалась практика в Крыму, но был только Бахчисарай, а Феодосии и музея Грина в списке не значилось. Ленка решила ехать со мной. Ей так же, как и мне, очень хотелось посмотреть Ханский дворец, Большую мечеть и Фонтан слёз.

Однако побездельничать у нас не получилось: по прибытии заведующая велела нам выучить за один день текст и водить экскурсии для туристов, чем мы и занимались две недели. Уставали с непривычки сильно, но зато смогли заработать немного денег, чтобы после практики остаться в Крыму и насладиться его волшебной красотой.

Покинув Бахчисарай, мы решили остановиться на морском побережье в Гаспре, чтобы отдохнуть и увидеть всё: дворцы, Ласточкино гнездо, Харакс, Ай-Тодорский маяк, который находится на самом высоком мысе на высоте 87 м. Рядом в парке растёт фисташковое дерево, которому больше 1000 лет.

Зеленоватый свет маяка в темноте просто волшебный. Он виден издалека. Маяк работающий, и на него не пускают, но можно насладиться прекрасным видом со скал. От Гаспры, когда море штормило, мы по Солнечной тропе доходили до Ливадии и любовались прекрасным белым дворцом.

Но больше всего нам с Ленкой нравилось уйти с утра пораньше на пляж и плавать в сверкающей на солнце воде, а потом сидеть в тени и много о чём разговаривать. Дело в том, что, ещё находясь в Бахчисарае, я поняла, что это не моё, и затосковала по гриновской романтике, особенно по «Бегущей по волнам». Ленка это сразу почувствовала. Она долго о чём-то думала и присматривалась ко мне. Как-то на пляже она, дурачась, прыгала на волнах в разлетающихся брызгах и кричала:

– Я не Дэзи, я не Фрези и не Биче Сениэль!!!

А потом с серьёзным лицом подседа ко мне и сказала:

– Я действительно не Дэзи, не Фрези и не Биче Сениэль. Это ты сама мне придумала тему дипломной тогда на экзамене. Я хочу её

тебе вернуть, так что сама занимайся Грином. Я же вижу, как ты смотришь, словно хочешь сказать, что несбывшееся зовёт тебя и ты слышишь его зов. А я возьму академку по семейным обстоятельствам, так как выхожу замуж за друга детства Сашку и уезжаю с ним в Германию, куда его переводят. Мне теперь, как я думаю, нужно будет на Ундинах и Лорелеях с валькириями специализироваться. Мама с отцом для меня работу там уже подыскали в библиотеке части.

Это было так неожиданно, и я была просто счастлива, ведь начинало сбываться несбывшееся.

Вечером перед отъездом мы сидели на берегу недалеко от маяка и с грустью смотрели на уходящий прогулочный катер с туристами. Денег было мало, и нам пришлось выбирать между морской поездкой и покупкой провизии для обратного пути. Выбрали прозу жизни.

Вдруг мы услышали:

– Эй, русалочки, что приуныли? Негоже таким красавицам грустить!

Перед нами стоял пожилой крепкий мужчина в тельняшке и фуражке-капитанке, работавший на маяке.

– Да вот, не удалось по морю вечером прокатиться, а завтра нам уже домой уезжать, – сказала Ленка.

– Так эту беду мы исправим, – ответил незнакомец. – Сейчас мой сват приедет на катере, и мы отправимся за кефалью к рыбакам, так что можете с нами поехать.

Было здорово: мы плыли вдоль побережья, наслаждаясь вечерней прохладой. Пока не стемнело, успели всё хорошо рассмотреть, и даже сделать фотографии на память, а на обратном пути полюбоваться вечерними огнями.

Через полтора суток мы вернулись поездом в Москву. На вокзале нас встречал Саша, Ленкин жених, что было очень кстати, так

как мы закупили дыню, помидор и большой арбуз в Джанкое. Всё это пошло на украшение свадебного стола, а Ленка была самой красивой невестой, в белом кружевном платье и воздушной фате. Через неделю молодые уехали в Германию.

Первое время я очень скучала без подруги и с нетерпением ждала её писем, но потом с головой ушла в учёбу и успешно закончила Институт, защитив диплом по теме: «Грёзы и реальность в прозе Александра Грина. Сочетание несочетаемого». За хорошее знание иностранных языков меня распределили в международный отдел Союза писателей СССР, а первой ответственной работой было сопровождение делегации из ГДР в Феодосию в музей Грина.

В Крым мы приехали под вечер. Я быстро разместила иностранцев в гостинице и после ужина побежала к морю. Солнце уже зашло. Темнота быстро спустилась на землю, а море загадочно мерцало. Я поплыла по лунной дорожке, и мне казалось, что впереди по волнам стремительно бежит лёгкая девичья фигурка, и раздаётся серебристый Ленкин русалочий смех.

Что ж, в юности мы полны сил и энергии, а главное – верим, что чудеса случаются и впереди нас ждёт счастье, безбрежное, как море.

Часть II

СКАЗКИ

ПТИЦА-НОЧЬ ПРИЛЕТАЕТ, КОГДА МЫ ЖДЁМ ЧУДА

Нет, это сказка не о грустной девочке, а о том, что нужно делать, чтобы на глазах ребёнка высохли слёзы и в них снова лучились бы солнечные зайчики.

Девочку звали Лина. Она жила с папой и мамой в большой квартире в большом доме в большом городе. Её мама пела в Городской опере, так как у неё был серебряный (ангельский) голос, поэтому девочку, её дочь, и называли Ангелиной, что означает – *дочь ангела*.

Папа был занят серьёзной работой. Он служил главным инженером на большом заводе и сильно уставал на работе, поэтому, когда приходил домой, то редко играл с Линой.

Обычно он целовал её в лоб перед сном, и это было всё их ежедневное общение. Ещё в доме жила строгая бонна Анна. Лина звала её Донна Анна, хотя та и не была испанкой. Девочке казалось, что Анна – самая главная в доме и что её побаиваются даже папа с мамой, ведь Анна имела

педагогическое образование и точно знала, как нужно воспитывать детей, то есть в строгости.

Утром Анна отводила Лину на музыку, так как мама решила, что в одной семье не может быть двух певиц, поэтому Лину учили играть на пианино, хотя ей этого совсем не хотелось. В первом классе музыкальной школы она учила гаммы, а они хоть у кого могут отбить охоту заниматься музыкой.

Что любила Лина больше всего на свете? Так это балет! Однажды, в один счастливый вечер, родители взяли её с собой в театр на балет Адана «Жизель», и Лина влюбилась на всю жизнь в прекрасных воздушных стройных девушек в белых пачках. Как они танцевали?! Ей сразу же захотелось стать балериной, а не долбить эти ужасные гаммы.

Лина сказала маме о своей мечте, но та ответила, что сначала нужно успешно закончить первый класс музыкальной школы, развить слух, а потом можно будет подумать о возможности заниматься балетом. Но Лина уже начала готовиться к балетной карьере. Каждое утро она вставала пораньше, становилась на цыпочки и зачарованно танцевала под воображаемую музыку, которую услышала в балете Адана «Жизель». Кроме того, она уговорила папу, и тот взял её и старшую кузину Ольгу на балет «Лебединое озеро», где Лина впервые в жизни увидела танец маленьких лебедей и поняла, что хочет так танцевать.

Потом папа водил их и на другие балетные спектакли, но больше всего, кроме «Жизели» (*ведь первую любовь нельзя забыть никогда*), Лине понравился «Щелкунчик», особенно увертюра к нему. Это было просто волшебство какое-то: чудесная музыка, падающий серебристый снег, и сладостное предвкушение праздников: Рождества и Нового года.

Но на спектакле было и страшно. Это когда Мышиный король вступил в бой с храбрым Щелкунчиком, но тот мужественно выдержал атаки вредной и коварной Мыши и победил врага.

В мечтах и во сне Лина уже видела себя то одним из маленьких лебедей, то девочкой Машей из Щелкунчика, танцующей на театральной сцене, и по утрам вместо зарядки пыталась танцевать их партии.

Прошёл год. Лина отлично сдала экзамены за первый класс музыкальной школы и уже предвкушала переход в балетную студию, но случилось ужасное: мама сказала, что при таких прекрасных музыкальных способностях и успехах нет смысла менять поле деятельности.

Лина была в отчаянии, ведь рушилась её самая заветная мечта!

На следующий день после занятий в музыкальной школе Лина и Анна гуляли в парке. Девочка заметила на площадке возле фонтана красивого белого голубя, который манерно танцевал перед голубкой.

Голубь так увлёкся ухаживаниями, что не заметил, как к нему подкрадывается большой рыжий кот.

Быть беде, если бы в эту ситуацию не вмешалась Лина. Она крикнула:

– Кот! – и звонко хлопнула в ладоши.

Голубь успел взлететь, но самое большое и красивое перо из его хвоста осталось в когтистой лапе.

Когда кот убежал, голубь вернулся и приземлился перед Линой. Он был не один, а со своей голубкой и ещё одним голубем. Тоже белым. Он так пристально смотрел на девочку, как будто хотел её поблагодарить и спросить о чём-то.

Лина достала из сумочки булочку с изюмом и стала мелко крошить её перед голубями. Они не нажились на лакомство, а деликатно клевали вкусные кусочки.

Между делом Лина рассказала птице о своей беде. Голубь внимательно выслушал её и решил поговорить об этой проблеме со своей знакомой волшебной Птицей-Ночь. Может быть, она сможет помочь этой доброй девочке?

Поклонившись Лине в благодарность за угощение, он улетел. Говорить по-человечески он не умел, поэтому промолчал и ничем Лину не обнадежил.

Ничего не сказав про голубя Анне, очень грустная Лина отправилась домой. Весь вечер она плакала, даже отказалась от пирога с малиной и сливками за ужином и рано ушла спать, но уснуть не могла. Она лежала с закрытыми глазами в своей постели и уже почти засыпала, когда что-то лёгкое и воздушное, как перышко,

коснулось её век. Лина тут же распахнула глаза и увидела нечто летящее, сверкающее и очень-очень красивое и таинственное.

Этот блестящий вихрь пересёк комнату и остановился в кресле, которое стояло в углу детской.

– Ой, – выдохнула Лина.

– Кто Вы? Как Вас зовут? – поспешно спросила она. Ещё не зная собеседника или собеседницу, она называла их на «Вы» (так обращаться к старшим её научила бонна Анна).

– Зови меня Птица-Ночь! – раздался серебряный тоненький голосок из кресла. Птица спросила девочку в свою очередь:

– Почему ты так горько плакала? Что случилось? В чём беда? Могу ли я чем-то тебе помочь?

И добавила:

– Я пролетала мимо, услышала, как ты всхлипываешь, и поспешила тебя утешить. Меня послал белый голубь, которого ты спасла сегодня в парке.

Лина рассказала Птице-Ночь о своём горе, и та предложила ей:

– Давай вместе думать, как нам решить эту сложную задачу. Мы обязательно найдём выход из положения, – и добавила, что тоже любит балет, а «Жизель» – её любимый спектакль. На прощанье Птица-Ночь сказала Лине, что полетит в сны её родителей и бонны Анны и постарается их подготовить к завтрашнему дню.

Утром бонна Анна снова повела Лину на занятия в музыкальную школу. Девочка была грустной, невнимательной, всё делала невпопад, за что получила много замечаний от строгой преподавательницы. Из-за невезения и обид Лина едва сдерживала слёзы.

Когда после занятий они вышли из музыкальной школы, бонна Анна спросила Лину:

– Почему ты второй день грустишь и плачешь? Ты ведь не больна, а здоровый ребёнок должен быть жизнерадостным, весёлым и энергичным! – Строгие глаза бонны Анны пристально смотрели на Лину.

– Я не заболела и даже не устала, – ответила ей Лина. – Если Вы разреши-те, мы зайдём в балетную студию, это здесь рядом, посмотреть, как красиво танцуют мальчики и девочки.

Там звучит такая чудесная музыка: Адан, Чайковский... Анна тоже любила Чайковского и согласилась пойти с Линой в балетную студию. Там действительно было красиво.

Девочки как раз репетировали танец маленьких лебедей. Лина смотрела на них как замороженная. Это не укрылось от учительницы танцев. Она подошла к девочке и спросила:

– Любишь балет?

– Очень! – с жаром ответила Лина.

– Тогда приходи к нам завтра на занятия, если мама разрешит, – предложила учительница и по-доброму улыбнулась, видя полный восторг Лины после её слов.

Домой девочка летела как на крыльях. Она так неслась, что в прихожей столкнулась с папой, который подхватил её на руки и закружил, приговаривая:

– О, моя маленькая принцесса! Ты не забыла, что у тебя в воскресенье день рожденья! Что ты хочешь в подарок, моя радость? – спросил он, улыбаясь.

Лина, не задумываясь, выпалила:

– Пуанты! Настоящие!

– Ты их действительно хочешь? – уточнил папа.

– Да! Да! Да! – затараторила девочка.

– Что ж, завтра – суббота, я свободен. С утра мы с тобой пойдем в магазин и купим их.

В субботу счастливая Лина, прижимающая к груди пуанты, упросила папу отвезти её в балетную студию на просмотр. Удача не оставляла её, и учительница танцев предложила папе приводить Лину на занятия, а он согласился.

По дороге домой Лина попросила папу держать в секрете её балетные упражнения.

– Если ничего не получится, мне будет стыдно перед мамой, – сказала она, и папа был с нею согласен. Он тихонько отдал указание

бонне Анне, чтобы та после занятий в музыкальной школе отводила Лину на балет.

Так у девочки началась новая жизнь. Было трудно: болели ноги, чтобы не набрать лишний вес, приходилось отказываться от сладкого и булочек, которые Лина очень любила, но она стойко переносила физические нагрузки и с упоением крутила фуэте. По ночам к ней изредка прилетала волшебная Птица-Ночь и поддерживала Лину в решении стать настоящей балериной.

Через год настал час триумфа юной балерины: торжественно приглашённые на концерт в балетную студию папа, мама и бонна Анна увидели счастливую Лину, танцующую вместе с другими девочками партию одного из маленьких лебедей.

– Что ж, – сказал счастливый папа, – теперь у нас в семье две примы: одна – оперная, а другая – балетная!

А белый голубь, пролетавший в это время мимо, подумал:

– Если очень верить в свою мечту и делать всё, чтобы она сбылась, всё обязательно получится!

СКАЗКА ПРО НОВУЮ ЗОЛУШКУ И ЕЁ ДОБРУЮ МАЧЕХУ

Вообще-то её зовут Ильза, а не мачеха. Мачехой она стала тогда, когда вышла замуж за дровосека из Тридесятого королевства, но расскажем все по порядку.

Жила-была в Тридевятом королевстве романтическая девушка по имени Ильза. Она любила рисовать цветы и другие растения, красиво вышивала крестиком подушечки и зачитывалась сказками Андерсена, особенно ей нравилась сказка о Розе. Жаль только, что конец у сказки был грустным.

Ещё Ильза пела в хоре и очень хорошо играла на клавишине.

Она была красива и нравилась многим молодым людям её круга, однако её сердечко раз и навсегда было отдано молодому королевскому Звездочёту: ведь это так романтично и интересно смотреть каждую ночь на Луну и звезды и узнавать по ним будущее.

Однако королевский Звездочёт был так увлечён небесными светилами, что больше ни на кого и ни на что не обращал внимания, и был холоден к Ильзе.

Она плакала по ночам в подушку и ждала, ждала, когда же он её наконец заметит, но время шло, а он её не замечал.

Когда Ильзе исполнилось 16 лет, она по настоянию своих родителей поступила в Королевский поэтический колледж и проучилась там целых два года. Однако в колледже ей было неинтересно: подружек Ильза там не завела, а учёба сводилась к подбору рифм вроде «роза – мимоза...», «солнце – в оконце...» для открыток, которые раздавали на королевских балах и приёмах.

Но всё, даже не очень хорошее и скучное, когда-нибудь кончается. Ильза завершила своё обучение в колледже и получила диплом на выпускном балу во дворце. Этот вечер стал поворотным событием в её жизни, так как там она встретила и познакомилась с королевским дровосеком, но не из их Тридевятого царства, а из соседнего – Тридесятого. За выдающиеся достижения в труде его прислали на ежегодный региональный съезд дровосеков по обмену опытом.

Дровосек Джозеф был высок, силён, красив, ослепительная улыбка не сходила с его лица. К тому же он не страдал комплексами и был очень общителен. Джо первый подошёл к Ильзе и спросил:

– Почему ты скучаешь? Разве тебе грустно на этом чудесном празднике? Я – Джо и хочу пригласить тебя на танец!

Сказав это, он закружил её в вальсе, а потом был ещё котильон, полька, полонез и даже рок-н-рол. Да, танцевать он умел и делал это с большим удовольствием, при этом Джо отпускал шуточки в адрес танцующих, но не злобные, а очень смешные, чем развеселил Ильзу, а когда во время рок-н-рола он подхватил её на руки и быстро закружил, то совсем покорила её сердце. Ещё бы: Джо не был похож на знакомых Ильзе парней из хороших семей, чопорных, слащавых, тонких рафинированных юношей, с которыми девушке было скучно.

Глядя на Джо, она думала:

– О, это настоящий мужчина, о котором можно мечтать всю жизнь, ждать и не дожидаться, а я встретила его и, кажется, ему очень понравилась.

После бала он проводил её домой, скромно поцеловал руку и спросил с надеждой:

– Мы ещё увидимся?

После этого они встречались каждый вечер в течение недели, во время которой проходил съезд по рубке дров. Ильза не успевала соскучиться за день, так как она была принята ко двору и стала самой юной фрейлиной королевы. Новая жизнь и фрейлинские обязанности были ей интересны, а впереди её, как думала Ильза, ждало безбрежное счастье.

Но счастливая неделя закончилась, и Джо начал собираться к себе домой в Тридешатое королевство. На прощальном вечере он пообещал Ильзе, что обязательно приедет снова и постарается, чтобы это случилось как можно скорее.

После его отъезда Ильза загрустила, даже несколько раз всплакнула украдкой, а потом написала стихи, которые посвятила Джо.

– Ты его романтизируешь, – сказала ей фрейлина королевы Анна, которая была старше её и с которой Ильза подружилась и по секрету поделилась с ней своим чувством, вызвавшим поэтическое вдохновение.

Анна учила её:

– Не забывай, что он старше тебя в два раза, хорошо знает жизнь, не испытывает иллюзий, а его дочь Золушка всего лишь на два года тебя младше. Вообще на мужчин надо смотреть проще, их потребности во многом довольно примитивны. Запомни: главное – их надо вкусно накормить, а потом – развлечь. С ними надо быть проще, я имею в виду дровосеков. Это тебе не звездочёты, которые витают в облаках.

Но Ильза пропустила её советы мимо ушей, она была влюблена, Джо казался ей необыкновенным, самым лучшим, самым сильным, самым смелым, ведь он даже не боялся диких зверей в лесу, а ещё он так хорошо танцевал...

Джо приехал через две недели. Он пришёл к родителям Ильзы, вручил подарки и торжественно попросил её руки. За вечерним чаем он рассказал о себе, что был женат, но жена умерла, и он теперь живет один с дочерью-подростком Золушкой, которой скоро исполнится 16 лет.

Родители Ильзы рассудили, что Джо – хорошая партия для их дочери, и дали согласие на брак. Сыграли свадьбу, а через неделю Ильза переехала к мужу в Тридешатое королевство. Так началась её семейная жизнь. И нельзя сказать, что всё складывалось просто, ведь Ильзу в Поэтическом колледже не учили готовить и вести домашнее хозяйство, а также воспитывать детей, причем довольно взрослых. Но Ильза очень старалась быть хорошей хозяйкой, не зря же матушка научила её вкусно готовить, печь пироги, торты и пирожные.

В первый же день, приехав в новый дом, Ильза приготовила изысканный обед: салат «Цезарь» и салат «Мимоза» (мама ей всегда говорила, что у хорошей хозяйки и заботливой жены на столе всегда должно быть, как минимум два разных салата), суп-пюре из шампиньонов со сметаной и гренками, запекла курочку, украсив ее ножки красивыми воланчиками, и сделала десерт (шоколадный торт).

Она красиво накрыла стол, вычистив до блеска столовые приборы. Дождавшись, когда уставший муж придёт из лесу, подала горячее. И тут её ждал сюрприз... Ей пришлось вспомнить советы фрейлины Анны, так как Джо, мгновенно проглотив утонченные яства, сказал, отказавшись от предложенного шоколадного торта:

– Молодец, жёнушка, а теперь положи-ка мне побольше отварной картошечки с укропчиком, да отрежь жирненькой селёдочки. Под пиво – это сейчас то, что надо! Самое то!

В первые недели совместной жизни Джо приносил Ильзе большие букеты полевых цветов, лесные ягоды и орехи, красивые ветки с яркими осенними листьями и не забывал поблагодарить её за вкусную еду и уют в доме.

Но Ильза замечала, что говорить с мужем ей, в сущности, не о чем, так как уж очень разными были у них интересы. Она больше молчала, когда они были вместе, а иногда грустно играла на клавесине, который привезла с собой из родительского дома.

Не просто складывались отношения Ильзы с Золушкой. Девочка была больше похожа на бесшабашного (если не сказать «безбашенного») парня: она носила кожаные штаны и куртку-косуху на многочисленных молниях, плечи кожанки были украшены металлическими шипами. На ногах её были сапоги-казаки со скошенными каблуками, а на голове красовалась чёрная бейсболка с черепом из крупных стразов.

Главным хобби Золушки были гонки на мотоцикле, езде на котором обучил её отец. И когда она, очень даже не хлипкая девушка 85 кг весом, с рёвом мчалась по дороге на своем серебристом байке, это было зрелище не для слабонервных. Это было очень даже круто!

Ильза пыталась воспитывать девочку. Она предложила Золушке научить её печь пироги и пирожные, или рисовать и вышивать крестиком. Но девушке это было не интересно.

– Это просто отстой!», – говорила в ответ на педагогические приёмы Ильзы Золушка, но Ильза настаивала на своём:

– Ты ведь уже большая девочка, – внушала она Золушке. – Как ты можешь ходить как замарашка, вести себя как грубый мальчишка и употреблять нехорошие словечки? – спрашивала она падчерицу. – Вспомни, ведь в сказке Шарля Перро Золушка была такой доброй, отзывчивой и приветливой!

– Так то – кино и сказки из Долины грёз! – отвечала падчерица. – Это же не настоящая жизнь. Вот, байк, драйв и скорость, – это жуть! Это настоящее! И потом, не приставай ко мне со своими наставлениями. Знаешь, я уже большая недевочка! У меня своя личная жизнь, и отец в неё не вмешивается и не лезет ко мне с замечаниями.

Золушка тоже пыталась воспитывать Ильзу. Она говорила ей:

– Будь проще. Моя мама, когда жива была, не читала мне нотаций. Она была простой женщиной, служила во дворце кастеляншей и погибла, когда три года назад прилетел дракон из соседнего Тридевятого королевства, и его угораздило приземлиться на крышу флигеля прачечной, где мама как раз получала белье из стирки.

– Кстати, – продолжала Золушка, – перестань прикармливать орехами белок в лесу. Они уже привыкли, стали почти ручными и совсем страх потеряли. А это – зря, того гляди, беда может случиться.

Вот пристрелят их королевские охотники, сама тогда плакать будешь!

Обычно Золушка, быстро проглотив приготовленный Ильзой обед, мчалась на своем байке вместе с друзьями, а Ильзе становилось от одиночества очень грустно, ведь скучно оставаться целыми сутками одной, даже поговорить не с кем: муж в лесу, а Золушка, даже, когда бывает дома, надевает на голову наушники и слушает этот ужасный рэп с плеера.

Муж со временем переменился к Ильзе: он стал менее внимательным, часто задерживался на работе, подарками её больше не баловал, а так хотелось чего-нибудь необычного, волшебного, сказочного, скажем, поехать на бал во дворец в безумно красивом платье и потанцевать там вволю.

И Ильза вспомнила, как об этом говорится в сказке «Золушка» Евгения Шварца:

– Это очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь. Так и заболеть можно.

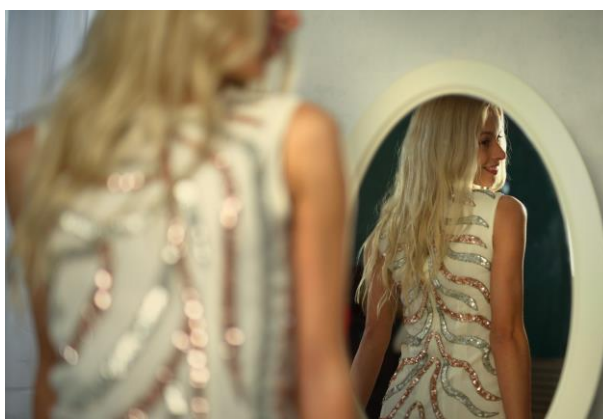

И как будто эти мысли услышала добрая фея. Поздно вечером пришёл Джо и, почему-то виновато улыбаясь, протянул Ильзе приглашение на бал на два лица.

– Ты просто прелесть! – бросилась мужу на шею обрадованная Ильза, – мне так этого хотелось. Здорово. Мы сможем снова прекрасно потанцевать. Помнишь, как было славно на балу в Тридевятиом королевстве, где мы познакомились?

– Извини, дорогая, – ответил уклончиво Джо. – Я не смогу поехать с тобой на бал – работы много, но ты поезжай и повеселись за нас двоих!

У Ильзы начались приятные хлопоты: она озаботилась вечерним туалетом для бала. Золушка отвезла её на байке в салон, где портниха за неделю согласилась сшить ей красивое платье и доставить его на дом. И правда, она не обманула и сдержала слово: платье получилось чудесное, и сидело на Ильзе великолепно. Ильза с удовольствием вертелась в обновке перед зеркалом. Это было волшебное зеркало. В нём можно было себя видеть и спереди и со спины одновременно, если вы этого желали.

– Ну, как? Мне идёт? – спросила Ильза Золушку, когда та вернулась домой.

В ответ Золушка рассмеялась и сказала:

– По мне, так в джинсах и косухе удобнее. Эти красивые тряпочки, так же как стихи и книжки, – не для меня.

– Жаль, что Джо не сможет поехать на бал и повеселиться, ведь у него работа, и его не будет во дворце, – сказала со вздохом Ильза.

– Ну, почему же не будет, – прервала её Золушка, – как раз он будет во дворце, а работу его зовут «дворцовая повариха»! Да, не реви, говорила же я тебе – будь проще. Ну, хочешь, я тебе Yandex-такси закажу? Не на байке же во дворец в платье с кринолином ехать? – успокаивала она рыдающую мачеху.

В назначенный день пришло заказанное Золушкой такси, и Ильза поехала на бал, хотя настроение у нее было преужасное.

Её не порадовало, что во дворце она и её наряд произвели полный фурор. Король, а он был вдовцом, глаз не сводил с Ильзы. Вспомнив сказку «Золушка», он оторвал свой кружевной воротник от камзола, и подошёл к Ильзе с вопросом:

– Милая дама, посмотрите, пожалуйста, что случилось с моим воротником? И, можно ли, это как-нибудь исправить?

– То, что разбилось вдребезги, уже никогда-никогда не исправить», – невпопад ответила ему Ильза и горько заплакала. Король стал её утешать, и она рассказала ему о своей беде, вернее – предательстве Джо.

– Вы хотите, чтобы я его строго наказал?» – спросил король.

– Зачем? – вопросом на вопрос ответила Ильза, – это не вернёт мне моего счастья и не склеит осколки нашей семьи, неосторожно разбитой моим мужем в один миг. Лучше прикажите Вашему главному юристу, чтобы нас с Джо как можно скорее развели.

Доводы Ильзы показали королю её незлобливость и глубокую порядочность. Король понял, что такую женщину он искал всю свою жизнь и вот, наконец, нашёл. Она будет ему достойной женой и сможет стать хорошей и заботливой матерью его сыну-принцу, раз уж смогла поладить со своенравной сорванцом-Золушкой.

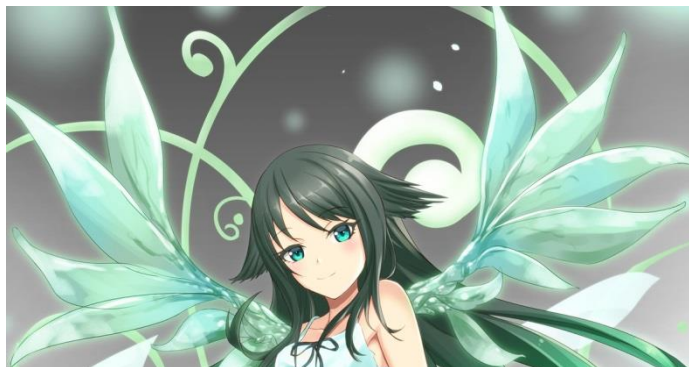
Через неделю Ильзу и Джо развели, а ещё через некоторое время состоялась её пышная свадьба с королём. Они живут счастливо и в полном согласии. По вечерам любят смотреть в телескоп на звезды, поэтому в народе Ильзу называют:

«Наша звезда!»

Наша счастливая звезда Ильза!»

Часть III

Фэнтези для всей семьи

Л.С. Рубан, И.А. Лукьянов

ЭТИ ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история произошла в небольшом волшебном королевстве на границе с таинственными и опасными лесами-Дебрями, населёнными разными экзотическими животными и растениями, часто очень опасными и страшными. От королевства дебри отделяла река и Барьерные горы, кроме того, на границе с диким миром люди поставили военные посты и возвели крепости, чтобы обезопасить себя от незваных пришельцев.

Население королевства включало, разумеется, Его Величество короля и его семью, дворянство, гвардию, магов-волшебников, без согласия которых не принималось ни одно важное решение, чиновников, торговцев, крестьян и ремесленников.

Знать располагалась в центральной безопасной части королевства, а на окраинах вдоль границы жил простой народ и обедневшее дворянство, среди которого было много смельчаков, которые рисковали отправляться в Дебри на охоту, а иногда и просто из любопытства.

Кроме магов-волшебников в этой стране жили феи и лесные духи, чьи поступки не всегда были безобидными, а любимым развлечением являлись не наивные розыгрыши, а довольно едкие пакости, которые они чинили людям, но никто из населения не имел права не только обидеть этих кудесников, но, если они попадали в беду и нуждались в помощи, им её нужно было обязательно оказать, иначе нарушителей ждало очень суровое наказание.

На северо-западной окраине королевства в простом и скромном замке жил сэр Эдвард Милтон со своими детьми: старшим сыном Дерекком, младшим – Томасом, смелыми, ловкими и отважными ребятами, прекрасными охотниками, и средней дочерью Марией, красивой и хозяйственной девушкой, на которую легла вся забота о доме, так как их мать умерла, а отец больше не женился, решив не приводить в дом чужую женщину, которая станет для его детей мачехой.

Так они и жили, стараясь избегать опасностей из-за близости с границей, пока в один февральский день не произошло... Но это Вы узнаете из следующих глав.

Глава 1. Поход в Дебри и трудная охота

Яркое солнце освещало искрящийся снег, ещё лежавший в долине. Белые поля, огороженные низкой каменной оградой, жались к чёрному шраму границы, за которым вздымалась в высь зелёная стена Дебрей, над которой колыхалось марево горячего воздуха. Двое молодых всадников неспешно пробирались к границе по подтаявшему насту. Высокие, крепко сложенные, одетые в тёплые, подбитые мехом плащи, с мечами на поясах и луками за спиной, они излучали силу и уверенность. Дерек, старший из них, прикрыв глаза рукой, взглянул на солнце и сказал:

– Уже почти полдень, сейчас должно вспыхнуть.

Как будто в ответ на его слова, впереди раздался нарастающий рокот. Всадники остановили коней и посмотрели на чёрную полосу границы, из которой неровной шеренгой торчали точно обожжённые обломки скал. Грохот раскатисто перекрыл все звуки, и вот линия тёмных камней начала светиться, сначала неярко, красноватым светом, а потом вдруг вспыхнула ослепительно белым, затмив солнце.

Всю границу от горизонта охватило пламя, с рёвом вздымающееся над верхушками деревьев, растекающееся по земле и лижущее основания огромных стволов деревьев-исполинов. Даже в пятистах метрах, где стояли люди, чувствовался жар, но через миг бушующая стихия утихла, как будто ничего и не было.

– Сколько раз я видел это чудо, а не устаю восхищаться его мощью, – сказал Томас, младший из братьев

– Ещё какой, ведь граница пылает дважды в день вот уже пятьдесят лет, а её ни разу не понадобилось заряжать. Говорят, это дело рук одной из старших семей колдунов. Они, чтобы напитать её силой, привязали к каждому камню десятки душ казнённых преступников, которые ночью рыщут по округе в поисках новых душ, которые разделят с ними эту вечную вахту, – продолжал старший.

– Брат, я давно уже взрослый, и не верю в эти страшные сказки, – усмехнулся младший в ответ.

– Ну-ну, какие мы храбрые! Запомни, что как раз души таких глупеньких и смелых мальчишек попадают границе на обед, – страшным шёпотом произнес старший, но, не выдержав, рассеялся. – Ладно, Томас, поехали дальше, земля, наверное, уже остыла.

Подъехав к месту, где подтаявший снег переходил в чёрную выжженную землю, они спешили и повели нервно прядающих ушами коней к чёрной скале по ещё дымящейся тропе. Накинув поводья на выступ скалы, Томас прикоснулся к ней рукой, но недавно раскалённый добела камень уже излучал могильный холод, а его чёрная поверхность, казалось, жадно поглощает солнечный свет. Глядя на этот страшный валун, легко было поверить в самые невероятные и жуткие истории о границе и Дебрях.

Братья сняли тяжёлые меховые плащи, зимние сапоги, шапки и рукавицы. В лёгких зелёных рубахах, свободных штанах и мягких мокасынах было не так жарко. Взяв луки на изготовку, они двинулись к Дебрям.

На исполинских деревьях остались следы колдовского огня: кора местами обгорела и кусками осыпалась на землю, а из свежих ран обильно сочилась смола. Верхние ветки лишились листвы, но не пройдет и пары часов, как лесные гиганты залечат свои раны, выпустят новые листья и будут готовы к продолжению вечного сражения с границей.

Лес встретил братьев удушливой влажной жарой, как будто рядом и не лежали зимние снега. Исполинские кроны отделяли Дебри от зимы, и, хотя сюда не проникал ни один луч солнца, но темно не было, так как стволы деревьев излучали не только мягкий свет, но и жар, сохраняя высокую температуру круглый год.

Братья осторожно продвигались в глубь леса. Дерек шёл чуть впереди с коротким копьём, Томас крался следом за ним, предусмотрительно положив стрелу на тетиву лука. Пройдя по узкой тропе, окружённой густыми зарослями, они вышли к небольшому ручью, протекавшему в ложбине среди извилистых корней.

На спуске к воде Дерек подошёл к проходу между двумя валунами, где была спрятана первая ловушка, замаскированная травой. Сейчас в ней была водяная крыса.

Дерек осторожно приблизился к грызуну и пошевелил его древком копьё. Это было не лишним, так как, несмотря на небольшие размеры животного, его острые зубы могли прокусить руку насквозь, поэтому следовало соблюдать осторожность.

Выпутав крысу из ловушки, он передал её брату, с луком наготове внимательно осматривавшему окрестности, потом заново установил и замаскировал ловушку. Томас завернул животное в кусок плотной грубой ткани и убрал в заплечный мешок. По-прежнему сохраняя молчание, они двинулись дальше вдоль ручья.

Зелень нависала над ручьём сплошным пологом, расцвеченным яркими пятнами цветов, между которыми порхали причудливые бабочки. Пройдя пару сотен шагов, братья вышли на поляну, заросшую невысокими кустами с мелкими оранжевыми ягодами. В центре поляны на вытоптанном пятачке были разбросаны клочки шерсти. Дерек осторожно подошёл и поддел носком сапога вывернутый на изнанку капкан.

– Кто-то украл наш обед, да ещё капкан испортил, – сказал он.

Томас подошёл ближе и внимательно осмотрел отпечатки лап на мягкой земле и заметил:

– Мне не знакомы эти следы: на лапе три пальца с когтями – два вперед, один назад.

– И длинный хвост, – Дерек указал на волнистый след на земле.

Сверху раздался тихий шорох. Жители других частей королевства, возможно, не обратили бы на него внимания, но братья выросли на границе и потому быстро бросились в разные стороны. Томас, уходя в перекаат, выпустил стрелу в неясную тень, метнувшуюся с дерева, но услышал, как стрела отскочила от чешуи страшной твари.

Дерек отскочил и увидел, как огромные когти вспороли землю на месте, где он только что стоял, а зубастая пасть на длинной гибкой шее развернулась в его сторону. Юноша успел метнуть копьё между треугольных сверкающих острых зубов.

Тварь с пугающей легкостью перекусила древко копья, но Дерек не растерялся и тут же ударил обломком копья по тянувшейся к нему морде зверя.

Наконечник с чиркающим звуком скользнул по гладкой ярко-зеленой чешуе, не причинив, твари видимого вреда, однако животное инстинктивно отпрянуло назад, нанося удар хвостом.

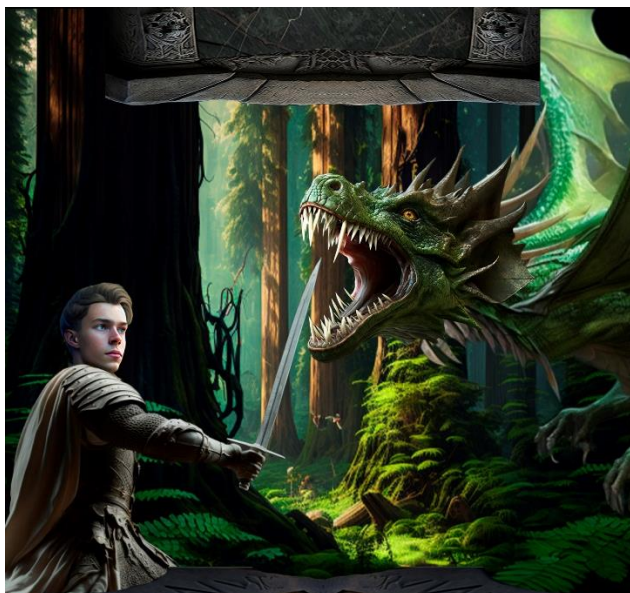
Дерек прыгнул вперед и чудом избежал удара гранёным шипом на конце хвоста, но тут же получил удар крылом в лицо и отлетел в сторону.

Томас видел, как трёхметровое гибкое тело зверя спикировало на поляну. Покрытое чешуёй, с длинной шеей и тонким хвостом существо распахнуло крылья, переливающиеся всеми цветами радуги, явно слишком маленькими, чтобы поднять такую тушу в воздух. На концах крыльев имелось по здоровому острому когтю. Не раздумывая, Томас выпустил вторую стрелу, целясь в крыло, но стрела опять

отскочила. Третью стрелу он отправил в подмышку монстра, и из раны брызнула голубая кровь.

Чудовище оттолкнуло Дерекка крылом и с невероятной для такой махины ловкостью развернулось к обидчику и бросилось, помогая себе крыльями, к Томасу, стоявшему от зверя в пятнадцати метрах. Но тот не растерялся, спокойно прицелился и с расстояния менее метра уверенно пустил стрелу.

Монстр как будто наткнулся на невидимую стену, отскочил назад, завертелся волчком на месте, оглашая окрестности вибрирующим воем. Томас снова натянул лук, выцеливая слабое место, когда тварь резко остановилась, изогнула шею и внезапно плюнула в него. Томаса спасла хорошая реакция, так что он почти увернулся, и лишь несколько капель ядовитой слюны попало на одежду. Эти места тут же заклубились струйками дыма.

Томас покатился по земле, а Дерек тем временем поднялся на ноги, вытер рукавом с разбитого лица кровь, взялся обеими руками за меч, размахнулся и нанёс мощный удар по отвлекшемуся монстру. Голова того дернулась, зверь развернулся и хлестко ударил хвостом.

Дерек принял удар на гарду меча, с трудом удержав его в руках. Следующий взмах хвоста шел понизу, и юноша в прыжке уклонился от него. Затем монстр попытался укунить охотника, вынудив его уйти в глухую оборону. На помощь брату пришёл Томас, который уже избавился от дымящейся рубашки, вынул меч и нырком прыгнул твари в ноги.

Зверь пошатнулся, но попыталась достать парня жуткими когтями. Однако подоспел Дерек и с разбега толкнул потерявшего равновесие зверя в грудь, обрушив его на землю.

Хвост молотил по земле, не давая охотникам подойти ближе, но было заметно, что тварь слабеет, удары становились все медленней. В конце концов, Дерек перепрыгнул через хвост и отсек чудовищу голову.

Томас подобрал свою рубашку и подошёл, опасливо косясь на зверя.

– Кто это? Дракон? – спросил он брата.

– Вряд ли! – ответил тот. – Даже самый мелкий дракон раз в десять больше, но меня гораздо больше волнует вопрос: съедобен ли он? – произнес Дерек.

– Ты так думаешь, – усомнился Томас, с тоской разглядывая рубашку, в которой теперь было больше дыр, чем ткани.

Дерек взглянул на него, улыбнулся и сказал:

– Ну, братец, ты и влип: сестра тебе задаст за испорченную рубаху. Торговцы к нам уже год не заезжали и сомнительно, что заедут скоро, да и нормальной ткани взять неоткуда.

Братья прикрыли тушу срезанными ветками. Дерек насадил отрубленную голову на длинную палку и сказал:

– Пора отсюда убираться, мы сильно на шумели, и кровь свою пролили, – он потрогал пропитавшуюся красным повязку на лбу. – Становится опасно, так как многие твари чувствуют человеческую кровь на огромном расстоянии.

Томас зло посмотрел на покрытую чешуёй голову и сказал:

– Из-за этой гадины нам опять придётся есть крысятину.

– Что ж, – вздохнул Дерек, – не в первый раз и, наверняка, не в последний. Поверь мне – кусок мяса не стоит того, чтобы нарваться на кого-нибудь действительно серьезного зверя.

Они пошли к выжженной земле границы, сквозь которую уже начинали пробиваться первые зелёные ростки новых деревьев. Кони стояли привязанные к чёрной скале, где их оставили, а братья, быстро надев тёплую одежду, вновь вернулись в утопающую в снегу долину.

Тропа причудливо петляла среди огромных валунов и скал, а вдалеке ослепительно сверкали на солнце отвесные пики Барьерных гор. Поднявшись на небольшой холм, всадники увидели занесенную снегом маленькую деревню в несколько десятков домов.

– Ладно, возвращайся в замок, – сказал брату Дерек, – а я покажу деревенскому старосте эту уродину. Он демонстративно помахал головой монстра, насаженной на шест.

– Ты же ранен, давай, я поеду в деревню, а ты отправляйся домой, – произнес Томас с искренней заботой.

– Дорогой брат, ты поедешь в замок и сообщишь» новость, что у нас на обед снова будет водяная крыса, и не будешь прятаться от Марии, а честно покажешь ей, что осталось от твоей рубашки и

стойко внесешь всё, что тебя ждёт за это. Я же выясню, кого мы убили, соберу отряд за тушей, но постараюсь не возвращаться до вечера, чтобы не попасть под горячую руку, – невесело произнёс Дерек.

Томас, возмущённо засопев, воскликнул:

– Так нечестно!

– Ну, должны же быть хоть какие-то преимущества у старшего брата, – рассмеялся Дерек, хлопнув младшего по плечу. Он пришпорил коня и унёсся в сторону деревни.

Глава 2. Возращение домой и неожиданный поворот судьбы

Томас направил коня в другую сторону. Не то, чтобы он боялся гнева сестры, скорее не хотел её огорчать, ведь любому жителю приграничья хватило бы одного взгляда на рубашку, чтобы понять, что её владелец был на волосок от смерти.

Мария не только вела в замке хозяйство, но ещё отвечала за лечение пострадавших и не понаслышке знала, что коснись хоть одна капля ядовитой слюны кожи Томаса, ему бы несдобровать. Конечно, можно было бы придумать какую-нибудь глупую историю о лошади, сжевавшей сушившиеся у костра вещи, но Том не сомневался, что сестра почувствует фальшь. Он хорошо знал, что лучше знать неприятную правду, чем чувствовать, что от тебя что-то скрывают.

Дорога ещё раз повернула, и Томас, наконец, увидел их скромный замок: большой бревенчатый двухэтажный дом на вершине крутого холма, обнесённый валом и частоколом из толстых брёвен. Сторожевых вышек не было, так как на самом краю обжитых земель можно было не опасаться нападения людей. Главную опасность представляли звери из Дебрей, а, чтобы остановить всякую мелочь, хватало и частокола, хотя по-настоящему опасных чудовищ не остановит даже самая прочная стена.

Подъезжая к приоткрытым воротам, Томас нахмурился, не обнаружив на месте охранников. Днём тяжёлые ворота замка всегда держали приоткрытыми, на случай если кому-то понадобится срочно укрыться за частоколом, поэтому охранники здесь стояли для того, чтобы своевременно помочь в случае необходимости. Томасу и самому не раз приходилось удирать от нападавших зверей. Но сейчас охраны не было! Это был явный беспорядок, так как во враждебном окружении на границе любая мелочь может стоить жизни.

Томас протиснулся сквозь щель в воротах и сразу же обратил внимание на необычную суету. Казалось, что всё население замка носится по двору. Внимательно присмотревшись, юноша заметил у крыльца незнакомых лошадей – это означало, что на границу пожаловали гости.

В последние годы люди границы были предоставлены самим себе, даже купцы и вездесущие сборщики налогов перестали появляться здесь. Так что визит незнакомцев был крайне необычен.

Томас озадаченно подумал: «Что им могло понадобиться в нашей глуши?» и, отыскав взглядом конюха, свистнул ему, а когда рыжий парнишка подбежал, кинул поводья и коротко спросил:

– Кто приехал?

Парень быстро ответил:

– Это люди короля. Я сам видел, как они показывали грамоту.

Королевских чиновников на границе не любили. Сюда изредка добирались только сборщики податей.

– Где они? – снова спросил Томас конюха.

– Едят в зале, а старший говорит с хозяином, – ответил тот.

Томас кивнул и пошёл в дом. Проходя мимо кухни, он увидел сестру, раздающую указания слугам, и постарался тихо проскользнуть в обеденный зал. Но Мария обернулась и спросила:

– Ну, как охота?

Томас, стараясь сохранять невозмутимость, молча вынул из заплечного мешка крысу и, держа зверька за хвост, протянул сестре. Та, взяв грызуна, придирчиво осмотрела добычу.

– И это всё?

– Возникли непредвиденные трудности, и я немного порвал рубашку, – ответил Томас.

– Давай сюда, на досуге зашью, – раздраженно бросила Мария.

Томас достал остатки рубашки.

Голос сестры вдруг стал подозрительно ласковым, что плохо вязалось с её побледневшим лицом.

– Том, а не подскажешь, где Дерек? – допытывалась она.

Он напряженно сглотнул и бесцветным голосом ответил:

– Поехал в деревню, обещал вернуться вечером.

Слуги, почувствовав настроение хозяйки, притихли. На кухню заскочил парнишка с бутылками в руках и подозрительным румянцем на щеках. Он бодро спросил:

– Куда ставить бутылки?

В обеденном зале четверо мужчин в доспехах ели жареное мясо.

– Парень, ты, что такой бледный? Призрака увидел? – обратился один из них к Томасу.

– На нас с братом в Дебрях напал дракон, – коротко ответил тот.

Солдаты заметно напряглись.

– И где он сейчас? — спросил один из них.

– Мы его убили, – с гордостью ответил Том.

Мужчины разразились дружным хохотом. Томас не обратил на это ни малейшего внимания. Он прекрасно понимал, что хорошо смеется тот, кто смеётся последним. Дерек наверняка притащит домой

голову монстра, вот тогда и полюбуемся на вытянувшиеся лица чужаков. И не важно, что это не дракон, ведь за Барьерной рекой они не появлялись уже лет сто. Уличить их во лжи некому, а местные с удовольствием подтвердят, да добавят жутких историй.

В это время по лестнице спустился седой мужчина со шрамом на лице и молча сел за стол. По поведению остальных солдат Томас понял, что это их командир и двинулся наверх, чтобы переговорить с отцом. Подойдя к кабинету, он коротко постучал в дверь и вошёл.

Сэр Эдвард Милтон, сорокалетний высокий мужчина с аккуратно подстриженной черной бородкой, сидел за столом, просматривая какие-то бумаги.

Томас с порога спросил:

– И что им надо?

– Это королевский вербовщик, – коротко ответил отец.

– Они совсем спятили, если решили вербовать солдат на границе? – удивился Томас.

– А он вербует не солдат, а людей, которые будут служить королю. Простолюдинам обещают дворянство, а благородным – деньги и земли, – ответил ему отец, – но подходит не всякий, а только тот, кого выберет волшебный камень.

– Кстати, что они забыли в нашей глухомани? Или в столице, не нашлось желающих служить королю?

– Вербовщики ищут людей по всей стране, в более спокойных районах на эти теплые местечки назначают друзей и родственников. А к нам добровольцев поехать не нашлось, и назначили ветерана из гвардии. Они привыкли не обсуждать приказы, а выполнять.

– У нас каждый человек на счету, – сказал Томас.

– Вербовщик обещает компенсировать всё золотом.

– С каких это пор наш король стал таким щедрым?

– Тут ты прав, в отличие от своего отца, он умеет считать деньги, а если что-то и тратит, то, чтобы получить ещё больше. Я вижу только одну причину собирать людей с окраин королевства – король больше не доверяет придворным и хочет собрать отряд, преданный лично ему. Не знаю, зачем понадобился этот волшебный камень, но, скорее всего, завтра он укажет на тебя, и это твой шанс. – Сэр Эдвард поднял руку, останавливая возражения готовые сорваться с губ Томаса.

– Не спорь, – продолжал он, – наши земли умирают, с каждым годом становится всё труднее выжить, граница пустеет, больше никто не охотится на чудовищ, вырвавшихся из Дебрей, они уже сбиваются в стаи и лишь вопрос времени, когда начнут нападать на селения. Мой долг защищать свои земли и людей, я останусь здесь до конца. У тебя же есть возможность заслужить благосклонность короля.

– Король не заслужил нашей верности! – запальчиво воскликнул Томас. – Когда начался голод, он закрыл мост и оставил нас здесь умирать.

– Иногда приходится не слушать голос сердца, а думать головой. – возразил отец. – В войсках мятежников ты будешь простым солдатом, в лучшем случае тебе заплатят. Королю же нужен не твой меч, а верность, а она ценится гораздо выше.

– Отец, неужели ты предлагаешь мне продать свою честь за деньги? – запальчиво продолжал Томас.

– Красивые слова – это хорошо для героев легенд, но реальность совсем иная. Нет никакой чести в том, чтобы умереть в бою и оставить семью без средств к существованию. Ты уже не ребёнок и должен понимать, что долг каждого человека – прежде всего забота о близких людях. И если ты вынужден рисковать своей жизнью, то должен делать это за достойное вознаграждение и быть уверен, что даже если падёшь в битве, о твоей семье позаботятся.

Сэр Эдвард устало потер виски и сказал:

– Томас, ты же понимаешь, что о благополучии твоей сестры придётся думать тебе, ведь у нас нет денег на приданое, а наши земли даром никому не нужны. Старая аристократия королевства не считает нас равными себе, поэтому мужа ей надо найти за рекой.

Томас упрямо поджал губы и сказал:

– У нас и так мало хороших охотников. Сейчас я не могу уехать.

– Даже лучший охотник не спасет нас, а вот ты можешь. Ты будешь служить королю и, возможно, сможешь рассказать ему, что здесь творится. Если я прав, и королевству угрожает война, это объясняет отсутствие должного внимания к новым землям. Но если убедить короля, что наша провинция может стать надежным союзником, он сделает всё чтобы помочь нам. Поэтому обещай мне, что завтра, когда тебе предложат служить, ты скажешь: «Да».

– Хорошо, отец, я сделаю это, – мрачно сказал Томас.

Он знал, что выбора нет: три года назад новая болезнь, пришедшая из Дебрей, начала уничтожать посевы, а король, опасаясь распространения заразы, перекрыл мост через Барьерную реку – единственную нить, связывающую новые земли с остальным королевством.

Сначала через реку привозили много провианта, торговцы, хоть и втридорога, ухитрялись провозить товары через блокаду. Но время шло, а положение не улучшалось. На второй год погибло три четверти урожая в провинции, а помощи поступало все меньше. Если крупные города хоть как-то снабжались продовольствием, то окраины были предоставлены сами себе.

Томас понимал, что им ещё повезло: в начале болезнь обошла их поля стороной, а когда в прошлом году уничтожила половину

посевов, у них ещё оставались Дебри с неистощимыми запасами дичи. Впрочем, большая часть этой дичи упорно считала себя охотниками, и список не вернувшихся из чащи смельчаков постоянно рос. Было очевидно, что долго они не продержатся. Так что королевская милость была последним шансом, если не спасти положение, то хотя бы переправить на другой берег своих людей.

Как всегда, когда он пребывал в дурном настроении, Томас решил заняться стрельбой из лука, и выскользнул за ворота. Он направился к любимому месту – останкам исполинского дерева. Магический огонь, прокатившийся по земле, опалил гиганта, но не смог обратить его в прах. Чёрный остов нависал над равниной, и ни зимняя стужа, ни летняя жара, ни осенние ветры не могли повалить погибшего великана.

Томас подошел к дереву и, цепляясь за трещины в коре, начал ловко карабкаться вверх. Здесь в переплетении ветвей он оборудовал себе тренировочную площадку. Пройдя по широкой ветке, он выстрелил в мишень. Юноша бежал, на ходу выпуская в мишень стрелу за стрелой. Ловко перескакивал с ветки на ветку, как будто не замечая, что находится в тридцати метрах над землей.

С дерева открывался отличный вид на все окрестные земли, и Томас сразу заметил зелёное пятно, неторопливо ползущее по белому снегу со стороны границы. Прикрыв глаза рукой от слепящего солнца, он попытался рассмотреть подозрительный предмет. Ему понадобилось несколько минут, чтобы опознать в движущемся существе псевдодракона, встреченного братьями в Дебрях, того самого, на что чётко намекало полное отсутствие головы на закинутой назад и болтающейся из стороны в сторону шее.

Крылья, раскинутые в стороны, беспорядочно дергались, цепляясь за кусты, и скорее мешали продвижению вперёд, чем помогали, но, несмотря на явные проблемы с координацией, чудище упорно ползло вперёд.

Неуклюже передвигающееся существо не выглядело опасным, и Томас, подхватив лук, направился ему навстречу. Пройдя несколько десятков метров, он услышал неразборчивое ворчание, издаваемое существом, а, подойдя ближе, понял, что монстр ругается, причём на разные голоса. Похоже, компенсировать отсутствие головы оно решило, отдавая голосовые команды своим непослушным конечностям, то и дело слышались: «Эй, вправо!», «Держись ровнее!», «Ну куда ты?»

Убедившись, что лишённое головы чудище никак не реагирует на его присутствие, Томас решился подобраться почти вплотную и удивленно столкнулся лицом к лицу с деревенским старостой, тот как раз выглянул из-под зелёного крыла, обозревая дорогу, и заметив, так удачно подвернувшуюся под руку, Томаса, радостно улыбнулся.

– О, Томас, ты очень кстати, а то мы совсем замучились тащить этого монстра.

Заглянув под крылья, Томас убедился, что ничего мистического в передвижении туши нет, а есть сани, раза в три меньше, чем требуются для такого груза, и четверо потных мужчин, с покрасневшими от натуги лицами.

– Может, я лучше за лошадьми сбегаяю? – с надеждой в голосе спросил он.

– Так лошади к этому чудовищу и на километр подходить отказываются. Дерек как раз остался с лошадьми, пообещав отвести их в деревню.

Поняв, что в отличие от хитрого старшего брата отвертеться от тяжёлой работы не получится, Томас с тяжёлым вздохом полез под крыло твари. Он очень быстро понял, почему крестьяне заняли именно такую позицию, а не просто тащили сани за собой или, на худой конец, толкали вперёд. Чёртова туша норовила завалиться набок на любой кочке и цеплялась, казалось, за все выступы ландшафта крыльями и когтями.

Уже на подходе к замку, Томас услышал тревожный колокол. Выбравшись из-под зверя, Томас заколотил в захлопнувшиеся перед их носом ворота. После небольшой заминки, добычу, наконец, втащили во двор, где собрались все обитатели дома, вооружившись по случаю тревоги разнообразным оружием. Гости тоже были здесь, и Томас с затаённой радостью заметил удивление и даже страх на лицах заезжих солдат.

Глава семейства с длинным мечом в руке подошёл к старосте и спросил:

– Ну, что вы в этот раз притащили? Неужели нельзя было ограничиться обычным кабаном?

Мы тут не причём, – улыбаясь, ответил староста. – Это ваши детки постарались. Это лесная виверна, в былые времена торговцы давали неплохую цену за чешую, кожу с крыльев и ядовитые железы, ну и на вкус она вполне ничего.

Оставив крестьян разделывать тушу, Томас зашёл в дом и до ужина занимался ремонтом и чисткой охотничьего снаряжения.

По случаю приезда гостей сэр Эдвард распорядился подать к столу всё самое лучшее из небогатых запасов замка. В честь такого события даже Томас изменил своей привычной неброской охотничьей одежде и под наблюдением сестры был переодет в неудобный бархатный камзол.

В виде исключения за стол к хозяевам были усажены и простые солдаты. Вербовщик на правах почётного гостя сидел рядом с сэром Эдвардом, который представил ему сына:

– Томас, познакомься с сэром Грегори, отставным капитаном гвардии и королевским уполномоченным по набору в нашей провинции.

Томас попытался изобразить учтивый поклон, который несколько часов назад заставила его выучить сестра. Но судя по её взгляду, обещающему нерадивому ученику все кары, справился он с этим из рук вон плохо. Вытерев салфеткой вспотевшие руки, Томас устался к себе в тарелку, наполненную странным мясом с зеленоватым оттенком, и, хотя староста божился, что мясо съедобно, но желающих попробовать виверну почему-то не находилось.

Пауза начала затягиваться, и Томас уже почти решился положить в рот маленький кусочек мяса, когда Мария решила взять инициативу в свои руки и обратилась к сэру Грегори:

– Сэр уполномоченный, а вы не представите нам своих подчинённых?

Кажется, отставной капитан тоже был рад неожиданной отсрочке знакомства с содержимым тарелки и с достоинством начал представлять своих спутников:

– Это Кевин, мой первый помощник, он с юга из рубежных войск, участвовал в многочисленных пограничных стычках с контрабандистами и настолько достал последних, что они объявили награду за его голову. Как только он узнал, сколько отвалят тому, кто его поймают, то пустился в бега, потому как даже непосредственное начальство начало алчно поглядывать в его сторону. Я встретил его во время одной из поездок три года назад и с тех пор ни разу об этом не пожалел. Надёжный парень, неплохой фехтовальщик и просто хороший человек.

Слова «хороший человек» последние, которые могли бы прийти в голову Томасу при взгляде на Кевина. Сломанный в нескольких местах и криво сросшийся нос добавлял особый шарм обладателю и так похожему на эталонного бандита со слегка раскосыми глазами на смуглом лице, а гладко выбритая голова завершала образ конченого головореза. Невысокого роста, жилистый, он и правда, создавал впечатление опытного бойца, пережившего ни один десяток жестоких схваток.

– Это Майк. Он охранял торговые караваны на западе, пока не попал в долговую яму из-за пристрастия к горячительным напиткам. Я заплатил его долги, и с тех пор он работает на меня.

Майк был рослым с длинными сильными руками и копной русых волос, но казался простаком из-за того, что постоянно улыбался. Прикончив свою порцию виверны, он раздумывал, не попросить ли добавки?

Сэр Грегори, указав на следующего своего спутника, сказал:

– Это Тайлер, хороший солдат, он всю жизнь проработал в столичной страже, пока на старости лет его не угораздило влюбиться в аферистку, и вот теперь он расплачивается за её долги, берясь за самые опасные поручения в любом месте страны.

Характеристика «хороший солдат» как нельзя лучше подходила этому человеку, гладко выбритому, аккуратно одетому, с начавшей серебрить виски сединой. Было сложно представить, что он может совершать опрометчивые поступки.

– Ну и последний – наш новобранец Уинстон, сын моего старого друга из гвардии, он ухитрился вызвать на дуэль министра и слегка продырявить ему шкуру. Его лишили дворянского звания и уже собирались повесить, но отец вовремя подсуетился и сумел отправить его ко мне в отряд.

Томас с уважением посмотрел на невзрачного паренька. В их семье специалистом влезать во всякие неприятности считался Томас. Он бросил многозначительный взгляд на сестру – мол, кто говорил, что во всём королевстве не найдётся большего охламона, чем я?

Томасу всё же пришлось съесть свою порцию виверны, так как ни один уважающий себя охотник ни в жизнь не признает, что добыл несъедобную дичь, поэтому он стойчески сжевал свою порцию и даже ухитрился сохранить бесстрастное лицо, когда сестра зловредно спросила, не хочет ли он добавки, ответив, что уже сыт.

Дерек же вернулся затемно и попытался тихо прошмыгнуть в свою комнату, но был окружён, схвачен и накормлен совместными усилиями Томаса и Марии, дружно проигнорировавшими жалкие попытки оправдаться тем, что он уже поел в деревне.

На следующий день во дворе замка собралось практически всё население. В центре установили массивный деревянный стол, на него королевский вербовщик кинул серый камень сантиметров двадцати в диаметре. Окинув внимательным взглядом собравшихся людей, он указал на камень и произнес:

– Это магический камень. Молодёжь старше пятнадцати лет, подходите по одному и кладите на него руку, если камень покажет, что вы подходите, то получите золото, титул и будете служить королю.

Молодые парни неуверенно двинулись к столу, выстраиваясь в очередь. Вербовщик перевёл взгляд на худого мальчишку, и, кивнув на камень, произнес:

– Положи руку на камень.

Парень прикоснулся к неровной поверхности камня и ничего не произошло. Сэр Грегори отрывисто бросил:

– Следующий.

Очередь продвигалась быстро, а Томас недоумевал: зачем нужен этот спектакль с булыжником, явно подобранным на обочине дороги?

Направился к столу, он старался всем видом показать уверенность, которую на самом деле не испытывал. Протянув руку, он положил ладонь на камень и тут же отдернул её, получив болезненный удар по пальцам. Бульжник подпрыгнул на столе, издав неприятный дребезжащий звук, сэр Грегори с довольной улыбкой сказал:

– Аккуратно положи на него самые кончики пальцев.

Томас выполнил приказ, и камень начал мелко дрожать под рукой, выбивая по столешнице бодрую дробь.

– Отлично, – произнес вербовщик. – Ты нам подходишь. Собирай вещи, после полудня мы выезжаем. И сэр Грегори подхватил камень и направился к дому, оставив озадаченного юношу обдумывать сложившееся положение.

Томас наивно полагал, что собраться в дорогу не составит труда. Чего там: взять плащ, лук, сумку с едой – и готово. Но сестра доходчиво объяснила ему, что он едет не на ярмарку в ближайший город, а в столицу и не может предстать перед королём в изодранной куртке, ведь у него есть парадный камзол, и ещё много вещей. Юноша с тоской понаблюдал за распухавшими от вещей сумками, потом выскользнул из комнаты, но попался в распростёртые объятия старшего брата с отцом. К счастью, надевать старые отцовские латы его не заставили, но надеть кольчугу и шлем пришлось. Также ему вручили пару мечей, кинжал и длинное копьё. К полудню Томас еле успел собраться, а небольшой отряд сэра Грегори уже седлал коней во дворе.

Глава 3. Отъезд и новая жизнь Томаса

Прощание с родными вышло коротким и обошлось без прощальных речей и напутствий. Томас пожал руки отцу и брату, обнял сестру, вскочил в седло и заторопился догонять остальной отряд, покидая свой дом, возможно, навсегда.

Догнав вербовщика, Томас спросил:

– Куда мы едем?

– Сначала завернём в замок местного барона, потом выедем на старый тракт и вдоль реки двинемся к мосту, – ответил сэр Грегори.

– Тогда нам надо сворачивать налево, – Томас махнул рукой, указывая направление. – Проедем через ущелье и сэкономим полдня.

– А не опасно ехать через дикую местность? – уточнил Кевин.

– Дороги давно не охраняются, так что ехать через тракт ничуть не безопасней, – пояснил Том.

– Ладно, веди нас, – сказал сэр Грегори.

Томас повёл отряд по едва заметной тропинке, петляющей среди камней. Светившее с утра солнце закрыли низкие плотные тучи, а порывистый ветер поднимал вихри снега. Кони с трудом пробивались сквозь глубокий снег, и сэр Грегори с сомнением спросил:

– А мы не застрянем в этом твоём ущелье?

– Нет, – ответил Томас, – там сильный ветер не дают скопиться снегу, так что, как только спустимся вниз, сможем ускориться.

Отряд, проехав по опушке леса, обогнув скалу и начал спускаться по широкой тропе вниз. Через сотню метров они въехали в узкое ущелье с отвесными стенами. По дну тек ручей, покрытый невероятно прозрачным льдом. Снега в ущелье совсем не было, только камень и лёд. Сильные порывы ветра с завыванием проносились вдоль каменных стен, вынуждая людей плотнее кутаться в тёплые плащи.

Всадники ускорились, двигаясь по хорошо утопанной тропе. Повалил густой снег, всё усиливающийся ветер подхватывал его и швырял путникам в лицо. Один из солдат сказал:

– Как бы не было бури, а то в этой чёртовой щели мы превратимся в ледышки за считанные минуты.

– Какая там буря, так, небольшая метель, – пренебрежительно фыркнул Томас. – Примерно через час у выхода из ущелья будет большая пещера, там мы сможем развести костер и переночевать.

Когда они добрались до пещеры, мелко так, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Спешившись, солдаты гурьбой побежали к убежищу, торопясь скрыться от непогоды.

– Стойте! – предостерег их Томас, перекрикивая завывания ветра, – за зиму в пещере мог поселиться кто угодно. Коней отведите назад, оружие в руки и за мной.

Он поднял лук и направился к пещере. Вход был метра три в высоту и шириной метра полтора. Томас ненадолго остановился, чтобы глаза привыкли к темноте, и шагнул вперёд. Проход почти сразу резко расширился, стены терялись в полумраке, сквозь узкое отверстие в потолке лился рассеянный свет, подсвечивая длинные тонкие иглы сталактитов, свисающие из тьмы.

Солдаты пытались зажечь деревянные сучья, лежавшие у входа. Томас поморщился, по его мнению, света здесь и так было достаточно, а огонь мог раньше времени насторожить скрывающегося во мгле врага.

Не дожидаясь остальных, он быстро и бесшумно заскользил вперёд вдоль стены, внимательно осматривая метки, оставленные в прошлое посещение: плоский камень, лежащий так, чтобы при малейшем прикосновении свалиться, россыпь гальки, выложенную на дороге в особом порядке, чтобы обнаружить присутствие чужака задолго до того, когда у него появится шанс нанести удар.

Быстро осмотрев пещеру и убедившись, что его метки нетронуты, Томас направился к противоположному концу зала, где темный лаз уходил в глубину горы. Присев на корточки, он внимательно осмотрел песчаный пол, по которому шла одинокая цепочка следов. Сэр Грэгори и Кевин подошли к нему, свет их факелов заставлял тени дико плясать и изгибаться под сводом пещеры.

– Здесь кто-то прошёл? – спросил вербовщик Томаса.

– Нет, это мои следы. Пойдёмте, я покажу место для ночлега.

Пройдя вдоль стены, он свернул в небольшой проход, заканчивающийся глухой стеной. В нише, слегка приподнятой над полом, нашлись сухие дрова и солома. У входа из грубых камней был сложен очаг.

Быстро расседлав коней, отряд разместился у весело потрескивающего огня. Пока готовился нехитрый ужин, Томас рассказывал охотничьи байки.

– Шли мы я как-то с отцом по тропе, и тут из куста с треском выбирается огромный кабан, а вокруг, как назло, сплошные кусты и с тропы не сойдёшь. В общем, оказались мы на ближайшем дереве.

Значит, сижу я на ветке, натягиваю лук, а эта туша с полтонны весом бодро бежит к дереву и аки белка, не сбавляя ход, лезет вверх по стволу, весело похрюкивая. Ну, думаю, вот он сейчас получит стрелу в рыло. А он, как ни в чём не бывало, залазит на ветку снизу и бежит по ней вниз головой. Потом выскакивает прямо на меня такой радостный.

– Майк, вздрогнув, сказал:

– Ну, у вас и кабаны.

Нормальные у нас кабаны – огромные и злющие, – возразил Томас.

– И что было дальше? – поторопили его остальные.

– А ничего, он минут двадцать гонял нас по этому дереву, пока отец не подрубил под ним ветку. Кабан мощно полетел вниз, шмякнулся на землю, встряхнулся, хрюкнул и побежал по своим делам.

– Да ладно, врёшь, небось? – добродушно улыбнулся Уинстон.

– В Дебрях и не такое случается сплошь и рядом. Кабан-верхолаз – это ещё не самое страшное.

Поев, распределили дежурства и, расположившись на сухой соломе, уснули.

Томас внезапно проснулся, ещё не понимая, что случилось, но уже чувствуя, что что-то не так. Лишь пара мгновений ушло у него, чтобы понять, что его встревожило. Это был легкий неприятный запах, который едва чувствовался.

Томас вскочил. В этот момент тревожно заржали кони, и проснулись стальные спутники. Он, подхватив вещи, бросился к выходу из пещеры, крикнув на ходу:

– Уходим!

Томас видел мириады красных огоньков, вьющихся под потолком пещеры, словно искры, вылетевшие из костра. Повернувшись к солдатам, он крикнул:

– Шевелитесь, здесь огненные пчёлы, замешкаетесь, и от вас даже пепла не останется.

Он быстро приторочил к седлу поклажу. Пока седлали коней, отдельные искры спустились до уровня пола, и начали кружиться в странном танце среди суетящихся людей. Один из солдат болезненно вскрикнул, схватившись за обожжённое плечо.

Не дожидаясь остальных, Томас вскочил в седло и направил коней к выходу. Снаружи по-прежнему бушевал ветер, неся с собой мириады снежинок, но теперь с ними смешивались яркие искры, мечущиеся среди метели. Томас направил коня в ночную тьму.

Солдаты один за другим выскакивали из пещеры. Сопровождаемый сверкающими искрами, отряд врзался в снежную мглу и, миновав остаток ущелья, понесся вниз по склону.

У небольшой роци Томас рискнул бросить взгляд назад. По небу от ущелья за ними тянулась огненная река, самые быстрые искры пикировали сверху на всадников, стараясь их удалить. До Томаса пчёлы почти не долетали, но отставшим солдатам приходилось несладко: вокруг них кружился целый рой раскалённых искр.

Отряд несся по узкой тропе, уходившей в глубину леса. Разозлённые пчёлы впивались не только в солдат, но и в деревья, мгновенно превращая их в пылающие факелы. Выскочив из леса, люди проскакали ещё немного, пока не поняли, что за ними больше никто не гонится, а рой искр поднялся тучей над пылающим лесом, выписывая в воздухе сияющие петли. Ветер раздувал пламя пожара.

Ёжась на пронизывающем ветру, солдаты сгруппировались в кучу, и Уинстон произнёс:

– Томас, ты в курсе, что ты никудышный проводник, ведь мы чуть не погибли!

– Приятель, поверь, огненные пчелы едва ли не самая мелкая неприятность, которая может приключиться в пограничье. Они, наверно, самые безобидные обитатели Дебрей. Посуди сам – они не едят людей, не нападают первыми, если не лезть в их гнезда, в конце концов, от них можно ускакать на лошади, а в Дебрях нет ни одного хищника, от которого можно ускакать. Если продолжим двигаться вдоль границы, я тебе гарантирую ещё пару гораздо более неприятных встреч, и тут никакой проводник не поможет их избежать.

– Что это вообще за пчёлы такие и насколько безопасны их укусы? – спросил Майк, потирая обожжённую руку.

– Ну, во-первых, никакие они не пчёлы, их просто так называют. Они живут в Дебрях, и в отличие от остальной живности их привлекает граница, поэтому с нашей стороны их довольно много. В целом они безобидные, летают в небе, по ночам в августе бывает, что всё небо сияет от них – впечатляющее зрелище. Но, к сожалению, они не догадываются вернуться в Дебри, и когда наступают холода, то находят какую-нибудь щель и впадают в спячку. Причём ухитряются это делать в самых неподходящих для этого местах, например, в амбаре или в печном дымоходе, а если их потревожить, становятся агрессивными и сжигают вокруг всё, что горит.

По осени все крестьяне бегают с ведрами воды и гоняют пчёл, чтобы они не заснули в каком-нибудь строении. Что касается укусов, то они не кусают, а обжигают – один ожог не опасен, но, если на тебя присядет сотня таких пчёл, то сгоришь за считанные секунды. Поскольку все живы, и серьёзного вреда пчёлы не принесли, мы можем двигаться дальше, а ожоги побоят пару недель и пройдут.

– Хватит болтать, – сказал трясущийся Тайлер. – Надо найти укрытие, иначе до рассвета превратимся в ледышки.

– Чтобы замерзнуть в приграничье, надо очень постараться, – сказал Томас. – Видишь вон там небо чуть более светлого оттенка – это граница, а за ней Дебри, и в них вечное лето. Отсюда до них пара километров. Или можем пойти направо, там озеро с крутыми берегами, где можно спрятаться от ветра и развести костёр.

– Учитывая всё, что ты рассказал о Дебрях с драконами, вепрями-верхолазами и тупыми пчёлами, что-то мне туда совсем не хочется, – буркнул солдат.

Если не соваться вглубь, у границы сравнительно безопасно, твари чувствуют её мощь и стараются держаться подальше. Да и раны лучше обрабатывать в тепле, чем на заледеневшем озере.

– Уговорил, – произнес вербовщик, – веди. Взглянем на эти твои Дебри.

Отряд, пробираясь сквозь сугробы, вышел к границе через полчаса. Томас спросил:

– Кто-нибудь знает, сколько сейчас времени? Не хотелось бы попасть под вспышку.

Один из солдат ответил:

– До рассвета осталась пара часов.

– Тогда пошли, – скомандовал Томас.

Они преодолели полосу спёкшейся земли и остановились под кронами деревьев.

– Значит так: смотрим, куда ставим ноги, и ничего не трогаем руками. Я пойду поищу место для стоянки, а вы стойте здесь, – сказал Томас, ныряя в просвет среди лиан.

Он быстро и бесшумно пробирался среди огромных светящихся стволов, пока не наткнулся на звериную тропу. Внимательно осмотрев землю на предмет подозрительных следов, двинулся дальше и вскоре вышел на берег озера, в которое впадал небольшой ручей. На глинистом берегу отпечатались следы множества лап на спуске к воде. Довольно открытое место по меркам Дебрей, сюда подобраться незаметно сложно, да и следов крупных хищников на глине нет.

Томас пошёл за своими спутниками, но примерно на полдороги услышал истошный вопль, и, ругнувшись, бросился вперед. Выскочив из зарослей, он увидел, как одного из солдат опутали тонкие белые корни, а остальные остервенело, но без особого успеха, рубят их мечами.

Корни были невероятно эластичными, под ударами мечей они растягивались, но не резались. Увлечшиеся своей работой, солдаты не замечали, как шевелится палая листва за их спинами, ещё минута и корни под землёй подберутся к ним с тыла.

Томас бросился в обход сражения, найдя глазами область, из центра которой поднимались корни, он вонзил меч в мягкую сырую землю. Прежде, чем тварь успела отреагировать на угрозу, он трижды вогнать меч в землю, пытаясь достать скрывающегося под землёй врага. Постепенно движения корней становились хаотичными и, наконец, они застыли бесполезными кучами.

Облегченно выдохнув, Томас направился к солдатам, пытавшимся выпутать своего незадачливого товарища из белого кокона.

– Не прикасайтесь к этим корням голыми руками, – сказал он. – Они опасны.

Совместными усилиями, освободив бедолагу из плена, солдаты тяжело опустились прямо на землю. Томас поторопил их:

– Подъём, нам надо добраться до места стоянки, пока не начал действовать яд.

– Яд?! – в испуге закричали его спутники.

Конечно, как ещё такая медлительная тварь, может охотиться? Она опутывает неудачливую жертву корнями, впрыскивает парализующий яд, а потом два месяца переваривает её. Вам ещё повезло, что не сняли зимнюю одежду, сквозь тонкую ткань она парализует человека за пару секунд.

Подгоняемый Томасом отряд двинулся вглубь Дебрей, расчищая мечами дорогу сквозь пышную растительность.

– Как вас вообще угораздило на неё наткнуться? – спросил Томас, срубая мечом очередную лиану. – Я же сказал, чтобы стояли

на месте и ничего не трогали, ведь Корнеедка медлительна, и чтобы спровоцировать нападение надо интенсивно топтаться на одном месте несколько минут.

Солдат нервно хохотнул сзади:

– Я увидел красивый цветок и попытался сорвать его. Я не снимал перчатку и думал, что даже если он ядовитый, ничего не будет, – неловко оправдывался пострадавший, вызвав взрыв смеха.

Отсмеявшись, Томас сказал:

– Это Дебри, я живу здесь всю жизнь, но всё равно не знаю все здешние опасности. Так что, если увидите что-то необычное и странное, удирайте от него.

Отряд вышел на поляну у озера и Томас начал давать указания:

– Крепко привяжите коней, если их что-то спугнет, то можете с ними попрощаться. Во-вторых, аккуратно снимите одежду, на ней должно быть полно яда корнеедки. Нужно стереть яд с кожи раненого, а я схожу, соберу листья для лечения ожогов, – и Томас углубился в зелёные заросли.

Уловив приторно сладкий аромат, он стал искать его источник и на одном из деревьев заметил грозди больших красно-жёлтых цветов, но сорвал он несколько невзрачных листочков. Теперь можно было возвращаться к товарищам.

Подходя к озеру, Томас на мгновение потерял дар речи: полураздетые солдаты, зайдя по колено в воду, полоскали там свои вещи. Придя в себя, он зычно скомандовал:

– Марш из воды!

– Да в этой луже воды по пояс, бояться нечего, – небрежно бросил один солдат, однако из воды благоразумно вышел.

– Я лично видел, как из метровой лужи высунулось страшилище, ухватило оленя за голову и утащило в воду, а по поверхности даже круги не пошли, – сказал Томас.

– Это как же? – удивился солдат.

– Магия! Здесь возможно всё, – пожав плечами, ответил Томас.

– Стирайте вещи лучше в ручье, целее будите.

Томас выудил из седельной сумки походный котелок и, бросив в него добытые листья, начал их разминать рукоятью кинжала. Осмотрев голые спины будущих пациентов, он поморщился. Кожа солдат была покрыта многочисленными отметинами и начинала пузыриться волдырями, а покусанный корнеедкой солдат без движения лежал в стороне, его кожа приобрела мертвенную бледность.

Закончив разминать листья, Томас добавил в котелок глины с берега ручья и тщательно смешав, протянул солдатам.

– Нанесите тонким слоем на ожоги и забинтуйте, – сказал он.

Покончив с этим, и, наконец, избавившись от куртки, он осмотрел потёртую коричневую кожу: на ней отчётливо

просматривались белые разводы яда. Томас удивленно присвистнул, а ведь казалось, что избежал прикосновения смертоносных корней.

Он тщательно выстирал одежду, счищая белый налёт пучком сорванной травы. Пока приводил в порядок вещи, не забывал осматриваться вокруг и вовремя заметил нездоровую суету среди солдат. Парочка из них начала сгребать к центру поляны сухие ветки и листья. И всё это голыми руками.

Если бы они знали, что может жить под опавшей листвой, то поостереглись бы туда соваться даже в стальных рукавицах. Солдаты топтались рядом с яркими листьями кустов, по гнезду прыгучих муравьев, способных прокусить даже сталь, и постепенно приближались к усыпанному фиолетово-красными фруктами дереву. В Дебрях много фруктов, а ещё больше желающих их съесть. Урожай исчезает как по волшебству сразу же после созревания. И с деревом, сохранившим столько спелых плодов всегда что-то не так. И Томас побежал наводить порядок.

– Какая часть фразы: «Ничего не трогать руками» вам не понятна? – спросил он у солдат, склонившихся над кучей хвороста.

– Мы просто хотели развести костёр и просушить вещи, – ответил один из них.

– Уж лучше пойдите, искупайтесь в озере или сорвите фруктов с дерева. Даже так у вас будет больше шансов выжить, чем, разведя в Дебрях огонь. На запах дыма сбегутся все хищники с округи – кричал Томас.

Подошедший сэр Грегори сказал:

– Видимо, там, где они выросли не такие агрессивные кусты. При такой влажности наша одежда не просохнет никогда, а, выехав в мокрой на мороз, мы замёрзнем насмерть. Может выйти за границу и развести огонь там?

– Всё гораздо проще. Как вы думаете, почему в Дебрях посреди зимы стоит такая жара? – и, указав на исполинские светящиеся стволы, уходящие в зелёный мрак крон, Томас продолжил, – деревья в Дебрях выкачивают магию из земли и выпускают её сквозь кору в виде тепла и света. Просто растяните вещи на стволах, и они высохнут почти мгновенно.

Пока солдаты сушили мокрую одежду, Томас смазал остатками лечебной мази ожоги коней и начал отмывать котелок в ручье. Один из забинтованных солдат подошёл к нему и сказал:

– Слушай, классная вещь – эта твоя мазь, боль как рукой сняло.

– Ещё бы, к вечеру от ожогов не останется и следа. Эти листья и от более серьёзных ран помогают. От многих болезней лечат отваром из них.

– За такую штуку в столице могут отвалить кучу денег, – мечтательно произнес Уинстон.

– Не получится, мазь сохраняет целебные свойства меньше суток, а листья – не более трёх, – ответил Томас.

– Жаль, а могли бы разбогатеть, – разочаровано вздохнул солдат.

В Дебрях много чего полезного, но большая часть быстро выдыхается и портится. Заезжим торговцам мы продаём только сушеные фрукты и кору тахового дерева. Ну и всякую экзотику типа ядовитых желёз виверны.

Дождавшись, когда отравленный солдат придёт в себя, небольшой отряд двинулся к границе. На месте схватки с корнеедкой слышалась громкая возня, но, когда они вышли на опушку, неизвестное существо уже скрылось. Оно успело хорошо потрудиться, перерыв всю поляну и выкопав клубнеобразное тело корнеедки из-под земли. Его ни в малейшей степени не смутил яд на корнях, и неизвестный обитатель Дебрей почти полностью их съел.

Томас аккуратно собрал несколько оставшихся нитей в кусок промасленной кожи. Он и сам не знал, зачем ему может понадобиться яд корнеедки.

Глава 4. Таинственный враг, или что случилось в замке?

Когда отряд перешёл границу, солнце только слегка оторвалось от горизонта. Ветер стих и на небе не было ни облачка. После удушающей жары Дебрей мороз казался особенно сильным, и люди кутались в подбитые мехом плащи. Прорываясь сквозь нанесённый за ночь снег, они вышли к замку барона лишь к полудню.

Строитель данного сооружения явно предпочитал классику, поэтому на крутом холме располагался квадрат серых каменных стен с круглыми башнями по углам. Через ров к опущенному подъёмному мосту тянулась насыпь. Из-за стены выглядывал массивный донжон, ощерившийся чёрными щелями бойниц.

Отряд двинулся к воротам мимо зарослей занесённого снегом камыша. Вчерашняя буря очистила дорогу от снега, и они без проблем преодолели остаток пути.

– Что-то часовые совсем мышей не ловят, – произнёс сэръ Грегори. – За разгильдяйство в королевских крепостях строго наказывают.

– Странно, – отметил Томас, – старый барон просто помешан на дисциплине. Заснувший на посту часовой сильно рискует.

Вербовщик, спешившись, подошёл к воротам, и заколотил в толстую дубовую створку навершием меча, но на громкий стук никто не отозвался. Отойдя чуть назад, все подняли головы, уставившись на стены, но оттуда по-прежнему не доносилось ни звука.

– Я вполне мог бы забраться наверх, – проговорил Томас.

– Ты наш единственный рекрут, а, учитывая, сколько раз мы здесь чуть не погибли, то, возможно, и последний. Я не могу допустить, чтобы часовой с перепуга продырявил тебя из арбалета, – сказал вербовщик. Он указал на одного из солдат:

– Полезешь ты, вербовщик указал на Уинстона.

– А как же арбалет? – возмутился тот.

– Авось тебе повезёт – отмахнулся него сэр Грегори.

Солдат пошёл по замерзшему рву, ища удобное место для штурма стены. И, выбрав наиболее пострадавший в неравной битве со стихией участок, попробовал раствор на прочность кинжалом. Из-под клинка без особых усилий посыпался песок. Расчистив таким способом место для ног, он начал подниматься выше.

Стена была старой и изобиловала трещинами и сколами. Уинстону почти не приходилось работать кинжалом при подъёме. Забравшись на гребень стены, он помахал оставшимся внизу товарищам рукой и скрылся из виду. Его не было довольно долго, но потом за воротами послышался шум отпираемого запора, и все взяли оружие на изготовку.

– Здесь всё завалено снегом! – крикнул Уинстон из-за ворот. – Внутри никого нет и явно уже давно.

На то, чтобы откопать ворота ушло не меньше получаса. Крепость внутри была похоронена под снегом, его явно наметало сюда ни одну неделю. На узких улочках замка сугробы были выше человеческого роста.

– Ну и куда они все запропастились? – спросил сэр Грегори.

– Может они просто ушли отсюда? – предположил Кевин.

– Ага, – съехидничал Томас, – а потом прикрыли за собой ворота и заперли изнутри. Мне здесь не нравится. Куда бы не исчезли люди, это определённо намёк на то, что и нам здесь делать нечего.

– Мы не можем просто уйти, ведь эта крепость главное укрепление на границе. Нужно всё выяснить и сообщать герцогу об этом, – ответил сэр Грегори. – В замке было несколько сотен человек, в том числе опытные солдаты. Если что-то смогло их всех убить, так что они даже не смогли сообщить об опасности, и это что-то всё ещё здесь, у нас вообще нет шансов добраться до герцога.

– Наш долг узнать, что здесь случилось, – упрямо повторил сэр Грегори.

Отряд несколько часов пробивался сквозь снег к донжону. По дороге они откопали несколько домов, но те были пусты, никаких следов сражения также обнаружить не удалось. Взглянув на клонящееся к закату солнце, Томас произнёс:

– Как знаете, а я здесь ночевать не останусь.

– Да ладно тебе, – зевая, ответил один из солдат. – Здесь безопасно и есть где укрыться от холода и непогоды.

– Безопасно, – фыркнул Томас, – да я лучше буду спать, зарывшись в снег, чем ночевать в месте, где творится всякая чертовщина, – сказал он, зевнув.

Развернувшись, он пошёл к воротам. С каждым шагом невыносимая усталость наваливалась на него. Не пройдя и тридцати шагов, он споткнулся и уткнулся лицом в снег. Холод немного привёл его в чувство, и Томас, сев на снег, обернулся на солдат. Они попадали там, где стояли, и только вербовщик ещё шевелился, пытаясь заставить своих людей подняться.

На Томаса накатила странная апатия. Разумом он понимал, что нужно срочно вставать и уносить ноги, но настолько не хотелось ничего делать, и он просто сидел, тупо глядя в одну точку. Закатное солнце окрасило стены домов алым цветом. Затем наступила ночь.

Томас видел, как неясные силуэты пробираются по крышам домов, спускаются по стенам, подходят всё ближе, но ему было всё равно. Небольшое существо чуть меньше метра подошло к нему. Заостренная мордочка с торчащими ушками, худенькая фигурка, маленькие лапки с небольшими коготками.

Он сразу понял, что это его друг, самый лучший и преданный, за которого не жалко жизнь отдать. Существо протянуло свою лапку, призывая его вставать. Томас со счастливой улыбкой поднялся, разминая затёкшие ноги. Вдруг он почувствовал вспышку гнева, когда, повернув голову, увидел, как сэр Грегори мечом пронзает одного из его друзей. Ярость затопила его сознание, хотелось броситься на злого человека, посмеявшегося напасть на этих милых существ, но он просто стоял и смотрел.

Вербовщик, покачиваясь, словно пьяный, шёл по узкой улочке, отмахиваясь мечом от быстро скачущих вокруг него неизвестных существ. Остальные солдаты начали неуверенно подниматься с земли. Один из них, издав помесь крика со стоном, выхватил кинжал и бросился на вербовщика. Тот парировал мечом удар и повалил противника, заехав кулаком в стальной перчатке тому в челюсть. Солдат, нелепо взмахнув руками, как подкошенный рухнул на заледеневшую землю.

Узость прохода не позволяла солдатам атаковать одновременно, и они толпились между домами, мешая друг другу. Сэр Грегори пятился по улице, отбиваясь от них мечом. Мелкие существа пытались подобраться и укусить его за ноги. Они свободно перемещались по стенам и крышам, нападая с разных сторон. Поравнявшись с Томасом, вербовщик дал ему сильную пощёчину и, резко встряхнув за плечи, прокричал:

– Приди в себя, парень, нам надо уносить ноги отсюда.

Боль немного прояснила разум, и Томас медленно побрёл в сторону ворот. У него в голове был полный сумбур: сознание как

будто разделилось – одна часть требовала бежать из проклятой крепости, а другая желала броситься на спину вербовщику, всадив в него кинжал и защитить пушистых зверьков.

Каждый шаг стоил невероятных усилий, тело двигалось, будто сквозь воду, пот заливал глаза как после многочасового бега. С десятков тварей, с чириканьем носившихся по крышам, начали осыпать их градом из обломков черепицы. Увесистая глиняная плитка, больно ударив Томаса в плечо, разлетелась на мелкие осколки, оцарапавшие лицо. Это вызвало чувство обиды, резко переросшее в ярость.

Томас потянул из-за спины лук, ему удалось без особых проблем натянуть тетиву, взять на прицел одну из тварей и выстрелить. Заверещав, подранок скрылся в темноте, моментально растеряв весь боевой настрой. Остальные метатели черепицы, проявив предусмотрительность, не стали дожидаться своей очереди и скрылись за коньками крыш, изредка высываясь из укрытия, чтобы метнуть новый снаряд.

Потеряв из виду мишень, Томас растерялся. Его гнев начал остывать. Он поглядел на солдат, продолжавших наседать на вербовщика, и усилием воли сосредоточил негативные чувства на них, а солдаты, лишившись поддержки сверху, решили пойти ва-банк – передний из них с разгону бросился грудью прямо на меч вербовщика. Тот еле успел задрать клинок, встретив противника ударом в лицо. Солдат, зажав разбитый лоб руками, осел в снег, но его товарищи успели сполна воспользоваться моментом и окружили сэра Грегори. Увлечшись схваткой, они совсем забыли про Томаса, а тот, увидев перед собой их спины, не раздумывая, прыгнул на них и сильно толкнул вперёд.

Один из солдат не удержался на ногах и бухнулся под ноги вербовщику, получив от него мощный пинок. Второй, сумевший устоять на ногах, сцепился с Томасом в рукопашной, оторвал от земли, и отправил в ближайший сугроб.

Выкарабкавшись из снега, Томас окинул быстрым взглядом поле боя: сэр Грегори справился со своим противником и теперь пытался растормошить поверженных солдат, заставив их двигаться. Он даже добился некоторого успеха, но тут странные существа снова бросились в атаку. С грозным верещанием они перекатились через коньки крыш, двигаясь плотно, как единое целое. За считанные секунды они преодолели площадь перед воротами и с визгом налетели на людей, большинство из которых даже не успело достать оружия. Нападавшие опрокинули сэра Грегори.

Томас молниеносно отскочил к стене, выхватил кинжал и приготовился к бою. Несколько тварей, бросившихся на него сбоку, пытаясь укунить его за незащищенные ноги. Ему пришлось исполнять причудливый танец с прыжками и резкими взмахами ногами, так как

на нём повисли не меньше шести тварей, пытавшихся впиться в него зубами, но им мешала кольчуга.

Внезапно что-то оглушительно взорвалось, бросив его на землю и сметя облепивших его тварей. Уши заложило, в голове раздавался звон. Люди с трудом поднялись с земли, помогая встать пострадавшим товарищам, и двинулись в сторону ворот. Почувствовав, что добыча уходит, неизвестная сила попыталась вновь нанести удар, но отряду удалось вырваться за ворота.

Вокруг стоял лютой мороз, а на небе яркие немигающие звёзды равнодушно взирали на сгрудившихся у маленького костра людей. Стуча зубами, один из солдат, произнёс:

– Что будем делать дальше? Без лошадей нам далеко не уйти. Если будет погоня, нам не спастись.

Томас ответил ему:

– Не будет погони, в поле с сугробами и игуры не воины, они до нас не доберутся. Им нужна высокая точка для нападения, обычно это ветви деревьев, ну или крыши домов. По земле они бегают хоть и быстро, но недолго.

– Жуткие твари, у меня до сих пор в голове кавардак. Никогда не испытывал такого ужаса, вроде всё понимаешь, но тело как чужое, движется как марионетка на ниточках, – всхлипнул солдат.

– Да, жуть, – подтвердил Томас, – только это не они, игуры довольно безобидные существа, по сути белки переростки, живут стаями в Дебрях на самых вершинах деревьев, совершая набеги за фруктами вниз. Они очень трусливы, но при малейшей опасности атакуют, начиная забрасывать врага всем, что попадётся под руку, и причём исключительно метко. Я подозреваю, что они не сами спустились с вершин, перешли границу и добрались до крепости по земле. Скорее всего, они такие же марионетки того существа, что напало на нас и именно оно уничтожило город.

– Неизвестно, на что ещё оно способно, и чем дольше мы тут сидим, тем вероятнее, что оно лично явится познакомиться с нами, – сказал сэр Грегори.

– Если бы оно хотело вмешаться лично, то вмешалось бы ещё в замке, времени у него было достаточно. Либо оно нас боится, либо предпочитает решать проблемы чужими руками. В любом случае маловероятно, что оно нападёт на нас в чистом поле, да ещё в одиночку, – ответил ему Томас, затягивая повязку на прокушенной ноге. – Сидите здесь, я пойду искать лошадей, у меня в седельной сумке есть несколько сильных снадобий, обработаем раны, и поищем укрытие, где можно отлежаться.

Может, просто вернёмся в Дебри, там хотя бы тепло, – произнёс, дрожащий от холода, Майк.

Томас присел на корточки, буквально на ощупь, ища в кромешной тьме следы коней на снегу. Продвигаясь вперёд шаг за шагом, он прошёл с километр, когда в небольшом овражке заметил сгрудившихся в кучу коней.

Томас подошёл к своему коню, и начал копаться в седельной сумке. Наконец, он извлек наружу небольшую склянку, он вытянул зубами пробку и сделал небольшой глоток. По телу разлилась волна тепла, а холод уступил место нестерпимому жару. Томас взял коней под уздцы и повёл в сторону костра. Там он напоил всех раненых лекарством. Когда все немного пришли в себя, то стали решать вопрос что делать дальше.

Недалеко от замка расположен городок, но, учитывая, что его жители ничего не сообщили нам о том, что творится в замке, вряд ли у них всё в порядке, – рассуждал Томас. – Другое селение в полутора днях пути. Нам проще вернуться ко мне домой, чем идти туда.

– Такой дороги мы сейчас не выдержим, – неуверенно сказал сэр Грегори. – Надо найти убежище максимум в паре часов езды отсюда.

– Есть ещё охотничий домик, я бывал там, когда отец охотился со старым бароном, – припомнил Томас. – Думаю я смогу отыскать его.

– Ещё варианты есть?

– Я не слишком хорошо знаю эту местность, но где-то здесь рядом с границей есть фермы.

– Ты уверен, что мы их найдём?

– Нет, – ответил Томас.

– Значит, едем в охотничий домик, – принял решение сэр Грегори.

Глава 5. Охотничий домик и новое знакомство

Им повезло, и блуждать по лесу не пришлось, так как Томас сразу вывел отряд к приземистому бревенчатому строению среди деревьев. Окна были закрыты тяжёлыми ставнями, а двери так замело, что пришлось изрядно потрудиться, разгребая снег.

Внутри основное пространство занимала большая комната с камином, а по стенам были развешаны охотничьи трофеи барона и его гостей, в основном рогатые головы оленей и других травоядных животных, привезённых в эти леса специально из-за реки ещё в самом начале освоения новых земель, но были и клыкастые хищники, а на полу лежали пушистые шкуры.

Головы были как живые, и казалось, что они следят глазами за незваными гостями. Центральное место над камином занимала невероятно уродливый зверь, покрытый клочковатой чёрной шерстью.

Солдаты быстро развели огонь в камине. Помещение прогревалось очень медленно. Томас пристроился на медвежьей шкуре у огня и мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда он проснулся, камин уже прогорел, а сквозь щели в ставнях пробивались солнечные лучи. Несмотря на вчерашние испытания, Томас чувствовал себя вполне сносно. Прокушенная нога почти не болела, и даже обычной простуды он, кажется, ухитрился избежать. Поднявшись на ноги, он с удивлением обнаружил на ноге тугую повязку: ясно, что её не могли наложить во сне, но он, хоть убей, не мог вспомнить, как она появилась. Остальные члены маленького отряда ещё спали, даже часового не выставили.

Томас, вспомнив, что вчера он так и не расседлал лошадей и вообще не позаботился о них, быстро одевшись, выскользнул за дверь. За домиком он наткнулся на неказистый сарай, покрытый соломой. Лошади были внутри, причём они были рассёдланы и накормлены. Томас испытал острый укол совести, ему вчера досталось меньше всех, а он просто свалился и уснул, в то время как раненые товарищи за него возились с лошадьми.

Судя по всему, здесь придётся задержаться на несколько дней и, если не хочешь есть всё это время одну солонину, то надо идти на охоту. Ещё у него была свежемороженая змея, но её он планировал подкоптить и оставить на чёрный день.

Томас, подхватив лук, направился в близлежащий лес, добывать еду. Отойдя совсем недалеко, он наткнулся на свежие олени следы, немного пройдя по которым, увидел поляну, в центре которой стояла заполненная зерном деревянная кормушка. На снегу было много свежих оленьих следов. Взбодрившись, Томас двинулся дальше, ведь добыча не могла уйти далеко от кормушки.

Пройдя по тропе километра три, Томас заметил небольшое стадо оленей. Мягко спустив тетиву, он безошибочно поразил цель. Подойдя к оленю, Томас примерился к весу добычи, намереваясь целиком взвалить её на плечо, как вдруг кто-то дунул ему в ухо.

В лучах яркого солнца, пробивающихся сквозь голые ветки, заметить свечение, испускаемое невидимым существом, было сложно, но Томасу это удалось, шар желтого света парил над землёй и очень веселился, наблюдая за охотником. Существо хихикало не переставая, тоненьким писклявым голоском.

Томасу прежде не доводилось видеть подобных существ, но из множества сказок и историй, он прекрасно знал, с кем свела его судьба. Лесные духи и феи были реликтами прошлой эпохи. Обладая разнообразными формами и размерами, они считались вполне разумными и даже могли разговаривать. Они жили беззаботной жизнью в глубине лесов, почти не пересекаясь с людьми.

Причинить вред лесному духу считалось страшным преступлением. Однажды за нарушение запрета наказали даже короля. В целом абсолютно безвредные, духи славились глупыми шутками и полным отсутствием страха, что в сочетании нередко приводило к сокращению их численности. Ещё они любили блестящие предметы, а отсутствие понятия о частной собственности приводило к неприятным ситуациям, но даже ограбленный человек не имел права и пальцем тронуть наглого воришку.

Томасу причина этого запрета была неизвестна, но вбивали его детям с самых малых лет. И вот одно из этих существ вилось вокруг него, норовя задеть на крутых виражах. Не слишком обрадованный этим соседством, охотник успел уже пожалеть о том, что его понесло в зимний лес. Он бы с радостью бросил свою законную добычу и ушёл с заснеженной поляны, но лесной дух как будто чувствовал его порывы и именно в этот момент оказывался между ним и спасительными зарослями.

В легендах рассказывалось, как избавиться от назойливого духа: для этого надо было просто подкинуть в воздух блестящую монету и уносить ноги в противоположную сторону, но, как назло, Томас оставил деньги в охотничьем доме, полагая, что вряд ли они понадобятся ему в лесу. В результате из блестяшек, способных привлечь жадное существо, в наличие имелись только метательные ножи, а бросать их ему показалось плохой идеей – у верткого летуна вполне хватит дури поймать опасную игрушку в воздухе, и попробуй потом докажи, что у тебя и в мыслях не было причинить вред глупому созданию.

Томас застыл, стараясь не шевелиться, а наглый светящийся шар откровенно развлекался, находя сложившуюся ситуацию забавной. Неугомонное существо, на пару мгновений притормозив напротив его лица, певуче по-птичьи зачирикало и частично утратив

невидимость обрело полупрозрачный контур, протянув ручонки к туше оленя.

Томас, никогда не слышавший, чтобы лесные духи ели мясо, с нарастающим подозрением уставился на кружащееся недоразумение, но всё же склонился над тушей, и аккуратно прикрывая блестящее лезвие ножа, сделал длинный надрез. Существо, издав высокий писк, спикировало к открытой ране, и, помогая себе ручонками, безуспешно попыталось оторвать кусок мяса зубами.

Понаблюдав несколько минут за тем, как оно висит, помогая себе крыльями, и пытаясь оторвать хоть кусочек, Томас сжалился и отрезав большой кусок, подошёл к плоскому камню, торчащему из-под снега на краю поляны. Мелко нарезав мясо, он негромко свистнул, привлекая внимание существа к угощению. Реакция была молниеносной: размытый силуэт мелькнул над поляной и плюхнулся прямо в нарезанные ломтики.

Если бы Томас сам этого не слышал, то ни за что бы не поверил, что такое маленькое существо может так громко чавкать, хотя глупо ожидать от лесного духа знания придворного этикета, с чем и у самого Томаса были проблемы. Существо поглощало кусочки мяса, как будто не ело как минимум год, ещё больше еды разлеталось по сторонам, а дух весь перемазался.

Томас начал медленно пятиться в сторону кустов, не сводя глаз с этого пиршества. Он преодолел уже больше половины расстояния, когда существо перестало есть и уставилось на него большими зелёными глазами. Он уже понял, что встретил фею, которая, приземлившись ему на плечо, со смехом запустила перепачканные руки в его волосы. Опешив от такой наглости, Томас протянул руку, чтобы пресечь безобразие, но существо, увернувшись от его пальцев, перепорхнуло на другое плечо и прижалось губами к его щеке.

Изменив тактику, Томас вместо резких движений медленно подвел руку снизу и, ухватив существо за ножки, оторвал его от себя. Держа на вытянутой руке повисшую вниз головой и возмущенно пищущую фею, Томас смог, наконец, рассмотреть её.

Её зелёные глаза гневно сверкали на вполне человеческом бледном личике. Длинные светло-салатовые волосы раскачивались в такт её движениям, а за спиной трепетали две пары прозрачных крыльев, переливающиеся в лучах солнца всеми цветами радуги.

Фея была одета в платице, которое знавало лучшие времена. Обеими ручонками она вцепилась в подол. Томас быстро перевернул её в нормальное положение и разжал пальцы, но наглый дух и не подумал улететь, вольготно расположившись на ладони, с самодовольным видом начав поправлять растрёпанные волосы.

Томас свободной рукой знаками показал, что неплохо бы найти более подходящий насест для своих, несомненно, очень важных

занятий. Крылатое создание, бросив снисходительный взгляд из-под длинных ресниц, показало ему розовый язычок и устроилось на ладони поудобнее. Подавив острое желание просто стряхнуть нахалку, Томас достал платок и протянул его ей. За что удостоился недоуменного писка и взгляда явно говорящего:

– Что мне с этим делать?

Раздраженно скривившись, он, насколько это было возможно, тщательно вытер личико и ручки непрерывно вертящегося и хихикающего создания. Когда гигиенические процедуры были окончены, фея, встав на ладони в полный рост и жестикулируя руками, возмущённо пропищала всё, что о нём думает, после чего гордо отвернувшись, резко взмахнула крыльями и, закрутившись вокруг своей оси, стремительно устремилась вниз. Томас едва успел подхватить её у самой земли.

Приходя в себя после такого феерического фиаско и выглядя немного смущённой, она попробовала медленно пошевелить крыльями. Одно из них изогнулось под неправильным углом и почти не шевелилось. Дотянувшись до него руками, она попыталась вправить его на место, но стало ещё хуже – крыло безвольно повисло вдоль тела. Закрыв лицо ладошками, фея тихо всхлипнула.

Томас, понимая, что на верёвку с петлёй на ближайшем дереве он уже заработал, лихорадочно начал думать, что делать дальше. Можно было просто оставить всё как есть, ведь его никто не видел, а кроха даже не сможет никому ни о чём рассказать, но его воспитывали по-другому: на границе не было хуже проступка, чем бросить человека в беде, таких презирали все. Лесной дух, конечно, не человек, и об этом никто не узнает, но Томас просто не мог поступить подло.

Приняв решение, он уже спокойно пересадил крошку себе на голову и, взвалив тушу оленя на плечо, направился в сторону охотничьего домика. Подходя к крыльцу, он приготовился рассказать заранее приготовленную историю, когда дверь открылась, и наружу вышел сэр Грегори. Он помог Томасу сгрузить на землю тяжёлую добычу, и бесцеремонно ткнув пальцем ему в висок, спросил.

– Это что такое? Кровь? Ты ранен?

Машинально ощутив волосы, Томас, ответил:

– Нет, просто испачкался.

– Ладно, иди, приводи себя в порядок, а я здесь сам разберусь.

Пройдя внутрь, Томас на ощупь сграбастал малявку, оседлавшую его голову, и почти не удивился, когда в своей руке ничего не увидел. Потом на вытянутой ладони появился свет, затем постепенно начал проступать контур, и вот уже на него уставилась пара недовольных зелёных глаз.

Кроха, возмущенно жестикулируя, набрала в грудь воздуха, собираясь сообщить миру своё мнение о поведении некоторых грубиянов, не умеющих обращаться с истинными леди. Но была прервана поднесённым к губам пальцем Томаса, совершенно не желавшего объяснять своим спутникам, что это громко чирикает и пищит в коридоре. Возмездие последовало незамедлительно – фея укусила палец.

Томас отдернул руку, но незначительный вес и крепкая хватка позволила крохе не выпустить пойманную добычу из зубов. Повисшая на пальце малютка издавала грозный писк, к счастью не очень громкий. Томас, не на шутку напуганный внезапным нападением, застыл на месте, с одной стороны, стряхнуть злобного духа не представляло сложности, но как это сделать, не причинив вреда хрупкому существу? С другой стороны, он ничего не знал о физиологии новой знакомой, а если она ядовитая? Учитывая характер феи, это казалось вполне возможным.

Подчиняясь интуиции, Томас, слегка пощекотал маленькую фурию. Эффект превзошёл все ожидания, тут же выпустив палец, кроха повалилась на спину, хихикая. Наслаждаясь заслуженным воздаянием, Томас ещё некоторое время не останавливал процедуру. Когда он посчитал моральный ущерб возмещённым, то пересадил фею на плечо и вошёл в неприметную дверь, ведущую в баню. За время его отсутствия солдаты успели растопить печь и натаскать в большую бочку воды. Наполнив горячей водой таз, Томас задвинул его за угол печи и, ссадив кроху на пол, слегка подтолкнул её в сторону таза.

– Тебе не мешает привести себя в порядок, – строго сказал он.

Несносное создание тут же подняло такой шум, как будто в бане поселилась целая стая воробьёв вместе с косяком свихнувшихся рыб, молотящих по поверхности воды хвостами. Томас не представлял, что будет делать в случае, если кто-нибудь заглянет на шум узнать, в чём дело?

Скинув рубаху, он торопливо умылся и попытался промыть слипшиеся волосы. Сложно сказать, насколько он в этом преуспел, его гораздо больше сейчас волновал затянувшийся концерт, который и не думал смолкать. Подойдя к печи, Томас на мгновение замешкался, и, не решившись заглянуть за угол, строго произнёс:

– Эй, мелочь, заканчивай плескаться, если сейчас же не выйдешь, уйду без тебя.

К его удивлению, это сработало, не прошло и пяти минут, как из-за угла показалась взъерошенная кроха в мокром платице. Ей даже в голову не пришло, что одежду следовало бы снять, прежде чем лезть в воду.

Томас опять протянул ей платок. И естественно она снова сделала вид, что абсолютно не понимает, что от неё хотят. После

короткой возни, ему всё же удалось завернуть её в платок. Шикнув на возмущенно пищущий свёрток, Томас сказал:

– Тихо, – сказал он фее, – сейчас мы зайдём в комнату с другими людьми и в твоих же интересах, чтобы тебя не заметили.

Платок запыхтел, но, резко сбавил громкость. Значит, она понимает, что ей говорят. Держа свёрток в руке, он вышел в общий зал.

Солдаты расположились у камина, протягивая к огню куски сочного мяса, нанизанные на кинжалы. Томас пристроился с краю на медвежьей шкуре, аккуратно положив свёрток рядом с собой. Ему тут же протянули миску с ароматной дымящейся олениной, нарезанной крупными ломтями. Томас с наслаждением приступил к еде.

В комнату вошёл сэр Грегори и, усевшись в кресло во главе стола, получил свою порцию мяса.

Томас отвлекся лишь на мгновение, а когда бросил взгляд, обнаружил рядом с собой пустой платок. Он не знал, чего бояться больше, что кто-нибудь случайно наступит на несносное существо или того, что по дому разгуливает фея с хулиганскими манерами.

Вербовщик ел не торопясь, аккуратно нарезая мясо тонкими ломтиками при помощи маленького ножа. Закончив, он коротко сказал:

– Завтра на рассвете выдвигаемся дальше.

Один из солдат, состроив страдальческую мину, простонал:

– Командир, пощади, мы еле ноги передвигаем, вы так знатно нас отделали, что и недели мало, чтобы прийти в себя.

– Мы слишком близко к замку, да и ноги передвигать придётся коням, а не тебе, – бросил ему в ответ сэр Грегори.

– Куда планируете направиться? – спросил его Томас. – По-прежнему собираетесь двигаться вдоль границы?

– Нет, – ответил тот. – Приключений с нас хватит, двинемся к старому тракту, а по нему – кратчайшей дорогой к мосту.

– До нового тракта ближе, да и дорога там лучше, – возразил ему Томас.

– По новому тракту мы сюда и приехали, я хочу поискать рекрутов в поселениях вдоль дороги.

– Но по дороге надо бы завернуть в городок у нового тракта и предупредить людей о том, что случилось с бароном и разослать вестников в другие приграничные поселения, – настаивал Томас.

– Хорошо, мы сможем по пути пополнить припасы и передохнуть, – согласился с ним вербовщик.

Остаток дня Томас занимался чисткой и починкой снаряжения, а ещё попытками выследить несносное существо.

Фея периодически мелькала то тут, то там, видимо, не могла всё время поддерживать невидимость или просто забывала это делать, но

стоило Томасу устремиться на отлов беглянки, как она тут же бесследно исчезала.

Он подумал устроить ловушку, и с трудом вспоминая из слышанных в детстве сказок и легенд, что же едят лесные духи, пришёл к выводу что ни молока, ни нектара цветов, ни даже вина ему взять негде, поэтому достал несколько медных и серебряных монет и натерев их до блеска, разложил в углу на расстеленном плаще, тщательно делая вид, что чистит кольчугу и даже не смотрит в ту сторону, готовый, при малейшем движении, дернуть за веревку и накрыть плащом незадачливую воровку. Но то ли легенды преувеличивали любовь лесных жителей к блестящим предметам, то ли эта конкретная представительница оказалась умнее, чем выглядела на первый взгляд, но ловиться в примитивную западню похоже она не собиралась. Прождав до заката, Томас сгрёб монеты обратно в кошель и отправился спать.

Глава 6. Прodelки феи

Пробудиться ото сна его заставил душераздирающий вопль. Подскочив и схватившись за кинжал, он начал озираться в поисках опасности. Но всё было, кажется, спокойно, только в тусклом свете, идущем от окна, он начал замечать, что его товарищи выглядят как-то необычно. У стоящего рядом солдата в волосах видны какие-то яркие пятна.

Наконец зажгли свет, и солдаты захохотали, глядя на своих товарищей. Томас не смеялся, он в данный момент мечтал о том, как поймает мелкую поганку и с наслаждением отвернёт ей её глупую голову.

Волосы людей были заплетены во множество косичек, перевязанных яркими бантиками и живыми цветами, неизвестно откуда взявшимися среди зимы. Те, кто носил короткие причёски, тоже не избегли этой участи: несносное существо ухитрилось во сне в полной темноте расписать их лица вызывающе яркими красками, мастерски изобразив цветы, бабочек с жуками самых причудливых форм и расцветок.

Дом тоже не был забыт: голова чудовища, висевшего над камином, тоскливо взирала на творящийся беспорядок своими многочисленными красными глазками с длинными накрашенными в разные цвета ресницами. Пучки её чёрной шерсти тоже были заплетены в маленькие косички с бантами, а в ужасающей ощеренной пасти разместился букет цветов ядовито-розовых тонов. Остальные животные тоже были украшены: кто цветами на рогах, кто венками из трав с листьями. Под потолком висели целые гирлянды цветов, а в воздух поднялись мириады бабочек, вспугнутых светом и суетой.

Сэр Грегори не смеялся, кстати, проказница почему-то обошла стороной. Он явно нервничал оттого, что кто-то похозяйничал в доме, несмотря на выставленных дозорных. Последние как раз ввалились в дом и выглядели ещё краше, чем присутствующие: на голове одного из солдат была сооружена сложная конструкция из веток, в которой щебетало не меньше десятка мелких золотистых птичек, похоже возмущённых ничуть не меньше, чем их вынужденный носитель. Второй был похож на живой розовый куст и с трудом пролез в дверь. Взгляд сэра Грегори, пылая праведной яростью, остановился на этих двоих.

– Как я спрашиваю, злоумышленнику удалось сотворить с вами такое на посту?

– Это всё колдовство, – выпалил один из них, явно начавший понимать, что кто-то должен ответить за творящееся непотребство и вероятность того, что это будут заснувшие часовые, стремительно приближается к 100%.

– Я лишь на мгновение сомкнул глаза, а очнулся от крика напарника уже в таком виде.

– Потом разберёмся, – отрезал вербовщик. – Кончайте хохотать, надо уходить от этой чертовщины, пока не вляпались ещё во что-нибудь.

Томас с грустью подумал, что вляпаться больше уже вряд ли получится, а если, бравые вояки узнают по чьей милости это с ними произошло, ему нечего надеяться на лёгкую смерть.

Солдаты быстро собрали вещи, одновременно пытаюсь сорвать с себя непрошенные украшения. Один из них обратился к сэру Грегори:

– Командир, только не говори, что мы собираемся ехать в таком виде, не дай бог кого-нибудь встретим, если нас не подстрелят с перепуга, приняв за монстров, то сами помрём со стыда.

– Отставить разговоры, тот, кто это сделал, может быть, ещё здесь, и мы не знаем, чего он хочет.

Томас не сомневался, что тот, кто это сделал здесь, и готов был поспорить на золотой, что, если бы не шум от сборов, они бы услышали её сдавленное хихиканье. А насчёт того, чего она хочет, сказки были весьма конкретны: лесные духи превыше всего ценят развлечения, а если кто-то при этом оказывается в глупом положении, так это ещё в десять раз лучше.

Собирая вещи, Томас без особого удивления, заметил, что во время сна ему не просто размалевали лицо, но и ограбили: вчерашние начищенные монеты бесследно исчезли из кошелька, к счастью, остальное его содержимое жадное существо не заинтересовало. И ему ещё повезло, как выяснилось, материал для бантов поганка нашла здесь же, копаясь в неосторожно брошенных сумках, беспорядочно нарезав кусков из разных мест одежды. Что любопытно никто из

солдат, естественно, не носил одежду ярких цветов, а уж тем более, розовую, а именно этому цвету явно отдавала предпочтение малявка.

Не совсем понятно, каким образом куски чёрной, коричневой и тёмно-зелёной одежды превратились в пышные розовые, ярко-красные и небесно-голубые банты, но Томасу подумалось, что любой столичный ремесленник продал бы душу за секрет столь быстро и качественно ложающейся краски. Он даже специально потёр в пальцах ткань одного из бантов, проверяя стойкость красителя, и не заметил никаких признаков того, что ещё несколько часов назад он был частью солдатских штанов. Даже на ощупь материал напоминал скорее дорогой шёлк, а не грубую ткань.

подавив меркантильные мысли о возможности продать крылатое создание какому-нибудь портному, где она до скончания своих дней будет окрашивать километры тканей, Томас подхватил свою сумку и выскочил за дверь, направляясь к конюшне. Честно говоря, он был поражён трудолюбием лесного духа. Убедившись, что до лошадей она тоже добралась, Томас вывел на свет розового коня под розовым седлом.

Он, не сдерживаясь, высказал всё, что думает о поганке и её перспективах на дальнейшую недолгую жизнь. Солдаты тоже не стеснялись в выражениях, седлая своих подвергнутых непрошенному тюнингу коней, на которых мелкая оттянулась по полной: здесь были расцветки под леопарда, голубая, пятнистая в десятки разных цветов, что даже вблизи не верилось, что это живое существо.

Пока маленький, но пестрый отряд седлал лошадей, Томас пошёл приоткрыть дверь охотничьего домика на случай, если малявка ещё внутри. Ему не хотелось этого делать, но вбитые с детства правила требовали убедиться, что вредное существо спокойно вернётся в лес.

Отряд сразу взял хороший темп, и до полудня ехал с максимально возможной скоростью, подгоняемый вербовщиком, желавшим оказаться как можно дальше от ночного инцидента. Остановились на привал у небольшого горячего ключа. Чтобы добраться до воды, путникам пришлось прорубать дорогу сквозь ледяные наросты, образовавшиеся за долгую зиму. Пока один солдат разводил костёр, остальные попытались немного привести себя и коней в порядок. Но не тут-то было.

– Не оттирается! – с обречённостью в голосе сказал один из солдат, пытавшийся счистить песком с лица россыпь пёстрых цветов и бабочек. – Неужели теперь нам всю жизнь ходить раскрашенными как попугаи?

– Не стоит переживать об этом, нас нашинкует первый же встреченный патруль. Это граница, здесь очень не любят всё

подозрительное, а что может быть подозрительнее группы раскрашенных мужчин на розовых лошадях, – сказал Томас.

Позже, когда они расселись у костра в ожидании, пока приготовится пища. Томас почувствовал на своём лице какой-то инородный предмет, протянув руку, он с удивлением обнаружил в пальцах красивый красный цветок без стебля. Подняв глаза на своих товарищей, он заметил, как рисунки на их лицах постепенно приобретают объём, превращаясь в настоящие цветы, бабочек и жуков. Заметив, как один из солдат тянется, желая смахнуть большого зелёного жука, вольготно разместившегося у него на носу, Томас закричал:

– Не двигайся!

Все удивлённо воззрились на него, но хотя бы перестали тянуть руки, куда не надо.

– Это жук – зелёный подрывник, – сказал Томас, осторожно подходя к солдату. – В момент опасности он выплёскивает наружу ядовитое содержимое своего брюшка, и, если он сделает это, сидя на твоём носу, ты, даже если выживешь, будешь сильно жалеть, что сразу не умер.

Подобравшись к испуганному солдату, пытавшемуся скосив глаза рассмотреть, насекомое, деловито копошащиеся на кончике его носа, Томас аккуратно поднёс к жуку большой сухой лист, подобранный с земли и ждал, когда жуку надоест сидеть на месте, и он решит пойти по своим делам. Ждать пришлось долго, как назло, жуку вполне нравился его теперешний насест, и он никуда не спешил, деловито чистя свои усики. Пришлось придать ему ускорение, слегка пощекотав пальцем сзади. Почувствовав прикосновение, жук нехотя перебрался на сухой лист, после чего был отправлен в продолжительный полёт.

Спасённый солдат, облегчённо выдохнув, произнёс:

– Жуть какая, а чего-нибудь менее смертоносное, у вас водится?

– Нет, тебе ещё повезло – большая часть насекомых в Дебрях гораздо опаснее, если бы это, например, был красный подрывник, я бы к тебе даже не попытался подойти, а сразу бы дал дёру и ближе, чем за пару сотен метров не остановился.

Избавление от вынужденных украшений прошло более или менее мирно, обошлось парой небольших ожогов от сока цветов и царапиной от крыльев бабочки-зубокрылки. Осматривая сваленные в кучу цветы, Томас не мог поверить, что непоседливая малявка действительно способна нарисовать столь реалистичные картины за одну ночь, да она вряд ли вообще умеет рисовать, только гадить по мелочи, хотя насчёт мелочи его товарищи могли бы поспорить.

Томас, прихватив с собой миску похлебки, отошёл к коням. Открыл седельную сумку, и встретился с двумя зелёными глазами,

уоставившимися на него из сумки. Затем глаза увидели дымящуюся миску и радостно запищали: «И-и-и-и!»

В первое мгновение опешивший от такой наглости, Томас схватил нахапку, чуть не уронив миску. Разместившись у него на ладони, она невинно хлопала длинными ресницами, непонимающе глядя ему в глаза. Но, видимо прочитав в них что-то нехорошее, тут же приняла несчастный вид, поглаживая ручками изломанное крыло, а Томас побагровел и срывающимся от ярости голосом выпалил:

– Не то крыло! Вчера было повреждено другое!

Ничуть не смутившись, малявка вынула это крыло, повесила другое, и, приняв ещё более жалобный вид, указала на миску.

Задыхаясь от такой наглости, Томас тихо произнёс:

– Второй раз этот трюк не пройдёт.

Фея на мгновение задумалась, пытаясь понять, что от неё хотят, а затем закатила глаза и вполне натурально изобразила голодный обморок. Томас почти купился на это представление, но нахапка переиграла, развалившись у него на ладони с видом умирающей, она вновь недвусмысленно указала на миску с похлёбкой – мол, последняя просьба. Взъярившийся Томас ухватил притворщицу за шиворот двумя пальцами и слегка встряхнул. Раздался возмущенный писк.

– Где мои деньги? – поинтересовался он.

Малявка непонимающе уставилась на него невинными глазами и захлопала ресницами.

– Я прекрасно знаю, что ты меня понимаешь, – сказал он.

Фея обижено надула губы, и ловко вывернувшись из его пальцев, нырнула обратно в седельную сумку. Она долго там копалась, сопровождая свои действия недовольным чириканьем. В конце концов, на свет появился объёмистый мешочек из плотной серой ткани, явно весивший гораздо больше, чем сама кроха. Быстро работая крыльями и пыхтя, она плюхнула находку Томасу на ладонь. Распустив перевязывающие мешочек тесёмки с явным удовольствием начала перебирать свои сокровища.

Томас не удержался и тоже заглянул через плечо крохи. Его глазам предстала весьма любопытная коллекция: в ней были представлены и бесполезный мусор, и весьма ценные экземпляры. Мешочек содержал большое количество разных чешуек и надкрылий насекомых разных форм и цветов. Все они блестели на солнце не хуже, чем отполированный металл.

Ценным это мог счесть только маленький ребёнок, ну и как выяснилось, лесной дух. Но кроме откровенного хлама в запасах существа было и немало любопытных вещичек: Томас заметил там драгоценные камни, монеты, в том числе золотые и даже пару дорогих украшений, ослепительно сверкающих на солнце.

Он пронаблюдал, как малявка одну за другой извлекает на свет сверкающие монеты. Когда она положила эту стопку в руку Томаса, на её личике отразилось неподдельное страдание. Тяжело вздохнув и бросив последний взгляд на уплывающие сокровища, она подхватила мешочек и понесла его обратно к седельной сумке. Томас напрягся, возврат его сбережений перестал ему казаться хорошей идеей. Видимо маленькое чудовище и дальше собирается осчастливливать их своим присутствием. А значит, розовая лошадь и жук-подрывник наверняка не самое худшее, что ждёт их в будущем.

Наблюдая как мелюзга в своей излюбленной манере, что не съем, то расплещу, поедает честно выкупленную за его же деньги похлёбку, Томас подумал, что может расстаться с парой монет или даже со всеми сбережениями, чтобы спровадить только эту головную боль.

Наскоро перекусив, отряд вновь двинулся вперёд, сэр Грегори как будто чувствовал, что опасность, от которой они бежали утром всё ещё рядом и подгонял людей. А опасность мирно спала в седельной сумке Томаса, и судя по довольному личику, ей снились новые многочисленные пакости, которые можно учинить.

К вечеру диковинная окраска лошадей стала заметно бледнеть у всех, кроме коней Томаса. Его конь, наоборот, стал ещё более насыщенно-розовым. Но у Томаса сложился план: он заметил, что после еды существо становилась вялым, поэтому решил впихнуть в малявку перед сном столько съестного, сколько влезет, даже если она съест всю его порцию – спокойствие дороже.

В этот раз отряд остановился в небольшой лощине, покрытой ельником. Общими усилиями, расчистив площадку от снега и расседлав коней, они занялись обустройством лагеря. Томас, верный своему плану, приготовил своё спальное место чуть в стороне от остальных. Кроме того, он залез в свой неприкосновенный запас, позаимствовав из аптечки немного мёда и спирт для обработки ран, и смешал всё это. Получив свою порцию, он отошёл в сторону в ожидании визита нахлебницы. Ждать долго не пришлось, почувяв запах еды, прожорливое существо спикировало с тёмного неба, привычно плюхнувшись ему на плечо. Томас тут же протянул миску похлёбки и даже подставил ладонь, чтобы ей было удобнее есть.

Малявка с подозрением заглянула ему в лицо, явно заподозрив что-то неладное. Он растянул губы в самой доброй улыбке, на которую был способен и елеиным голосом произнёс:

– Кушай не стесняйся.

Непохоже, что актёрское мастерство Томаса особо её впечатлило, но, продолжая с подозрением на него коситься, она, свесив ножки с ладони, приступила к трапезе.

Оказывается, она могла есть аккуратно, не разбрасывая еду на пару метров вокруг и не оглашая округу звуками, способными переплюнуть целую стаю птиц. Для этого всего-то надо было слегка её напугать. Сложив ладошки лодочкой, она зачерпывала похлебку и, аккуратно поднося к губам, бесшумно выпивала.

Томас терпеливо ждал, пока маленькое существо насытится. Облизав пальцы, она заглянула Томасу в глаза и невинно улыбнулась. Если бы он ещё не понимал с кем имеет дело, то возможно бы принял эту улыбку за благодарность, но недолгое знакомство с этой особой однозначно говорило, что она затеяла очередную пакость. Продолжая как идиот, улыбаться, Томас процедил сквозь зубы:

– Даже не думай.

И, заглянув в зелёные глаза, понял, что она и не думает ни о чём и, в первую очередь, о последствиях. Подобрал с земли миску с мёдом, он быстро заговорил, стремясь переключить внимание малявки на более безопасную цель:

– Посмотри, что у меня для тебя есть.

Продолжая, улыбаться, он поднёс к ней плошку. Вопросительно пискнув, она с подозрением понюхала содержимое, после чего аккуратно окунула в смесь самый кончик указательного пальца, облизнув его. После чего радостно взвизгнув, запустила в чашку уже обе ладошки. После третьей порции смеси Томас посчитал, что кое-кто от жадности может лопнуть, и попытался забрать угощение, но малютка мёртвой хваткой вцепилась в край чашки. Томасу пришлось выдержать ещё минут пять ожесточённой схватки прежде, чем он смог оторвать обжору от её добычи.

Заметно потяжелевшая и ставшая похожей на шарик, фея, недовольно заверещав, попыталась взлететь. И, как ни странно, ей это удалось, правда, с сильным боковым креном. Томас попытался её перехватить, но если поймать трезвую фею было сложно, то пьяную – практически невозможно. С весёлым хихиканьем, играючи избежав его рук, она унеслась в ночь.

Однако, стоило ему лечь и прикрыть глаза, как тишину ночного леса разорвал ужасающий нечеловеческий вопль, напоминающий то ли вой, то ли стон. Все в лагере вскочили со своих мест, выхватывая оружие. Один из солдат с заметно побледневшим лицом спросил у Томаса:

– Это ещё что?

Томас отлично узнал фею по голосу, но, к сожалению, донести столь ценную информацию до своих спутников никак не мог, а потому неуверенно произнёс:

– Может быть, ночная птица?

– Нет, это что-то гораздо более крупное и злобное, вон, как заливается, – сказал солдат, крепко сжимая древко копья.

– Оно приближается, – сдавленно прошептал другой, после очередного вопля.

В этот момент завывания раздались уже с другой стороны лагеря, заставив людей в панике вертеться на месте, выискивая во тьме неизвестного врага.

– Их целая стая, мы окружены! – заорал солдат, размахивая длинным мечом.

– Они боятся огня, ходят по периметру лагеря, но на свет не выйдут, поэтому разожгите костры по кругу, – приказал сэр Грегори.

В течение следующего часа Томас наблюдал за кипучей деятельностью солдат: они не только носились по всему лагерю с оружием, пытаясь предугадать место нападения невидимой стаи, но и успели возвести небольшой вал, что особенно впечатляло, если учесть, что земля была насквозь промерзшей и напоминала камень.

Малышка проявляла невероятное актерское мастерство, завывая на дюжину разных голосов и даже имитируя разговор между разными членами стаи. В кустах на краю поляны постоянно что-то громко хрустело, за приделами круга света отчетливо слышались грузные шаги, а из чащи изредка сверкали зелёные глаза.

Понаблюдав за суетой ещё немного. Томас, широко зевнув, заявил:

– Если они начнут нас есть, разбудите меня.

После чего под изумлёнными взглядами товарищей завалился на свою подстилку и мгновенно заснул.

Наутро уставшие, злые и вымазанные в грязи с ног до головы, солдаты с не поддельным уважением взирали на Томаса, и сэр Грегори высказал общее мнение, сказав:

– Парень, у тебя железные нервы.

– Не поверите, но это далеко не самая экстремальная ночёвка в моей жизни, она и в десятку не входит. Даже на дерево лезть не пришлось, а мне доводилось спать в болоте по пояс в воде среди пиявок метровой длины, – бодро улыбаясь, произнёс он.

Торопясь убраться с места ночного происшествия, отряд начал сборы с первыми лучами солнца. Оседлав своего розового коня, Томас, отвёл его в сторону от остальных и заглянул в седельную сумку, после чего нарочито заботливо спросил:

– Как ты себя чувствуешь? Не заболела ли? А то выглядишь, как будто всю ночь носилась по лесу, врезаясь в каждое дерево.

Из сумки в ответ раздался мученический стон, а фея с трудом разлепив красно-зелёные глаза и обхватив тонкими ручками голову, уставилась на него.

– Может, ты хочешь есть? – участливо спросил Томас. У меня со вчерашнего вечера осталось немного мяса. Он не без удовольствия наблюдал, как цвет лица феи сравнялся по зелени с глазами.

– Нет? Ну, а я, с твоего позволения, поем, – сказал он, вынимая из сумки большой кусок вяленого мяса, после чего начал с аппетитом его жевать, вызвав очередной сдавленный стон из сумки.

Сочтя воспитательную работу выполненной, Томас закрыл сумку, вскочил в седло и устремился вдогонку спешащим покинуть негостеприимный лес солдатам. Поначалу, пробираясь по узким звериным тропам, отряд, несмотря на все усилия, двигался со скоростью черепахи, но после полудня, выйдя, наконец, на расчищенный тракт, резко ускорил темп и через несколько часов оказался в предместье небольшого города.

Глава 7. Странный городок и коварство мэра

К воротам выстроилась очередь из нескольких телег и пеших крестьян. Отряд свернул на обочину и в обход стоящих людей двинулся к воротам. Очередь притихла, а провожающие вооружённых воинов взгляды были наполнены страхом.

У ворот пара охранников с алебардами молча посторонилась, пропуская прибывших в город. Проехав массивные ворота, солдаты оказались в небольшом внутреннем дворе, где на них с разных сторон тут же уставился добрый десяток копий. Стоящий за спинами копейщиков офицер весело произнёс:

– Ну, вы ребята и наглецы, вздумали просто взять и въехать в город, как ни в чём не бывало, пока патрули разыскивают вас по всем окрестным лесам.

– Обознались, уважаемый, – произнёс сэр Грегори холодным тоном, – мы люди короля, и у нас нет никаких причин скрываться.

Офицер громко рассмеялся:

– Ага, а я тогда император. Где мы, и где король? Что его люди забыли в нашей глуши? Могли бы придумать что-нибудь получше. Бросайте оружие.

– Не твоё дело, – раздраженно произнёс вербовщик. – За одни угрозы в адрес посланника короля можно попасть в тюрьму, а если постараться, можно город обвинить в бунте, тогда мало не покажется никому, – он резко сунул руку за пазуху, чем вызвал резкий окрик офицера:

– Эй, не дёргайся!

Не обращая на этот окрик ни малейшего внимания, сэр Грегори достал на свиток, небрежным движением развернул его и продемонстрировал всем ярко сияющую фиолетовую печать. Потерявший большую часть уверенности, офицер всё же попробовал сохранить лицо, сказав:

– Таких финтифлюшек любой колдун наделает.

– Не пытайся казаться тупее, чем ты есть на самом деле, – презрительно скривился вербовщик. – В любом городе королевства есть камень для проверки подлинности магических печатей.

– Он есть, только его носит с собой мэр, а он в такое время отдыхает, – совсем стушевавшись, промямлил офицер.

– Если через двадцать минут мои люди не будут размещены как надо, то ваш город может забыть о поставках продовольствия.

Побледневший офицер пролепетал:

– Конечно, ваша милость, сейчас всё будет исполнено.

Далее отряд разделился: сэр Грегори в сопровождении офицера и пары солдат отправился разыскивать мэра, а Томаса с остальными спутниками проводили в казармы. Их разместили в доме, предназначенном для проживания старших офицеров.

Двухэтажная постройка явно знавала лучшие времена, так как светло-серая краска местами облупилась, но обилие широких застеклённых окон говорило, что в прошлом здесь денег не жалели.

Четыре массивные гранитные ступени вели на крыльцо с восемью мраморными колоннами, поддерживавшими обширные балконы, расположенные с двух сторон от стеклянного эркера, тянувшегося на оба этажа, а парадная дверь, напоминающая скорее крепостные ворота. Внутри дом офицеров производил ещё большее впечатление: позолота, лепнина, роспись на потолках и огромная мраморная лестница с ковровой дорожкой

Офицеры явно не привыкли экономить на себе, что, учитывая небольшой размер города, указывало на то, что сильно сэкономили на ком-то другом.

Их разместили в двух больших комнатах на первом этаже, притащив массивные кровати из плохо обработанных досок с соломенными матрасами, неприятно контрастирующие с изящной резной мебелью из красного дерева, оставшейся с прежних времён. Когда слуги натаскали дров и разожгли камин, вернулся от мэра недовольный сэр Грегори.

Том спросил вербовщика, разослал ли мэр гонцов с сообщениями о том, что случилось в замке барона?

– Да, я лично проследил, как посланники покинули город.

– Вот и отлично. – улыбнулся Томас. Ситуация, когда всего в дне пути от его дома поселилось нечто, способное опустошить хорошо укреплённый замок, его откровенно напрягала.

С утра погода поменялась – набежали тяжёлые тёмные тучи и пошёл мелкий редкий снежок. За большим резным столом в холле собрались все немногочисленные обитатели старого особняка. Кроме командира гарнизона и главного врача присутствовало ещё несколько офицеров рангом пониже. Если их и раздражало, что пришлось делить трапезу с простыми солдатами, то они это умело скрывали. Ссориться

из-за такой мелочи с влиятельным столичным гостем никому не хотелось.

На фоне огромного помещения собравшаяся в нём горстка людей смотрелась как-то неуместно и Томас, решившись прервать напряжённое молчание, спросил у молодого офицера с пышными усами, сидящего рядом с ним:

– Не слишком ли велик особняк для такого скромного города?

– Его построили задолго до того, как появился город, здесь был последний форпост перед границей. Тут размещалась королевская гвардия и лагерь для отдыха войск, охранявших подступы к границе во время постройки. А этот дом принадлежал командующему гвардией, а он не привык отказывать себе в комфорте.

– Великовато для временного пристанища, – продолжал Томас.

– Ну не такого уж и временного, – возразил офицер, – гвардия проторчала здесь почти двадцать лет, и отозвали её в столицу только после смерти старого короля.

– Странно, – усомнился Том, – я слышал, что границу построили менее чем за два года.

– Да, но во время строительства войска успели близко познакомиться с обитателями Дебрей, и эта встреча очень сильно их напугала. Несмотря на клятвенные заверения магов, мало кто верил, что граница остановит жутких монстров, с которыми приходилось сражаться нашим войскам.

После завершения работ количество нападений даже возросло. В результате большая часть армии ещё много лет находилась рядом с границей. Если бы в проекте не учувствовали великие маги, наши алчные соседи, несомненно, воспользовались бы сложившейся ситуацией. Кстати, нынешняя мэрия – бывшая резиденция великого мага и впечатляет она даже больше, чем этот дом командира гвардии.

Быстро закончив с едой, Томас собрался прогуляться, но когда он с другими солдатами вышел из дверей казармы, в глаза бросилось необычное многолюдье на плацу и прилегающих улицах.

Возвращаться им пришлось, пробиваясь через столь плотную толпу, что с трудом протиснулись к воротам казармы.

– Что за чертовщина здесь творится? – спросил Томас, глядя, как разгорячённая толпа, уставшая ждать, явно собирается перейти к более активным действиям. Отдельные смельчаки уже пробовали штурмовать каменную стену, окружавшую казармы.

Стража была того же мнения и постепенно начала пятиться назад, не решаясь показать беснующейся толпе спины. В этот момент из серого здания казарм показался командир гарнизона в сопровождении пятнадцати вооружённых стражников. Подойдя к воротам, он хорошо поставленным голосом скомандовал:

– Тихо! За каким дьяволом вы здесь собрались!

В ответ на это толпа разразилась столь громкими воплями, что разобрать хоть слово не представлялось возможности. Дождавшись, когда люди немного выдохнутся, командир вновь скомандовал, ткнув пальцем в бородатого мужчину у ворот:

– Говори ты.

– Сказали, что в городе королевский вербовщик ведёт набор рекрутов. Неуверенно озираясь, пробормотал он. Вот я и пришёл – уж лучше пролить свою кровь за отечество и короля, чем умереть здесь с голоду.

– Ждите здесь, не толкайтесь и не шумите, вербовщик будет проводить набор.

Резко развернувшись, комендант направился к особняку. Выслушав краткий рапорт, вербовщик пришёл в ярость:

– Это мэр решил натравить на нас толпу после того, как я сделал ему замечание, что он не выполняет свои обязанности. Он думает, что меня можно запугать, но тут он глубоко заблуждается.

– Их там больше тысячи, и не хотел бы я оказаться на месте того, кто скажет им, что они зря сюда пришли, – воскликнул один из солдат.

– У меня чёткий мандат, где и кого я могу набирать, – резко ответил вербовщик. – И этот город в него не входит.

Но тут ему возразил комендант:

– Ваш коллега, отвечающий за эту территорию, вряд ли когда-нибудь сюда доберётся. А если сказать толпе, что набора не будет, нас просто разорвут на части. У меня только двадцать пять человек. Прошу вас, хотя бы сделать вид, что ведёте набор, а ночью я тайно выведу вас из города.

– Ладно, – нехотя согласился вербовщик, – но я буду вести проверку в соответствии с правилами. Мне нужны люди от 14 до 20 лет обоего пола, на которых укажет магический камень. Я буду принимать кандидатов с семьями по одному в помещении.

– Только никому напрямую не отказывайте, говорите, что сделаете выбор позже или просите зайти завтра, – попросил комендант. – Я всё организую, можете расположиться прямо в холле.

Начальник гарнизона убежал организовывать очередь, а мрачный королевский вербовщик выложил на стол свой невзрачный булыжник и принялся ждать бесконечную череду кандидатов. Если в родном селе Томаса сэра Грегори тратил на каждого соискателя несколько секунд, то здесь он подошёл к делу тщательно и задавал горожанам самые разные вопросы, интересовался здоровьем, даже проводил тесты на физподготовку и, как и советовал комендант, никому напрямую не отказывал.

Он многозначительно молчал и записывал что-то в свиток, обещая, что сообщит своё решение позже, оставляя у соискателя стойкое убеждение, что у него есть шансы.

Как ни странно, нести нелёгкую службу в королевских войсках хотели не только бедняки, но и вполне зажиточные горожане и даже несколько дворян, хотя в этот раз вербовщик и не обещал солидную сумму золотом и возможность службы у короля. Видимо, дела в городе были совсем плохи, и граждане старались быстрее унести отсюда ноги. Однако, когда сэр Грегори предлагал соискателям прикоснуться к камню, тот оставался неподвижным под руками всех, кто его касался.

Но вот пред столом предстала большая крестьянская семья. Отец семейства полчаса представлял вербовщику своих сыновей, а тот согласно кивал головой на все вымышленные и реальные достоинства оных. Мужчина доказывал, что никто другой не сможет так верно служить королю и стране, как его дети, хотя худые и низкорослые ребятишки вряд ли бы выдержали тяжёлую броню и удержали длинные пики.

Сэр Грегори указал рукой на лежащий на столешнице камень. Сначала к столу подошли дети постарше, затем мужчина начал подводить к камню младших. Когда к камню прикоснулась худенькая девочка, на вид не старше десяти лет, он резко подпрыгнул, после чего, вибрируя, проехался по поверхности стола.

В ужасе, отдёрнув руку от ожившего камня, девочка попятилась назад, непонимающе смотря на суровых воинов, чьё пристальное внимание мгновенно сосредоточилось на её скромной особе.

Сэр Грегори поднялся из-за стола и неспешно подошёл к зажмурившейся от страха девочке, придирчиво осмотрел её, и сказал:

– Какая-то уж очень маленькая. А ей точно есть четырнадцать?

– Есть, как не быть, – зачастил счастливый отец.

Сэр Грегори достал бумаги и сам заполнил их, заставив горожанина поставить свою подпись в нескольких местах. Когда с формальностями было покончено, сэр Грегори, покопавшись в сумке, извлёк на свет небольшую золотую монету и протянул её отцу девочки.

Тот тупо уставился на протянутую руку, ведь ему протягивали сейчас такое богатство, которое обычный человек не мог заработать честно, даже трудясь всю жизнь. Вполне зажиточное хозяйство не стоило и пятой части этой небольшой монеты.

Вербовщик вложил монету в руку мужчины, сжав на ней его негнущиеся пальцы, и распорядился:

– Сейчас ты, как ни в чём не бывало, выйдешь наружу, а вы двое, – продолжал он, указывая на солдат, – выйдете через заднюю дверь и потихоньку заберёте девочку. Ждите нас в конюшне. Выдвигаемся, как только удастся избавиться от этой толпы.

Избавиться от толпы удалось через два часа, и когда совсем стемнело, солдаты гарнизона очистили площадь от желающих поступить на службу.

Выйдя на улицу с задней стороны казармы, небольшой отряд, в сопровождение начальника гарнизона направился к северным воротам. Проскакав по пустынному городу, они без проблем выехали за ворота в холодную зимнюю ночь.

Нагнав ехавшего во главе колонны сэра Грегори, Томас сказал:

– У меня плохое предчувствие. Не нравится, что нас вынудили сняться, на ночь глядя.

– Не думаю, что у мэра хватит наглости нам навредить, – сказал сэр Грегори и, повернувшись к Томасу, спросил:

– Сможешь провести нас через лес?

– Я этих мест не знаю, ответил юноша, – но, если не сбиваться с правильного направления, проблем возникнуть не должно.

– Веди, – коротко бросил сэр Грегори, уступая место Тому во главе отряда.

Заметив в неверном свете луны едва видную тропинку, Томас свернул в лес. Путь шёл вдоль дороги, и когда вдалеке мелькнул отблеск огня, все его увидели. Вряд ли это был патруль.

Спешившись, солдаты, стараясь не шуметь, свернули в кусты, но через час кто-то тихо сказал:

– Вижу огни.

Томас, привстав на стременах, обернулся и тоже заметил отблеск пламени среди голых веток.

– Упорные, с досадой сказал он. – На снегу наши следы отлично видны, так просто нам от них не оторваться.

– Чего мы их боимся, в лучшем случае это бандиты, в худшем – стражники. И те, и другие нам не противники, – выкрикнул один из солдат.

– Мы не знаем, сколько их, может сотня, поэтому лучше не искушать судьбу, – хмуро произнёс Томас.

– С каких это пор ты стал таким осторожным? – спросил вербовщик.

Тропинка между тем свернула в небольшой овраг, петляя между массивными глыбами, выглядывающими из сугробов.

– Если там тупик, то мы окажемся в западне, – сказал Кевин. – Им даже лезть за нами не придётся, просто забросают камнями сверху.

– И кто, по-твоему, протоптал тропинку в тупик? – раздражённо спросил Томас. – Людям в тупике делать нечего, а животным тем более.

К счастью, тропа мягко поднялась и вывела на склон оврага, а оттуда на просёлочную дорогу, плотно укатанную санями. Они пустили коней галопом. Под дикий лай собак, почуявших чужаков, пронеслись мимо темнеющего села и вновь свернули в лес на тропинку.

– Ну, всё, – сказал Томас, – теперь они нас не разыщут, на дороге много следов, а найти нужный поворот в темноте та ещё задачка, скорее проскачут дальше, решив, что мы продолжим движение по хорошей дороге.

Через несколько минут, его предположение подтвердилось, по дороге с грохотом пронёсся большой конный отряд, звенящий оружием. Когда преследователи поймут, что хитрая жертва предпочла скрытую дорогу, искать беглецов будет уже поздно. Главное случайно опять не выйти на ту же дорогу перед носом у врагов.

Глава 8. Преследование и волшебный огонь

До утра отряд пробирался сквозь чащу по узким звериным тропам. Томас сумел не потерять правильное направление, и с первыми лучами солнца они выбрались, на широкую дорогу, ведущую к старому тракту.

Несмотря на изматывающий ночной путь, вербовщик гнал людей вперёд без остановок. Привал решили устроить только к полудню, когда окончательно выдохшиеся лошади стали спотыкаться на каждом шагу. Костёр разводить не стали, молча жуя вяленое мясо с замерзшим хлебом. Все то и дело поглядывали на дорогу, постоянно ожидая появления вчерашних преследователей, но дорога оставалась пустынной.

– Из-за жадности мэра мы остались без припасов, и если быстро не раздобудем еду, завтракать нам придётся уже отобранном у лошадей овсом, – сказал Уинстон.

– Это ещё не худший вариант, ведь охотиться нам некогда, да и не на что, здесь слишком близко Барьерная река, а всё живое старается держаться подальше от воды, поэтому здесь нет крупных поселений, – ответил Томас.

– Авось с голоду не умрём. Сколько понадобится времени, чтобы выйти к обжитым местам? – спросил Томаса вербовщик.

– Дня четыре, но я бы и после этого не рассчитывал на нормальную еду, там начинаются земли, наиболее пострадавшие от неурожая.

– Ну и какая у нас альтернатива? – спросил сэра Грегори.

– Не считая возвращения назад, никаких. Старый тракт построили в начале завоевания новых земель для быстрого продвижения войск вглубь Дебрей. По неизвестной причине деревья не росли близко к барьерной реке, и вдоль воды оставался зазор около пятидесяти метров, им и воспользовались, построив дорогу.

Когда построили новый тракт, старый стал слишком длинным и опасным путём, теперь он практически заброшен, там никто не живёт

и не ездит, не развалился он лишь по причине того, что в те времена на армии не экономили, и строили на совесть. Там есть старые охранные форты, но, уходя, солдаты забрали с собой всё ценное. Прямого пути от тракта к поселениям нет, все слишком боятся, что из реки вылезет что-то опасное.

– Да ладно, мы найдём деревню просто по запаху дыма, – сказал один из солдат.

– Не забывай, что это пограничье, здесь всё население вооружено, и вряд ли захочет добровольно расстаться с честно выращенным урожаем.

– Мы вполне можем заплатить за провиант.

– А они вполне могут решить, что хотят все наши деньги, и не хотят при этом ничего нам давать.

– Ты можешь что-то конкретно посоветовать? – спросил вербовщик.

– Предлагаю отсидеться в лесу пару дней, пока всё успокоится, а потом попытаться добраться до нового тракта, там поселения на каждом шагу, и они не настолько дикие как местные, – ответил Томас.

– Нет, я чувствую, что в покое нас не оставят, и задерживаться не стоит, думаю, когда они поймут, куда мы делись, то отправятся в погоню, – не согласился с ним вербовщик.

Короткая остановка закончилась, и отряд вновь начал движение. Красные лучи заходящего солнца осветили покосившийся путевой столб, с выцветшей надписью: «Главная королевская дорога». Томас повернулся к вербовщику и сказал:

– Соваться на тракт ночью неразумно, да и люди и лошади устали, нам стоит поискать место для ночлега.

– Если остановимся сейчас, до рассвета можем и не дожить, – возразил ему вербовщик. – Мэр отлично понимает, что после его художеств, если я доберусь до короля, ему не жить. Нас будут преследовать до конца, и как бы далеко мы не оторвались, за ночь они нас нагонят. Здесь одна единственная дорога, и надо быть полным идиотом, чтобы не понять, куда мы делись.

Вербовщик, уверенно направляя коня мимо указателя, и Томас, тяжело вздохнув, двинулся следом. На привал они остановились ближе к рассвету, не спавшие двое суток солдаты повалились на землю там же, где стояли, и даже командный голос вербовщика не смог заставить их заступить в караул.

Зло выругавшись, вербовщик устало сел, прислонился спиной к камню, почти не мигая, уставился на только что покинутую дорогу. Томас тоже смертельно устал, но поборов желание заснуть, поднялся, натянул на лук тетиву и направился к начинавшемуся в сотне шагов от дороги лесу.

– Ты куда? – окликнул его вербовщик.

– Охотиться, – ответил Томас, не останавливаясь.

Ты же еле ноги переставляешь. Какая, уж тут охота? – сказал вербовщик, вставая.

– А что изменится завтра? – спросил его Томас. – Голодный я буду с трудом переставлять ноги. Надо найти еду, пока ещё есть хоть какие-то силы.

Вербовщик пожал плечами, снова сядя на облюбованное место, и сказал:

– Не задерживайся, мы через три часа продолжим движение.

Простонав, Томас двинулся в сторону деревьев. Лес выглядел мёртвым, ни следов на снегу, ни пения птиц – полная тишина. Упрямо двигаясь сквозь непролазные сугробы, он продвигался всё дальше в чащу.

На самом краю поля Томасу почудилось быстрое движение, но когда он повернул голову, то ничего не обнаружил. Выждав ещё пару минут, Томас, продолжая озираться, собрался продолжить движение, когда ему на плечо резко опустилось что-то. Фею от гибели спасла её молниеносная реакция и быстрые крылья.

Потирая плечо, Томас зло взглянул на хихикающее недоразумение, выделяющие пируэты над его головой. Он уже начал надеяться, что крылатая малявка осталась в городе или потерялась где-то по дороге. Не обнаружив её на обычном месте в дорожной сумке, он был почти счастлив.

Фея выглядела свежей, отдохнувшей и весёлой, можно было даже не сомневаться, что она двое суток сладко спала в тёплой сумке. Томас продолжил движение, стараясь не обращать внимания на непрерывное мельтешение у себя над головой, Томас старательно отгонял от себя мысли о том, что, если нелепое существо случайно врежется головой в дерево, ни одна живая душа не узнает, что он случайно проходил мимо.

Он в очередной раз удивился способности мелкого существа производить большой шум. Она носилась по округе с неистовым хихиканьем, плюхалась то на плечо, то на голову, запускала ручки в его волосы. Уставший от всей этой суеты, Томас выловил нахапку из своих волос за ноги и, слегка встряхнув, произнёс:

– Между прочим, я ищу нам еду, и если ничего не поймаю, то весь следующий день все будут голодать, в том числе и ты.

Раскачивающаяся вниз головой она что-то недовольно пропищала. Поняв бесперспективность нравоучительных бесед, Томас подбросил её в воздух и двинулся дальше, в надежде встретить старого, глухого и тупого оленя, не способного убежать, даже получив такое шумное предупреждение

Фея, обидевшись на непочтительное обращение, унеслась далеко вперёд, видимо, искать того самого оленя, с целью дать ему

ободряющего пинка, дабы не оставить даже призрачного шанса усталому охотнику.

Пройдя вглубь леса ещё пару километров, Томас услышал впереди знакомый заунывный вопль, от которого у каждого человека, кровь должна стынуть в жилах. И тут же раздался громкий треск кого-то большого, продирающегося сквозь кусты. На прогалину выскочил лось, находящийся в таком ужасе, что не обратил внимания на вооружённого человека. Томас еле успел отскочить с дороги и послал стрелу в спину уже удаляющейся добыче.

Лось пробежал ещё целый километр, прежде чем свалился, но, учитывая, что бежал он в сторону лагеря, Томас был только рад такой прыти напуганной жертвы. Дойдя, наконец, до места стоянки, он сбросил на землю груз и, коротко объяснив товарищам, где укрыто остальное, завалился спать. Казалось, что он только сомкнул глаза, а его уже усилено тормошили за плечо, требуя, чтобы он встал и собирался в дорогу.

Солнце ещё даже не достигло полудня. Дожевав слегка поджаренное мясо, Томас быстро оседлал своего розового коня. Вербовщик был уверен, что не виденные ими уже более суток преследователи не отказались от погони. Дорога была в идеальном состоянии, и отряд двигался по ней с максимальной скоростью, делая лишь короткие остановки для отдыха лошадей. На закате вербовщик заставил прибавить ходу, выжимая из измотанных лошадей остатки сил. Наконец, они увидели, как дорога огибает огромную заводь, и обратный путь был как на ладони.

Томас увидел колонну вооружённых всадников, явно хорошо вооружённых. Их было не меньше двадцати человек с запасными лошадьми. Можно было не сомневаться, что это не случайный патруль, запоздало возвращающийся в город.

Он посмотрел на чёрную стену леса и понял, что на открытой местности у них шансов нет, но если бросить лошадей и уйти в густые заросли, ситуация выровняется, ведь преследователи наверняка тоже устали, и пешком будут пере-двигаться медленно, а если ещё изготовить на скорую руку пару примитивных ловушек, то врагам придётся двигаться с предельной осторожностью.

Впрочем, вербовщик мнение Томаса не разделял, появление преследователей, кажется, даже успокоило его. Он не пытался нарастить темп, не выглядывал путей к отступлению, лишь иногда поглядывал назад, оценивая оставшееся расстояние. Погоня приближалась медленно, но неуклонно, возможность менять лошадей позволила преследователям сохранить силы для последнего рывка. Когда до врага осталось менее километра, вербовщик сказал:

– Встанем здесь.

– Это же самоубийство, – возразил Томас. – Они задавят нас числом. Надо уходить в лес, там будет хоть какой-то шанс оторваться и даже, если догонят, они не смогут нас сразу окружить.

– Не беспокойся, – ответил вербовщик. – У меня есть для них неприятный сюрприз.

Томас, как и остальные солдаты, плохо представлял, какой сюрприз может компенсировать численный перевес, но покорно спешился, уважая право командира принимать решения. Увидев, что добыча больше не убегает, преследователи перешли на шаг, растянувшись широким полукругом по дороге и прилегающей обочине.

Томас проверил натяжение тетивы и вопросительно взглянул на командира.

– Мой выстрел первый, потом можешь стрелять без команды, – ответил тот на невысказанный вопрос.

Теперь врага уже можно было ясно рассмотреть даже в слабом свете луны. Было видно, что это не бандиты, а хорошо подготовленные профессиональные воины, одетые в кольчуги, а у некоторых даже были кирасы. Их уверенные движения говорили о том, что они чётко знают, что делать и прекрасно осознают, что у противника шансов нет.

Метров за двести от напряжённо застывших путников, передняя шеренга врага расступилась, выпуская вперёд арбалетчиков. Похоже, противник не собирался давать им шанс показать себя в ближнем бою, намереваясь просто перестрелять их на расстоянии. У Томаса, единственного в отряде, был приличный лук, способный поразить противника в броне на таком расстоянии. Натянув лук, он вновь взглянул на вербовщика, ведь противник уже вошёл в зону поражения.

– Жди, – коротко бросил сэр Грегори.

Арбалетчики начали поднимать своё оружие, готовясь открыть огонь, когда вербовщик вскинул руку с каким-то небольшим предметом, зажатым в ней. Сверкнула багровая вспышка, и ночь прорезал алый росчерк, перед шеренгой врага расцвёл багряно-красный цветок, через мгновение до застывшего от неожиданности Томаса донеслись крики людей, перед которыми выросла непробиваемое кольцо огня.

Очнувшись от секундного оцепенения, он спустил тетиву, не глядя, поразил ли выбранную цель, и тут же потянулся за следующей стрелой. За это время темноту разорвали ещё две вспышки, и, было бросившиеся в атаку, враги метнулись назад, они отчётливо поняли, что в этой битве им не победить.

Противник не запаниковал и попытался отступить не по дороге, просматривающейся далеко в даль, а в лес, до которого было всего

метров пятьдесят, но эти пятьдесят метров представляли из себя сплошной сугроб, наметённый яростными ветрами с реки.

Пока люди, падая с лошадей и мешая друг другу, копошились в снегу, огонь вспыхнул вокруг них ещё семь раз. Томас не видел, успели ли кто-то из врагов добраться до леса, так как яркие вспышки ослепили его, не позволив поучаствовать в бою.

– Вперёд, – приказал вербовщик.

Солдаты разбились жидкой цепью и двинулись вперёд. Через двадцать минут враг был обращён в бегство, а на дороге валялись горы оружия, амуниции и даже припасы, которые стали желанными трофеями измученных и голодных людей.

Вербовщик разделил добычу на семь приблизительно равных частей, после чего отряд, отойдя от места боя на пару километров, наконец, остановился на продолжительный отдых.

Томас проспал до полудня и проспал бы дольше, но вербовщик вновь заторопился в путь. Теперь, когда опасаться незваных гостей не приходилось, отряд ехал медленно, позволяя себе собираться на широкой дороге небольшими группами и оживлённо переговариваться, что скрашивало монотонную дорогу. Томас прибил к паре солдат, обсуждавших недавние события.

– Ну и чего командир тянул с этой огненной магией столько времени, если он мог разогнать преследователей ещё в первый день в лесу? – сказал, размахивая руками один из солдат.

– Ты просто не понимаешь, сколько может стоять такая штука. Я на военной службе уже двадцать лет и даже не слышал ни о чём подобном, а ведь видел боевых магов в деле и знаешь, что я тебе скажу, их работа потрясает и вселяет трепет и страх. А теперь представь два десятка солдат, вооружённых этими огнеплойками – они бы просто снесли армию врага и даже не поморщились. Наш король не зря продолжает платить огромные деньги магам, но их работа того стоит.

– Интересно, что скажет казначей, когда узнает, что мы из-за бандитов расстреляли по кустам минимум тысяч двадцать полновесных золотых монет. Видимо, был приказ применять устройство только в крайнем случае, поэтому командир и тянул до последнего.

– Если ты прав, то нас сурово накажут.

– Не дрейфь, если нам доверили такую штуkenцию, значит наша миссия чрезвычайной важности, прорвёмся.

– А как вы думаете, зачем королю вообще могут понадобиться услуги моей скромной персоны? – спросил старых солдат Томас. – Я, конечно, очень высокого мнения о своих способностях и достоинствах, но даже я не думаю, что стою кучи золота.

– Да, мы ни о чём таком не думаем, не знаем, и, знать не хотим. Не нашего солдатского ума это дело, – другой солдат.

Следующие несколько дней всё было тихо, даже лесной дух не устраивал никаких пакостей. Дорога свернула от реки в считающиеся обжитыми места, но всё чаще встречающиеся поселения были пусты или на их месте чернели пепелища, а окрестные земли казались пустынными и заброшенными.

Лишь на подступах к столице провинции начали попадаться повозки. В город вербовщик решил не заезжать, позаимствовав съестные припасы у первого встреченного дальнего патруля по предьявлению королевской грамоты.

Глава 9. Приезд в королевский дворец

Наконец, вдалеке вырисовались массивные стены, а дорога вновь повернула к реке и вывела их к лагерю, который был огромен. Здесь соседствовали вполне приличные дома с простыми землянками. Казалось, что на этом клочке земли собралось едва ли не всё население провинции. Десятки тысяч людей как муравьи сновали среди строений.

Под крики толпы они проехали сквозь лагерь насквозь и подъехали к валу с частоколом. На верху стояло не меньше сотни лучников, поднятых по тревоге из-за столпотворения. Когда отряд подъехал к воротам, сверху раздался крик:

– Проход закрыт, будь ты хоть сам герцог, у меня королевский приказ: никого не пускать без исключений!

Вербовщик молча поднял вверх светящийся свиток с королевской печатью и через двадцать минут ворота отворились. Отряд проехал внутрь, оказавшись на небольшом пяточке перед мостом. На встречу им вышел человек в богатой одежде и сказал:

– Прошу прощения, господа, но в данный момент мост занят телегами, и вам придётся подождать, пока он освободится. Я бы с радостью пропустил вас первыми, но важные грузы уже въехали на мост, с этим поделаться ничего нельзя.

– Мы в курсе правил прохождения моста, – прервал его вербовщик.

– Придётся подождать пару часов, – сказал он, обращаясь к отряду.

Гарнизон утратил всякий интерес к гостям, как только они пересекли линию ворот, предоставив их самим себе, и каждый занялся своими делами.

Вербовщик ушёл с разодетым господином в небольшой деревянный домик. Солдаты присоединились к гарнизонной охране и затеяли игру в кости, а Томас, оставшийся в одиночестве, решил взглянуть на мост – легендарное творение великих магов.

Мост никто не охранял, и Томас беспрепятственно смог его осмотреть. Мост был сделан из ослепительно белого камня, он был очень узок, дорога, проходящая по нему, была не более двух с половиной метров. Томас посмотрел вдаль и восхищённо вздохнул: мост тянулся к горизонту, не опираясь ни на одну опору. Казалось, что он просто парит в воздухе.

По мосту шёл большой отряд солдат, закованных в латы, следом тянулась вереница гружёных телег. Казавшаяся ажурной и невесомой конструкция моста с легкостью выдерживала их колоссальный вес.

Прогноз вербовщика насчёт пары часов не оправдался, обоз тащился по мосту все пять. За полчаса до того, как первые телеги съехали с моста, в форт вошли несколько сотен вооружённых солдат, и стало совсем тесно.

Устав толкаться внизу, Томас забрался на оборонительный вал и увидел всё население лагеря, собравшееся перед стенами форта. Здесь тихо стояло не менее тысячи человек, и ещё пара тысяч солдат. Они при помощи выставленных копий удерживали толпу от опрометчивых поступков. Когда ворота открылись, появилась первая телега.

Без очереди никто не лез. Когда последняя телега съехала с моста, настал черёд отряда пересекать реку. Ехать верхом по такой узкой и слабо огороженной дороге никто не решился, все вели лошадей в поводу, надеясь пересечь мост до темноты.

Заметив его интерес к реке, один из солдат сказал:

– Здесь самое узкое место Барьерной реки. Королевские академики несколько столетий назад построили на краю мыса башню, чтобы наблюдать за звёздами. Они много десятилетий решали, как перебраться на другую сторону реки. И даже пытались построить мост, но скорость течения и глубина поставили крест на их амбициозных планах. Так бы всё и осталось впредь, если бы один из них не стал наставником молодого принца.

История про новый неизведанный мир за рекой глубоко запала ему в душу, и когда он взошёл на престол, то загорелся идеей постройки моста, подключив к этому делу великого мага. Совет магов занялся тем. Маги быстро решили задачу, над которой королевские учёные безуспешно ломали головы не одну сотню лет, и за полтора года возвели этот мост, а король положил конец жестокой войне с Дебрями, но скоропостижно скончался.

Солдат махнул рукой вперёд, и Томас увидел вынырнувшие из тумана зубчатые вершины каменных стен. Крепость была построена из того же белого камня, что и мост. Подъёмный мост не был поднят полностью, сбоку перед ним был закреплён небольшой бронзовый гонг на случай плохой видимости. Подъехав, вербовщик уверенно ударил в него три раза молотком. Показалась голова постового. Тот

узнал визитёров и, не задавая лишних вопросов, крикнул, повернувшись к крепости:

– Опускай!

Мост тут же пришёл в движение плавно опустился, позволяя путникам продолжить дорогу после предъявления королевской печати. За воротами начинался сквозной коридор, идущий через всю крепость, в стенах было множество бойни, а вот прохода внутрь крепости Томас не заметил. В неверном свете развешанных на стенах факелов стены выглядели абсолютно одинаковыми, видимо, пряча где-то замаскированные двери.

Небольшой отряд прошёл крепость и вступил на мост с другой стороны, и Томас мог полюбоваться городом, расположившимся на прибрежных скалах. Город был окружён толстой каменной стеной с трёх сторон. Со стороны реки располагался обширный парк, прилегающий к красивому мраморному зданию с широкими окнами и множеством колонн. Идущий рядом солдат толкнул Томаса локтем и, указав на здание, сказал:

– Смотри, королевский дворец.

– Я думал, что дворец в столице, – сказал Томас.

– И там тоже. Есть традиция крупный проект начинать с постройки дворца, в котором будет жить король, лично наблюдая за достижениями.

– То есть этот дворец построили, когда король решил взяться за освоение новых земель?

– Ну да, и это был шестой дворец. Кроме пересечения Барьерной реки были ещё строительство восточного оборонительного вала, осушение Тёрнских болот и освободительная война на западе.

– А первый?

– Первый стоит в столице, он приурочен к основанию нашей державы.

– Не слишком ли расточительно каждый раз строить дворцы, если король в них не живёт, – спросил Томас.

– В этом весь смысл: пока проект не завершён, король в столицу не вернётся. Освободительная война длилась более ста лет, и всё это время король и весь двор жили на границе. Говорят, что дворяне в конце так обозлились от жизни в этом захолустье, что в решающей битве тяжёлая конница буквально смела превосходящие силы противника. В общем, строительство дворцов, это декларация о серьёзности намерений, так сказать дело чести, ещё ни один король не провалил проект, для которого построили дворец.

Томас предпочёл не продолжать спор, раздумывая, во сколько же обошлась эта дорогая игрушка короля.

Отряд покинул мост при последних лучах заходящего солнца, и въехал в город. Если на той стороне реки ещё царил зима, то здесь в

воздухе уже пахло весной, деревья в садах уже выпустили первые листочки, и после пронизывающего ветра на мосту в зимней куртке стало жарко.

Проехав по узкой улочке, отряд остановился на небольшой площади, и вербовщик, повернувшись к солдатам, коротко приказал:

– Отправляйтесь в казармы.

Глава 10. Поступление Томаса в школу магов и новые товарищи

Сэр Грегори повернул в неприметную улочку, заканчивающуюся тупиком. Подъехав к глухим воротам с облупившейся зелёной краской, он три раза сильно ударил в них кулаком. Открыли далеко не сразу, путникам пришлось простоять в переулке минут десять. Наконец, за воротами началась какая-то возня, и вербовщик, повернувшись к Томасу, негромко произнёс:

– Ну что ж, пора прощаться. Моя работа на этом завершена.

Ничего больше не говоря, он развернул коня и скрылся в темном переулке. Ворота, наконец, открылись, и Томаса встретил седой старик. Он, молча, посторонился, пропуская всадника внутрь.

Зайдя в довольно просторный двор, Томас бросил вопросительный взгляд на старика и тот, как бы нехотя проговорил:

– Занеси вещи в дом и поставь лошадей в конюшню.

Приземистый тёмный дом жилым не выглядел. Прямо на полу были свалены в кучу многочисленные дорожные сумки, и Томас пристроил свой скарб в углу. Подошедший сзади старик сказал:

– Оставь здесь всё оружие, там оно тебе не понадобится. Возьми с собой только самое необходимое.

Томасу расставаться с оружием не хотелось, но под цепким взглядом старика, он выложил лук и длинный меч.

– Я же сказал: всё оружие, кинжалы, ножи, стрелы.

Томас отцепил от пояса кинжал и вынул из-за голенища сапога нож. Покопавшись в сумках, он собрал то, что считал самым необходимым. Старик внимательно следил за каждым его движением и, придирчиво осмотрев вещи, нехотя кивнул:

– Ладно, теперь пошли.

Пройдя вглубь дома, он открыл ключом неприметную дверь, за которой начиналась каменная лестница, ведущая вниз. Старик зажёл фонарь и, не спеша, начал спускаться в темноту.

Лестница казалась бесконечной, ступеней как минимум несколько сотен. Томас почти задевал головой потолок и чувствовал себя в этом каменном мешке крайне неуверенно. Старик же, как ни в чём не бывало, продолжал равномерно шаркать впереди, а проход всё

тянулся и тянулся без развилок и ответвлений, но, в конце концов, всё же уперся в массивную дверь, окованную толстыми листами металла.

Старик, поставив лампу на пол, вытащил на свет очередной ключ и, немного повозившись с упрямым замком, открыл её. За дверью вновь начиналась лестница, но в этот раз она вела наверх. Старик указал на неё и напутствовал юношу:

– Поднимайся, наверху тебя встретят.

Протиснувшись мимо него, Томас сделал первый шаг и оказался в полной темноте, на ощупь нашёл стену и, придерживаясь за неё рукой, двинулся вверх, но вдруг услышал протяжный стон.

Он пробежал на звук добрую сотню ступеней, прежде чем понял, что у этих стонов, подозрительно знакомая интонация. Резко развернувшись, Томас вытянул руку и ловко ухватил в воздухе не успевшую затормозить мелкую хулиганку. Та, хоть и попалась, выглядела довольной произведённым эффектом и улыбалась, демонстрируя свои белые зубки.

Томас хотел доходчиво объяснить ей, что нехорошо так поступать, но, взглянув на её довольную мордашку, понял бессмысленность этой затеи, и, подняв фею повыше, пошёл дальше, используя её в качестве фонаря.

Лестница закончилась очередной дверью, к счастью, не запертой, за которой располагалась комната с письменным столом, за которым сидел невысокий толстый человек с внешностью мелкого чиновника. Оторвав глаза от своих бумаг, он с недоумением уставился на Томаса.

– Ты кто? – рассеяно пробормотал он.

– Мне сказали, что меня здесь встретят, – неуверенно сказал Томас.

– Да-да, просто мы считали, что набор уже закончен, и никто больше не придёт, – ответил незнакомец. – Надо оформить кое-какие бумаги. Ответишь мне на пару вопросов?

После непродолжительного разговора, выяснив имя, возраст и прежние занятия, чиновник лично проводил Томаса наверх к человеку, которого он называл генералом – высокому, худощавому сидящему мужчине с пышными бакенбардами и цепким взглядом.

Генерал сказал:

– Значит так, парень, ты попал в школу магов, созданную по приказу короля, и здесь будет проходить твоё обучение. Тебе повезло, сегодня как раз первый день занятий, всё остальное тебе объяснит наставник. Можешь идти. И обращаясь к помощнику. Добавил:

– Проводи его в первую группу.

– Вы уверены, что в первую? – уточнил помощник и, получив подтверждающий кивок патрона, повёл Томаса по анфиладе роскошно

убранных комнат. В окно Томас увидел парк, а за ним воды Барьерной реки и понял, что они во дворце.

Пройдя по абсолютно пустынным залам, чиновник свернул в менее вычурные помещения и остановился перед ни чем не примечательной дверью. Он заглянул в комнату, где были расставлены стулья и столы, за которыми разместилось несколько человек. Убедившись, что попал куда нужно, толстяк впустил Томаса и ушёл.

Томас медленно переступил порог, выбрал незанятое место, сел и с интересом осмотрел собравшихся: двух красивых девушек, которых он про себя окрестил «актрисами». Первая из них невысокая, с очень бледной кожей и светло каштановыми волосами, была одета в костюм ведьмы. На ней была широкополая остроконечная шляпа и балахон до самого пола, но почему-то белого цвета. Вторая – высокая, смуглая девушка с гривой тёмных кудрявых волос была одета в гусарский костюм, расшитый золотым шнуром. Девушки о чём-то тихо разговаривали.

Рядом с Томасом сидел длинный худой парень с оттопыренными ушами, одетый в явно не дешёвый камзол, на носу у него были позолоченные очки. Он уткнулся в книгу в теснённом переплёте, и кажется, мало обращал внимания на то, что происходит вокруг. От окна на него смотрела, улыбаясь, девушка в скромном сером платье, а за последним столом в углу расположился подросток с хитрыми глазами. Томас решил, что с этим парнем надо держать ухо востро, а, приглядевшись, заметил край синей татуировки, которую в тюрьме обычно делают уголовникам. Поймав его взгляд, парнишка весело подмигнул Томасу и помахал ему рукой. За спиной весельчака сидел мальчик лет двенадцати в крестьянской одежде.

Дверь снова открылась, и вошли две девицы, блистающие драгоценностями, в роскошных платьях. Окинув презрительным взглядом присутствующих и сочтя достойным своего внимания лишь лопоухого юношу, они уселись за передним столом и, хихикая, начали вслух обсуждать соседей, издеваясь над их внешним видом.

Услышав их мнение о своей потёртой куртке, Томас впервые пожалел о том, что оставил свой парадный камзол, не посчитав его предметом первой необходимости. Тем временем девицы переключили своё внимание на «актрис», и одна из них, ничуть не стесняясь, обратилась к девушке в костюме ведьмы:

– Неужели Вы думаете, что достаточно одеться, как колдунья, чтобы обладать магией? Я видела придворного мага на королевском балу и боевых магов на параде, но никто из них не одевался как чучело.

Ведьма продолжала сидеть неподвижно с лицом как фарфоровая маска, а лицо её подруги в мужском камзоле исказилось гневом. Она

молча досталась из своей сумки красную розу, молча, подошла к дворянке и протянула её цветок. Та недоумённо взяла подношение и вопросительно уставилась на «актрису».

Дальше события развивались стремительно: цветок резко зашипел, изогнулся и обвил державшую его руку. Под истошный визг девицы он взобрался по предплечью, раздирая шипами рукав, открыл красную пасть, усеянную многочисленными кривыми зубами, и вцепился девушке в плечо. Дворянка не растерялась, содрала с себя агрессивное растение и отбросила его в сторону. Цветок, злобно шипя, ловко нырнул под ближайший стол.

Все вскочили со своих мест, лопухий парень в очках отложил свою книгу, а Томас бросился к цветку, пытаясь его поймать, пока тот не нашёл небольшую щель в полу, куда и юркнул.

Придвинув к щели стол на случай, если цветок решит вернуться, Томас повернулся к пострадавшей. Выглядела она неважно, а девушка в сером платье пыталась с помощью платка перевязать ей рану.

Смуглянка хохотала, как будто смотрела комедию, а её подруга взирала на происходящее с лишённым эмоций лицом. Девушка в сером платье обратилась к ведьме (теперь Томас в этом не сомневался, и её белый наряд больше не казался комичным):

– Помогите же ей, как вы можете безучастно смотреть на человеческие страдания?

Смуглянка, прервав свой злобный хохот, ответила:

– Пусть скажет спасибо, что живой осталась. Надо же быть такой глупой, чтобы оскорбить мага, – и она вновь захохотала.

Ведьма выглядела слегка смущённой, она взмахнула рукой в сторону пострадавшей. Мгновенно рана исчезла, восстановился прежний вид девушки, хотя от самоуверенности не осталось и следа.

Смуглянка радостно захлопала в ладоши.

– Так это иллюзия? – радостно спросила девушка в сером платье.
– Я слышала, что волшебницы большие мастера магического искусства. Это было потрясающе, я даже не заметила обмана!

В это время от двери раздалось покашливание, и строгий голос произнёс:

– Я вижу, что вы уже начали знакомиться. Это хорошо, но времени мало, так что займите свои места и начнём урок.

В дверях стоял мужчина лет двадцати пяти в чёрном камзоле, однако его глаза выдавали опытного воина. Томас видел такие глаза у самых старых охотников Дебрей, прошедших огонь и воду. Заложив руки за спину, незнакомец прошёлся перед столами. Под его взглядом заплаканная жертва мгновенно успокоилась, а лопухий перестал читать книгу.

Наставник бегло осмотрел вверенный ему контингент и недовольно поджав губы, проговорил:

– Можете называть меня мэтр Адриан или просто мастер. Большинству из вас многое, что я скажу уже известно, но поскольку есть и новички, я повторю. Я буду обучать вас магии.

Как вы уже успели заметить, среди вас есть те, кто в данном обучении не нуждается, но приходит потому, что наш король решил призвать к прохождению службы молодых независимых магов королевства. Для остальных уточню ситуацию: территория дворца окружена заклятием, сотворенным лично придворным магом, и вы выйдете отсюда только, когда станете достойными магами. Вопросы есть?

– А когда нас будут кормить? – спросил парень с татуировкой, вольготно развалившийся на заднем ряду.

– Вас не будут кормить вообще, по крайней мере бесплатно, – зловеще улыбнулся наставник.

– Как же так? Господин, который нас сюда привёл, велел оставить все деньги ему. Он сказал, что они нам здесь не понадобятся. – Всполошилась подруга пострадавшей девушки.

– Тот старик с честными глазами? – спросил парень с татуировкой. – И вы, правда, отдали ему все деньги? Жаль меня там не было, может и мне бы перепал клочок шерсти с наивных овечек.

– Привратник сказал всё верно. Обычные деньги здесь не употребляют. Вы будете получать специальные жетоны за свои успехи, но, если не будете стараться, будете голодать, – сказал учитель, глядя на парня с татуировкой.

– Пока здесь водятся наивные овечки, мне всегда хватит на кусок хлеба, – самоуверенно сказал уголовник, весело подмигивая дворянкам.

– У меня для тебя ещё одна новость: ты не сможешь отобрать у этой парочки ни гроша, а если попытаешься, заработаешь штрафные баллы, которые тебе придётся отработать, и поверь, тебе не удастся увильнуть или схалтурить.

– Я ухитрялся увильнуть и халтурить даже на каменоломнях, а там порядки были не чета здешним, – фыркнул подросток.

– На каменоломнях за порядком не следили маги, – ответил ему мэтр Адриан. – А сейчас я надену вам ученические браслеты, они будут следить за вашими успехами и защищать от травм, – он подошёл и застегнул каждому на запястье сделанную из невзрачной ткани полоску. Когда на руке Томаса защёлкнулся браслет, он почувствовал, как ткань сжимается, а через секунду на её месте остался лишь простенький рисунок.

Наученный опытом общения с феей, он не слишком удивился подобной метаморфозе – уж, если маленькая волшебница была способна расплющить по коже живого жука, то королевский маг владеет фокусами покруче.

На волшебниц: учитель не стал надевать браслеты, а протянул прямоугольные им металлические пластинки.

– А это что? – удивилась брюнетка.

– Таково желание верховного мага, – коротко ответил наставник.

– Ладно, я потом надену, – сказала та, убирая пластинку в карман.

– Теперь я выдам вам немного жетонов на первое время, вы можете потратить их на еду в столовой или в местном магазине, – он наделил каждого несколькими десятками медных кругляшей с абстрактным узором с обеих сторон. Обделённым оказался только уголовник.

– Не заслужил, – коротко сказал ему учитель, – но я разрешаю тебе отобрать жетоны у них, – он ткнул пальцем в дворянок.

Не привыкший долго раздумывать и просить разрешения, подросток направился к девушкам. Томас сделал шаг в его сторону, намереваясь объяснить, что разрешение учителя ещё не даёт ему права на грабёж, но был остановлен властным движением руки наставника.

Тем временем вор с широкой улыбкой подскочил к застывшим от ужаса девушкам и ничуть не стесняясь многочисленных зрителей приказал:

– Давайте быстро деньги, хоть я и не бью женщин, но распоряжение этого грозного перца обязан выполнить, – сказал он, состроив грозную гримасу.

Девушки начали выуживать из сумочек только что полученные монеты, но видимо, по мнению вора, делали это недостаточно быстро. Он грубо схватил ближайшую из них за руку, намереваясь вырвать монеты, и свалился под стол как подкошенный, не издав ни звука.

Учитель подошёл к неподвижному телу и толкнул его, на что уголовник никак не отреагировал.

– Надеюсь, это станет для вас всех хорошим уроком. Вы не можете воровать у своих, а также намеренно причинить им вред, – произнёс он, и, посмотрев на Томаса и продолжал:

– И не думайте, что этот тип сейчас просто отдыхает под столом. Он испытывает непередаваемую гамму негативных ощущений, которые продлятся так долго, насколько тяжёл проступок. А сейчас я покажу вам место, где вы будете спать, – и он, не оглядываясь, направился к двери.

Ученики устремились за ним, кроме девушки в сером платье. Она склонилась над воришкой, пытаясь привести его в чувство.

– Мы не можем бросить его одного в таком состоянии, – сердобольно сказала она.

– Кто это «мы»? Лично я могу и брошу, – рассмеялась смуглая ведьма.

– Я тоже согласен с госпожой волшебницей, – вдруг прорезался голос у лопухого, – помощь этому типу вряд ли является благим поступком.

– Он получил то, что заслуживал, никто не заставлял его грабить девушек, – сказал Томас.

Однако солидарная позиция участников группы не убедила сердобольную девушку, и она продолжила тормозить не проявляющего признаков жизни парня.

Томас почти убедил себя пойти вслед за остальными, но проклятая совесть опять придумала работу усталым ногам, ведь вор не будет вечно валяться без сознания, и никто не знает, что стукнет в его дурную голову, когда он придёт в себя наедине с девушкой в пустой комнате. Томас представил картину дальнейших событий, тихо ругнувшись, наклонился к неподвижному соученику и взвалил его себе на плечо.

К счастью, идти оказалось недалеко. Их будущая спальня оказалась через коридор от класса. Длинный узкий зал ещё носил следы былой роскоши.

подавив желание сбросить свою ношу на пол, Томас не слишком аккуратно положил вора на ближайший диван и прислушался к назревающему скандалу. Молодые дворянки требовали, чтобы им предоставили отдельные комнаты и служанок. В ответ учитель, расплывшись в недоброй улыбке, сказал:

– Мои дорогие ученики, Вы зря считаете, что наставник должен проявлять заботу и всячески о вас беспокоиться. Мои обязанности начинаются с обучения и на нём же заканчиваются и, если у вас возникнут проблемы, решайте их сами.

После сказанного он ушёл прочь.

Осмотрев бестолково хлопающих глазами однокашников и убедившись, что никто ничего делать не собирается, Томас взялся за обустройство ночлега.

Из горы мебели, они выбрали себе кровати. При помощи шкафов отгородили угол комнаты для девушек и затопили камин. Когда огонь начал весело потрескивать, все расселись у камина, и Томас сказал:

– Ну, если уж нам предстоит жить вместе, то неплохо бы и познакомиться. Меня зовут Томас Милтон, дворянин с границы новых земель, умею охотиться, неплохо стреляю из лука и знаю с какого конца держать меч. Мои познания в магии ограничиваются детскими сказками, так что, если кто-нибудь разьяснит, чем мы здесь будем заниматься, я буду ему очень благодарен.

Лопухий, осмотревшись и убедившись, что никто не торопится продолжать сказал:

– Я Август Сеймур, младший сын графа Сеймура, главного королевского библиотекаря. С детства увлекаюсь легендами о магии, и когда отец сказал, что король будет набирать одарённых людей для обучения, упрямил отправить меня в Школу магов. Придворный маг сказал, что для начинающего мага важна не сила, а знания, усердие и ум, они с лихвой компенсируют недостаток энергии. А чем мы здесь будем заниматься, то вряд ли знает хоть один человек в королевстве.

Сообщество магов очень закрытое. Они передают свои знания по наследству. За всю историю не было Школы, массово обучавшей магов. Я не знаю, что пообещал король нашим учителям и совету магов, но это точно не золото, маги считают недостойным передавать знания за пределы своей семьи и не делятся секретами мастерства даже друг с другом, не говоря уже о посторонних.

Следующей представилась девушка в сером:

– Амелия Бенсон, ученица лекаря. Мой учитель отправил меня сюда, сказав, что любой маг спасёт на тысячу жизней больше, чем врач.

Затем представились дворянки: их звали Шерил Мак-Кинни и Дженис Тэннер, их отцы были соответственно графом и бароном и больше им сказать было нечего.

Потом в разговор вступил вор:

– Меня зовут Вильгельм Оранский, я наследный принц соседней страны, скрываюсь здесь от своих врагов.

– Что, правда, принц? – заинтересованно спросила Дженис.

За что удостоилась такого взгляда от своей подруги, что покраснела до кончиков волос.

– Это ложь, – сказал Август, – в соседних странах нет правящих монархов с такой фамилией.

– Ну и не верьте, – обиделся вор.

Томас усмехнулся:

– Мы в шутку можем называть тебя Вильгельмом.

– Ладно, – пошёл на попятную вор. – Зовите Гвоздём.

– Я что, похож на уголовника, чтобы кричать на весь дворец «Эй, Гвоздь, иди сюда», – возмутился Томас. – Не хочешь говорить настоящее имя, так придумай что-нибудь пристойное.

– Пусть будет Джек, – сдался вор.

Не желая получить новую порцию беспардонной лжи, Томас не стал выспрашивать у него подробности его биографии и повернулся к мальчику.

– Меня зовут Маркус, я из приюта, настоятель отправил меня проходить обучение, – протараторил он.

– Кстати, если кому-то интересно, как зовут молодых волшебниц, то та, что в традиционном облачении, – Элеонора, а та, что в чёрно-красном камзоле, – Жанна, – сказал Август.

– Совсем забыл, что и им нужно поставить кровати, – вздохнул Томас. – А ты, что ли с ними знаком?

– Они известные личности в магических кругах, – ответил Август. – Но о кроватях для них не беспокойся, маги ни за что не станут спать в незащищённом помещении с толпой народа, так как во время сна они уязвимы. Зато, когда волшебницы бодрствуют, у них есть тысяча способов свести непочтительного человека в могилу, и никто кроме другого мага не сможет узнать настоящую причину смерти.

– И что ты заладил: «Волшебницы, волшебницы», они же обыкновенные ведьмы, – рассмеялся Джек.

– Если этого идиота превратят в лягушку, человечество окажется только в выигрыше. Но для остальных поясню: маги не подлежат суду, их судят другие маги, и после слов: «Он меня оскорбил», обычно всякие разбирательства прекращаются. Так что советую вам даже мысленно не произносить вслух ничего, что можно их обидеть.

Время было позднее, и ученики направились к кроватям. Томас с наслаждением избавился от кольчуги, и начал укладываться, когда заметил, как Джек крадётсЯ прямиком к выстроенной стене шкафов.

– Куда это ты? – окликнул он вора.

– Да так, проверить, как у девчонок дела, – криво усмехнулся тот.

– Даже и не думай, они переодеваются.

– Так в этом же вся соль, – ещё шире улыбнулся Джек.

– Если я из-за браслета не могу переломать тебе ноги, то это вовсе не значит, что я не смогу выкинуть тебя ночевать на улицу, – грозно сказал Томас. – Ложись спать, наконец.

Ночь прошла спокойно. Фея не появлялась, видимо найдя в огромном дворце более интересные развлечения, чем портить жизнь Томасу. Вор, поверив в угрозы, тоже проблем не доставлял. И когда первые солнечные лучи проникли в залу, Томас чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, чего нельзя было сказать об остальных членах их маленькой команды.

Шерил и Дженис выглядели ужасно – так как, несмотря на посильную помощь Амелии, наносить косметику после бессонной ночи без зеркала они не могли. К тому же, весь их многочисленный багаж застрял в доме привратника, а их великолепные платья с утра выглядели помятыми. Остальным ночь в холодном зале тоже далась нелегко, и лишь Джек лучился улыбкой. После короткого совещания решили начать день с посещения столовой, однако пришлось прождать ещё час, пока собирались аристократки, и за это время успели испариться вор и целительница.

На вопрос: «Скоро ли они будут готовы?» – девушки неизменно отвечали: «Ещё пара минут», и не слишком хорошо знакомый с женскими привычками, Томас первые пятнадцать раз им верил. Когда, наконец, сборы закончились, солнце стояло уже высоко, а желудок недовольно урчал от голода.

Столовая находилась на другой стороне дворцового комплекса, и идти туда пришлось не только через бесконечные коридоры и залы, но и через парк. Успокоенный мирной картиной дворцового парка Томас утратил бдительность, а когда заметил группу мускулистых парней, вышедших из-за кустов и перекрывших им дорогу, но было уже поздно. Сзади подходила точно такая же группа.

Если бы у Томаса было оружие, он не побоялся бы попытаться счастья в драке, но его не было, и даже палку он захватить с собой не удосужился. Если бы он был один, то просто бы прыгнул через кусты и убежал.

Здоровенный детина спросил:

– Ну, сами расстанетесь с ценностями, или вам помочь?

Томас сделал вид, что копается за пазухой в поисках монет, тем временем прикидывая, как бы сподручнее его ударить. В такие шайки на самом деле сбивались обычно не самые смелые люди и, получив внезапный отпор, да ещё и лишившись предводителя, они обращались в бегство, даже имея численный перевес.

Выудив из-за пазухи жетоны и протянув их громиле, он дождался, когда тот потянется за добычей. Томас внезапно сильно ударил другой рукой, целясь в челюсть. Удар получился сильным, и противник, потеряв равновесие, шлёпнулся, ошалело трясая головой.

Стремясь развить успех Томас бросился на остальных бандитов и даже успел нанести несколько ударов до того, как на него навалились сзади. Пара человек повисли у него на плечах, стараясь повалить на землю. Кто-то бросился ему под ноги, опрокинул в грязь, и началось избиение.

Он пришёл он в себя, лёжа на газоне и даже смог самостоятельно подняться с земли. Рядом на траве лежал Август, а чуть дальше рыдали Шерил и Дженис, которые выглядели очень расстроенными, так как многочисленные побрякушки, которые они нацепили на себя, бесследно исчезли.

– Один плюс – сказал Август, что бесполезными браслеты не назовёшь, я, честно говоря, думал, что они тебя просто убьют, но на нас нет ни царапины.

Томас ощупал лицо и с удивлением не обнаружил следов драки. Следующие 20 минут они совместными усилиями пытались успокоить дворянок, лишившихся всех драгоценностей, а с ними и шанса выйти замуж за приличного человека.

Томас успокоил их, ведь с территории дворца бандитам деваться некуда, а значит их поимка дело времени, и они вполне справятся своими силами.

Успокоенные девушки перестали плакать, и все пошли в столовую, где в это время сидело человек 20 и, судя по расстроенным лицам, бандиты встретились на пути не только отряда Томаса. Стоило переступить порог, как к ним подскочил Джек.

– Одолжите мне пару монет, – сказал вор.

– Ты опоздал, твои собратья по ремеслу уже заняли у нас все деньги, и мы как раз ищем их, чтобы обговорить условия возврата долга, – грустно произнёс Томас.

– Я оставил вас без присмотра меньше чем на два часа, а вы ухитрились потерять все деньги. В следующий раз, когда захотите бездарно спустить свои богатства, то лучше сразу же отдайте их мне, я найду им более разумное применение.

– И это сказал человек, ухитрившийся потерять жетоны до того, как подержал их в руках, а после ещё и получивший по голове магией и провалявшийся под столом добрых два часа, – парировал Томас. – Впрочем, сейчас наша проблема в том, что у нас нет денег, и мы не знаем, как их заработать. Как ты думаешь получить еду?

– Я так понимаю, что Амелия не участвовала в вашей акции по отдаче денег? Так что, мы с чистой совестью можем одолжить денег у неё, – сказал Джек, указывая на только что вошедшую целительницу.

Вор с удивительной лёгкостью сумел убедить её расстаться с жетонами. Впрочем, она благоразумно предпочла передать их Томасу. И через несколько минут все они стали счастливыми обладателями жидкой каши. Все настолько проголодались что даже дворянки не стали не привередничали.

Глава 11. Первый урок, штрафные баллы и план мести врагам

Быстро поев, они хотели обсудить дальнейшие планы, но именно в этот момент проснулись браслеты. Сначала это был небольшой зуд, усиливающийся с каждой секундой и постепенно становящийся просто нестерпимым.

– Чего этот предмет от меня хочет? Я даже не думал совершать ничего плохого, ну, почти, – забеспокоился Джек.

– Думаю, нас вызывает к себе наставник, – сказал Август. В правилах сказано, что мы будем получать вызов через браслет.

– Видимо бежать придётся очень быстро. Я готов отгрызть себе руку из-за нестерпимого зуда, – сказал вор, вскакивая.

К счастью, как только они двинулись к цели, неприятные ощущения ослабли, и по интенсивности колебаний можно было даже примерно определить в какую сторону идти.

Мэтр Адриан ждал их в дальнем углу парка, выходявшего на Барьерную реку. Здесь были и обе ведьмы. Элеонора спряталась от весеннего солнышка в тени деревьев. Жанна стояла рядом с учителем. Обернувшись к подходящим ученикам, наставник, саркастически похлопал в ладоши:

– Поздравляю, вы здесь только первый день, а уже нахватили штрафных балов на неделю вперёд. Вам не нужно рассказывать мне подробности баталии, – сказал он, прерывая было попробовавшего влезть в разговор Джека. – Сегодня вы займётесь бегом. Очень полезное умение особенно в отсутствии думающей головы. Что Вы ждёте? Вот дорога, бегом марш!

Дорога шла через парк, и ученики растянулись по ней. Возглавил колонну Томас и Жанна, со старта взявшая неплохой темп. За ними с приличным отставанием бежала целительница, дальше Август, потом мальчик и вор, который явно мог бежать быстрее, но как самый умный, предпочитал не напрягаться. Замыкали колонну аристократки, но то, что они изображали, бегом нельзя было назвать. Элеонора же вообще не побежала, проводив бегунов равнодушным взглядом со своего места под деревом.

Томас обошёл аристократок на два круга, когда они всё ещё бежали первый. К его удивлению, ведьма не проявляла признаков усталости и на седьмом кругу сумела вырваться вперёд. Томас не мог этого допустить и начал выкладываться всерьёз. До конца двадцатого круга он вырвал победу на последних метрах и сквозь стучавшую в висках кровь еле расслышал приказ учителя остановиться, и рухнул, где стоял, бешено глотая воздух широко открытым ртом.

Подошедший мэтр задумчиво произнёс:

– Думаю в физических упражнениях ты не нуждаешься. Будешь тренировать свой дух. Садись, закрой глаза и заглядывай в свой источник. – Посчитав инструктаж оконченным, он со злорадной улыбкой повернулся к бегунам.

Томас закрыл глаза, но почему-то вместо пресловутого источника увидел сочный бифштекс и подумал, что нельзя исключать, что именно так его источник и должен выглядеть. Просидев так какое-то время, стараясь не захлебнуться слюной, он услышал надрывное дыхание дворянок.

– Всё я больше не сделаю ни шагу, – простонала Шерил.

– Не хотите бегать, не надо, – разрешил мастер.

По повисшей паузе Томас даже, не раскрывая глаза, мог представить, какие взгляды сейчас устремились на учителя.

– Только, когда на инициации магия вас накажет, не жалуйтесь.

– А как связаны магия и бег? – спросила одна из аристократок.

– Никак, а удачное прохождение инициации зависит от физической подготовки напрямую. В прочем не стоит беспокоиться, даже при нулевой физической форме у вас есть шанс пережить пробуждение дара в целых 10%, а в случае неудачи вашим семьям не придётся тратиться на похороны – магия спалит Ваши тела без остатка. В общем одни плюсы.

Судя по удаляющемуся хриплому дыханию, монолог наставника возымел эффект, и парочка продолжила бег. С короткими передышками ученики бегали до вечера, а Томас всё пытался увидеть проклятый источник, принимающий вид всё более вкусных блюд.

Когда наставник сказал, что урок окончен, и они могут заняться отработкой штрафных баллов, вся команда лежала вповалку на газоне, и только вор притворялся усталым и именно он задал вопрос:

– Что за штрафные балы? Я ничего не делал! За что меня штрафовать?

Наставник был в хорошем расположении духа. Вид измученных учеников почему-то поднимал ему настроение, и потому охотно ответил:

– Штрафные балы получает не конкретный человек, а весь отряд. Допустим, у вас есть человек, постоянно влезающий в неприятности. Он ворует всё, что плохо лежит, и постоянно попадает, тогда весь отряд будет постоянно чистить конюшни, работать на кухне и выполнять другую неприятную работу, пока не сможет втолковать сотоварищу, что он поступает нехорошо, но без рукоприкладства, – сказал Адриан, кивая Томасу.

– Я, между прочем, ни разу не попадался, – возмущённо заявил Джек.

– Ага, а на каторгу он загремел за красивые глаза, – буркнул Томас. – Мастер, а у кого надо получать эти задания?

– Ни у кого, задания распределяются через браслеты. Они в нужный момент приведут вас в нужное место и проследят за выполнением задания.

Следующие несколько часов Томас драил полы в переходах дворца, а когда, наконец, добрался до спальни, рухнул на кровать, не раздеваясь, но в этот момент в комнату вошла ведьма Жанна и растолкав всех яростно спросила:

– Кому из вас я обязана нарядом на чистку уборных?

Её тёмные глаза метали молнии и не обещали ничего хорошего. Томас тяжело вздохнул и, вызывая огонь на себя, произнёс:

– По-видимому, мне.

– Нет, тебя я бить не буду, ты мне нравишься, – сказала Жанна. – Очкарик, иди-ка сюда, – и она поманила Августа пальцем.

Тот нехотя подошёл. В общем, так, ты идёшь и работаешь за меня.

– Я бы с радостью, но в правилах сказано, что штрафную работу нельзя передавать, – пролепетал парнишка.

– А кто, по-твоему, за этим следит? – спросила она и тут же ответила, – браслет. Неужели, ты думаешь, что какая-то вещичка окажется умнее меня, потомственной волшебницы в энном поколении. За десять минут я перенастроила браслет, и сегодня мою работу будешь выполнять ты.

Август уныло отправился выполнять внеочередное задание, а остальные мирно уснули.

Томас проснулся ещё до рассвета и, растолкав Августа и Джека, устроил совещание.

– Значит так, первый вопрос: что мы можем сделать с парнями, нападшими на нас? Их нападение посадило нас на голодный паёк и отправило в штрафное рабство на неделю, а ведь ничто не мешает им повторить нападение. Предлагаю план действий: во-первых, нам нужно получить информацию, во-вторых, добыть оружие, а в-третьих: объединиться, с теми, кого тоже ограбили, – сказал Томас.

– Ну, с информацией я могу помочь тебе прямо сейчас, – сказал Джек. – Вчера во время работы на конюшне я переговорил с парой ребят, из седьмого отряда, забравшими вас жетоны. В их отряде 33 человека, никаких женщин и детей, все здоровые мужчины, их набрали из уголовников.

Но даже, если мы соберём вместе все остальные отряды, шансов на победу у нас ноль. В остальных отрядах по 15 человек, в основном женщины и малолетки, есть 8 магов, включая наших ведьм, но семеркам хватает мозгов к ним не лезть. В лучшем случае можно набрать десяток парней, которые не свалятся после первого удара, возможно, ещё десяток крестьян, они довольно выносливы, но трусливы, как зайцы, и это против бывших солдат и уголовников?

– С хорошим оружием и тактикой шансы есть, – возразил ему Томас.

– И где ты собрался взять оружие? Хотя бы плохое? – съехидничал Джек.

– Ну, кое-что можно самим изготовить.

– Не получится, в правилах Школы чётко сказано, что изготовлять оружие запрещено, – влез Август.

– Так что, нам с ними исключительно на кулаках махать? – удивился Томас.

– Я так понимаю, что по плану мы должны были использовать друг против друга магию, но седьмые взяли уж больно резкий старт. Впрочем, в правилах сказано, что оружие можно купить в магазине, – пояснил Август.

– Чёрт! – выругался Томас, – а если на отнятые жетоны они купят оружие, то мы пропали.

– Ну и каков план? – спросил Джек.

– При такой постановке вопроса на первое место встаёт заработок жетонов и покупка на них оружия. Что там сказано в правилах о получении жетонов?

– Почти ничего, – пожал плечами Август, – жетоны выдают за успешные действия. Но, учитывая наш опыт, могу предположить, что их начисляют за успешную атаку членов других отрядов и присвоение их жетонов.

– Если они ходят по одиночке, то я могу в рукопашную уложить нескольких – задумчиво произнёс Томас.

– Если ты думаешь, что тебя будет трудно вычислить, то заблуждаешься, – сказал Джек. – Тебя быстро найдут и будут долго и больно бить.

– Пусть сперва найдут, – парировал Том, – я тут подумал, хоть наставник и указал нам на эту комнату, но вроде не запрещал перебираться в другие. Что сказано на этот счёт в правилах?

Август задумался на некоторое время и произнёс:

– Это не запрещено.

– Что ж, мы переберемся в укромное место и начнём скрываться, полагаю, этим займётся Джек. Я тем временем вылавливаю одиночек и пытаюсь заработать на оружие. А Август будет вести переговоры с другими отрядами.

– Лучше этим займусь я, – сказал Джек. – Найти укромный уголок в таком здоровом здании несложно, а язык у меня подвешен лучше.

– Аристократы с тобой не станут разговаривать, так что идите вдвоём. И надо хотя бы заглянуть в магазин и узнать порядок цен.

– Я там был, – сказал Джек. – Самый простенький кинжал стоит от трёхсот жетонов, а хорошие клинки стоят десять тысяч.

– А луки там есть? – спросил Томас.

– Парочка была, по-моему, стоили они около двух тысяч.

– Ладно, посмотрим, сколько удастся заработать, а потом примем решение.

Глава 12. Отмщение

С самого рассвета Томас, прячась, хотел посмотреть на лица своих врагов, чтобы потом их опознать, но быстро понял ненужность этого занятия, так как члены седьмого отряда настолько отличались от всех остальных, что ошибиться было невозможно. Они были здоровенные, с квадратными челюстями, бычьими шеями и горой мышц. С утра седьмой вышел на охоту и прочёсывал этажи в поисках жертв, причём большинство учеников они напрочь игнорировали, а, когда они находили нужного человека, то долго били и грабили.

Бандиты перемещались с шумом и грохотом, Окончив утреннюю охоту, они разбредались кто куда, предоставив отличную возможность взять реванш.

Первую жертву Томас нашёл по звуку, ведь седьмые ходили самоуверенной чёткой походкой, в то время, когда все перемещались как можно тише. Подобраться к ничего не подозревающему верзиле труда не составило – он топотал так, что не услышал бы ничего. От резкого удара он осел на пол. За 20 минут удалось поймать ещё двоих, но нападение обнаружили и началась погоня.

С лёгкостью уклонившись от встречи со взбешёнными бандитами, Томас вернулся в спальню. Там его ждал Джек, спросивший:

– Ну, как успехи?

– Трое. Я как-то не догадался спросить, а где, собственно, получают жетоны?

– У наставников, – подсказал воришка.

– А куда ты перевёл наших?

– В несколько разных мест, решил, что недалековидно складывать все яйца в одну корзину. Твоё персональное убежище на чердаке в пристройке, пойдём, я покажу.

Убежище действительно было надёжным. Они попали туда сквозь частично разобранный потолок в пустующей комнате. Если поставить доски на место, то никто и не заподозрит, что здесь есть проход. Однако долго отдыхать у Томаса не получилось, т.к. зуд на руке указал, что Наставник ждёт их.

Пробираясь с осторожностью по коридорам дворца, Томас опасался встретиться с патрулями седьмого отряда, но похоже неожиданное нападение напугало их сильнее, чем предполагалось, и они засели в своей штаб-квартире, не рискуя высовывать нос.

В этот раз занятие проходило в помещении, но принципиально ничего не поменялось: ведьмы скучали, наставник злорадно улыбался, отряд бегал, а Томас медитировал.

Он спросил учителя:

– А что я должен увидеть? На что похож этот самый источник?

– Ты не должен увидеть ровным счётом ничего. Свой источник способны видеть лишь маги.

– Тогда какой во всём этом смысл?

– Может, какой-нибудь великий маг знает ответ на твой вопрос. Известно, что после таких тренировок выше шанс пройти инициацию. Сначала ты представляешь, что видишь источник, а затем видишь его во время обряда.

– То есть физическая подготовка и представление источника – это всё, что нужно чтобы успешно стать магом?

– Главное, чтобы стать магом, надо иметь огромную кучу денег для платы профессионалу, который пробудит источник, но поскольку король решил за тебя эту проблему, то, да, главное медитация, а крепкое здоровье нужно просто, чтобы выдержать все трудности.

– А когда мы будем проходить инициацию?

– Конкретной даты нет. Каждый пройдёт её тогда, когда я посчитаю, что он готов. По-хорошему надо тренироваться пару лет, но король торопится, и вам повезёт, если у вас будет пара месяцев, так что не трать время понапрасну.

Легко сказать: «Не трать время», но, когда ты за два дня съел только тарелку жидкой каши, в голову всё равно лезет только еда, превращая «медитацию» в настоящую пытку.

В этот раз наставник решил взяться за учеников всерьёз, и когда они попадали от усталости, не отпустил их, а усадил медитировать. Когда же посчитал, что они отдохнули, снова заставил бегать. Но, наконец, занятие закончилось,

Томас едва не забыл забрать у наставника честно выбитые из недругов жетоны. По счастью, у Джека память в финансовых вопросах оказалась лучше, и он вовремя толкнул товарища локтем в бок. В результате в кармане завелось 93 медных кружочка, что компенсировало вчерашние потери, но не слишком приблизило миг приобретения даже самого дешёвого клинка.

Обрадованные приобретённым богатством, они всей командой отправились в столовую, к счастью, она была открыта круглосуточно. В прошлый раз Томас не особо приглядывался к меню, ограничившись просмотром самого бюджетного варианта, но в этот раз ему пришлось выдерживать натиск дворянок, которым по недосмотру попал в руки полный список блюд.

Как выяснилось, там были кушанья по цене, не слишком уступавшие оружию в магазине. Томасу понадобилась вся его стойкость, чтобы избежать разбазаривания и так небогатых финансов на блюда, названия которых он даже не знал. Затем снова были штрафные баллы и тревожный сон на чердаке.

Под утро Томаса разбудила какая-то возня возле его убежища, и выглянув наружу, он увидел Джека и Августа.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Ничего особенного, просто пришли рассказать новости и обсудить планы, – ответил Джек. – Вчера я имел возможность понаблюдать, как седьмой в полном составе драил конюшню, и они были страшно злы и обещали найти того, кто устроил им эту трудотерапию. Уже ночью они напали на спальни двух других отрядов и устроили настоящий погром. Как раз в это время я случайно наткнулся на залежи бесхозных одеял, вот тебе парочку принёс:

– Я так понимаю, что на глаза к седьмым мне лучше не попадаться? – спросил Том.

– Ну, скажем, так – они будут сильно обрадованы, если увидят тебя, – уточнил Джек.

– А больше ничего бесхозного в их комнате ты не обнаружил? – заинтересованно спросил Томас.

– К сожалению, нет, всё ценное они припрятали где-то в другом месте. Я над этим работаю, но пока безрезультатно.

– Сегодня ты снова собираешься охотиться? – спросил Тома Август.

– По крайней мере, попробую, боюсь, что после вчерашнего они станут осторожнее.

– Мы поговорили с представителями других отрядов и набрали четверых добровольцев, готовых участвовать в сопротивлении.

– А от них будет хоть какой-то толк? – усомнился Томас.

– Да, ребята вполне конкретные, и седьмые успели, как следует, им насолить, – влез Джек.

– Некоторые отряды даже готовы скинуться на оружие, правда, сейчас у них ничего нет, – продолжал Август.

– Ну да, а те, у кого есть, делиться пока не готовы, – перебил его вор. – Моя интуиция прямо кричит о том, что с этими ребятами кашу не сварить и рассчитывать можно лишь на себя.

– Так что же делать с добровольцами? – спросил Август, – нам направлять их к тебе?

– Не сегодня, нужно посмотреть, изменят ли седьмые тактику после вчерашнего.

Противник действительно начал вести себя настороженно: передвигался небольшими группами, не шумел, и Томасу понадобилось несколько часов, чтобы, наконец, выследить одиночку.

Здоровяк шёл по широкому коридору дворца, не смотря по сторонам и не оглядываясь. Томас рассмотрел его мельком, высунувшись на мгновение из-за угла, после чего отстал, продолжая преследование по звуку шагов, отдающемуся гулким эхом в обширных залах. Пройдя по лестнице, жертва спустилась в подвал, и Томас заколебался, стоит ли идти вслед?

Осознание, что на самом деле охотятся на него самого, пришло к Томасу не сразу, но какой-то невезучий парень, идущий параллельным курсом, попался на глаза команде № 7 первым, и его не смогли схватить достаточно тихо.

Услышав сдавленный вскрик сзади, Томас, у которого на душе было беспокойно, понял, что попался и, охотники спустя считанные секунды рванут вперёд, зажимая жертву в проходе, из которого есть только один выход, и не надо быть гением тактики, чтобы понять, что он тоже перекрыт.

Юноша бросился по лестнице вниз и заметался по коридору в поисках пути к отступлению. Он толкался в запертые двери, пока одна из них не поддалась под рукой. Тихо затворив её за собой, он лишь тогда понял, что, возможно, встреча с разъярённой толпой лицом к лицу была бы меньшим злом. Из мрака комнаты, разгоняемого трепещущими огоньками свечей, расставленных по кругу, на него уставился призрак: белое застывшие лицо с белыми глазами, белый саван и длинные белые распущенные волосы.

Спазм сдавил горло, и Томас застыл беззвучно, как рыба, открывая рот. Призрак начал подниматься, и именно в этот момент дверь сильно толкнула Томаса в спину, распахиваясь настежь. В последний момент он успел спрятаться за ней. Преследователей призрачное видение так напугало, что они удивлённо застыли на пороге, а призрак поднял руку и по помещению медленно начал разливаться мерцающий зеленоватый свет. Бандиты, отталкивая друг друга с дороги, рванулись вон из комнаты, оглашая округу истошными воплями, а последний из них захлопнул за собой дверь, лишив Томаса его укрытия.

Свет разгорался всё ярче и из зеленоватого стал белым, а призрак наклонившись подобрал с пола остроконечную широкополую шляпу и водрузил её себе на голову.

– Полагаю, ты захочешь объяснить, что произошло? – сказала Элеонора, поправляя шляпу, её волосы на глазах начали менять цвет с белого на медовый.

Томас, может, и хотел бы, но в голову не приходила ни одна версия, позволявшая избежать превращения в жабу.

– Нет, тогда, пожалуйста, закрой дверь с другой стороны.

Дважды просить Томаса не пришлось, он наверняка поставил рекорд по открыванию дверей на скорость. Коридор был пуст. Дальше день пошёл по привычному сценарию. Вечером по требованию Джека собрались полным составом, присутствовали даже ведьмы, позванные Августом, и представитель «добровольцев». Амелия попыталась убедить собравшихся, что война – это путь в тупик, на неё последует ответ, что надо договариваться и это единственный возможный путь. На что Джек ответил, что, чем сильнее врезать оппоненту по башке,

тем легче договориться, а если сделать это достаточно умело, то необходимость договариваться отпадает сама собой.

Остальные тоже не поддержали миролюбивый настрой. Дворянки, лишившиеся фамильных драгоценностей, жаждали мести в первую очередь и даже Август, казалось, готовый переметнуться на сторону партии мира, считал на данный момент переговоры нецелесообразными. Ведьмы, которых склоки простых смертных вообще не касались, тоже проявили неожиданную активность. У Томаса создалось впечатление, что им просто стало скучно и они были готовы ввязаться в любую авантюру, обещающую хоть какое-то развлечение.

Сеть информаторов доложила, что дисциплина хоть как-то соблюдаемая в рядах противника днём, с наступлением темноты дала трещину и часть противников предпочитают отправляться на поиски приключений по вечерам.

По просьбе Джека девушки разрезали старую портьеру и соорудили для карательного отряда маски и плащи, чтобы скрыть одежду. Получилось довольно жутко. Алые маски с кривыми щелями прорезей для глаз и того же цвета плащи сделали их похожими на адептов какого-нибудь запрещённого культа и одного их вида, идущих толпой по коридору и подсвечивающих дорогу факелами было достаточно, чтобы отправить в обморок особо нервных прохожих, которых несмотря на поздний час встречалось на удивление много.

Следуя указаниям тайных агентов Джека, отряд действовал чётко по плану: сперва разделились на три группы для атаки на одиночные цели, а затем объединившись для атаки на множественные. Томас был уверен, что отлично справится в одиночку, но ему дали в помощники Жанну и дворянок.

Август и Джек в один голос утверждали, что психологические последствия нападения важнее физических, как говорится, у страха глаза велики. Противник должен думать, что их много, сидеть тихо, и дрожать. Хотя Томас вовсе не был уверен, что это сработает.

Агент Джека встретил их в оговоренном месте. Этот мальчишка лет четырнадцати едва не дал дёру, увидев их компанию, но после кратких переговоров всё же указал им на коридор, в котором скрылся противник.

Всё пошло не по плану практически сразу: вместо того, чтобы спокойно дожидаться их, цель сама выскочила им на встречу, лишив эффекта неожиданности. Одно мгновение они просто смотрели друг на друга, а затем бандит выхватил из-за пояса нож. Томас понимал, что у безоружного человека практически нет шансов против вооружённого. Обычная палка могла бы решить вопрос, но и её не

было, а отступить было нельзя, так как упущенный бандит поднимет тревогу раньше времени, тем самым сорвёт всю операцию.

Томас отскочил в сторону, надеясь, что бандит потеряет бдительность, но тот безошибочно определил от кого исходит главная угроза и достал нож. Но Томас и его противник явно недооценили ведьму. Как только ей представился шанс достать врага, она, не задумываясь, прыгнула вперёд, чудом разминувшись с лезвием. Это дало Томасу броситься на врага.

Нож моментально метнулся ему навстречу, нацеленный прямо в сердце, но с печальным звяканьем отлетел от звеньев кольчуги. Томас и сам не мог сказать, что заставило его в последний момент надеть на себя тяжёлый доспех. И вот сейчас он смял врага, мертвой хваткой вцепившись в него, чтобы не позволить высвободить руку с ножом, зажатую между их телами. В этот момент Томасу на помощь опять пришла ведьма, бросившаяся на бандита сзади, накинув ему на голову платок, что решило результат схватки. Они быстро закончили бой, но тут в комнату заскочил запыхавшийся мальчишка и крикнул:

– Тревога!

Не задавая лишних вопросов, отряд ночных мстителей пустился наутёк, но цели своей добился, так как после ночного нападения семёрки присмирели, прекратив драки. Жизнь потекла прежней чередой. Занятия с наставником разнообразием не радовали. Подвижек в нужную сторону не было, о чём Томас сообщил учителю, на что тот заверил, что видит удивительный для столь короткого промежутка времени прогресс и, если продолжать в том же духе, появится шанс пройти инициацию. Учитель предложил заниматься укреплением духа не только на занятиях, но и в свободное время. Всё было мирно и спокойно до того дня, когда обнаружили обожжённое тело. Эту новость с утра пораньше принёс Джек, где-то гулявший всю ночь. Он сообщил, что обгоревшего тело обнаружили в парке, и сейчас туда подтягивается руководство и многочисленные зеваки.

Глава 13. Загадочная смерть

К моменту, когда Томас добрался до места событий, зевак набежало ещё сравнительно немного, и все они держали приличную дистанцию, не приближаясь к генералу, который рассматривал бесформенное тёмное пятно у постамента древнего памятника. Томас ни за что бы не опознал в этой бесформенной куче останки человека, но вокруг шептались, что здесь поработал волшебный огонь.

Попытавшись подойти поближе, чтобы всё рассмотреть, Томас отшатнулся, почувствовав предупреждающий укол браслета. Тем временем от центрального крыльца начали подходить новые люди, в их числе Томас заметил и своих ведьм, и других волшебников, которых мельком видел ранее в столовой. Вместе с ними шли все семь наставников, включая мэтра Адриана.

Они направились прямо к генералу, встав полукругом в нескольких метрах от тела и не разговаривали. По лицам нельзя было понять их мысли, но удивления на них не было, словно они ожидали чего-то подобного.

Пока Томас наблюдал за поведением волшебников, толпа за его спиной заволновалась, и он услышал тихий шепот:

– Придворный маг.

Покрутив головой, Том увидел седого старика с длинной бородой, неспешно приближавшегося к телу. Старец был одет в расшитую золотом мантию и опирался на резной посох.

Генерал, низко поклонившись, быстро доложил о случившемся, после чего старик, наконец, подошёл к телу и, склонился над ним. Затем все как по команде развернулись и разошлись по своим делам, утратив, всякий интерес к обгорелому телу.

Слуги унесли погибшего в подвал дворца. Томас ожидал, что кто-то к ним обратится, но все вели себя так будто ничего не произошло, а наставник на прямой вопрос о случившемся прямо сказал, что их сейчас прежде всего должна заботить собственная судьба, поскольку прибытие из столицы придворного мага означает, что до инициации осталась в лучшем случае неделя. Уже вечером всезнающий Джек рассказал, что погибшим оказался один из молодых магов, и убили его магическим огнём.

Томас, вспомнив ночной бой на старом тракте, сказал:

– Если бы его убили священным огнём, то от грохота проснулись бы не только обитатели дворца, но и соседних городских кварталов. Огненные шары огнеплюйки взрываются с грохотом.

– Магия бывает разной, – не согласился Август, – в древних манускриптах я читал о способах незаметного убийства.

– Незаметного убийства, и при этом выглядящего как взрыв? – уточнил Томас.

– Лучше скажите, кто это мог сделать? Мне страшно, ведь он до сих пор не пойман, а нам даже нечем защищаться, – взволнованно произнесла Шерил.

– А тут и думать нечего: во дворце сейчас семь наставников, семь молодых магов и придворный чародей, сотворить нечто подобное мог только кто-то из них, – ответил Август.

– Не скажи, командир отряда, с которым я приехал сюда, не был магом, но распугал огнём целую банду при помощи какой-то странной штуковины, – напомнил Томас.

– Во всех книгах, которые я читал, говорилось, что только маги могут колдовать и создавать волшебные предметы: заколдованный меч, режущий сталь, как бумагу или непробиваемая броня, практически ничего не весящая, но использовать их могут только другие маги. Так что, если есть активируемый эффект, без мага тут не обойтись, – уверенно сказал Август.

Ему возразил том Томас:

– Сэр Грегори не был похож на мага, да и будь он им, обошёлся бы без всяких безделушек.

– Возможно, я не всё знаю о последних открытиях, – задумчиво протянул Август. – Маги вообще не видят особой разницы между дворянами и простолюдинами. По закону маги не могут носить титулы, владеть землёй и приносить клятвы верности. По идее они и работать на не магов не должны, но на этот пункт уже давно закрывают глаза

– Постой, рассказывай с этого места подробнее, то есть нас всех лишат титулов, когда мы закончим Школу магов и пройдём инициацию? – забеспокоилась Шерил.

– Вот это новости, – пробурчал Томас, – как-то никто не догадался меня об этом предупредить.

И если для Томаса это была лишь неприятная неожиданность, то для дворянок – конец света: мечты о счастливом браке, уютном замке, и беззаботной жизни за одно мгновение превращались в пыль.

– Мы немедленно пойдём к генералу и потребуем объяснений, – вскочила Шерил, – если это правда, то мы незамедлительно покинем это Школу.

– Не суетись, – остановил её Джек, – денежки за тебя давно получены и потрачены, если приедешь сейчас домой, твой папенька лично тебя вернёт обратно.

– При всём моём неуважении к оборванцу, – произнёс Август, – но, боюсь, он прав. Не знаю, для чего королю могло понадобиться столько магов, но однозначно – он не позволит нам разбежаться.

Дженис совсем не аристократично зарыдала в голос, а Шерил прилагала невероятные усилия, чтобы к ней не присоединиться.

Август попробовал исправить положение.

– Вам не о чем переживать, ведь маги не обязаны кланяться даже королю, даже если они лишены всякого таланта, проблем с деньгами у них не будет: достаточно знать пару самых примитивных заклятий, чтобы Вас осыпали золотом с головы до ног. Кроме того, вы не будете обязаны выполнять чужие приказы никогда, даже совет магов не может вам приказывать, только просить.

Продолжающий веселиться Джек уточнил:

– А как себя чувствуют те, кто не выполнил просьбу совета?

– Как я уже говорил, маги не любят выносить свои разногласия на суд общественности, – произнёс Август, – поэтому сказать, какие рычаги давления есть у совета, никто не может.

Эти слова вызвали у девушек новую волну плача.

– Чего разревелись, – продолжил издеваться Джек, – вы ещё не стали ведьмами, а может, и не станете, до этого момента надо ещё дожить, а среди нас бродит мрачный тип, любящий поджаривать людей. Живите сегодняшним днём, ведь завтрашний может и не наступить!

На этой позитивной ноте вечерние посиделки закончились, Джеку снова удалось довести до слез Шерил и Дженис, после чего Амелия выгнала всех из комнаты, уже в одиночку пытаясь приободрить потерявших главную мечту своей жизни аристократок.

Пританцовывая в продуваемом всеми сквозняками коридоре, Джек проворчал:

– Хоть бы одеяло разрешили забрать.

– Сам виноват, – раздражённо бросил Томас, – неужели так трудно было хоть раз промолчать?

– Это было выше человеческих сил, как я мог смолчать, когда эти надутые девицы вдруг узнали, что их приравнивали к обычным людям.

– Вы нечего не забыли, мы вообще-то собирались обсудить таинственное убийство и чем это нам грозит? – напомнил Август.

– А чего здесь обсуждать, сильные мира сего делят власть. Что мы можем? Только сидеть тихо, и надеяться, что их внимание обойдёт нас стороной, – неожиданно серьёзно сказал Джек.

– Ну, как минимум, нам стоит укрепить дверь и создать план отхода, – сказал Томас.

– Думаешь, баррикада остановит боевого мага? – насмешливо скривился вор.

– Думаю, что пока он будет её ломать, у нас появится шанс сбежать, но, если ты настаиваешь, можешь остаться, и попытаться заболтать его до смерти.

После недолгого спора решили вновь переехать. Заселиться надумали в три смежные комнаты, соединённые внутренними дверями, причём из-за загадочных причуд конструкции дворца, вход в

одну из комнат открывался в параллельный коридор, и, не зная планировки, устроить там засаду было невозможно.

Следующие несколько дней прошли спокойно, лишь в воздухе витало напряжение, а затем в подвалы дворца доставили несколько десятков огромных клеток, накрытых плотной тканью, но по звукам, издаваемым их обитателями, можно было догадаться об их свирепости.

Новость об открытии зоопарка, принёс Джек. В тот же день произошло второе убийство, на этот раз среди бела дня: обитатели дворца слышали взрыв. Очередного мага прикончили в его собственной комнате, от мощного выброса энергии обвалился потолок, а во внешней стене образовалась немаленькая дыра.

Занимавшийся в дальнем конце парка, первый отряд стал свидетелем этого происшествия и видел, как клубящийся дым скрыл огонь, который озарил багровым всполохом деревья.

Наставник, бросив им:

– Продолжайте без меня, – и бросился во дворец, сопровождаемый ведьмами, которые, продолжая посещать уроки, откровенно демонстрируя, что занятия вызывают у них только скуку.

Неугомонный Джек тут же убежал выяснять подробности. Остальные с трудом могли сосредоточиться на познании внутреннего мира, бросая взгляды на столб черного дыма.

Учитель вернулся через четыре часа, ещё более недовольный, чем обычно. Выместив своё плохое настроение на учениках, он заставил всех бегать и таскать тяжести почти до темноты. Усталые и голодные, возвращаясь в свои комнаты, они встретили Джека, который рассказал подробности дневного инцидента.

– Я уже уважаю этого парня, так утереть нос зарвавшимся магам! Покойный подошёл к своей безопасности весьма основательно: на дверь было наложено столько защитных чар, что даже придворному магу понадобилось полтора часа, чтобы её открыть. А убийца и не пытался этого сделать – заложил какую-то алхимическую гадость этажом ниже, направив всю мощь взрыва вверх простеньким заклинанием, и вот комната полностью уничтожена, потолок обвалился, а от тела не осталось практически ничего.

Томаса мало беспокоила судьба незнакомого мага, как, впрочем, и других его коллег, хотелось лишь добраться до койки и протянуть усталые ноги, а бодрый вид вора вообще приводил в тихое бешенство.

– Лучше скажи, как это повлияет на нашу безопасность? Злодей ведь не сможет проделать подобный трюк с нашими комнатами? – уточнил Томас.

– А почему нет, только зачем? Большую часть дня в нашем пристанище пусто, и даже простого замка нет, не говоря уже о защитных заклинаниях, – насмешливо ответил Джек.

– Секретность лучше заклинаний, если он не узнает, где мы спим, то и подстроить ловушку не сможет, – вмешался Август.

– Ты, мой учёный друг, переоцениваешь свои способности маскироваться. Уличный мальчишка без проблем проследит за вами, не привлекая внимания, а тут мы имеем дело с магом, и даже не представляем, на что он способен, – сказал Томас.

– Даже великим чародеям из легенд свойственны человеческие пороки и слабости, в том числе лень. Если он будет уверен, что и так знает, где мы живём, то, вряд ли, станет утруждаться слезкой, – с достоинством поправляя очки, произнёс Август, – нам просто стоит достоверно изобразить ложное убежище на самом видном месте, чтобы отвлечь внимание от настоящих комнат.

– А ты, оказывается, не только выглядишь головастым, но иногда способен выдать не полную ахинею, – похвалил вор.

И избежавший возможности пробежать множество кругов по парку, вор был отправлен в ночь для сооружения ложного убежища, хотя Томас понимал, что всё придётся опять делать самому.

Утро порадовало по-настоящему хорошей погодой, а после завтрака неожиданно образовалось свободное время. Обычно вызов от мэтра Адриана приходил с самого утра, иногда даже не давая доесть кашу, но в этот день он почему-то медлил, и отвыкшие от свободы, ученики не знали, куда себя деть. Расположившись на скамейках в парке, они просто ничего не делали.

Томас честно пытался медитировать, но стоило ему прикрыть глаза и сосредоточиться на внутреннем источнике, как он тут же начинал клевать носом и один раз даже чуть не свалился со скамейки.

Голос Августа вырвал его из полубытья.

– Что-то в парке слишком много народу, видимо не у одних нас выходной.

Открыв глаза, Томас убедился в том, что хорошая погода выманила на воздух представителей практически всех отрядов, не хватало только седьмого, что не удивительно, так как их лидер ввёл железную дисциплину, и они перемещались теперь только крупными группами, при этом настороженно озираясь.

Выглядело это откровенно глупо: десяток здоровых парней с подозрением косится на девчонок, проходящих мимо, как будто ожидают немедленного нападения. Томас подозревал, что главарь это делает для сплочения коллектива. Хитрец смекнул, как заставить подчиняться своих бойцов, и просто раздувал из мухи слона.

– Видимо, мэтры очень заняты чем-то более важным, чем передача знаний подрастающему поколению, – лениво потягиваясь, сказал Томас.

– По мне, так мэтр Адриан может оставить свои бесценные знания о пользе бега при себе. Я спокойно жила без них всю жизнь и, думаю, обошлась бы и дальше, – раздражённо произнесла Шерил, сидевшая, как всегда, со своей подругой чуть в стороне от остальных.

– Не стоит недооценивать мудрость наставника, во многих легендах подтверждается необходимость для познания магии совершенствования не только духовного, но и физического, – произнёс Август, явно кого-то процитировав.

– Да нет, ему просто нравится над вами издеваться, – хохотнул Джек.

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, – заметил Томас, – Если ты думаешь, что учитель забыл, то, что вчера тебя не было на занятии, то ты ошибаешься. Наверняка вчерашний забег по парку покажется тебе курортом по сравнению с королевскими каменоломнями, когда он тобой займётся.

Вор скорчил гримасу. Тут среди кустов мелькнул знакомый черно-красный камзол, и Август, встрепенувшись, сказал:

– Вот, кстати, идёт прямой пример того, как важна физическая форма для мага. Жанна, когда участвует в забегах, обгоняет даже Томаса, а он бежит как молодой олень.

– Лично мне приходят в голову другие сравнения, – сказал Джек, – но даже если взять за пример двух знакомых нам ведьм, можно сделать прямо противоположные выводы. Ведь Элеонора боится солнца и придерживается принципа: чем меньше движений, тем лучше.

– Ну, госпожа Элеонора и её семья исключение, – нехотя заметил Август.

Тем временем объект обсуждения направлялся к ним, продираясь через кусты. По мере приближения стало заметно, что Жанна выглядит как-то странно: её и без того смуглая кожа была покрыта черным налётом, как у шахтера, отработавшего полную смену в шахте, а камзол напоминал половую тряпку, которой этот самый шахтёр долго протирал пол в штреке.

Жанна была в ярости и, плюхнувшись на соседнюю скамейку, без предисловий заявила, тыкая пальцем почему-то прямо в Томаса.

– Вы найдёте этого негодяя, и тогда я с ним расправлюсь.

Опешивший от такого напора, Томас хотел уточнить, о ком речь, но, заглянув в пылающие гневом глаза ведьмы, из которых в буквальном смысле сыпались искры, лишь согласно кивнул головой. Джек, не оценив перспективу превращения в хорошо прожаренный стейк, ляпнул:

– Конечно, найдём, прямо сейчас, а кстати, кого мы ищем? И что нам за это будет?

Благополучно проигнорировав реплику вора, ведьма продолжила чуть спокойнее:

– Я сейчас была на совещании в кабинете придворного мага, и именно в этот момент в камине взорвалось полено, начинённое очень заковыристым заклятием. Всё помещение заполнил ядовитый зелёный дым, и больше дюжины магов начали на ходу строить защитные щиты, мешая друг другу. При таких раскладах, то, что дело обошлось просто парой взрывов и испорченной одеждой можно считать чудом. Так вот, вы найдёте обнаглевшего убийцу, и я с ним расправлюсь.

– Да без проблем, – снова влез Джек, – поскольку убийца маг, достаточно посмотреть, кого не было на совещании.

Смерив вора таким взглядом, как будто собиралась сначала поупражняться на нём, Жанна ответила:

– В том-то и проблема, что на совещании присутствовали все. Я могу понять, зачем убили пару магов: в конце концов, они прямые конкуренты, но зачем пытаться убить придворного мага и всех учителей в придачу, я не понимаю.

Томас спросил её:

– А Вы уверены, что преступник маг? Не мог ли это провернуть кто-то, обладающий познаниями, скажем, в алхимии?

– Это точно маг, и не слабый: кабинет был под охраной, и перед заседанием его проверяли при помощи магии. Чтобы суметь обмануть поисковое заклинание, надо обладать немалыми знаниями, и мы можем смело исключить всех учителей – им такой уровень магии недоступен, так же можно исключить меня и Элеонору – нам это просто не нужно, условно можно исключить и придворного мага, ему такие фокусы вполне подвластны, да и на интригах он собаку съел, но спускать с него шкуру будет как-то неприлично, так что сосредоточьтесь на четырёх оставшихся.

– То есть злоумышленник присутствовал в зале, когда повалил ядовитый дым? – уточнил Томас.

– Да, – утвердительно кивнула Жанна.

– Надо полагать, он заранее озаботился надёжной защитой от яда, раз не побоялся явиться туда, – задумчиво произнёс Август.

– Надёжной защиты от такой мерзости не существует, – возразила ему Жанна. – Мы все едва не погибли. Спаслись только чудом. Убийца был готов умереть вместе с нами, и это пугает меня больше всего.

– А возможно ли, что он просто случайно оказался в этот момент в помещении? Вдруг он вовсе не хотел, чтобы полено взорвалось в момент, когда он будет рядом? – уточнил Август.

– О заседании все были предупреждены заранее, да и на кого он, по-вашему, хотел напасть – это кабинет придворного мага, по большому счёту там обычно бывает только он.

– Ну, так это логично, ты же сама сказала, что этот тип – старый интриган, – снова влез Джек, – вот его и пытались убрать.

– Это бессмысленно – не убивают из-за таких мелочей друг друга. Я не понимаю мотивов убийцы и не могу просчитать его следующий шаг.

– Возможно, госпожа Жанна, настало время прояснить реальную причину нахождения здесь столь сильных магов? – произнёс Август.

– Здесь собралась вся элита магов, – сказала Жанна. – Вы в курсе, что маги передают свои знания по наследству. Это правило соблюдается почти неукоснительно. У придворного мага нет детей, он последний представитель своего рода, к тому же он поборник старинных традиций, и тем удивительнее было объявление, что он собирается взять ученика. Претендентам было сказано явиться во дворец, а придворный маг присмотрится к ним и сделает выбор.

Надеюсь, теперь понятно, почему никого не удивили первые два убийства – все решили, что кто-то просто пытается повысить свои шансы на ученичество. К слову, борьба за знания считается единственным достойным поводом для соперничества среди магов. Теперь вы понимаете всю абсурдность нападения в кабинете: в борьбе за место ученика ненароком могли прикончить учителя.

– Это многое объясняет, а никому в голову не приходило узнать, кому верховный маг уже отказал? – спросил Август.

– Всё это очень интересно, но я так и не услышал ответа на вопрос об оплате. Я рассчитываю, что за охоту на сумасшедшего мага, который может раздавить нас всех, мне отсыплют кучу золота, – вновь вернулся к любимой теме Джек.

– Парень, ты без пяти минут маг, хватит мыслить, как шпана из подворотни, золото ты отлично заработаешь сам, тебе стоит задуматься о знаниях. Ты, например, в курсе, что более 90% людей со стихийным пробуждением источника погибают, разорванные взрывом магии, а большая часть выживших умирает позже, напутав что-нибудь во время упражнений с заклинаниями. Так вот, запомни: единственная валюта в мире магии – это знания. В обмен на поимку убийцы вы сможете их получить.

– У нас вроде для этих целей есть бесплатный учитель?

– Адриан – самоучка. Он может рассказать вам лишь о проблемах, с которыми сам столкнулся, о сотнях же других, обошедших его стороной, он не имеет ни малейшего представления, и любая из них может вас убить.

– А ты, конечно, знаешь их все? – съязвил Джек.

– Меня к этому готовили, если не веришь, спроси своего умного друга.

– Что же касается обучения, то можешь не сомневаться, ты вряд ли отыщешь более компетентного эксперта, чем госпожа Жанна, – сказал Август.

– Ну, положим, мы оставим за скобками то, что никто из нас не умеет ловить свихнувшихся магов, но ещё непонятно, кто на кого будет охотиться. В данный момент Наставник как с цепи сорвался и гоняет нас с утра и вечера, даже я после занятий с трудом доползаю до кровати, что уж говорить об остальных. У нас при всём желании не получится установить хоть сколько-нибудь регулярную слежку даже за одним подозреваемым, не говоря уже о четверых, – сказал Томас.

– С мэтром я разберусь сама, он больше не будет зверствовать, так что приступайте к работе, – сказала Жанна, безуспешно пытаясь оттереть чёрный налёт с лица рукавом.

Глава 14. Поиск убийцы.

Дождавшись, когда Жанна скроется из виду, Джек сказал:

– Я чувствую, что нашими руками собираются таскать каштаны из огня! Не знаю, как вы, а я буду им заниматься даже за огромное вознаграждение.

– Если тебе показалось, что это просьба, то вынужден тебя огорчить, это был приказ. Я даже думать не хочу, что с нами будет, если мы завалим это задание, а маги очень изобретательны в наказании тех, кто их подвёл, – сказал Август.

– То есть, если нас не убьёт свихнувшийся маг, то прикончит ведьма? Я так не играю, верните меня в каменоломни, – паясничал Джек. – Конечно, там сыро, и вокруг одни преступники, но, по крайней мере, меня никто не пытался превратить в жабу или кого-нибудь похуже.

– Теперь мы все в одной лодке, и выйдем или потонем, зависит только от нас, – остановил Джека Томас.

– Отлично, просто команда мечты, вот иди лови убийцу, а то у меня такое чувство, что все мы в одной лодке, но гребу почему-то я, – раздражённо бросил Джек, быстрым шагом направляясь в сторону дворца.

– В чём-то он прав, – сказал Томас, – вечером надо поговорить с Орденом алых плащей, они неплохо себя показали во время боевой ночи, ведь у нас явно не хватает людей.

– Думаешь, они достаточно глупые, чтобы рисковать жизнью бесплатно? В отличие от волшебниц, нам нечем на них надавить, – сказал Маркус.

– Всё зависит от того, как преподнести им просьбу. Если сказать, что у нас блестящая идея, как выслужиться перед его величеством, поймав злоумышленника, пытающегося разрушить его планы, то это уже не выглядит глупо, – предложил Август.

– У тебя, похоже, есть задатки, чтобы стать отличным магом, включая главный: умение – загребать жар чужими руками, – улыбнулся Томас.

Неизвестно сыграл ли свою роль утренний инцидент с ядовитым облаком, или постаралась Жанна, но за весь день наставник так и не вызвал их на занятия.

Слоняясь без дела по дворцу, Томас чувствовал какое-то странное беспокойство, что-то было не так? И тут он понял, что уже давно не видел массивных силуэтов с квадратными челюстями, которые вследствие многочисленности семёрок, обычно постоянно попадались на глаза.

Томас ещё раз пробежался по дворцу, и даже заглянул в парк и столовую. И не найдя ни одного громилы, направился в сторону их штаб-квартиры. в отдалённое крыло дворца. Вход обычно охранялся четвёркой вооружённых парней, но проходная была пустой, что его сильно удивило. Пройдя мимо ворот, он двинулся вглубь территории противника и сразу столкнулся с Джеком, идущим ему навстречу. Вор с нервной усмешкой сказал:

– Ты опоздал, всё украли до нас.

– Меня больше интересует, куда они делись? – спросил Томас.

– Вот уж не знаю, всё произошло тихо, и никто ничего не заметил, – сообщил вор.

– Думаешь, нам нужно беспокоиться? – задумчиво протянул Томас.

– Думаю, кому-то наверху пришла в голову светлая мысль, что учить магии бывших преступников нехорошо, и их прогнали, – выпалил Джек.

– Ну, тогда беспокоиться нужно только тебе. Меня, если честно, до сих пор удивляет, как ты попал к нам в первый отряд, а не к ним в седьмой,

– Видимо, ростом не вышел, – ответил вор, – а вот ты бы с лёгкостью вписался в их накачанную компанию, так что не радуйся раньше времени.

Беглый осмотр логова бандитов полностью подтвердил правоту вора: ни ценных предметов, ни следов того, что произошло здесь ночью, не осталось.

– Следов драки нет, – сказал Томас, – думаю, вещи они забрали сами, вряд ли, генерала и его подручных заинтересовало бы их барахло.

– Ага, по приказу браслетов, – сказал Джек, потрясая рукой, – они могли бы сами залезть на виселицу, избавив палачей от лишней работы. Ты же не думаешь, что эти игрушки только следят за соблюдением правил? Я проверил их эффективность на собственной шкуре: человек способный ими управлять, сможет заставить тебя сделать всё, что угодно.

Потрогав невзрачную полоску ткани на собственном запястье, Томас поморщился:

– Ладно, пропажа седьмого не наша проблема. А вот что является нашей проблемой, так это маги, ты что-нибудь выяснил?

– Только то, что они ещё более закрытые, чем наши ведьмы, никто даже их имён не знает, не говоря уже о том, где они живут. У меня есть подробное описание внешности и некоторые данные по их перемещениям, и это всё. До недавнего времени они исправно посещали занятия, но после второго убийства стали осторожнее и, видимо, отсиживаются где-то в укрытии.

– Но есть-то они ходят?

– В столовую – нет.

– Не думаю, что они хранят у себя запас продовольствия. Наверняка получают еду с кухни, поэтому надо расспросить работников, куда они доставляют еду, или просто проследить за ними.

– Я без твоих советов знаю, как отыскать того, кто не хочет быть найденным, но, чтобы найти их лежбища нужно время, – огрызнулся Джек.

– Хорошо, если понадобится помощь в слежке, привлечём членов союза борьбы против семёрки. Они жаждут в этом поучаствовать.

– Да они по громкости топота сильно превосходят стадо буйволов. Если я захочу завалить слежку, обязательно обращусь к кому-нибудь из них.

– Как знаешь, но учти, что они готовы работать бесплатно, на голом энтузиазме.

– Хуже криворукого идиота может быть лишь криворукий идиот, полный энтузиазма, – сказал вор, скептически поджав губы, – но я придумаю для них подходящие занятия.

– Вот и отлично, тогда не буду тебе мешать.

– Погоди, возьми на себя ночную смену, я уверен, что до вечера сумею выяснить пару мест, требующих присмотра.

Коротко кивнув, Томас направился к выходу с твёрдым намерением выспаться перед тяжёлой ночью. Однако его планам не суждено было сбыться. Браслет на руке внезапно ожил, призывая его на очередное занятие. Тяжело вздохнув, он направился в сторону зова, но, не пройдя и половины дороги, понял, что его путь лежит отнюдь не в ставший привычным парк, а во дворец.

Свернув с хорошо освещённой дороги в лабиринт полутёмных узких коридоров, он оказался у неприметной лестницы, ведущей в дворцовые подвалы. Спуск длился целую вечность. Проходя пролёт за пролётом, Томас успел подивиться обширности местных подземелий. Миновав коридор и никого и не встретив, он оказался у большой двери. Помявшись немного, Томас постучал. Ответа пришлось ждать довольно долго. Он уже собирался уходить, когда дверь отворилась. Том увидел седого старика с длинной бородой, который напыщенно обратился к нему:

– Приветствую тебя, юный волшебник, сегодня самый важный день в твоей жизни, будет раскрыт твой источник. Я, Меригер Сэнзор, великий маг, глава магического совета и королевский волшебник. Тебе откроется тайный мир, недоступный обычным смертным, полный невообразимых чудес, но и страшных опасностей, и лишь от тебя зависит, как далеко ты сможешь пройти по этому пути.

Старик указал на кресло. Сделав приглашающий жест, маг подождал, пока гость займёт своё место, и сделал пас рукой. Со звонким щелчком на руках и ногах Томаса закрылись металлические зажимы. Он попытался выдернуть руки, но сталь держала крепко.

Томасу показалось, что всё его тело объято огнём, он почувствовал свет источника, пронизывающий его тело. Эйфория охватила его, казалось, теперь он сможет сдвинуть горы. Открылись зажимы и освободили Томаса.

– Теперь можешь идти, ты сделал первый и самый важный шаг по нескончаемому пути познания, по которому теперь будешь идти всю жизнь. Работай над собой, изучай великую магию, и возможно, сможешь добиться грандиозных свершений и передать своим наследникам драгоценную крупицу истинного знания, – старик замолчал.

Томас поднялся с кресла и едва не рухнул обратно. На контрасте с чувством внутренней энергии, тело обессилело. На трясущихся ногах он поплёлся к выходу, стараясь не упасть. Покинув комнату, он прижался спиной к стене и постоял так минут двадцать, отдыхая.

Немного придя в себя, Томас медленно направился к выходу. Побродив по подземельям примерно час, он, наконец, выбрался на поверхность и попал в какую-то хозяйственную пристройку в парке. Добравшись до своей комнаты, он рухнул на кровать и проспал до утра.

Он ничего не помнил, ему было очень плохо. Резкая боль ощущалась во всём теле. Он бы с удовольствием полежал ещё, но его ко мучил голод. Пробираясь к выходу, он столкнулся с Амелией.

– Что ты пил вчера? – спросила она, – хотя твоё состояние похоже на отравление, чем на похмелье.

– Самое обидное, что я вчера ни капли не пил, так что страдаю незаслуженно, – честно ответил Томас.

– Тогда что с тобой случилось? Это мне нужно точно знать, чтобы подобрать лекарство.

Ему пришлось вкратце пересказать вчерашние приключения, после чего он получил какой-то порошок, который хоть немного облегчил муки. После завтрака Томаса настиг вызов учителя, и, собрав волю в кулак, он тащиться в парк, где мэтр Адриан с плохо скрываемым удивлением посмотрел на него и спросил с удивлением:

– Ты ещё жив?

Потом наставник отправил всех бегать и вплотную занялся Томасом.

– Выглядишь как будто проработал на королевских рудниках пару десятков лет, – поморщившись, произнёс учитель. – Расскажи мне о своих ощущениях.

– Если коротко, то меня как будто наизнанку вывернули: эта ваша инициация страшная штука.

– Боюсь, инициация тут не причём, у тебя отравление магией, – сказал мэтр, задумчиво поглаживая бородку рукой, – причём очень сильное. Чем ты занимался? Проламывал стены или спалил пару комнат?

– Я ничего не делал, а просто спал.

– Плохо, если не хочешь умереть за пару дней, постарайся с этим разобраться.

– Что значит разобраться? Как?

– Ответ на этот вопрос тебе предстоит найти самому. У каждого мага свои отношения с источником, и чужой опыт здесь не поможет. Медитируй, смотри на свой источник и постарайся его понять.

После такого напутствия, Томас погрузился в медитацию. В этот раз всё прошло легко, не было никаких посторонних мыслей. Стоило закрыть глаза и сосредоточиться, как перед ним возник раскалённый огненный шар, плюющийся во все стороны шипящими искрами.

Полюбовавшись немного на эту картину, Томас мысленно протянул к шару руки и попробовал его слегка сжать. Было больно: руки вполне реально обожгло, а шар в ответ отреагировал бурной вспышкой, разросся в размерах и начал осыпать окружающее пространство целыми каскадами пылающих искр.

Очнулся Томас оттого, что его грубо трясли за плечи. Светила полная луна, а собравшиеся вокруг товарищи смотрели на него круглыми от испуга глазами. Учитель, картинно поаплодировав, произнёс.

– Отличное начало, продолжай в том же духе, и пары дней, чтобы умереть, тебе не понадобится.

Томас попробовал подняться и не смог. Из него как будто ушли все силы, он даже не смог ответить учителю. В комнату его принесли девчонки вместе с Августом (Джек, как всегда, умудрился исчезнуть в самый не подходящий момент). Когда он очнулся, не мог ничего вспомнить. Возле кровати стояли испуганная Амелия и недовольная Жанна, которая ворчливо сказала:

– И из-за чего надо было поднимать такую панику: небольшое отравление магией рано или поздно встречается у каждого. Попьёт пару дней восстанавливающих эликсиров и будет как новенький.

– Но учитель сказал, что если ничего не сделать, то Томас умрёт через пару дней, – взволновано произнесла Амелия.

– А вы больше ему верьте, у него такой метод обучения – запугивать учеников, чтобы были старательными. Всё у него в пределах нормы.

– Ты уверена? – прошептала Амелия. – Он выглядит так, как будто вот-вот умрёт.

– Что-то не похоже на норму, – влез появившийся непонятно откуда вор, – может, всё же как-то поможешь ему, раз уж пришла?

– Вообще-то по договору вы должны были сначала поймать убийцу, а потом уже получать помощь.

– Вряд ли, в таком состоянии он способен кого-то ловить – вмешалась Амелия – не знаю, нормально ли такое состояние у начинающих магов, но как врач могу сказать, что состояние очень серьёзное и требует немедленной помощи.

– Голова на месте, значит всё в норме. Отлежится пару дней, договорится со своим источником и проживёт долгую и счастливую жизнь, возможно... – неуверенно закончила Жанна.

– Ну, хоть что-нибудь ты можешь посоветовать? – спросил Джек.

– Работать нужно аккуратно, без резких движений, не лезть в источник руками, это самая распространённая ошибка новичков, – продолжала Жанна.

– И откуда он это должен был знать? – возмущенно воскликнул вор.

– Ну да, я всё время забываю, что вы не потомственные маги. Мне как-то раньше не приходилось общаться с людьми.

– Так, давай говори, как с последними дебилами, чтобы мы поняли, – не унимался Джек.

– Запоминайте: работа с источником требует сноровки, поэтому самый простой способ добиться быстрых результатов – оградить источник барьером.

– Ещё что-нибудь?

– В общем – нет, но можно снизить температуру...

Разговор продолжался, но измученный Томас больше не слушал. Он ушёл в себя и начал изучать источник. Пылающий шар по-прежнему осыпал окружающее пространство искрами. Только тут Томас сообразил, что забыл спросить, каким образом этот самый барьер нужно возводить. Подумав немного, он просто представил вековой лёд, покрывавший вершины гор на его родине, и попытался мысленно заключить пылающий шар в оболочку из этого льда.

К его удивлению, это довольно легко получилось – прозрачная ледяная оболочка неспешно затянула недовольно зашипевший источник. Огненные блики причудливо играли на неровностях льда, создавая невероятную картину. Немного полюбовавшись своим творением, Томас, вынырнул в реальный мир. Уже начинало светать, и у его постели осталась сидеть только Амелия.

Тревожно заглянув ему в глаза, она спросила:

– Ну, как? Тебе лучше?

– Вроде да, – прохрипел Томас, не узнавая собственного голоса.

– Что-то не похоже, – ответила она, – выпей-ка эликсир, что Жанна оставила. Она протянула Томасу небольшую склянку, заполненную мутной жидкостью неопределённого цвета.

Томас выпил и без сил откинулся на подушку. Потрогав рукой его лоб, целительница сказала.

– У тебя сильный жар, я бы дала тебе жаропонижающее средство, но не знаю, как оно будет сочетаться с эликсиром. Потерпи, сейчас приготовлю холодный компресс.

Томаса била крупная дрожь, и прежде, чем вновь провалиться в забытие, он долго смотрел в обеспокоенное лицо Амелии, склонившейся над его постелью.

Проснулся он уже ближе к полудню, чувствуя себя неожиданно бодрым и отдохнувшим. Неизвестно, что помогло: создание барьера или эликсир, а скорее их сочетание, но от вчерашнего чудовищного состояния практически не осталось и следа. Амелия, по-прежнему сидевшая в кресле у его кровати, заметив движение, тут же встрепенулась и стала расспрашивать о его самочувствии. Она долго не верила в его чудесное выздоровление, и прежде, чем выпустить его из комнаты, проверила пульс и строго запретила чрезмерные нагрузки.

Глава 15. Таинственная пластина

Томас, возможно, и сам был бы рад не напрягаться, но как только он встал и направился в сторону столовой, его тут же, как будто специально дернул настойчивый зов браслета. Тяжело вздохнув, он с тоской поглядел в сторону недоступной теперь столовой и поплёлся в парк на урок.

Вчерашнее приветствие повторилось. Удивленный, как будто встретивший призрака, учитель спросил:

– Ты ещё жив?

– Да и даже отлично себя чувствую, – улыбнулся в ответ Томас.

Учитель, напротив, выглядел так, как если бы ему сообщили, что его богатый и бездетный дядюшка только что чудесным образом излечился от смертельной болезни.

– Что ж, в таком случае я должен тебе передать это, – он достал из кармана небольшой бумажный сверток, – из которого вынул небольшую медную пластинку.

На вопросительный взгляд Томаса он с раздражением ответил, указывая на свёрток:

– Это восстанавливающее средство для ежедневного приёма, а пластина – твоё первое заклинание.

– И что мне с ней делать? – неуверенно спросил Томас, крутя пластинку в руках.

– Понятия не имею, я осваивал магию по старинке собственными мозгами без всяких новомодных штучек. Единственное, что могу посоветовать – не упражняйся в помещении и вообще держись подальше от других людей. Мне не раз приходилось отскрести неудачников от стен после экспериментов.

Томас, пожав плечами, уставился на загадочную пластину.

– Ты меня внимательно слушал? Если хочешь тренироваться, то иди в самый дальний угол парка и уж, конечно, не делай это рядом со мной.

Томас пошёл, куда послали. И найдя укромную лавочку у забора, начал изучать добычу. Пластинка была сантиметров пятнадцать в длину и десять в ширину, покрытая с обеих сторон мелкими загадочными знаками, выгравированными на металле. К сожалению, среди них не было ни одной знакомой буквы. Повертев пластинку в руках ещё с полчаса, Томас пришёл к закономерному выводу, что, как и учитель понятия не имеет, что с ней делать. Решив оставить эту загадку на потом, он направился обратно к отряду. Завидев знакомое выражение на лице наставника, он, опережая вопрос, ответил:

– Да, я ещё жив.

– Что, так и не разобрался, как она работает? – язвительно хмыкнул учитель, – ничего, не сдавайся, я в тебя верю, ты ещё отыщешь способ убиться с её помощью.

Оставив наставника одного, Томас, поражаясь собственной наглости, направился к лавочке, на которой расположились ведьмы, по своему обыкновению болтающие о чём-то. Подойдя к этой парочке, он деликатно покашлял, привлекая к себе внимание.

Он не успел вымолвить и слова, как Жанна ловко выхватила пластину из его пальцев, внимательно её осмотрела и после этого спросила:

– А это, собственно, что такое?

– Мэтр Адриан сказал, что это моё первое заклинание, – смущенно произнёс Томас, – но я не понимаю ни одного знака, который здесь написан. Не могли бы вы их перевести?

Жанна уставилась на выгравированные закорючки, как будто впервые их заметила и, округлив глаза, сказала.

– Для меня эта белиберда выглядит так, как будто курица с железными когтями долго топталась по этому листу.

Элеонора, посмотрев на закорючки, даже не попытавшись взять лист в руки. Она важно вынесла свой вердикт:

– По-моему это один из эльфийских диалектов, записанный с помощью человеческой письменности. Если и найдётся специалист, способный это расшифровать, то вряд ли это тебе поможет – они ведь записаны не для передачи информации, а чтобы лучше держать вложенное заклинание, и возможно вообще не имеют смысла.

– Так как же пользоваться пластиной? Учитель сказал, что в его время таких не было.

– Такими вообще никогда и нигде не пользовались, – уверенно сказала Элеонора, продолжая изучать пластину, – видимо, это одна из новых разработок архимага.

Томас, поняв, что последний шанс разобраться с проклятой пластиной уплывает, прибег к грубой лести:

– Но ведь наверняка такие умные и опытные волшебницы как вы можете разобраться, как она устроена?

Возможно, Томас и получил бы ответ на свой вопрос, но тут подошёл Джек и всё испортил.

– По моему мнению, учитель над нами издевается, и это – просто дешёвая пластинка, исписанная ничего не значащими символами, чтобы посмотреть, как мы безуспешно ломаем голову, – сказал он.

– Нет, внутри однозначно вложено заклинание, причём очень сложное, так как я и в десятой части не могу разобрать, – пожаловалась Жанна. – Это однозначно работа архимага или кого-то его уровня.

– А Вы научите Томаса паре простеньких заклинаний вместо того, чтобы разбираться в этой штуковине, – предложил вор.

– Магов никто и никогда не учит заклинаниям, – сказала Элеонора. – Все заклятия, которыми пользуется маг, он должен создать сам. Чужие заклинания просто не будут работать, так как напрямую связаны с источником, а он во время инициации открывается у каждого по-разному, поэтому магов обучают всегда так долго. Причём их обучают не конкретным фокусам, а упрощённому магическому взаимодействию, проще говоря, магии.

– Надо учитывать, что самоучки и люди со спонтанно пробудившимся источником делают всё не так, действуя методом научного тыка и собирая из магии случайные конструкции. Причина их гибели кроется именно в неудачных экспериментах. К тому же эти знания невозможно передать ещё кому-то, они бесполезны для любого другого человека, – энергично продолжала Элеонора.

Уже потому, что это была самая длинная реплика, услышанная Томасом от неё со времени знакомства, можно было понять, насколько её заинтересовала данная тема.

– Меня удивляет, зачем Сэнзор собрал здесь столько одарённых людей, ведь теоретически невозможно обучить столько народу даже самому примитивному языку за короткое время. Но если он придумал новый способ обучения заклинаниям, то это многое объясняет.

– Мне этот способ простым не кажется. Мало того, что я с моим опытом не могу сказать, как это должно работать, так ещё и заклинание используется очень сложное, а теперь представь, что старику придётся наложить таких заклинаний больше сотни, причём за очень короткое время. Такой нагрузки даже молодой и здоровый не выдержит, а Меригер стар и богатырским здоровьем не отличается, – проговорила Жанна, продолжая изучать пластину.

Томас, которого теория магии интересовала в последнюю очередь, попробовал вернуть разговор в конструктивное русло:

– Так как её использовать? – спросил он у ведьм.

– Я бы на твоём месте попросила подробных инструкций и даже лишний раз не прикасалась к этой штуке, ведь, если высвободить содержащуюся в ней энергию, то на похоронах можно сэкономить, так как нечего будет хоронить, – констатировала Элеонора, и, заметив реакцию Томаса, продолжала, – попробуй сосредоточиться на своём источнике, думаю пластина должна взаимодействовать напрямую с ним в обход сознательной деятельности.

Поблагодарив ведьм за помощь, Томас вновь удалился вглубь парка. Он долго смотрел на пластину, так и не решаясь продолжить эксперимент. Руки чесались использовать полученные рекомендации, но разум его останавливал.

Томас сунул пластину в карман и направился в сторону дворца, намереваясь куда-нибудь спрятать опасный предмет, чтобы не носить его с собой. Громкий шорох он услышал ещё из коридора, подходя к своей комнате, поэтому вынул нож и бесшумно проскользнул в дверь.

Около минуты он прислушивался. Звук шёл из угла комнаты, где были в беспорядке свалены личные вещи. Томас направился к завалу сумок. Обширные подземелья дворца кишели крысами. Пытаясь добраться до наглого грызуна, Подозрительные звуки доносились из его сумки, что, в общем, и неудивительно, так как запасливый хозяин хранил там запас провианта. Он вытащил сумку на середину комнаты и раскрыл её. И...

На Томаса смотрели зелёные глаза – ох, лучше бы это и вправду была крыса, ведь он уже успел привыкнуть к мысли, что ему навсегда удалось избавиться от феи. Отвлёкшись лишь на мгновение, чтобы взглянуть на наглеца, посмевшего оторвать её от важного занятия, она тонко пискнула и вернулась к своим раскопкам. Томас уже собирался закрыть сумку, не имея ни малейшего желания вникать в хозяйственную деятельность феи, когда заметил сверкнувшую в маленьких ручках бриллиантовую серёжку.

Он не слишком хорошо разбирался в ценах на драгоценные камни, но имел все основания полагать, что бриллианты такого размера стоят на пару порядков дороже, чем замок его отца вместе с деревней и всеми её обитателями, и данное богатство в данный момент хранится в его сумке. Справедливо полагая, что хозяина этой вещи, вряд ли, устроит объяснение, что компрометирующие улики ему подбросила фея, Томас схватился за голову, а затем за пытающуюся организовать ему прогулку на виселицу, воровку.

Бесцеремонно ссадив виновницу на пол, он начал быстро выгружать из сумки разнообразные вещи и понял, что виселицей он, вряд ли, отделается. Похоже малявка добралась до королевской сокровищницы, иначе объяснить такое обилие драгоценностей Томас не мог. На пол были выгружены 12 колец, 17 пар серёг и множество колец и запонок, была даже одна корона, но Томас очень надеялся, что она не королевская.

Глядя на россыпь драгоценностей, на которые ему не заработать и за десять жизней упорного труда, он напряжённо думал, как избавиться от компрометирующих улик и при этом остаться в живых.

Пока Томас раздумывал, что же делать дальше, фея решила, что он достаточно полюбовался её богатством, и начала деловито складывать всё обратно в сумку. Застонав, Томас перехватил её в воздухе и попытался вырвать из загребущих рученок золотую корону, весившую во много раз больше, чем мелкая грабительница. Потерпев неудачу в силовом решении вопроса, он перешёл к уговорам.

– Давай ты сейчас отдашь корону, сядешь на подоконник и будешь сидеть тихо, пока дядя Томас будет разбирать эту большую кучу блестяшек. Мы ведь не хотим, чтобы дяде Томасу отрубили голову?

Сложные переговоры продолжались около часа. Томасу удалось выторговать награбленное добро за обещание предоставлять фее много вкусной еды и дарить много блестящих штучек. Как будет выполнять обещание, он в тот момент не думал, но результата он достиг и провожаемый жадным взглядом феи, кажется, начавшей догадываться, что она продешевила, выскочил со свертком за дверь. Прятать добычу в тайник он не стал, полагая, что сокровища и до этого вряд ли лежали на самом виду, что не помешало их похищению, а выйдя, из дворца в парк, направился к медитирующему Августу и довольно встряхнул его за плечо:

– Есть важный разговор.

Серьёзно относившийся к тренировкам, долговязый аристократ был не слишком доволен урока, всё же встал и покорно пошёл за Томасом к ближайшей лавке.

– Помнишь, – начал Томас, – в первый день здесь на нас напали семёрки и у Шерил и Дженис похитили украшения?

– Такое не забудешь, никогда бы не подумал, что благородные девушки способны так кричать, да ещё употреблять неподобающие слова, – поёжился библиотекарь.

– Я отыскал тайник бандитов, но там гораздо больше ценностей, чем украли у наших дам. Не мог бы ты пообщаться с девушками из других отрядов и узнать, не пропадали ли у них ценные вещи?

– Почему бы тебе не обратиться с этой просьбой к Джеку, он давно наладил контакты со всеми отрядами и для него не составит труда выяснить нужные тебе сведения.

– Но он же вор, и подпускать его к сокровищам не лучшая идея, – не согласился с ним Томас.

– И, правда, как-то я об этом не подумал, – сказал Август, почёсывая в затылке, – ну а сам-то чего не займёшься этим?

– Я сейчас слежу за подозреваемыми, и у меня совсем нет времени заняться этим делом, – не моргнув глазом, соврал Томас, – да и от общения с благородными девами у меня трясутся поджилки. Меня не обучали этикету, а я, если честно, не хочу ударить в грязь лицом.

Смесь из доверительного тона и скрытой лести, как всегда, сработала, и надувшийся от важности библиотекарь тут же пообещал всё сделать в лучшем виде. На самом же деле Томас просто не хотел, чтобы его имя мелькало рядом с упоминанием сокровищ. Если он прав, и несносное создание запустило свои жадные ручки в дворцовую сокровищницу, то осторожность не помешает.

В связи с последними событиями Томас передумал прятать пластину, воображение живо нарисовало ему картину, как фея носится по дворцу с опасным трофеем. Остаток дня он маялся от безделья. По-хорошему надо было продолжать занятия медитацией, но после предыдущих не очень удачных попыток, желания продолжать эксперименты не было. После ужина он поинтересовался у Джека, как дела с обнаружением места дислокации магов.

– Не поверишь, но они перепугались, забились в свои норы и носа не показывают. За всё это время мне удалось встретить только одного мага и то проследить за ним удалось только до восточного крыла, там он как сквозь землю провалился.

Я даже подумал, а, может, мы не в том месте ищем, ведь, наши ведьмы ни от кого не прячутся и ничего не боятся. Я раз двадцать сегодня Жанну в самых разных местах, и унылый призрак (Элеонора) тоже периодически мелькал. Может, они не боятся не просто так, а точно знают, кто развлекается, устраивая барбекю из магов?

– Тогда зачем Жанна попросила нас искать убийцу?

– Потому, что думает, что мы ничего не найдём. А тебя не беспокоит, что мы следим за потенциальными жертвами убийцы? Как бы нам не оказаться в этом деле крайними?

– Если это так, то мы всё делаем правильно. Надо привлечь к работе как можно больше народу: чем больше свидетелей, тем лучше. Двоих легко обвинить в чём угодно, но, если будет учувствовать половина учеников из разных отрядов, повесить убийства на нас будет гораздо сложнее.

– Мне это всё очень не нравится. Может к чёрту их всех? Скажем, что ничего не нашли, и дело с концом, – предложил Джек.

– Ты невнимательно слушал Августа, у магов есть много способов убрать раздражающих их субъектов, да так, что комар носа не подточит. Нужно, если не искать убийцу, то имитировать бурную деятельность: мол, мы, не смотря на опасность, делали всё возможное и невозможное, но убийца ускользнул.

– О да, моя жизнь, безусловно, была в опасности, когда кухарка застучала меня на кухне в процессе розысков душегуба. И колбасу я реквизирувал исключительно в интересах следствия, – облизнулся Джек.

– Колбасу?

– Уликой пришлось пожертвовать, спасая свою жизнь, – потупился вор.

– Только никому этого не говори! Настоящий сыщик должен жертвовать своей жизнью ради улики, а не наоборот, – и оба весело рассмеялись.

Когда Томас утёр выступившие слёзы и вновь смог говорить, то спросил:

– А если серьёзно, я бы с удовольствием посмотрел на лицо Жанны после твоего рассказа про колбасу, но желательно из надёжного укрытия. Так, каковы наши дальнейшие действия?

– Есть у меня идея, – подмигнул Джек, – маги иногда собираются в кабинете старика. Если они не изменяют этой привычке, то рано или поздно соберутся вместе, и нам останется только проследить их дальнейший маршрут.

– Надеюсь, убийце не придёт в голову эта мысль, – сказал Томас, – но у нас нет другого выбора, к тому же я пользуюсь помощью Жанны по освоению магии, и, думаю, мне удастся узнать об этой встрече.

Следующая неделя прошла спокойно, но Томас подозревал, что это не к добру, так как освоение магии застряло на начальной точке и, хотя в разных отрядах начали появляться прошедшие инициацию, никто из них не мог понять, что же делать с загадочными пластинами. Август высказал предположение, что пока источник не откроют все, инструкций не будет. Томас этого мнения не разделял: какой смысл сперва торопиться с инициацией, чтобы потом ждать отстающих. Он считал, что разгадка пластин – это тест на профессиональную пригодность.

Утром вернулся седьмой отряд. Казалось невероятным, но и без того огромные, они ухитрились ещё больше нарастить мышцы и теперь стали похожи не на людей, а на горилл. Семёрки не давали никому прохода и даже дрались между собой. От прежней железной дисциплины не осталось и следа. Неуправляемые здоровяки устраивали потасовки в любом месте в любое время.

Томас слышал рассказы про то, что хулиганы пробовали напасть даже на наставников, и не без удовольствия наблюдал, как парочка семёрок сошлась на узкой дорожке с Жанной. Всё произошло очень быстро: вот пара громил, улыбаясь, протягивает руки к ведьме, вспышка, и их уже нет. Потом они обнаружились более чем в ста метрах от происшествия, где врезались в забор дворца. Забор выдержал, их головы тоже.

Джек разведаль, что маги соберутся в кабинете придворного чародея. Узнав эту новость, Томас озабоченно подумал, что через несколько часов их снова придётся ловить на дороге домой.

Глава 16. Возвращение похищенных сокровищ

Пробираясь в свою комнату, чтобы передохнуть перед тяжёлой ночью, Томас услышав впереди какой-то гвалт. Шум подняла толпа девушек, и он, сделав большой крюк, зашёл с другого входа. Но стоило переступить порог, как на него набросился взмыленный Август:

– Где тебя черти носят? Надеюсь, ты не забыл, что на сегодня сам же назначил раздачу украшений ограбленным девицам?

Томас, естественно, забыл, да и мудрено было что-то упомянуть, когда тебя гоняют от одного убежища до другого по всему дворцу:

– Сейчас, подожди минутку.

– Они ждут уже два часа и вот-вот ворвутся сюда. Ты когда-нибудь видел двадцать разгневанных девушек? Я предпочитаю не оставаться с ними наедине.

– Я сейчас принесу из тайника драгоценности, – сказал Томас, выскакивая за дверь. Он с трудом остановил рванувшуюся вперёд пару девушек, неизвестным способом нашедших запасной выход из их убежища. И, рявкнув, чтобы они вернулись в общую очередь, быстро ретировался. Добежав до тайника за рекордное время, он взял свёрток и, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться в отсутствии погони, торопливым шагом направился в обратный путь. Попасть в комнату тем же путём не получилось, поскольку теперь там собралась не меньшая толпа, чем перед парадной дверью, причём гораздо более злая, чем перед уходом Томаса. Поэтому близко подходить он не рискнул, так как по общему настроению догадался, что готовится штурм. Внутрь он попал через окно.

Наблюдатели снизу не слишком бурно отреагировали на его появление, их больше интересовали не те, кто пытался пробраться внутрь, а те, кто пытался убежать. Бледный, как смерть, Август подскочил к окну и с облегчением выдохнул:

– А, это ты, я уже думал, что всё, конец.

– Давай открывай, – поторопил его Томас.

Быстро разложив драгоценности на полу, Томас сказал:

– Запускай девиц по списку.

– Они же нас разорвут, – запаниковал библиотекарь.

– Говорю же, когда они взломают дверь, будет гораздо хуже.

Надо брать инициативу в свои руки.

– Вот ты и бери, а я лучше пойду прятаться, – трясся от страха Август.

Пожав плечами, Томас быстро разобрал баррикаду, уверенно распахнув дверь и громко выкликнул:

– Аделаида Лэнгфорд, входите.

От неожиданности девушки замолчали, и наступила тишина. Когда до названной аристократки дошло, что её вызвали, она начала пробираться вперед. Томас пропустил её и захлопнул дверь. Пододвинув кресло, он вежливо обратился к Аделаиде:

– Присаживайтесь, – и, заглянув в список, продолжал, – Вы заявляли о пропаже изумрудного кольца с семнадцатью крупными камнями виде листьев, трёх пар серёг и трёх колец.

Сверившись с описанием, Томас попробовал найти в гряде подходящие драгоценности. И если с колье проблем не возникло, то с кольцами и серьгами было гораздо труднее. Покопавшись ещё немного, он позвал Августа:

– Мне нужна твоя помощь.

Очкарик появился не сразу, видимо, он прятался в каком-то убежище. С его приходом дела пошли лучше. Дотошный библиотекарь быстро находил нужные предметы, задавал уточняющие вопросы и передавал ценности владельцам. Надо сказать, что фея тащила к себе в закрома всё, что плохо лежало, даже такие мелочи, как ожерелье из речных ракушек, а меркантильные крестьянки, не мирились даже с копеечной пропажей. Но жадность была свойственна и дворянкам. У некоторых из них при виде золота вдруг резко прояснялась память, и они внезапно вспоминали, что забыли добавить в список ещё одно украшение, ну совсем как то, что лежит с краю, переливаясь в лучах солнца драгоценными камнями.

Убедившись, что Август держит ситуацию под контролем, Томас поспешил на встречу с Джеком, но выбраться из комнаты ему было ничуть не проще, чем в начале, так как девушки, получившие назад свои сокровища, почему-то не расходились, а болтали со своими подругами в коридоре.

Томас не хотел, чтобы его имя связывали с находкой, но девушки были уверены, что обязаны возвратом пропажи лично ему, и считали своим долгом выразить благодарность, причём не коротким «спасибо», нет, каждой хотелось сказать благодарственную речь.

Вытерпев полчаса, Томас от них сбежал, но к месту встречи всё равно опоздал. Джек, подпиравший стену, недовольно сказал:

– Где тебя черти носят? Если упустим магов сейчас, неизвестно, когда сможем найти их в следующий раз.

– Извини, пришлось спасаться бегством от благодарных девиц.

– Понимаю, – ухмыльнулся вор, хлопая Томаса по плечу, – уже придумал, как назовёшь ребёнка? Или сразу нескольких?

– Типун тебе на язык, – ругнулся Томас, – скажи лучше, наши птички ещё не разлетелись?

– По крайней мере, сигнала от дозорного пока не было, – пожал плечами вор, – я не настолько неосторожный, чтобы лично следить за сборищем колдунов, ищущих убийцу.

И именно в этот момент раздался странный звук.

– Что это? – удивлённо спросил Джека Томас.

– Крик сойки, – мрачно ответил тот.

– Если маги после этого не задали стрекача, то они смелые ребята, – усмехнулся Томас.

– Не придирайся, думаешь, было легко найти идиота, который согласится следить за их сходкой? – оправдывался Джек.

– Они же не тупые, как твой соглядатай, – пробурчал сердито Томас. – Что дальше?

– Ждём, сейчас маги должны показаться.

Спрятавшись за кустом, они уставились на выход из здания. Сначала выскочила Жанна, затем прошли наставники, спешившие к своим подопечным. Четвёрка оказалась в самом конце. Встретив их на улице, Томас никогда бы не подумал, что перед ним маги, а предположил, что это мелкие дворяне или торговцы.

Первый был одет в камзол по последней моде, но у него было ничем не примечательное лицо, и с виду он походил на провинциала, приехавшего покорять столицу. За ним шли две девушки в простых платьях, но сшитых из дорогой ткани. Украшений на них не было, и Томас очень надеялся, что это не происки вороватой феи. Последним шёл худощавый парень в камзоле мышиного цвета, какие носят мелкие чиновники.

Толкнув Томаса локтем в бок, Джек уточнил:

– Вот твоя цель, а я пойду за щёголем, девчонок возьмут на себя мои подручные.

– Если ты рассчитываешь в этом деле на припадочную сойку, то ты большой оптимист, – съязвил Томас, выходя из-за куста.

– Он не так плох в слежке, как ты думаешь, да и если попадётся, не велика потеря, – ответил Джек.

Часть 17. Ночные приключения Томаса

Зная, куда направится цель, Томас мог не идти за ней, а обогнать и контролировать издалека перекрёстки, по которым проходил маг. Тот явно направлялся к своему убежищу. Наученный горьким опытом Джека, Томас при входе в восточное крыло вновь прошёл вперёд и, затаившись в тёмной нише, прикрытой портьерой, стал дожидаться.

Маг не заставил себя ждать: он быстро шёл. Слушая гулкое эхо, Томас решил не искушать судьбу и не слишком приближаться к нему, идя на звук, и когда гулкие шаги внезапно стихли, был удивлён.

Быстро пробежав коридор, Томас убедился в исчезновении мага, после чего начал тщательный осмотр. В коридоре было множество дверей и пара перекрёстков, видимо, здесь Джек и упустил его в

прошлый раз. Но Томас, в отличие от вора, был отличным следопытом.

Осмотрев перекрёстки, он сократил радиус поиска. В коридорах лежал не тронутый слой пыли. Пройдя по проходам, Томас убедился, что в них маг не сворачивал: там не было следов. Вернувшись к месту пропажи, он внимательно осмотрел все двери.

Изучая пол, он заметил на пыли знакомые следы. Видимо сейчас он в точности копировал действия Джека, топчась повсюду. Томас убедился, что кроме его вороватого друга в эти комнаты давно никто не входил. Примерно представляя место, где пропал чародей, он внимательно осмотрел стены в поисках тайного хода. В стене была небольшая ниша, но следов потайной двери Томас не обнаружил.

Опустившись на колени, он внимательно осмотрел пол и удивился его чистоте: кто-то тщательно подмёл пыль в стенной нише. Стремясь исправить это, Томас снял пыльную штору и, как следует, потряс её над чистым полом, убедившись, что пыль осела ровным слоем, и любой, кто захочет здесь прогуляться оставит следы.

Удовлетворённый расследованием, он направился к месту встречи. Джек уже давно ждал его на скамейке в беседке. Сев напротив него, Томас спросил вора:

– Как успехи?

Самодовольно улыбаясь тот ответил.

– Щёголь разместился в подвале, а одна из девчонок заняла комнату в западном крыле. За второй проследить не удалось, выйдя в парк, она как в воду канула. А у тебя как дела?

– Мой подопечный пропал, но я, кажется, нашёл потайную дверь.

– Нет там никаких потайных дверей, – сказал вор. – Я там всё облазил и даже стены простукивал.

– Я видел твои следы, а саму дверь тоже пока не нашёл, но по косвенным признакам определил её местоположение. В следующий раз, когда колдун выйдет на прогулку, сможем точно узнать, как он попадает внутрь.

Джек скептически хмыкнул, он явно сомневался в детективных способностях Томаса.

– Вот ты этим и займёшься. Сегодняшняя ночь твоя, а на рассвете тебя сменят.

Томасу очень хотелось узнать, чем же будет занят сам Джек, но он удержался от вопроса – в конце концов, свою работу вор выполнил неплохо. До ночи оставалось ещё прилично времени, и Томас решил вернуться в комнату, чтобы отдохнуть хотя бы пару часов

Столпотворение возле их комнат уже закончилось и, без проблем зайдя внутрь, он увидел усталого Августа, складывающего бумаги. В этот момент Томас вспомнил о вопросе, который волновал

его: если бы не суета, начавшаяся с утра, он мог получить ответ, просто заглянув в список, но забыл об этом.

– Кстати, а кому принадлежала корона? – спросил Томас.

– Шерил, – коротко ответил Август, не отрывая глаза от бумаг.

– Она же дочь графа, зачем ей корона?

Август пожал плечами.

– Возможно, её отец решил, что ей удастся близко подобраться к королю.

– Но король женат.

– Ты хочешь разумных поступков от человека, который ухитрился разбазарить всё семейное достояние, собиравшееся веками? Возможно, у них был какой-то план.

– Ты же видел корону, эта игрушка стоит целое состояние. Откуда у разорённого графа такие деньги?

– Ты так хорошо разбираешься в драгоценностях? – спросил Август, – вполне возможно, что это просто хорошая подделка.

– Нет, она золотая, – не согласился Томас.

– Ты её в чём-то подозреваешь? Граф Маккинни богатейший человек, но все земли заложил. Сейчас он беден как церковная мышь, и если что-то ещё не продал, то только то, что принадлежит его жене, а её отец позаботился о том, чтобы зять не смог наложить лапу на приданое дочери.

– Конечно, ты прав, но в этой истории много нестыковок, а я не люблю, когда рядом со мной происходят вещи, которых я не понимаю.

– Тогда ты оказался не в том месте и не в то время. В этом дворце происходит столько всего непонятного, что просто диву даёшься.

Томас согласился с Августом.

Заступив на дежурство, он первым делом проверил слой пыли у потайной двери и, убедился, что тот не тронут. Для наблюдения Томас не стал устраивать пост прямо напротив ниши, в этом не было необходимости, так как, судя по следам, маг всегда пользовался только одним маршрутом, и устраивать засаду можно было на любом его участке.

Томас выбрал комнату недалеко от перекрёстка, где сходились два коридора. Это было место, куда можно было прийти разными маршрутами, а, учитывая, что колдун громко топает по каменным плитам, Томас не боялся пропустить его даже в крошечной темноте, но непонятная тревога не покидала его.

Глядя в темноту сквозь узкую щель приоткрытой двери, он терпеливо ждал. Условия были вполне комфортные в отличие от засад в Дебрях: не было комаров, и можно было не опасаться, что сзади подкрадётся какая-нибудь хищная крякозябра и укусит.

Таинственный пришелец явился под утро, и, если бы не многолетний опыт охоты в Дебрях, Томас ни за что бы не заметил крадущуюся вдоль стены тень. Он скорее почувствовал, чем увидел постороннего.

Тёмная тень кралась, пригнувшись. Фигура как будто была окружена непроницаемым коконом. Неизвестный, потоптавшись немного на перекрёстке, медленно двинулся в сторону потайной двери. Томас краляся за ним, стараясь не шуметь. Чутьё подсказывало ему, что незнакомец смертельно опасен.

Следуя за тенью на расстоянии, он скорее угадывал её расположение, чем видел. Подбираясь ближе, Томас заметил медленно разгорающийся в темноте огонёк, который становился с каждой секундой всё ярче, пока не превратился в яркое пятно на стене.

Злоумышленник знал о потайной двери и сейчас пытался попасть внутрь. Томас начал попятиться назад: если бы в его арсенале был лук, то возможно он и пустил бы стрелу, но у него был лишь короткий нож, а подходить к магу почти с голыми руками, пусть даже и сзади, было самоубийством.

Томас уже свернул за поворот коридора, когда в нише на тёмную фигуру обрушилась волна пламени, растекающаяся по полу. Томас стоял в 20 метрах, но его опалило волной жара, и он лишился бровей и части шевелюры.

Несмотря на нестерпимый жар, который должен был испепелить любого за считанные секунды, злоумышленник умирать не собирался, но, оглашая ночной дворец громким воплем, бросился бежать по коридору, разбрызгивая жидкие искры во все стороны. Кокон из мрака хорошо защищал его от пламени.

Томас прижался к стене, пропуская страшную фигуру мимо. К счастью, преступник не заметил его. Не было даже речи о том, чтобы напасть на пробежавшего мимо противника, так от того веяло жаром, как от большого костра, к тому же он оставлял за собой пылающую дорожку магического огня.

Томас устремился вдогонку за тёмной фигурой, но та передвигалась с такой скоростью, что почти мгновенно скрылась из виду. Добежав до перекрёстка, он свернул в тёмный коридор, уходя от огненной дорожки, после чего побежал к комнатам отряда. Он надеялся застать там Джека, чтобы найти хоть одного мага, так как без их помощи пожар было не потушить.

Поровнявшись с комнатой, он громко забарабанил в дверь. В предрассветный час никто не спешил открывать, видимо, полагая, что нормальные люди в такое время спят. Наконец, за дверью послышалась шаги, и засов отодвинули. В лицо Томасу ударил яркий луч фонаря, и сонная Амелия спросила его:

– Что случилось?

Вместо ответа Томас спросил:

– Джек где?

– Он ещё вернулся, – Амелия внимательно смотрела на лицо Томаса. – Что с тобой? Это – ожоги?

Тот отмахнулся:

– В восточном крыле полыхает магический пожар, надо срочно вызвать кого-нибудь из магов.

– Это проблематично, все маги не афишируют своё место жительства, – вмешался в разговор Август, выходя на шум из соседней комнаты.

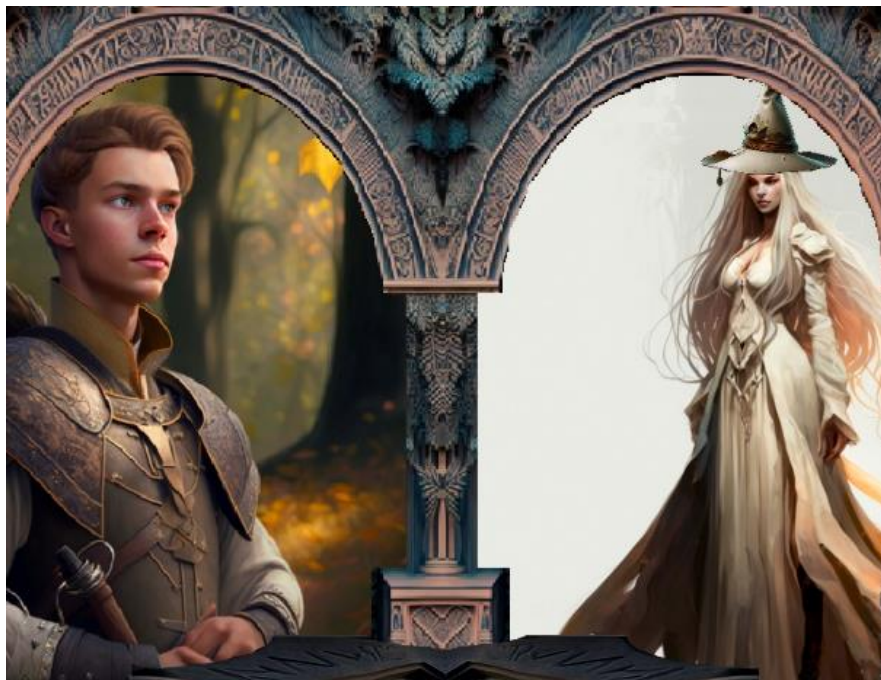
Напряжённо думая, что же делать, Томас решил обратиться к ведьме, тем более что другого выбора у него не было.

Развернувшись, он побежал по коридору, спустился по лестнице в подвал и только тут сообразил, что надо было взять фонарь у Амелии, так как перед ним была кромешная тьма.

Он на ощупь спускался по лестнице и также на ощупь, считая двери, двинулся вперёд. Томас уже собирался вежливо постучать в дверь, но оступился и неуклюже ввалился в залитое призрачным светом помещение.

Хозяйка комнаты не спала. Она стояла среди свечей, горевших зеленоватым огнём. Её взгляд остановился на незваном госте. Понимая, что от превращения в жабу его отделяют считанные секунды, Томас быстро сказал:

– Преступник, убивающий магов, устроил пожар в восточном крыле, если не потушить огонь, то всё сгорит.

Не сводя с Томаса застывший взгляд, ведьма медленно подошла к нему. Её бесцветные волосы, ничего не выражающий взгляд и бледная кожа пугали. Она уставилась, не мигая, ему прямо в глаза, и Томасу понадобилась вся его воля, чтобы не отвести взгляд. Прервав затянувшееся молчание, он произнёс.

– Пойдём, я покажу дорогу, – быстро пошёл вперед, а за ним бесшумно скользила Элеонора. Восточного крыла они достигли быстро. Пожар уже охватил прилегающие к потайной двери комнаты и те, что располагались этажом выше.

Элеонора внимательно осмотрела огненную дорожку, оставленную убегающим преступником. В это время помещение наполнилось едким дымом, мешающим дышать, но огонь вдруг потух, причём везде, а дым исчез бесследно.

Элеонора подошла к нише и долго рассматривала оплавленную дыру. Наконец, она повернулась к Томасу:

– Значит, ты его видел? – спросила она шёпотом.

– Видел, но он был окутан каким-то тёмным коконом, – ответил тот, – впрочем, это теперь не важно – он сильно поджарился и даже если выжил, должен превратиться в сплошной ожог, поэтому найти его не составит труда.

– Я так не думаю, – возразила Элеонора, – его защита выдержала удар, а значит, повреждений он не получил.

– Тогда почему он орал, как ошпаренный, когда уносился восвояси?

– Возможно, его накрыло откатом от собственного заклинания, похоже, он потратил слишком много энергии, чем было нужно.

– А мы сможем его найти по полученным повреждениям? – спросил он.

– Я бы на это не рассчитывала. Повреждения заметить на глазок не получится.

– От этого огня оплавился камень, – произнёс Томас, указывая на повреждённые стены, – он горел несколько десятков секунд только у меня на глазах и неизвестно, сколько потом, а ты говоришь, что он ушёл невредимым?

– Скорее всего, Сеймур схалтурил (это его дом), видимо он не верил всерьёз, что к нему сунутся. От такого прямолинейного нападения не защитился бы только недоучка. Убийца попался на обманку, она вообще не должна была сработать – просто отвлечь его внимание от основного заклинания. Оно намного сильнее и хорошо спрятано, когда сверху стояла обманка, заметить его было очень сложно.

Ведьма вдруг замолчала и попятилась от дыры. Томасу, стоявшему в нескольких метрах сзади, дополнительные пояснения

были не нужны, и он оказался за поворотом коридора меньше чем за удар сердца. Когда Элеонора подошла к нему, он спросил:

– Что произошло?

– Взрыв обманки должен был активировать основной заряд, но что-то пошло не так, и сейчас там висит наполовину активированное смертельное заклятие. Окажись на моём месте кто-нибудь менее опытный, он был бы уже мёртв.

Томас понял, что, посчитав себя в безопасности, отойдя за угол, несколько поторопился и поспешил исправить эту оплошность. Он пробежал ещё несколько метров, когда понял, что ведьма за ним не пошла, оставшись в обгоревшем коридоре.

– Ты идёшь? – окликнул её Томас.

– Сейчас только разряжу заклятие, – ответила та.

Дождаться результатов опасной работы Томас решил подальше от этого места, и глухой взрыв, прозвучавший в предрассветной тиши, подтвердил, его правоту.

Вернувшись на место происшествия, он обнаружил, что перекрытия верхнего этажа рухнули, образовав завал. В клубах пыли Томас не сразу заметил ведьму, стоявшую около стены.

– Что случилось? – спросил он.

– Я разрядила заклинание. Копаться в чужой магии, к тому же сильно повреждённой, я не стала, поэтому просто окружила защитным полем и подорвала, но видимо там было спрятано что-то ещё, потому что взрыв получился гораздо мощнее, чем я ожидала.

– Ладно, если ты закончила, я провожу тебя до твоей комнаты, – сказал Томас. Не то что бы ему хотелось провести в обществе ведьмы пару лишних минут, но он обоснованно полагал, что она даже не пыталась запоминать дорогу. А кто окажется виноватым, когда волшебница заблудится в лабиринте дворцовых подвалов? Ну, уж точно не она сама.

Обратный путь прошёл без приключений. За всю дорогу они не обмолвились ни словом, и лишь у самой двери своей комнаты Элеонора вдруг спросила Томаса:

– Говорят ты хороший охотник? Достанешь для меня два десятка крыс, но они обязательно должны быть живыми.

– Конечно, когда их принести? – спросил Томас и уточнил, – нужны какие-то конкретные крысы или подойдут любые?

– Любые, – ответила Элеонора.

Попрощавшись с ведьмой, Томас отправился спать, хотя солнце уже встало, и неугомонные ученики забежали по коридорам дворца. Подходя к своей комнате, он наткнулся на довольно улыбающегося Джека, возвращающегося к себе. Томас готов был поспорить, что вор провёл эту ночь вовсе не в засаде, выслеживая преступника. Но тут улыбка сползла с лица Джека, а сам он побледнел.

Томас прохрипел:

– Ты знаешь, где были остальные маги этой ночью? Если ты скажешь, что всю ночь развлекался, вместо того, чтобы следить за ними, то я за себя не ручаюсь.

– Я приставил людей к каждому, кого мы нашли, – пролепетал белый, как полотно, вор, – никто из них мне пока не докладывал, но я абсолютно уверен, что, если кто-то из магов ночью выходил, мы об этом узнаем.

– Очень на это надеюсь.

Оставив объяснения с Джеком на потом, Томас вошёл в комнату, надеясь спокойно завалиться на свой соломенный тюфяк, но Амелия, успевшая заметить его ожоги, бросилась к нему с какой-то вонючей мазью и покрыла плотным слоем этой гадости его лицо.

– Насколько всё плохо? – спросил он Амелию. Та ответила с улыбкой:

– Всё будет в порядке, не беспокойся.

Слова, призванные взбодрить его, возымели противоположный эффект – с больными, идущими на поправку, так не говорят. Томас хотел спросить что-то ещё, но мазь начала действовать, язык стал заплетаться, а мир перед глазами поплыл. Сквозь беспокойный сон он слышал то настойчивый и требовательный голос Амелии, то неуверенный голос Жанны и даже шепот Элеоноры. В перерывах между ними, раздражающий настойчиво-возмущённый писк феи. Проснуться никак не получалось. Когда же Томас открыл глаза, то чувствовал себя на удивление хорошо, ничего не болело, и голова была ясной.

Через некоторое время в комнату к Томасу зашёл Август. Вид у него был, прямо скажем, не очень: обычно прилизанная шевелюра стояла дыбом, камзол лишился всех пуговиц, а одно из стёкол очков пошло сетью мелких трещинок.

Томас спросил его:

– Что происходит?

– На нас напали семёрки. Мне ещё повезло, что я свалился в самом начале драки, и меня оставили в покое, только немного потоптали в свалке.

– Постой-постой, давай по порядку. Какой ещё драке? И что вы ещё успели натворить, пока я был в отключке?

– Лидер алых плащей потребовал их усмирить. Я говорил ему, что затевать что-то без тебя не лучшая идея, но он настоял на своём, сказав, что с бандитами нужно что-то делать прямо сейчас.

– Давай угадаю: всё пошло не по плану? – сказал Томас, вставая.

– Ну, можно и так сказать. Джек выследил парочку особо отличившихся верзил и организовал засаду. Мы напали на них всеми

силами прямо в коридоре. Ты не представляешь, какие они сильные – нас было десять человек, и они раскидали нас как кегли.

– А ты сам как себя чувствуешь? – спросил Август, безуспешно пытаясь поправить на носу разбитые очки.

– Всё отлично, – ответил Томас.

Закончив одеваться, Томас направился к двери и уже от неё спросил:

– А где все?

– Они в комнатах второго отряда, где, и произошла последняя стычка.

Это место Томас хорошо знал, именно там обычно устраивали совещания и выработывали планы дальнейших действий. Добравшись до места назначения, Томас убедился в нечеловеческой силе нападавших. Толстенная дверь, укреплённая изнутри металлом, была разнесена в щепки. Впечатлённый масштабом разгрома, Томас протиснулся внутрь, увидел перебинтованные тела пострадавших и не сразу сумел опознать в одном из них Джека. Его голова была забинтована, а лицо опухло.

Подойдя к нему, Томас спросил:

– Как ты? Говорить можешь?

В ответ раздалось утвердительное бульканье, но разобрать отдельные слова было невозможно. Поняв, что здесь ему делать нечего, Томас тихо ретировался, намереваясь заняться неотложными делами (в смысле плотно пообедать). Но сколько он не оттягивал, а возвращаться к менее приятным делам всё равно пришлось.

Глава 18. Поручение колдуньи

Томас взялся за отлов крыс. В Дебрях вездесущие водяные крысы были самой лёгкой добычей, и поэтому богатый опыт охоты на мерзких грызунов у него был.

Главной проблемой здесь оказалась необходимость поймать животных живыми для чего нужны были несмертельные ловушки. Вооружившись ножом, он нарезал с кустов в парке охапку гибких прутьев и построил с десятков разных модификаций ловушек: от очень простых, даже примитивных, до весьма замысловатых устройств с многоступенчатой работой.

Позаимствовав на кухне мешок из-под муки, Томас пошёл в подвал. Посчитав, что уходить далеко от продовольственных складов не стоит, он отыскал, идеальное, по его мнению, место: темно и до источника пищи рукой подать. Расставив ловушки, используя в качестве приманки остатки своего обеда, Томас покинул подвал.

Как всегда, не вовремя напомнил о себе браслет. Томас уже забыл про то, что за поражения отдельных членов отряда

расплачиваются все, и вот ему недвусмысленно об этом напомнили. Отработав три часа на конюшне, он пошёл проверять ловушки.

Пройдя по узкому коридору, он поднял фонарь повыше и осветил первую ловушку. Из темноты на него уставились два жёлтых глаза. Перед пустой большой плетёной клеткой сидел огромный чёрный кот и с любопытством взирал на вторгшегося в его владения человека.

Томас разочарованно вздохнул: ничего удивительного, что по соседству с таким зверем в ловушку не попала ни одна крыса. В ответ кот важно и гордо уронил короткое:

– Мяу.

Обойдя кота стороной, Томас решил проверить другие ловушки, и к своему удивлению обнаружил в них довольно много попавшихся крыс. Сгрузив в мешок свою добычу, Томас вернулся к коту и присмотрелся к нему внимательнее.

Кот неотрывно смотрел на пустую клетку и лишь слегка дёргающийся кончик хвоста говорил о его напряжении. Осмотрев ловушку, Томас заметил, что она сработала – приманка в виде куса колбасы бесследно исчезла, а камень-противовес надёжно перекрывал вход.

Раздумывая, кто же оказался настолько проворным, что сумел съесть приманку и выскочить из клетки прежде, чем сработал механизм, Томас обошёл клетку по кругу. Тем временем кот внезапно напрягся и, резко подскочив к плетёной клетке, запустил в зазоры между прутьями обе лапы, активно полосуюя ими воздух.

Поняв, что её маскировка раскрыта, любительница воровать колбасу и не только заметалась по клетке, уворачиваясь от кошачьих лап, сопровождая свои действия отчаянным писком. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать безопасный угол, куда коту было не достать, и тот с разочарованным мяуканьем отскочил от клетки.

Томас, наслаждавшийся бесплатным представлением, подошёл к клетке и назидательно сказал:

– Надеюсь, это научит тебя, что воровать не хорошо не только с моральной точки зрения, но и крайне вредно для здоровья.

Фея в ответ пропищала что-то недовольно, грозя кулаком в сторону кота.

– Да-да, если бы я не вмешался, ты бы его победила без всяких сомнений, – устало подтвердил Томас. – Может оставить тебя в этой клетке на пару дней, так сказать, для закрепления успеха?

Теперь фея многообещающе глянула на Томаса, и не веря, что он бросит её в беде.

– Из-за того, что ты заняла ловушку своей драгоценной персоной, у меня теперь не хватает пяти мышей, так что принеси их

живыми ко мне в комнату не позднее завтрашнего утра, – назидательно сказал Томас, подошёл к клетке и открыл её.

Это было его ошибкой. Кот, вальяжно развалившийся в углу и всем своим видом показывающий полное безразличие к происходящему, каким-то образом оказался рядом с дверцей. Фея пулей вылетела из клетки, буквально в миллиметре разминувшись с острыми когтями, и закружила по комнате в тщетной попытке улизнуть. Но кот был опытным охотником на летающую мелкую дичь, поскольку сразу отрезал ей проход к двери, после чего начал профессионально загонять в угол. Он совершал великолепные прыжки, доставая до потолка, и перемещался на скорости, не уступающей шустрой фее. Но на пути кошачьих планов по сокращению поголовья вредителей стоял Томас, внезапно оказавшийся в центре смертельной погони.

Фея нарезала круги вокруг, а кот неотступно следовал за ней, выбирая момент для решающего прыжка. Томас с радостью пожелал бы смелому охотнику удачи и не страдать потом несварением желудка, но его как-то забыли спросить об этом, тем более, что гибель феи в его планы не входила.

Фея начала наращивать отрыв и оказалась уже на другой стороне от Томаса. В результате хитрый кот решил срезать путь и прыгнул. Его длинные когти распорили спину Томаса, а голова юноши отлично подошла как трамплин для решительного прыжка на добычу. Челюсти кота уже почти сомкнулись на маленькой летунье, когда Томас ловко ухватил благородное животное за хвост прямо в полёте. Далее события развивались стремительно: фея, получив шанс освободиться, рванулась к выходу, Томас, не догадавшийся вовремя выпустить кошачий хвост, обзавёлся чётким отпечатком когтистой лапы на щеке, а кот, заслуженно покаравший его, устремился вдогонку за феей, с твёрдой решительностью изловить беглянку.

Томас, вытирая кровь с лица, пожелал чёртовому коту удачной охоты, а фее оказаться смертельно ядовитой, после чего пересыпал крыс в освободившуюся клетку и пошёл домой обрабатывать раны.

На пороге их жилища Томасу снова не повезло – дверь ему открыла Шерил, и удивлённо воззрившись на клетку полную крыс, самозабвенно завизжала отчего те попадали в обморок, а дворянка вытолкала Томаса со словами, что ноги его здесь не будет, пока он не избавится от этой гадости.

Опасаясь, что оставленные без присмотра грызуны найдут способ выбраться из клетки, Томас решил отдать их заказчице, переложив хотя бы эту проблему на чужие плечи. По пути в подвал он распугивал немногочисленных прохожих своим окровавленным лицом. Даже встреченный патруль семёрок не стал задираться, а с уважением спросил:

– Выводишь породу боевых мышей?

Буркнув в ответ что-то, Томас устремился по ступеням в подвал. Наученный горьким опытом общения с дверью в жилище ведьмы, он аккуратно постучал в неё и не был удивлён, когда от лёгкого прикосновения она беззвучно распахнулась настежь.

Входить без приглашения очень не хотелось, но нужно было избавиться от крыс и пойти спать. Поэтому Томас уверенно переступил порог и с интересом осмотрел комнату. Он почти ожидал вновь увидеть ведьму сидящей на полу в центре круга из свечей, но сегодня круг пустовал, давая возможность полюбоваться на причудливый узор, выжженный в каменных плитах пола.

Разглядывая комнату, он заметил неприметную дверь, ведущую вглубь помещения, и направился к ней. За порогом его ожидало настоящее колдовское логово: в центре висел котёл с булькающим варевом, повсюду были разложены высушенные травы. Хозяйка повернулась в сторону гостя, и Томасу показалось на мгновение, что ведьма собирается закричать как Шерил, но ведьма ограничилась фразой:

– Какая мерзость!

– Немного меньше, чем мы договаривались, если нужно, остальных принесу завтра, – произнёс Томас, протягивая клетку.

– Ладно, и так сойдёт, – сказала Элеонора, ставя клетку с крысами к дальней стене.

Он уже собрался ретироваться, но был остановлен негромким голосом ведьмы:

– Вот, возьми это, мне они не нужны, а тебе, возможно, пригодятся, – и она протянула ему объёмистый мешочек из серой холстины, в котором характерно звякнуло содержимое.

Развязав шнурок, он заглянул внутрь и обнаружил жетоны, судя по весу, их там было несколько тысяч. Подбодренный такой щедрой наградой, Томас решил задать давно беспокоивший его вопрос:

– А ты не разобралась, как работает пластина с заклинанием?

– Разобралась ещё в первый раз, просто не хотела портить процесс обучения. Если великий маг выдаёт ученикам непонятные пластины, не объясняя, как ими пользоваться, значит, он ждёт, что ученики сами догадаются.

– Ладно, – ответил Томас, – как-нибудь сам разберусь.

– Я не говорю я тебе о том, как использовать пластину, только по тому, что это предельно просто, и решив эту загадку, ты будешь замечен мастером. Кстати, магистр Меригер Сэнзор выберет в ученики нас с Жанной, – похвасталась ведьма.

Томас продолжал после недолгой паузы:

– Пожалуйста, помоги. Седьмой отряд совсем распоясался, и вопрос ближайшего времени, когда они кого-нибудь убьют. Нам срочно нужно против них эффективное оружие, а магия пришлась бы очень кстати.

– Давай, я дам тебе подсказку, а если ты не сможешь разобраться, просто расскажу, как всё работает. Пластина напрямую связана с твоим источником, и работать с ней нужно именно из него через медитацию. Томас неуверенно выудил пластину из внутреннего кармана и покрутил её в руках, разглядывая. В принципе он догадывался, что с пластиной надо работать именно так, но после предпоследней медитации, когда чуть не умер, просто опасался туда погружаться.

Он сосредоточился на источнике, который теперь всегда ощущал самым краешком сознания, и с поразительной лёгкостью соскользнул в свой внутренний мир. Созданная им сфера из льда успела хорошенько подтаять, превратив пол пустоты, в которой висел источник, в настоящее болото. Томасу даже показалось, что в нём кто-то квакнул. Источник же, проделав во льду несколько больших дыр, сиял всеми цветами радуги.

Быстро восстановив ледяной щит, Томас попытался сделать что-нибудь с висящим в пустоте болотом, но если с материализацией предметов у него всё было отлично, то вот заставить их исчезнуть, никак не получалось. Провозившись с болотом довольно долго и лишь слегка взболтав его, он решил заняться пластиной и просто представил её в мельчайших подробностях, а когда она появилась в пустоте, попытался сунуть в источник.

Пластина звонко ударилась о ледяную корку и отскочила. Томас принялся плавить лёд, который десять минут назад усиленно наращивал, стараясь сделать слой толще, чтобы долго не пришлось восстанавливать. Теперь к разрастающемуся болоту присоединился ещё и ярко пылающий факел, который Томас тоже не знал, как убрать. Он попытался утопить его в болоте, но тот продолжил гореть под водой, как ни в чём не бывало. Тогда Томас сунул пластину в источник.

Из состояния медитации его выбросило мгновенно. Руки сами начали чертить в воздухе причудливые знаки, а горло издавало непередаваемую какофонию звуков. Это продолжалось примерно секунд тридцать, после чего с растопыренных пальцев правой руки сорвался натуральный огненный шар размером в несколько сантиметров, похожий на те, что метал вербовщик сэра Грегори на ночной дороге. Шар с невероятной скоростью устремился прямо в лоб стоявшей перед ним Элеоноры.

Медлительная обычно ведьма тут проявила невероятную прыть, выстроив на пути скоростного снаряда хрустальный щит. Огонёк

ударился об него и вместо того, чтобы спокойно погаснуть, отскочил, и, пройдя в считанных сантиметрах от уха Томаса, врезался в стену, оставив внушительную вмятину и обдав всю комнату волной жара.

Элеонора восприняла покушение на свою жизнь на удивление спокойно, в отличие от Томаса, который извинился и медленно попятился к двери.

– Если тебе больше ничего не нужно, я пойду, – произнёс он, и, посчитав молчание знаком согласия, выскочил за дверь.

До убежища он добрался уже затемно и был вынужден выслушать Амелию, твердившую, что она явно недооценила способности мужчин попадать в неприятности, и что у неё такими темпами скоро закончатся все лекарства.

– Ну, с кем ты подрался на этот раз? – спросила она.

Томас честно ответил, что с котом из-за добычи. После чего получил в нагрузку ещё какой-то порошок со словами, что он поможет от бреда и галлюцинаций. Улёгшись, наконец, в постель, он мгновенно уснул, но спокойно проспать до утра ему было не суждено. Посреди ночи его разбудил пронзительный девичий визг. Спросонья он бросился выяснять в чём дело и, спустив ноги на пол, всё понял. На полу колыхался пищащий ковёр, и Томас увидел, что явились родственники крыс, которые сидели повсюду. Их было несколько тысяч, и отряду понадобилась вся ночь, чтобы выдворить их за дверь.

Теперь Томас сидел под злобными взглядами не выспавшихся соучеников. Шерил вытянула обвиняющий перст в его сторону и молчала. Говорить она не могла, так как голос сорвался ещё в первые минуты крысиного нашествия.

Устав от осуждающих взглядов, он выскочил в коридор, благо уже начинался рассвет. Не пройдя и десяти метров, он наткнулся на гордую виновницу всех ночных бед. Та с самодовольным видом уселась на его плечо и запищала, требуя похвалы за хорошо проделанную работу, а Томас еле сдержался, чтобы не поколотить зарвавшуюся малявку.

– Ты плохо умеешь считать? – спросил он. – Речь шла о пяти крысах, а не о пяти тысячах.

Фея самодовольно запищала, что много ни мало, и ей за перевыполнение плана отлова грызунов, однозначно полагается премия, и колбаса отлично подойдёт. Пообещав, что будет ей колбаса, а возможно и из неё, он ещё не решил, Томас направился в лавку. Раньше бывать здесь ему не доводилось, не было денег, да, в общем-то, и необходимости. Ассортимент был весьма однообразен: в основном оружие и броня, но была и одежда, и разные бытовые мелочи, и даже магические амулеты.

Осмотрев стойку с мечами, копьями и кинжалами, он перешёл к стойке с разной экзотикой. Здесь был и боевой кнут, покрытый металлической острой чешуёй, топорщившейся в разные стороны, и парные серпы, зачем-то связанные вместе, и куча других вещей, Томас даже предположить не мог, как их использовать.

Под сонным взглядом хозяина он внимательно осмотрел будущую покупку – простой лук и остался доволен, правда, натяжение для него слабовато. Был здесь ещё другой лук, сделанный из чёрного дерева и покрытый причудливым узором. Томас из любопытства попытался его натянуть. Загадка лука так его увлекла, что он попросил разрешения у хозяина лавки, и тот со снисходительной усмешкой позволил юноше опробовать оружие.

Томас взял предложенную стрелу, тоже чёрную с позолотой. Подойдя к стене с нарисованной мишенью, он одним быстрым движением направил стрелу в центр и с удивлением осознал, что не увидел её полёта, а ведь хороший лучник видит, как стрела летит в цель, и способен скорректировать следующий выстрел. Томас считал себя хорошим лучником, но здесь стрела как будто просто появилась прямо в мишени, минуя стадию полёта. Озадаченный юноша подошёл к мишени и с большим удивлением обнаружил, что стрела вошла в доски по самое оперение. Подойдя к хозяину лавки, он сказал:

– Слишком глубоко засела, мне не достать.

Тот снисходительно махнув рукой, достав стрелу прямо из воздуха. Томас открыл от удивления рот и закрыл его, так и не вымолвив ни слова. Но как ни был хорош чёрный лук, брать пришлось более простой, ведь тот стоил в пять раз дешевле.

Видя сожаление в глазах покупателя, продавец произнёс:

– Ты берёшь пневматический лук парализующего действия, а чёрный – это лук для магических дуэлей. Если он тебе понадобится, и ты соберёшь достаточно жетонов, я поменяю старый лук на новый с доплатой.

Не доверяющий торговцам, Томас спросил:

– И какую скидку от цены Вы мне дадите?

– Полную. Мы здесь не деньги зарабатываем, а служим архимагу, – гордо произнёс он.

Купив два десятка стрел, Томас покинул лавку. С луком в руках он чувствовал себя уверенно, но, к сожалению, время опробовать покупку не было. Спрятав оружие в один из подготовленных тайников, он отправился завтракать.

Отряд уже успел немного остыть и смотрел на него без прежней злости. Пришёл в столовую Джек, ночевавший вместе с ранеными в убежище второго отряда. Отёк за ночь спал, но лицо приобрело пурпурный цвет и, главное, он уже мог членораздельно говорить.

Торопясь воспользоваться моментом, пока вор опять куда-нибудь не ушёл, Томас спросил:

– Ну, теперь-то я могу узнать, кто от меня убежал позапрошлой ночью?

– По крайней мере, один кандидат у нас есть. Щёголь куда-то уходил тем вечером и не возвращался целые сутки, к сожалению, проследить его передвижения соглядатай не смог, – пробубнил Джек.

– Что ж, сдаём негодяя Жанне и расходимся по своим делам, – обрадовался Томас.

– Такие доказательства не примет даже королевский суд известный своей неподкупностью и справедливостью, – скривившись, ответил вор, – для того, чтобы обвинить мага, нужны железные доказательства. И то, что он где-то уходил из дома в день нападения, ими точно не является.

– Но остальные-то сидели по домам? И если считать, что преступник один из этих четырёх, нападение мог совершить только он.

– Из всех четверых мы точно можем сказать только, где живёт щёголь и одна из девиц.

– Только не начинай сначала, – сказал Томас, – нам с этой четвёркой не разобраться, а ты пытаешься расширить список подозреваемых до всех обитателей дворца.

– Я просто говорю, что у нас нет прямых доказательств, но есть отличный подозреваемый, к которому стоит присмотреться поближе.

– По крайней мере, мы смело можем вычеркнуть из списка подозреваемых самого Сеймура, – вмешался Август, – не мог же он напасть сам на себя.

– Я бы с таким выводом не торопился: кто как не он мог знать, где расположен вход в его убежище, и если заметил слежку, то запросто мог инсценировать нападение, – привёл свой довод Джек.

– Ты слишком любишь всё усложнять, как правило, самое простое объяснение – самое правильное, – поучительно сказал библиотекарь.

– А ты не забыл, что мы ловим не вора, а мага. Он способен скрывать свои истинные чувства и даже подстроить покушение на себя самого. Он очень опасен, – взволнованно сказал Джек. Но тут снова ожил браслет, и все дружно принялись доедать завтрак, а затем побежали на занятия.

Наставник ждал их на обычном месте, прохаживаясь, заложив руки за спину. Он отправил всех бегать.

Когда они остались вдвоём, Томас подошёл к нему и гордо сообщил:

– Мэтр Адриан, я, наконец, освоил заклинание.

Учитель отреагировал молниеносно – его обычное недовольство сменилось крайней сосредоточенностью, и он быстро спрятался за ближайшее дерево, откуда произнёс:

– Я очень за тебя очень рад, просто счастлив. Можешь пойти в другой конец парка и потренироваться, только не перестарайся.

– А что мне делать? – спросил Томас, – Просто повторять заклинание?

– Это неважно, если останешься жив, тренировка будет считаться успешной, а если ещё и не покалечишься, то тебе сильно повезёт.

После такого напутствия, Томас пошёл на берег реки и погрузился в свой внутренний мир, где всё изменилось не в лучшую сторону: дыра, которую он проделал в ледяном шаре, чтобы опустить пластину в источник, разрослась, а факел, который Томас неосторожно опустил в болото, так нагрела воду, что стало как в Дбрях жарко и мокро. Под ногами прыгали и квакали лягушки, печально глядя, как испаряется их болото.

Томас вспугнул лягушек и, направившись к источнику, бросил пластину в огонь. Огненные шары полетели во все стороны. Юноше удалось поймать один, и его руку окружило сияние, а из пальцев посыпались искры. Томас увернулся от нового огненного шара и начал читать заклинание. Он очень старался, но браслет просигналил, что тренировка окончена. Вернувшись, он задал учителю множество вопросов, выслушав которые наставник заключил:

– Вряд ли ты используешь пластину правильно.

– То есть, если я ошибусь ещё раз, то превращусь в лягушку и проквакаю всю оставшуюся жизнь? – уточнил Томас.

– Такова судьба большинства самоучек – веско ответил мэтр.

– Работающее заклинание – это конечно хорошо, но какая от него польза? – не унимался Том. – Мне что, придётся просить врага, которого я атакую, стоять неподвижно, пока я буду готовиться?

– 30 секунд для начинающего мага – это рекорд, – произнёс наставник, – но в бою один на один от такого заклинания, конечно, мало толка. Помни, что обычным оружием мага не убить, а прочитав заклятие, очень даже можно.

– И что я должен сделать, чтобы сократить время заклинания?

– Ты должен научиться ощущать плетение своих заклинаний. Когда ты научишься это делать, то сможешь сократить заклинание, выбрасывая из него лишние элементы, следовательно, сократишь время.

– Говорят, что источник со временем становится сильнее, и это позволяет ускорить чтение заклинаний?

– Не источник, – поправил учитель, – источник неизменен, а твоё тело постепенно приспособится к магии, текущей сквозь него.

– А этот процесс можно ускорить? – поинтересовался Томас.

– Можно, и если ты не будешь лениться, то через неделю сократишь произнесение заклинания вдвое.

Томас разочаровано вздохнул: об использовании магии в конфликте с седьмым отрядом можно было забыть, для этой братии и пять секунд – целая вечность, поэтому придётся действовать по старинке.

Глава 19. Бунт зверей и новая дружба

После занятий Он сказал товарищам, что хочет проучить хулиганов из седьмого отряда.

– Без шансов, – заметил Джек.

– Думаешь, я с ними не справлюсь? – усмехнулся Томас.

Джек на секунду задумался, а потом сказал:

– Может и справишься, только потом тебя найдут и мало тебе не покажется. Меня они били долго и больно.

– Пусть сперва найдут, – ответил Томас. – Они в конец обнаглели и со всеми задираются. Их надо проучить, – и он отправился к лагерю семерок, прихватив свой лук со стрелами парализующего действия.

Часовой возле лагеря был беспечен. Он не смотрел по сторонам, не оглядывался и двигался как сонная муха, позволяя хорошо прицелиться в него.

Стрела глухо ударила его в плечо и отскочила в сторону. Громила медленно осел на землю, и Томас уже собирался подойти, чтобы забрать стрелу, когда, как назло, из боковой аллеи вышли двое противников. Вид лежащего товарища их не насторожил, и подойдя к нему телу, они крикнули:

– Хватит дрыхнуть на посту!

Томас не стал медлить и быстро выпустил подряд две стрелы. Убегая через парк, Томас едва успел проскользнуть мимо здоровенных громил и спрятался в кухонной пристройке. Он знал, что здание кухни соединяется с дворцом обширными подвалами, и сейчас намеривался воспользоваться именно этим путём.

Спустившись по узкой лестнице в подземелье, Томас пошёл медленнее, в полной темноте с трудом находя дорогу на ощупь. Он уже прошёл половину расстояния, когда впереди раздалось злобное шипение. Подпрыгнув от неожиданности, Томас повернул назад. Поняв, что добыча уходит, неизвестный хищник ринулся в погоню, и по громкому топоту массивных лап Томас понял, что это не змея.

Вдалеке Томас заметил отблеск огня и бросился туда. Он попал в длинный зал с высоким потолком, освещённый многочисленными

лампами. Спрятаться здесь было негде, но в дальнем конце зала была большая дверь. Не останавливаясь, Томас побежал к двери, и оборачиваясь на ходу, чтобы узнать, как его преследует.

Он увидел здоровенный кривой клюв, лапы с когтями, как кинжалы, гигантские крылья. Томас узнал это существо. Это был грифон, живущий в Барьерных горах. Тварь напоминала помесь большого медведя с грифом-стервятником. Его голова была лысой, морщинистой и противного розового цвета.

Вбежав в зал, зверь замедлил бег, привыкая к свету, а затем его маленькие злобные глазки уставились на отступающего Томаса, который успел выпустить две стрелы, но видимого ущерба они не причинили. Грифон нёсся прямо на юношу, собираясь растоптать его.

В дальнем углу стояли клетки и Томас забрался в одну из них. Подойдя вплотную к клетке, тварь запустила сквозь прутья кривую лапу, пытаясь достать свою жертву. Забившись в самый дальний угол, Томас обнаружил, что у него закончились стрелы, а зверь начал ломать прутья. Толстый металл пока держался.

Вспомнив, что теперь он какой-никакой маг, Томас быстро провалился в транс, и разогнав лягушек, начал читать заклинание. Первый огненный шар попал точно в цель, и грифон, обиженно зашипел. В течение следующего часа Томас с переменным успехом обстреливал грифона огненными шарами. Несколько раз ему даже удалось отогнать зверя от клетки, но тот упорно возвращался. Тогда Томас вынул из внутреннего кармана промасленную тряпицу с ядом корнеедки и смело шагнул к зверю. Увернувшись от массивной лапы, он подскочил прямо к прутьям, и когда огромный клюв открылся, бросил тряпку с ядом в его глубину.

Грифон потряс головой, пожевал недолго тряпку, но поняв, что это несъедобное, выплюнул её на пол. Томас ждал результата, ведь яд корнеедки достаточно силён, чтобы парализовать жертву даже сквозь плотную шкуру, но, если пожевать его, он действует быстро. Тем временем Грифон пошатнулся и сел, задние лапы перестали слушаться его, потом гигантское животное повалилось на бок и захрапело.

Томас собрал стрелы и пошёл обратно. Выбравшись из подвала, он понял, что что-то не так. Казалось, что во дворце идёт бой. Стоял грохот, слышались громкие крики. В зале дворца шло настоящее сражение. Тролль ростом в три с половиной метра отбивался от нападающих на него людей. В нападавших Томас без труда узнал представителя седьмого отряда. Тот играючи дубовой скамьёй лупил по спине гигант, но от этого страдала только скамья, а тролль отмахивался от нападающих на него людей, будто от комаров.

Томас посмотрел на свой лук. Он знал, что у гиганта есть слабые места. На тыльной стороне колена был небольшой зазор, и

Том выстрелил под колено чудовищу, когда оно случайно обнажило уязвимое место. Сначала ничего не произошло, но затем Тролль завертелся волчком, ухнул и опустился на одно колено. Левая нога у него потеряла подвижность, так как была парализована магической стрелой. Гигант зло зарычал, раскрыв страшную пасть, куда Томас бросил тряпку с ядом корнеедки, чем остановил уже занесённую над головой главаря седьмого отряда лапу тролля.

– Отойдите назад, – крикнул он людям, но семёрки не обратили на него никакого внимания, продолжая бестолково наскакивать на гиганта, и лишь их предводитель бросил на него внимательный взгляд.

Движения тролля замедлились, и, не дойдя буквально шага до Тома, он упал на пол и захрапел. Томас с облегчением вздохнул и отёр пот со лба. Тут к нему подошёл предводитель семёрок и сказал:

– Ты спас мне жизнь, теперь я твой должник. Давай знакомиться: меня зовут Пит. Ты всегда сможешь на меня положиться, и мы никогда больше не тронем твой отряд.

– Как же Вы попали в Школу? И для чего Вас приняли сюда? – спросил его Том. – Уж точно не для обучения магии.

Отдышавшись, Пит сказал:

– Конечно, нет. Король хотел продемонстрировать соседям свою победу над Дебрями и решил создать зоопарк из их обитателей, но, разумеется, не в столичном дворце, а здесь – в дальнем шестом, а нас готовили в охранники зверей. Для этого нужна большая физическая сила, умение не думать и не бояться. Но вчера ночью кто-то открыл клетки чудовищ и выпустил их наружу, и нас бросили на подавление звериного бунта.

Он продолжал:

– А чем занимаешься ты, кроме разведения боевых мышей и изучения магии?

– Мы хотим найти мага-убийцу, поэтому организовали слежку за ним, но нам не удаётся его поймать.

– Постараюсь тебе помочь, ведь мои люди не из трусливых, – сказал Пит, и они покинули поле сражения.

Глава 20. В паутине

Тролль был далеко не единственным чудовищем. Седьмой отряд отчаянно гонял их по дворцу, тем более, что среди монстров были серьёзные противники, например, зверь, больше напоминающий бочку на коротеньких ножках, чем живое существо. Несмотря на короткие ноги, зверь перебирал ими с невероятной скоростью.

Пропустив его, Пит и Томас прошли через главный холл и, поднявшись по парадной лестнице, подошли к резным дверям, перед которыми топтались двое парней, вооружённых увесистыми дубинками. Они изредка заглядывая внутрь. Томас тоже заглянул и увидел плотную завесу из белой паутины, беспорядочные нити, переплетённые в хаотическом беспорядке.

Пит сзади спросил его:

– Ну, что скажешь?

– Скажу, что соваться туда не стоит. Не знаю, что за тварь это устроила, но она явно хорошо подготовилась. Сражаться с таким противником на его территории без оружия и чёткого плана – самоубийство. Надо закрыть все входы и доложить генералу.

Пит проворчал:

– Это не вариант, чёртова тварь утащила внутрь двоих моих бойцов, их надо освободить.

Томас не стал ему говорить, что, скорее всего, его люди погибли, а продолжил внимательный осмотр. Кто-то уже до него пытался выяснить свойства загадочной паутины, о чём очень чётко напоминали предметы различной тяжести, развешанные по паутине. Здесь были мелкие щепки, стулья, столы и даже мраморная статуя приличных размеров. Паутина обладала колоссальной прочностью и липкостью. Томас с большим усилием потянул на себя висящий в паутине стул и не был удивлён, что тот остался неподвижен. Она хорошо растягивалась, не рвалась и не отпуская свою добычу.

– Поджечь пробовали? – спросил он, не оборачиваясь.

– Пробовали, но она не горит.

Томас достал нож, чтобы разрезать паутину.

– Не стоит этого делать, если не хочешь остаться без оружия, – предостерегающе произнёс Пит. – Под потолком уже висит мой кинжал.

Посмотрев ещё раз на паутину, Томас приказал:

– Мне нужна вода и мыло, много мыла.

– А верёвку не принести? – ехидно хихикнул один из парней, но его смех быстро оборвался, после тумака, полученного от Пита.

Через пять минут принесли ведро воды и мыло. Приготовив из них смесь, Томас намыленной перчаткой ухватился за ближайшую

нить. Перчатка свободно скользила по ней и не застревала. Удовлетворённый полученным результатом, он зачерпнул ладонями из ведра мыльную воду и вылил на себя.

– Я пойду с тобой, – сказал Пит и по примеру Томаса облился мыльной водой.

Проскользнув сквозь паутину, Томас и Пит медленно пошли вперёд, стараясь не задевать нити. К счастью, они висели не так плотно. Выйдя на открытое пространство, Томас осмотрел зал и увидел, что в центре нитей почти не было, а под потолком висели коконы. В дальнем конце зала сквозь переплетение нитей можно было увидеть трон, на котором кто-то сидел.

Пит тоже заметил коконы, висящие под потолком, и сказал:

– Мы должны спустить их вниз и сделать это как можно быстрее. Думаю, что мои ребята там.

Внезапно нити пришли в движение, медленно сползаясь к центру. Томас бросился в сторону, вырываясь из круга, и у него это получилось. Пит его манёвр повторить не смог, и нити моментально двинувшись к нему, но тот, поняв, что его заметили, уже не скрываясь, рванул вперёд, и благодаря мылу, сумел проскользнуть между нитями.

Томас смотрел на трон. Монстр, сидевший на нём, напоминал большой драгоценный камень. Грани камня искрились всеми оттенками алого цвета. Размахнувшись, он изо всех сил он нанёс удар ножом сверху вниз, целясь в центр камня. Тот, печально звякнув, скатился на пол. Камень лежал неподвижно, видимых повреждений на нём тоже не было.

Прежде, чем пустится наутёк, Томас откупорил флягу с мыльным раствором и запустил ею в камень, который почернел, обуглился и пошёл трещинами, а нити, удерживающие пойманную добычу под потолком, начали спускаться и медленно разматываясь.

Пит тем временем бросился к лежавшим на полу людям и подхватил на руки девушку.

– Кажется, она не дышит, – крикнул он и, поворачиваясь к Томасу, спросил:

– Что же делать?

– Обратись к магам или к Амелии, целительнице. Знаешь где наши комнаты?

Не дослушав до конца, главарь семёрок выскочил в коридор.

Томас же вернулся в свой отряд и спросил встревоженную Амелию, которая его встретила:

– Что случилось?

Та пожала плечами:

– Никто толком ничего не знает, но ходят слухи, что звери из королевского зоопарка сбежали.

– Наши все целы? – уточнил Томас.

– Да, а вот из охранников погибло десять человек, – сказала целительница.

– Я уверен, что тут не обошлось без нашего убийцы. Надо его искать, пока следы не остыли, – сказал Томас.

Том нашёл Джека, и они поспешили во дворец. У входа в подземелье путь им преградили двое солдат с алебардами.

– Куда прётесь? – грубо выкрикнул он, заслоняя дорогу алебардой.

– Куда приказали, туда и прёмся, – не менее грубо ответил ему Джек. – Можешь высказать претензии магам.

Высказывать претензии магам у стража не было желания, и он молча шагнул в сторону.

Пока они шли по подвалу, Томас спросил Джека:

– Что узнали твои шпионы?

Тот ответил:

– Я пока не в курсе, живы ли они вообще после этой ночи. Никто из них на связь не выходил. Если живы – сами меня отыщут, а если нет, то тут уже ничего не поделаешь, – легкомысленно отмахнулся вор, и они направились в столовую, чтобы подкрепиться.

В этот самый момент ожили их браслеты, и Джек громко чертыхнулся.

– Вот скажи, как он выбирает время для вызова, когда мы собираемся поесть.

– Смирись, это – магия, – сказал Томас.

Глава 21. Циклопус

Наставник дожидался их на обычном месте, и его не слишком обеспокоило, что почти половина его учеников не явилась на занятие. Повернувшись к Томасу, он достал из кармана очередную пластину.

– Вижу, ты старательно практиковался со своим первым заклинанием в последние дни. Чтобы поощрить тебя, архимаг передает тебе эту пластину. Старайся, продолжай в том же духе, – сказал учитель и спрятался за дерево. – Правила тренировок ты уже знаешь: идёшь в самую дальнюю часть парка и стараешься не взорвать дворец.

Томас пошёл к реке. Перед тем как погрузиться в транс, Томас сделал несколько глубоких вдохов, морально готовясь к тому, что его там ожидает, и лягушачий рай его не разочаровал. Факел, наконец, справился с болотом, но вместо него образовалось несколько луж. Из тёмной воды вверх тянулись миниатюрные копии гигантских деревьев из его родных Дебрей. Они также светились и выделяли тепло, а на ветвях сидели лягушки и дружно квакали.

Томас пробрался к источнику. Тот полностью избавился от ледяного панциря и ярко сиял, озаряя всё вокруг огненными всполохами. Лягушки заворуженно глядели в огонь. Томас материализовал в руке новую пластину и сунул её в огонь источника, и его тут же выбросило в реальный мир. В этот момент вернулся наставник. С удивлением воззрившись на Томаса он спросил.

– Как, ты ещё здесь? Отключи сейчас же пластину от источника, – сказал учитель.

Томас соскользнул в транс и бросился к источнику. От огненного шара в пустоту тянулась раскалённая добела цепь. Хвататься за неё руками Томас, конечно же, не рискнул, а потому, материализовав здоровый топор, начал наносить ритмичные удары. Цепь, несмотря на внушительный вид, поддавалась на удивление быстро – всего пара ударов и раскалённые звенья брызнули во все стороны, поджигая палую листву и стволы деревьев. Оглядев разгорающийся лесной пожар, Томас выскользнул в реальность. Вслед ему неслось дружное негодующее кваканье: «За что?».

До вечера он просидел в своей комнате, с мрачным видом смотря на пластину, потом пошёл к Элеоноре. Он предпочёл бы побеспокоить Жанну, но так и не удосужился выяснить, где она живёт, а на занятиях ведьмы появляться перестали.

Подойдя к волшебной двери, привычно распахнувшейся перед ним, Томас для приличия постучал пару раз в косяк, после чего вошёл в тёмную комнату. Откашлявшись, он неуверенно начал:

– У меня возникли проблемы с ощущением магических нитей, не могла бы ты помочь мне с этим? Вчера я тренировался со щитом, а учитель посоветовал мне тренироваться на пластинах с заклинанием, но у меня ничего не выходит, – твердил Томас, переминаясь с ноги на ногу.

– Не удивительно, новичкам всегда гораздо проще почувствовать именно свою собственную магию, – монотонно заговорила волшебница.

Томас покраснел и выпалил:

– Я просто не хочу соваться к источнику, там полная жесть.

– Для сотворения заклинаний не нужно входить в транс, – назидательно сказала Элеонора, – Ты же способен почувствовать источник, не входя в транс? Вот и используй его без медитации.

– Я попытаюсь вызвать огненный шар, – смущённо сказал Томас. – Надеюсь, не разнесу что-нибудь важное.

– Не беспокойся, я поймаю.

Томас мысленно соединил источник с волшебной пластиной.

Элеонора вновь привлекла его внимание:

– Посмотри на свой огненный шар.

Взглянув на застывший огонь, Томас с удивлением обнаружил, что его опутывает три десятка переплетённых между собой в сложный узор нитей.

– Это и есть магическое плетение, теперь ты можешь увидеть его, а значит, тебе будет гораздо проще его почувствовать, – произнесла волшебница, указывая на нити. – Сосредоточься, и когда тебе покажется, что ты их чувствуешь, закрой глаза. Попробуй!

Томас в точности выполнил инструкции и на удивление легко добился нужного результата.

– Вот значит, как волшебники видят магию? – спросил он.

– Смотря какие волшебники. Ну, ладно, продолжим урок. Перед тобой контур обычного светлячка – простейшего заклинания для освещения помещений.

Томас с удивлением смотрел, как на только что пустом месте, разгорается маленький фиолетовый огонёк. Он потянул сильнее, и нить лопнула, а заклинание растаяло в воздухе.

– Помнишь, как выглядело плетение светлячка? Попробуй собрать нити в нечто похожее, – сказала Элеонора. – Просто представь, как они движутся. Пока они привязаны к тебе, ты можешь ими управлять.

Томас интуитивно понял, как это можно сделать, и разорвал свою связь со всеми нитями, кроме одной. В воздухе зажегся небольшой фиолетовый огонёк.

– Попробуй поднять его выше.

Томас представил, как огонёк поднимается вверх, и он воспарил к потолку.

– Как видишь, ты можешь колдовать и без заклинаний, но это на порядок медленнее, и сложные заклинания таким образом не собрать. На этом сегодняшний урок окончен, и я хочу тебя кое с кем познакомить, – она поманила кого-то пальцем.

Из-под него нехотя выползло причудливое существо с шестью лапами. Голова его состояла практически полностью из одного огромного глаза, а тело было покрыто густым чёрной шерстью. Виляя хвостом, существо грустно уставилось на ведьму и спросило:

– Хозяйка, Циклопус хороший?

– Да-да, очень хороший, – подтвердила та. – Это Циклопус, он – химера, я в него превратила тех мышей, что ты принес. Он быстро учится и у него прекрасная память.

С сомнением посмотрев на грустное существо, Томас задал вопрос, который интересовал его сейчас больше всего:

– А что он ест?

– Да практически всё, – ответила ведьма, несколько удивлённая таким интересом её гостя о гастрономических пристрастиях

Циклопуса. – Он идеально подойдёт для слежки за магами, он достаточно умён, чтобы преследовать заданную цель.

Томас представил, как удивится неудачливый маг, когда к нему со спины подкрадётся это существо, и спросит: «Циклопус хороший?». Вероятно, после этого у них станет на одного подозреваемого меньше.

– Я создала его, чтобы выследить убийцу, но поскольку Жанна подрядила на эту работу тебя, то тебе им и командовать, – сказала ведьма, поглаживая нелепое существо. – Знакомься, Циклопус, это – Томас.

Существо всё также поглядело на Томаса и спросило:

– Томас хороший?

Томасу очень хотелось надеяться, что оно сказала именно то, что хотело, а не перепутало слова, желая спросить «вкусный ли он?»

– Да-да, хороший, наверное, – слегка раздражённо сказала ведьма, доставая из кармана небольшой кулон. – Это контрольный камень, – произнесла она, протягивая кулон Томасу. – При помощи него управлять Циклопусом гораздо надёжнее, чем отдавая устные команды. Циклопус может выполнять даже сложные команды, но он пока маленький, так что не переусердствуй.

– Устным командам он тоже подчиняется, – сказала Элеонора, – позови его.

– Циклопус, ко мне, – сказал Томас, чётко выговаривая слова.

Тот выполз из-под стола, и с подозрением покосившись на Томаса, спросил:

– Хозяйка?

– Ага, что-то типа того, – подтвердила ведьма и указала гостю на дверь. – Ладно, идите, а у меня неотложные дела.

Мучимый сомнениями, Томас вышел в коридор. Заведя Циклопуса в тёмную подсобку, он приказал: «Спрячься здесь», продублировав устную команду через камень. Зверёк зашёл в угол и начал растекаться по полу.

Томас приказал:

«Жди меня здесь» и пошёл в свою комнату.

Августу сегодня уже было намного лучше, он сидел на постели, вертя в руках полированную медную пластину.

– Как ты их используешь? – спросил библиотекарь Томаса. – Я уже целый час пытаюсь разобраться, и всё без толку.

Томас, наконец, понял чувства их наставника, предпочитавшего преподавать из-за дерева. Не очень приятно стоять прямо перед человеком, пытающимся освоить какое-то смертоносное заклинание. Неспешно, без резких движений, он покинул сектор обстрела, усевшись на подоконник за спиной Августа.

– На самом деле всё довольно просто, если хочешь я тебя научу, только не здесь, пошли к реке.

Через двадцать минут они стояли на обрыве и Томас пытался объяснить своими словами порядок использования пластины. Дело шло через пень колоду: у Августа никак не получалось правильно совместить пластину и источник, видимо с воображением у него, в отличие от Томаса, было не всё в порядке. Устав объяснять одно и то же в десятый раз подряд, Томас предложил:

– Можешь попробовать сделать также как я в первый раз: погрузиться в транс, материализовать там пластину и просто сунуть в источник.

– А на что он похож, твой источник? – спросил Август.

– На большой огненный шар, – ответил Томас.

– У меня всё гораздо банальнее, – огорчился библиотекарь, – просто пруд с небольшим водопадом.

– Следи, чтобы там не завелись лягушки, – поделился своим опытом Томас, – и не вздумай тушить в воде факелы, проблем не оберёшься.

Огорошив Августа таким напутствием, он принялся дожидаться итогов его похода к источнику. Долго ждать не пришлось.

На чтение заклинания у Августа ушло секунд двадцать и вместо смехотворного двух сантиметрового шарика у него получился вполне приличный двадцати сантиметровый шар из синеватого материала. Правда, летел он намного медленнее. Пролетев всего метров двадцать, он окончательно потерял скорость и спикировал в воду. Зато дальнейший эффект превзошёл самые смелые ожидания: шар взорвался, подняв столб воды. Вода взлетела вверх, да так и осталась висеть, река же в месте падения шара покрылась льдом.

Они вернулись в отряд. Томас зашёл в кладовку, где он оставил Циклопуса, и приказал.

– Циклопус, за мной.

В дальнем углу сначала появилось пятно, а потом собрался странный зверь, с надеждой заглянувший в глаза Томасу и спросивший:

– Кушать?

– Сперва работать, потом кушать, – ответил Томас.

Спустившись в подвал и дойдя до двери мага, Томас сказал:

– Здесь живёт щёголь, ты должен за ним следить.

Существо непонимающе моргнуло, и Томасу пришлось повторить приказ через камень, сопроводив его изображением щёголя.

– Квентин Праер? – уточнил Циклопус.

– Понятия не имею, как его зовут, – смущённо ответил Томас, – как-то забыл спросить у Джека.

– Джек?

– Нет-нет ты следишь за Квентином, – уточнил Томас.

Удовлетворённый полученными инструкциями, Циклопус полез на потолок, где и растёкся бесформенным пятном сливаясь со сводом. Позавидовав ещё раз его отменной маскировке, Томас вернулся в комнату и никого там не обнаружив, уже всерьёз забеспокоился. Он уже собирался пойти обыскивать тёмные коридоры дворца, когда в коридоре раздался громкий топот ног. В комнату ввалилась пара солдат, несущих носилки с лежащей на них Амелией. Отдуваясь, они опустили свою ношу на кровать. Томас было двинулся в сторону незваных гостей с целью расспросить их о случившемся, но в этот момент обнаружил более удобную мишень для допроса – в комнату вошёл Джек. Увидев Томаса, он радостно заулыбался.

– Хоть кто-то кроме меня в этой команде инвалидов ещё на ногах.

– Что случилось?

– Ничего особенного – просто очередь дошла до нашего отряда. Архимаг провёл массовую инициацию и отправил в отключку всех, кроме меня.

– Ты что такой особенный или тебя просто забыли пригласить на праздник, – недоверчиво спросил Томас.

– Скорее второе, – недовольно поджав губы сказал вор. – Похоже я им чем-то не угодил понять бы ещё чем.

– Могу подсказать: ты нахамил наставнику при первой же встрече.

– Это было давно, к тому же я встал на путь исправления.

– Так где остальные? – уточнил Томас, заглядывая Джеку за спину.

– Идут своим ходом, у архимага нашлись только одни носилки. Им дали время отлежаться пару часов.

– Тогда чего ты забыл здесь? Марш помогать больным.

– Я и помогаю, Амелию приложило гораздо сильнее, чем других и я счёл своим долгом убедиться, что с ней всё в порядке.

– Убедился? – спросил его Томас. – Теперь пошли помогать.

– Может ты как-нибудь сам? – захныкал вор.

– Если ты сейчас же не займёшься делом, у тебя будет болеть не только спина, это я тебе гарантирую, – грозно сказал Томас, придвигаясь вплотную к вору.

– Эй, если ты сейчас меня вырубишь, кто тогда поможет несчастным калекам?

– Мне не придётся и пальцем тебя трогать, достаточно намекнуть твоим друзьям из седьмого отряда, что я знаю, кто умыкнул у них из-под носа одеяла.

– Ты настолько жесткий, что готов заставить всех спать на полу только, чтобы бедному Джеку намяли бока?

Оставшуюся часть группы они нашли у входа в подземелья, видимо, на подъем по длинной лестнице ушли последние силы. Посмотрев на посеревшие осунувшиеся лица, Томас сразу понял, что до комнаты без посторонней помощи им не добраться.

Он подхватил на одно плечо Дженис, на другое – Шерил и пошёл. Добравшись до комнаты, он уложил девушек.

– Проследи, за ними.

– Мне, по-твоему, заняться нечем, кроме как присматривать за надутыми девицами? – спросил вор.

Глава 22. Новая погоня за убийцей

Когда Томас проходил мимо засады, устроенной Циклопусом возле комнаты мага, то увидел, что огромный глаз ему призывно мигает. Юноша остановился и позвал зверька. Циклопус спустился с потолка, материализовался и доложил, что видел, как Сеймур, который живёт напротив комнаты Квентина, только что вышел из своего убежища и отправился в сторону комнаты Элеоноры.

Томас немедленно побежал к ведьме, а Циклопуса отправил в отряд за Джеком и Жанной.

Подходя к знакомой комнате, Томас увидел мага, который колдовал над дверью Элеоноры, что-то устанавливая на косяке.

– Стой на месте, Сеймур, – крикнул Том и выстрелил в него из своего лука. Стрела ударила в спину мага и, не нанеся ему никакого вреда, упала на пол.

Сеймур, зло усмехаясь, повернулся к Томасу и выпустил в него огненный шар, от которого юноша с трудом увернулся. В это время в коридоре раздался громкий топот, и появились Джек и Пит.

Сеймур выстрелил в них ещё одним огненным шаром. Парни кинулись в разные стороны и прижались к стенам. Обрадовавшись, что путь открыт, маг бросился наутёк.

Томас подошёл к товарищам и грустно сказал:

– У нас против Сеймура нет никаких обвинительных фактов. Мы даже не сможем доказать, что он вообще здесь был и что-то замышлял против Элеоноры.

– Как это нет, – возмутился Джек. Он разжал кулак и показал обрывок серого плаща. Но улыбка на его лице сияла недолго, так как лоскут вдруг ожил, стал быстро съезжаться и скоро совсем исчез.

В это время к ребятам присоединилась Жанна. Она быстро сняла опасное заклятие с двери своей подруги и только потом спросила парней:

– Никто не пострадал?

– Обошлось, – ответил Джек, – вот только улика исчезла, и нам не наказать убийцу.

– Для этого есть один проверенный способ, – сказала Жанна. – Так как суд магов его помилует, ведь он же свой и обозлился на всех из-за того, что Меригер Сэнзор отказался взять его в ученики, то единственный способ лишить Сеймура магической силы, которую он употребляет во зло, это вызвать его на дуэль. Это может сделать ученик, прошедший инициацию.

– Ты готов, Томас, – спросила она.

Но тут, как всегда, влез Джек, выпалив:

– А разве есть другие варианты? Мы с Питом инициацию не проходили! Только Томаса надо хорошо вооружить.

– Для дуэли нужен специальный дуэльный лук со стрелами, – сказала Жанна.

– Я его куплю в магазине и принесу тебе, Том, – предложил Пит, – а также стану твоим секундантом.

А Жанна продолжала:

– Ещё нужно срочно послать вызов Сеймуру, чтобы он не отвертелся от дуэли, выпросив у магов запрещающий указ. Я могу прямо сейчас отнести ему твою перчатку.

Получив перчатку Томаса, ведьма, заторопившись, ушла, а Джек и Том отправились в лагерь собираться на дуэль.

В комнате Джек посоветовал Томасу надеть под камзол кольчугу.

– Будет ли это честно? – усомнился тот.

– Не беспокойся, – убеждал его воришка, – Сеймур уж точно приготовит для тебя кучу разных гадостей, а так, хоть жив останешься.

В это время вернулся Пит. Он гордо нёс чёрный лук и полный колчан стрел. Джек и Томас потрясённо смотрели на него.

Воришка восхищённо присвистнул:

– Это же целое состояние. Пит, ты не разорился?

– Нам повезло, – ответил Пит. – Торговец, когда узнал, что у Томаса будет дуэль с магом-убийцей, дал мне лук бесплатно, только просил не сломать его и вернуть вместе со стрелами.

В дверь постучали. Это была Жанна вместе со всеми членами отряда, которые готовыми сопровождать Томаса на дуэль.

Перед битвой решили перекусить. Томас вспомнил о копчёной змее:

– Ребята, на всех хватит, там 20 кг.

Но тут его прервал писклявый голос феи, сидевшей у него на плече, которая, смущённо опустив глаза, выдавила из себя:

– А змейки уже давно нет.

– Ничего, – сказал Томас, – зато жетоны есть. На всех хватит.

– А Циклопус тоже идёт кушать? – заинтересованно спросил шестиногий зверь.

– Конечно, – Томас погладил его по голове, – куда же мы без тебя.

И они дружно отправились в столовую.

Глава 23. Магическая дуэль

На земле был очерчен круг диаметром в сорок метров, внутри нарисовали два круга поменьше, обозначивших изначальные позиции дуэлянтов. Секунданты по периметру внешнего круга нанесли на землю защитные узоры, не позволявшие смертоносным заклинаниям нанести вред зрителям. Квентин, взявший на себя роль судьи, коротко скомандовал:

– Дуэлянты, пройдите в круг.

Томас никогда не был трусом, но сейчас у него на душе скребли кошки – слишком уверенно все знакомые маги заявляли, что его победа в этом поединке невозможна, а поражение будет означать верную смерть.

Сеймур занял своё место в круге на противоположной стороне и помахал рукой своему противнику, призывая поторопиться. Когда Томас вышел на позицию, оба дуэлянта повернулись к судье в ожидании команды начинать.

Квентин скомандовал:

– Начали!

Томас тут же принялся плести щит, а его противник со скучающим видом просто стоял неподвижно в своём круге, ничего не предпринимая. Закончив плетение, юный маг бросил косо́й взгляд на судью, над головой которого бежали цифры, отсчитывающие момент, когда будет можно покинуть малые круги.

Томас не обольщался по поводу своих шансов поразить противника на расстоянии – ему так до конца и не удалось увеличить меткость при бросании огненных шаров. Его единственный шанс заключался в том, чтобы быстро сблизиться с соперником под прикрытием щита и уповать на удачу в ближнем бою.

Короткий взгляд на бегущие цифры чуть не стоил ему жизни – он отвлёкся всего на мгновение, но его противнику этого вполне хватило. Заметив боковым зрением вспышку, Томас бросился на землю ничком, и смертельный снаряд просвистел над ним, заставив задымиться камзол на спине.

Огненный шар, развернувшись, устремился к Сеймуру, и, на мгновение застыв у него в руке, снова отправился в полёт, на этот раз атакуя сверху. Увидев момент запуска, Томас успел отреагировать,

несмотря на запредельную скорость снаряда, и поднял руки, покрытые радужной плёнкой щита. Шар ударил с силой стальной кувалды, заставив все суставы отозваться острой болью, а на землю вокруг щита пролился огненный дождь, превративший её в спёкшуюся корку.

Наученный горьким опытом, Томас внимательно следил за противником и не прогадал. У того в руках засветилось уже два огненных шара, которые он бросил в разные стороны.

Томас не мог следить за обоими одновременно, но он чувствовал их магические нити. В последний момент он разорвал свой щит посередине и, обернув им руки на манер перчаток, попытался поймать снаряды в воздухе. Как он и предполагал, они прилетели справа и слева, зажимая его в клещи. Если бы второе заклинание противника было хотя бы вполовину также сильно, как первое, Томас остался бы без пальцев, но, похоже, управление несколькими шарами заставило Сеймура сэкономить на мощности, и Томаса лишь обсыпало снопами раскалённых искр.

Следующий удар Сеймур нацелил прямо в лоб юному магу, и одного взгляда на это заклинание было достаточно, чтобы понять, что Томаса снесёт вместе с его хилым щитом. К счастью, в этот самый момент прозвучал сигнал, позволяющий покинуть круг. Томас опрометью бросился влево, а гигантский огненный шар пролетел мимо, разбившись о границу большого круга.

Раздался оглушительный взрыв, и Томаса бросило на землю. Перекатившись, он вскочил на ноги и тут же отскочил в другую сторону, почувствовав приближение очередного заклятия. Выплюнув изо рта набившуюся туда землю, Томас зло уставился на Сеймура. Тот улыбнулся и сделал приглашающий жест: мол, выстрели и ты, хоть разок для порядка.

Не убирая щита, Томас начал творить заклинание. Он копировал ледяной шар Августа, но на успех этого манёвра особенно не надеялся, его ставка была на отчаянный рывок к противнику, чтобы победить в рукопашной. От библиотекаря Томас узнал, что, хотя использование оружия не запрещено, ни один маг и не подумает этим воспользоваться, отдавая предпочтение более эффективной магии. Его единственный шанс отвлечь противника своим самым сильным заклинанием и рассчитывать на удачу.

Голубой шар сорвался с его пальцев, оставляя в воздухе след из разлетающихся льдинок, а вслед за ним бросился и Томас. Он успел заметить неподдельное удивление в глазах Сеймура, когда из-за неторопливо летящего заклинания показался его противник. Ледяной шар коснулся щита и взорвался, окутывая всё вокруг морозной пылью.

Томас принял взрывную волну на выставленные вперёд руки, и преодолев сопротивление, бросился головой вперёд туда, где стоял

маг. Он почувствовал, как его щит ударяется о щит противника, сминая его, и в последний момент увидел заклинание, несущееся ему в лицо.

Его отбросило к границе круга, ударив об упругое поле, окружающее арену. Томас понимал, что нужно немедленно вставать, если он не хочет умереть прямо на месте, но подняться удалось только с третьей попытки. Он посмотрел на Сеймура, по-прежнему неподвижно стоящего в своём круге. Тот улыбнулся Томасу, отсалютовал мечом и начал творить своё последнее заклинание.

Томас, шатаясь, поднялся с земли, пытаясь вновь поднять щит, хотя уже прекрасно понимал, что это его не спасёт. Сеймур держал в руке огромный огненный шар и целился в лицо Томаса. Но тут какое-то зеленое сияние появилось перед ним, направляя яркие лучи магу в глаза.

Волшебник поморщился от резкого свечения и потерял из виду противника.

В этот момент невидимый ветер снёс круг, окруживший арену, и погасил, начавшее формироваться, смертельное заклятье. Квентин было намеревался прекратить несанкционированное вмешательство в ход поединка, но увидев, кто вмешивается, отступил. У Сеймура то ли выдержки, то ли мозгов на это не хватило:

– По какому праву ты вмешиваешься не в своё дело? – крикнул он Элеоноре, вышедшей на поле.

– Моего слова достаточно – этот поединок закончен, – спокойно ответила та.

Лицо Сеймура исказила дикая злоба, и он выпалил:

– Вы, слишком много о себе возомнили, Вы не бог, а просто человек, одержимый гордыней. Вы умираете так же, как и обычные смертные, но смотрите на всех свысока.

– Ты всё сказал? – спокойно спросила Элеонора. – Ты сам вынес себе приговор. Мы – хранители кодекса чести и мира на этой земле, и не позволим сумасшедшим творить зло и совершать убийства.

Первыми всё поняли маги, они не пытались восстановить разорванный круг, остановить нарушающих правила поединков спорщиков, они просто опрометью бросились врассыпную, на ходу создавая вокруг себя мощные щиты. До прочих зрителей всё дошло через пару секунд, когда они увидели, как могучие маги удирают, сверкая пятками.

Томас тоже с удовольствием убрался бы подальше, но ноги его не слушались, и он осел на землю. К нему подскочили Амелия и Джек и, ухватив под мышки, поволокли в укрытие. Тем временем Сеймур всё никак не мог успокоиться.

– Я не боюсь твоих иллюзий, они годятся лишь для того, чтобы пугать слабаков и простаков. Вы слишком долго не встречали достойного соперника.

– Иллюзии для сильных врагов, а ты к ним не относишься, – равнодушно произнесла Элеонора. – Мне жалко тратить на тебя даже самое простое заклинание.

У Сеймура окончательно сдали нервы, и он без всякого предупреждения попытался напасть на волшебницу. Он установил щит и бросил в неё десяток огненных шаров. Элеонора, кажется, оказалась не готова к столь стремительному развитию событий, и даже не попыталась соткать заклинание, молча смотря на приближающийся огонь.

Удар невероятной силы Томас почувствовал самым своим источником – тот испугано сжался в груди. Элеонора не солгала, это было не заклинание, а первородная необузданная сила, сметающая всё на своём пути. Из тонких пальцев ведьмы навстречу надвигающемуся огню ударило облако чистейших прозрачных капель, которые снесли и огненные шары, и щит. Остался только Сеймур, потрясённо смотрящий на ведьму. А затем всё, чего коснулась прозрачная жидкость, начало изменяться на глазах, приобретая другую суть.

Сеймур неузнаваемо изменился, и – его кожа стала корой, а открытый в немом крике рот, дуплом. Он устремил свои руки-ветви к солнцу, покрываясь зелёной листвой. Элеонора, даже не взглянув на дело рук своих, отвернулась и быстрым шагом направилась во дворец.

Все стояли и молчали, потрясённые тем, что произошло с Сеймуром. Затем они разом заговорили, но это уже совсем другая история.

Продолжение следует.

Часть IV. Эссе

Рубан Л.С. Эти очень взрослые детские стихи К.И. Чуковского (или «Как не стать Бармалеем»)

Впервые в своей жизни я посмотрела фильм на большом экране в кинотеатре, когда мне еще не исполнилось и пяти лет. Это был «Идиот» (1958) Ивана Пырьева с Юрием Яковлевым в главной роли. Мама со своей подругой – школьной учительницей Марией Сергеевной давно хотели на него пойти, и, наконец, выбрали для этого время. Моя старшая сестра была у подруги в гостях, а меня оставить было не с кем, поэтому с меня взяли слово, что я буду сидеть тихо, как мышка, и мы отправились в кино.

У меня фотографическая память, поэтому я запомнила этот фильм на всю жизнь, причем в мельчайших деталях. Содержание я поняла в соответствии со своим возрастом. У меня возникло только два вопроса: почему в фильме красивая тётя бросила в огонь деньги, на которые можно было бы купить много-много вкусных конфет? И второй: что такое подчерк? (Князь Мышкин по ходу фильма, когда его спросили, кем бы он мог работать, ответил, что переписчиком, так как у него очень красивый подчерк).

Я тогда еще не умела писать, хотя уже знала несколько букв, поэтому слово «подчерк» было мне не знакомо, и я, не удержавшись, потянула маму за рукав и спросила шёпотом: «А что такое подчерк?»

Вторым фильмом, увиденным мной в том же кинотеатре, был «Золотой ключик», снятый в 1939 г. по сказке Алексея Толстого. После просмотра я задала маме массу вопросов, которые в первую очередь были связаны с Мальвиной:

– Почему у нее голубые волосы? И как мы об этом в фильме узнаем, ведь тогда не было цветного кино, и «Золотой ключик» был черно-белой картиной, а никто из героев об этом факте (о голубых волосах Мальвины) не говорит?

Кадр из фильма «Золотой ключик» (1939).

– Почему она такая зануда? Все время придирается к Буратино, делает ему замечания, въедливо воспитывает его?

Мне было непонятно, отчего папа Карло отпустил Буратино одного в Страну дураков, да еще поздней ночью, ведь там было очень опасно? Тем более что ночью все дети должны спать в своих кроватках.

– Почему в фильме все герои, кроме Буратино, не улыбаются? (Фильм был кукольно-игровым мультфильмом, и у кукол была «ограниченная мимика», что удачно совпало с требованиями цензуры). Главное, что меня поразило больше всего – это финал фильма, когда куклы убежали от злого и коварного Карабаса-Барабаса и улетают куда-то на летающем корабле, – ОНИ НЕ УЛЫБАЛИСЬ!

Серьезным был и полярник-папанинец, в шапке-ушанке и унтах, который прилетел за куклами на чудесном летающем корабле-паруснике, чтобы отвезти их в прекрасную и счастливую страну из волшебной книги с картинками, изображающими Москву и кремлевские башни.

Кадр из фильма «Золотой ключик» (1939).

Эту книгу герои фильма нашли в театре, который находился за нарисованным очагом в каморке папы Карло за дверью, которая отпиралась золотым ключиком.

«Мама, – спросила я. – Почему они грустные? Им что – не хочется улетать?» – допытывалась я.

«Ну, что ты, тише, – сказала мне мама. – Они рады, просто они набегались и очень устали! Вот отдохнут и снова станут улыбаться!»

Это был мудрый ответ. И хоть на дворе стоял 1962 год, Оттепель, но люди все равно продолжали вести себя осторожно. А с экрана лились красивые слова песни (музыка Л. Шварца на слова М. Фромана) [1]:

Далёко-далёко за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца.
За дверцей большая страна...

В смысл песни я не вникала, ну, совсем, так как она меня не затронула, не зацепила. Это потом, когда я выросла, мне стало понятно, почему у кукол лица были без улыбок. В нашей советской стране улыбки не поощрялись, советские дети должны были быть серьезными, настоящими пионерами, октябрятами и комсомольцами, а смех без причины – был признаком дурачины.

В песне говорилось о прекрасной свободной стране за золотой стеной (скорее за «железным занавесом»), хотя вряд ли, могла быть страна вполне свободной, отгородившись от остального мира. Золотая клетка – она всегда клетка, а наша и золотой-то особенно не была. Но мы-дети были счастливы и беззаботны:

«Все дети там учатся в школах,
И славно живут старики...» [1]

Что ж, постараемся посмотреть с высоты прожитых лет, насколько счастливы были люди в чудесной стране за золотой стеной и до нее?

Постараемся посмотреть с высоты прожитых лет, насколько счастливы были люди в чудесной стране за золотой стеной? Заострим внимание на процессе воспитания подрастающего поколения.

Жизненные испытания К.И. Чуковского

Мы все выросли на стихах и сказках К.И. Чуковского ритмичных и заводных! Думалось, что такие задорные произведения должен писать весёлый, счастливый и беззаботный человек. Но у Чуковского вся жизнь была на излом. Уже обстоятельства его рождения таили в себе много горечи и печали. Дело в том, что отцом Николая Корнейчукова (настоящее имя К.И. Чуковского) был еврей из

Одессы Эммануил Левенсон, который в силу своего вероисповедания не мог жениться на его матери и через несколько лет совместной жизни оставил её с двумя детьми: Николаем и Марией, у которых, как незаконно рождённых, даже отчеств не было, а в метрике вместо имени отца был поставлен прочерк. «Сам Чуковский вспоминал, что у него никогда не было такой роскоши, как отец или дед, и это обстоятельство в юности служило для него постоянным источником стыда и душевных страданий» [2].

Новым ударом и серьёзным душевным испытанием стало отчисление Чуковского-Корнейчукова из пятого класса гимназии из-за низкого происхождения, но юноша не сломался, подготовился самостоятельно и сдал за полный курс гимназии. Работа в «Одесских новостях» привела Чуковского, знающего английский язык (он его выучил по самоучителю), в Лондон, но газета задерживала гонорары, а потом вообще перестала платить жалованье, и в 1904 году он возвращается в Одессу.

Надо сказать, что английский язык Чуковского был несовершенен. И, хоть он сносно писал (даже занимался перепиской каталогов в Британском музее) и читал (смог познакомиться с произведениями Диккенса и Теккерея на английском), но произношение ему не поставили, и он не понимал англичан, а те, в свою очередь, не понимали его. С этой проблемой Чуковский столкнулся сразу же по приезде с женой в британскую столицу, тем более что поездка не обошлась без приключений. Их любезный попутчик обокрал их (унёс корзинку со всеми ценными вещами).

Чуковский пытался объяснить полисмену суть проблемы, но был понят только тогда, когда изложил свою беду на бумаге. Так бедность и беспросветное детство, и юношество затрудняли ему последующую жизнь. Автор остановилась на этих фактах, чтобы подчеркнуть важность реализации принципа равенства жизненных возможностей при становлении подрастающего поколения.

На родине Корней Иванович принял участие в революционном движении и даже был арестован за свои публикации в журнале «Сигнал».

Очень точно о жизненном пути четы Чуковских писала в газете «Вечерняя Одесса» Наталья Панасенко: «Любимцами судьбы они не были. Им долго пришлось жить в элементарной нужде, то есть рассчитывать каждый кусок хлеба; при морозе -17° ходить в летнем пальто и без перчаток; не иметь возможности вести дневник, потому что кончилась тетрадка, а больше нет... В одиннадцать лет от туберкулеза умерла их младшая дочь. В 1937 г. был арестован и расстрелян муж старшей дочери Лидии. В 1941 г. в ополчении погиб сын Борис. И всё это происходило на фоне многолетней борьбы с литературными чиновниками. Не каждый человек и не всякая семья в

состоянии пройти через такие испытания, не сломавшись. Они смогли» [3].

К.И. Чуковский о поэзии и поэтах

Прежде, чем мы рассмотрим влияние произведений Чуковского на подрастающее поколение, раскроем его литературные предпочтения, моральные и этические основы, которых он придерживался. Погружение в русскую культуру происходило у К.И. Чуковского на протяжении всей жизни. В 1908 г. вышел написанный им литературоведческий сборник о русских поэтах и писателях «От Чехова до наших дней», а в 1917 г. Корней Иванович опубликовал «Книгу об А. Блоке» («Александр Блок как человек и поэт») и «Ахматова и Маяковский». В работах чётко была обозначена гражданская позиция автора. Это были сложные, серьёзные и смелые произведения, а описанные в них личности были талантливыми и неординарными. Корней Иванович хорошо знал их, кстати, последнее стихотворение Блока, который был его кумиром, было посвящено Чуковскому.

Корней Иванович высоко ценил поэтический гений Блока, сравнивая его с Пушкиным. Но в *воспоминаниях* Чуковского о Блоке послереволюционного периода звучат трагические ноты: «*Там человек сгорел: опущенные безвольные руки, трагический голос. Блок казался воплощением неуютя, катастрофы и гибели*» [4].

Следует сказать, что А. Блок после революции официально отошёл от своей дооктябрьской поэзии с прекрасными дамами и незнакомками, но в советское общество не вписался, хотя старался это сделать и, покрывив душой, выпустил поэму «Двенадцать», более похожую на кич или площадной лубок. Чего только стоят разухабистые строчки:

«А Ванька с Катькой – в кабаке...
У ей керенки есть в чулке!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!» [5].

Но, умирая в мучениях и страшной бедности, Блок отрёкся от «Двенадцати» и уничтожил тираж поэмы.

Отношение к новой действительности было у Чуковского не простым, что нашло отражение в том, что он пишет об Ахматовой и Маяковском: «Трудно представить себе двух человек, столь непохожих. Ахматова вся в тишине, а Маяковский неистовствует. Это гром, поэт-гигантист» [6]. Корней Иванович пишет об Ахматовой: «Она поэт разлуки, и утраты (её поэзия биографична): безголосый соловей, у которого отнята песня; женщина, теряющая сына; и та, у

которой умер сероглазый король; и та, которой сказано: «вестей от него не получишь больше».

Чуковский не был беспристрастен к своим коллегам. Он не принимает Маяковского, в то же время идеализирует Ахматову, указывая, что «та видит одну Россию, и молится о ней, а Маяковский – митинговый оратор, уличный, публичный поэт» [6]. И Чуковский делает вывод: «Похоже, вся Россия раскололась на Ахматовых и Маяковских. Ахматова – наследница всех дореволюционных богатств русской словесной культуры, а Маяковский есть порождение нынешней революционной эпохи» [6]. Трагизм в том, что, выражая свою симпатию к Анне Андреевне, этими словами Чуковский практически подписал ей приговор. И хотя статья Чуковского была изъята из открытого доступа, она имела значительные негативные последствия для поэтессы.

Следует сказать, что трагизм Ахматовой в поэзии как бы предвещал её судьбу: у неё расстреляли мужа – поэта Николая Гумилёва, а сын Лев был арестован и находился в ГУЛаге. Если задуматься над вопросом, о ком из русских поэтов и писателей мог писать Чуковский в советское время, то ответ напрашивается сам собой – конечно же, о народном поэте, певце тяжёлой крестьянской доли – Н.А. Некрасове. И К.И. Чуковский вложил в этот труд весь свой талант. За книгу «Мастерство Некрасова» (1952) в 1962 г. Чуковский получил Ленинскую премию [7].

Творчество К.И. Чуковского в советский период

Двойственность отношения к советской действительности проявилась у Корнея Ивановича в том, что, с одной стороны она дала ему жизненный шанс и расширила его возможности как представителя простого народа, с другой – отказывалась от того богатого культурного наследия, которое веками копила досоветская Россия, чего Чуковский принять не мог.

Он был настоящим просветителем: переводил на русский язык и пропагандировал в нашей стране выдающихся зарубежных авторов: М. Твена, О. Уайльда, Д. Дефо, Р.Э. Распэ, Р. Киплинга и других, писал мемуары. А.М. Горький предложил ему возглавить детский отдел издательства «Парус» и написать поэму для первого издания детских сборников, ведь в 1916 году Чуковский подготовил книгу «Ёлка», в которой вошла его сказка «Крокодил», переизданная в 1917 году.

В то же время детские стихи К.И. Чуковского были очень даже непростыми. Вспомним цитату из «Тараканища» (1923):

Вот и стал Таракан
победителем,

И лесов, и полей повелителем.
Покорилися звери усатому.
(Чтоб ему провалиться,
проклятому!) [8].

За такой намёк в то время вполне можно было получить срок, или хуже того – распроститься с жизнью. Друг Чуковского поэт Осип Мандельштам, написавший роковые строчки:

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца, –
Там припомнят кремлёвского горца [8].

после этого был арестован, и жизнь Мандельштама оборвалась в пересыльном лагере.

Сказать, что творчество детского писателя Чуковского протекало бесппроблемно – было бы очень даже большой натяжкой. В 1928 году в газете «Правда» Н.К. Крупская, заместитель наркома просвещения, устроила разгром стихотворению Чуковского «Крокодил»: «Такая болтовня – неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником – весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, «Крокодила» ребятам нашим давать не надо» [2].

Сделав очень даже спорное высказывание, Надежда Константиновна почему-то забыла, что стихотворение Чуковского было написано и впервые опубликовано в 1916 году, то есть до революции, когда ещё не существовало Советской России и марксистская идеология не была господствующей, а будущий генсек РКП (б) И.В. Сталин (Иосиф Джугашвили), будучи семинаристом, писал романтические стихи о цветах и луне, которые тоже не подошли бы пролетарским детям в соответствии с принятым в советском обществе классовым подходом.

Мы можем судить о поэтическом творчестве вождя по переводам с грузинского, сделанным Б. Пастернаком и А. Тарковским (см. стихотворение «Луне», 1895-1896 гг.), но наиболее широко известно стихотворение «Утро» («Дила»), включенное в учебник «Родного языка» (1912) Я. Гогебашвили.

Ветер пахнет фиалками,
Травы светятся росами,
Все вокруг пробуждается,
Озаряется розами [10].

Если мы внимательно проанализируем детские стихи Чуковского, то увидим, что в них постоянно идёт активная, причём жёсткая борьба. Идеологически это было оправданно, так как существовала государственная концепция нарастания классовой борьбы в условиях построения социализма и противостояния врагам. Это получило отражение во всей послеоктябрьской литературе, в том числе и детской: А. Гайдар «Школа», «Военная тайна», «Сказка о военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове», «Судьба барабанщика», «На графских развалинах»; Л. Кассиль «Кондуит и Швамбрания», «Великое противостояние», С. Маршак «Мистер Твистер», А. Рыбаков «Кортик», «Бронзовая птица», В. Каверин «Два капитана» и др.

В «Тараканище» (1923) Чуковского борьба идёт с ужасным и жестоким тираном-тараканом:

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!» [8].

Его все панически боятся, но находится смельчак-воробей, который не испугался и склевал таракана.

Герои стихотворений Чуковского. Чему они учат детей?

В стихотворении «Муха-цокотуха» (1924) на именинницу Муху из засады коварно напал паук:

Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить! [8].

Муха молит о спасении:

Дорогие гости, помогите!
Не покиньте меня
В мой последний час! [8].

Однако никто не спешит её спасти, так как все боятся паука:

Но жуки-червяки
Испугались,
По углам, по щелям
Разбежались [8].

Счастливый финал сказки обусловлен только появлением храброго маленького комарика, который спасает муху.

В «Крокодиле» (1916) звери, томящиеся в неволе, призывают своих диких собратьев освободить их:

Что вы нахлынете сюда,
Чтобы разрушить навсегда
Людские, злые города,
Где ваши братья и сыны
В неволе жить обречены! [8].

Комизм этой грустной ситуации заключается в том, что стих по ритмике идентичен ритму поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»:

Сказал и умер.
Я стоял
И клятвы страшные давал
Злодеям-людям отомстить
И всех зверей освободить [8].

А дальше становится по-настоящему страшно, когда идут звериные полки:

Они идут на Петроград,
Они сожрать его хотят,
И всех людей,
И всех детей
Они без жалости съедят.
О бедный, бедный Петроград! [8].

В «Краденое солнце» (1927) прозвучал призыв к борьбе со злым и коварным Крокодилем, который солнце проглотил:

Эй вы, звери, выходите,
Крокодила победите,
Чтобы жадный Крокодил
Солнце в небо воротил!».
Но мохнатые бояся:
«Где нам с таким сражаться!
Он и грозен, и зубаст,
Он нам солнца не отдаст! [8].

В своих стихах и сказках Чуковский показывает детям образцы для подражания: воробья – в «Тараканище»; храброго мальчика Ваню Васильчикова в «Крокодиле»; комарика – в «Мухе-цокотухе»; медведя – в «Краденое солнце»; доктора Айболита, которые вступают в бой с Бармалеями и обязательно побеждают зло.

Было бы странно, если эти произведения написал мальчик, выросший в богатой, аристократической и обеспеченной семье. Вряд ли, тогда его героями стали тараканы, жучки-паучки, мухи, козявки, комары, блошки и червячки. В бедной, разорённой гражданской войной стране Чуковскому приходилось пропагандировать чистоту и

элементарную санитарию и гигиену, к примеру, в «Мойдодыре» (1923). Вот как умывальник сурово корит неумытого мальчика:

Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя [8].

Концовка этого стихотворения – настоящий гимн чистоте:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам –
Стыд и срам! [8].

Все мы с детских лет помним наизусть эти строки, которые читали нам сначала наши мамы, а потом уже мы сами. Аналогичная ситуация нарисована в стихотворении «Федорино горе» (1926), когда вся посуда убегает от неряхи Федоры и возвращается только тогда, когда хозяйка исправляется и перестаёт быть грязнулей.

Но работа в сфере детской литературы не давала К.И. Чуковскому возможности спастись от злобных нападок критиков, хотя он пытался приспособиться к непростой и реально опасной ситуации в стране. В 1929 году Корней Иванович даже покаялся в «Литературной газете» и отрёкся от своих старых сказок и стихов, пообещав написать сборник «Весёлая колхозия» [2]. Однако, если бы это произошло, тогда он просто перестал себя уважать и не смог заниматься литературным творчеством.

Нравственная позиция К.И. Чуковского

Даже во время Великой Отечественной войны нападки на Чуковского не прекращались. «В газете «Правда» в марте 1944 г. появилась злобная статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского» с разгромной критикой книги Корнея Ивановича «Одолеем Бармалея!» В статье говорилось, что «сказка К. Чуковского – вредная стряпня, которая способна исказить в представлении детей современную действительность» [2].

«Одолеем Бармалея!» была не только не лучшей книгой Чуковского, она была откровенно слабой, но всё равно доброй, а свирепая статья показывала, что Корнея Ивановича не оставили в покое и не оставят. В НКВД чередой шли доносы на него, в одном из них указывалось, что Чуковский высказался так: «Всею душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать» [2].

К.И. Чуковский был смелым и порядочным человеком, в дружбе не кривил душой, не боялся общаться с А.И. Солженицыным и П.М. Литвиновым. Его дочь Лидия, несмотря на то, что её второй муж-физик М. Бронштейн был арестован в 1937 г. и расстрелян, активно занималась правозащитной деятельностью. Когда в 1966 г. двадцать пять советских деятелей культуры и науки написали в ЦК КПСС Л.И. Брежневу протест против реабилитации Сталина, то в списке протестующих стояла подпись К.И. Чуковского [2].

И хотя внешне жизнь его была очень даже успешной, о чём говорили высокие награды: орден Ленина (1957), четыре ордена Трудового Красного Знамени (1939; 1962; 1965; 1967), многочисленные медали, Ленинская премия (1962), над ним всегда висел дамоклов меч злобной критики и недоверия, тем более, что К.И. Чуковский работал детским писателем, которому доверили выполнение ответственной задачи воспитания подрастающего поколения.

Вот таким непростым было развитие детской литературы в России, что определило сложные судьбы авторов, работавших в этом жанре над морально-этическим формированием облика детей и подростков.

Заключение

В заключение хотелось бы ответить на вопрос: почему высокие критерии предъявляются к детской литературе, СМИ и кино? Эти требования обусловлены тем, что в детстве ребёнком особенно активно и интенсивно усваиваются навыки и умения. Он подражает родителям и другим авторитетам, перенимая их ценностные установки, взгляды на жизнь, примеривая на себя социальные роли с учётом поощрения или порицания со стороны родителей, воспитателей и учителей, получает информацию о социальном идеале из литературы, СМИ и кино. В результате всего этого комплекса социального воздействия ребёнок формируется как личность.

Таким образом, происходит интеграция ребёнка в общество. Это является как бы «вторым социокультурным рождением» человека, и оно осуществляется всеми институтами и социальными факторами, с которыми индивид взаимодействует, вырабатывает внутренние психологические представления о них, усваивает социальные установки и способности к действию, которые позволяют ему приспособливаться к социальной среде, отвечать социальным ожиданиям и влиять на них [11, с. 60-61]. Поэтому педагогика основное внимание всегда уделяла эффективному развитию личности, то есть формированию индивида, активно осваивающего социальные нормы и ценности, приобретающего соответствующие качества и способности в процессе социального развития [12, с. 3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шварц Л., Фром М. Далёко-далёко за морем. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2548/song>.
2. Самое сложное в биографии Чуковского. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nasledie/samoe-slojnoe-v-biografii-chukovskogo-nezakonno-rojdennyi-syn-iudeia-5e05d446cddb7100b0dddf3f>
3. Панасенко Н. Жена Корнея Чуковского. Вечерняя Одесса. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/natalya-panasenko-zhena-korneya-chukovskogo>.
4. Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт». URL: <https://radiovera.ru/korney-chukovskiy-aleksandr-blok-kak-chelovek-i-poet.html>.
5. Блок А.А. Двенадцать. URL: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>.
6. Критика Корнея Чуковского. Ахматова и Маяковский. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/ahmatova-i-mayakovskij-2>.
7. Корней Иванович Чуковский. URL: <http://www.chukovskiy.ru/chukovskogo>.
8. Чуковский К.И. Муха-цокотуха, Тараканище, Крокодил, Мойдодыр, Федорино горе, Айболит, Бармалей. Культура.РФ: URL: <https://www.culture.ru/poems/33125/tarakanishe>.
9. Мандельштам О. Мы живем, под собою не чуя страны. URL: <https://rustih.ru/osip-mandelshtam-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany/>
10. Джугашвили И.В. Утро. URL: <https://troitsa1.livejournal.com/2093689.html>.
11. Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз). Москва: ВНИИ МВД, 1998. 250 с.
12. Иванов А.В. Развитие духовных качеств обучающихся как путь их духовного совершенствования. Презентация доклада на Научно-практическом семинаре «Образование в современном поликультурном мире: роль и миссия педагога» (Цикл «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество») МПГУ. М., 2017. С. 3.

**Рубан Л.С. ЗОЛУШКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЗОЛУШКА
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ИЛИ, КАК ГОВОРИТСЯ,
ПОЧУВСТВУЙТЕ РАЗНИЦУ**

«Золушка» – это очень старая сказка. Её сюжет археологи в XIX веке обнаружили на египетских папирусах, которым более двух с половиной тысяч лет. И уже тогда прекрасный юноша искал девушку с помощью тувельки. Ну как тут не сказать, что все преходяще, а любовь вечна!

Сегодня стало очень модным подвергать сказки критическому логическому анализу, и взрослые делают это с каким-то ну прямо садистским удовольствием и остервенением. Видимо, им в детстве недодали доброты, тепла, заботы и внимания. Родители или бабушки и дедушки не читали им добрые сказки на ночь, не учили, что нельзя причинять другим людям и животным боль и огорчения.

Часто детальному анализу подвергают самую волшебную, на мой взгляд, и самую любимую всеми девочками на свете сказку – «Золушка». И чаще всего это делают именно женщины, которые хотят доказать всему миру, что они очень сильные и могут переносить трудности не хуже мужчин и умеют сами постоять за себя.

Мужчины же, напротив, тайно мечтают встретить в жизни свой идеал: тихую, добрую, чуткую, отзывчивую и заботливую девушку, у которой руки растут из правильного места, и она умеет создать уютный и теплый домашний очаг, куда хочется прийти вечером и никуда оттуда не уходить, оставшись на всю жизнь.

Много споров вызывает не только образ Золушки, но и её крёстной – Феи. Так кто же она? Демон или ангел?

Некоторые скептики указывают на то, что добрая фея в сказке «Золушка» не такая уж и добрая, а довольно хитрая и прагматичная. У неё был роман, причём совсем не платонический, с лесничим-дровосеком – отцом Золушки, который они ото всех умело скрывали, и Фея хотела остаться с ним наедине. Так почему же Золушку отправляют на бал?

Золушка мешала им, поэтому её отправили на бал, используя разные подручные средства, которые удачно оказались в нужном месте и в нужное время: мышей, ставших прекрасными лошадьми; крысу, превратившуюся в кучера; тыкву – в карету, а лохмотья Золушки – в роскошное бальное платье. Однако волшебство это было кратковременным, а не навсегда, и действовало лишь до определённого срока, а именно: до 24.00. После боя часов в полночь всё вернулось на круги своя с последним ударом.

Ряд аналитиков рассматривают Фею в сказке «Золушка» как мать-заместительницу, так как «то, чего героиня не может получить от мачехи, – поддержку, заботу, уважение, помощь – она получает от феи-крёстной. Фея-крёстная даёт Золушке всё то, о чём она мечтает, поддерживает её, заботится о ней, относится к ней со вниманием и пониманием. С другой стороны, фея-крёстная выполняет для героини

функции психотерапевта. Она чувствительна, эмпатична и понимает состояние героини [1].

Критик С. Радович указывает, что, «читая детям сказку про Золушку, мы прививаем девочке покорность (злой мачехе и сводным сестрам, безвольному тюфяку-отцу) и безынициативность (ждала, когда фея её на бал отправит). Что она никогда бы не стала женой принца, если бы не добрая фея».

Но сама же Радович себе противоречит, далее описывая Золушку совсем не как жертву, а как жизнестойкую девушку: «она не роптала, не жаловалась на жизнь, была добра и мечтала, и пела. Она не копила обид на родню, работу делала с любовью. И мечтала... Мечта сбылась: Фея отправила её на бал, и Золушка смогла этой ситуацией воспользоваться, так как умела очень хорошо танцевать, у неё были хорошие манеры и речь, и (главное) ей хватило ума, чтобы не выкладывать всю подноготную при первой встрече... И далее принц влюбляется в прекрасную девушку, о которой НИКТО НИЧЕГО не знал» [2]. То есть на неё работает её таинственный, загадочный образ!

Кадр из фильма «Золушка» (1947).

В добрых и чистых сказках Шарля Перро и Евгения Шварца поездка на бал – это награда за труды, приветливость и доброжелательность Золушки, исходя из установки, что обязательно нужно ездить на бал, если ты этого заслуживаешь, то есть совершённые добрые дела обязательно должны вознаграждаться, а злые поступки – наказываться. В этой сказке чётко звучит тема справедливости и ответственности за совершённые поступки и дела.

Когда на занятии по конфликтологии я со своими студентами разбирала основы сказочного моделирования, одна девушка сказала, что нельзя выискивать только рациональные компоненты в сказках, тогда, к примеру, в сказке «Репка» дед должен был правильно прогнозировать результаты своей производственной деятельности по выращиванию репки, не заморачиваться только с поливом и подкормкой растения, а вырастить гигантских размеров мышку, которая без проблем быстро выкопала бы овощ не прибегая к помощи бабки, внучки, Жучки и кошки, да и самого деда.

Тогда я ответила этой девушке, что в этом случае могут возникнуть другие две проблемы: равенства и причастности.

Если все будут заняты выращиванием и выкапыванием репки, то и получить за свои труды они должны поровну. Тогда все будут рады и счастливы, между ними не возникнет конфликтов, хотя резонно встанет вопрос, а зачем Жучке и кошке репка? Они ведь не едят овощей.

[3].

Если гигантская мышь одна выкопает репку, то тут складывается совсем другая ситуация и встаёт вопрос: «Зачем ей делить репку на шесть равных долей и пять из них отдавать деду, бабушке, внучке, собаке Жучке и кошке, не участвовавшим в процессе выкапывания?» В этом случае мышь будет чувствовать себя обделённой и разочарованной. Спрашивается тогда, зачем она трудилась даром?

Мышь может рассердиться, стать агрессивной и жадной и просто-напросто съесть репку, но своего она не отдаст, тут хоть со львом приходи. Но это уже, как говорится, совсем другая сказка. А мы вернёмся к «Золушке».

Режиссер, сценарист и продюсер Кэй Кэннон из США пошла ещё дальше: в её фильме о Золушке Фея – крёстная девушки стала темнокожим геем, а актер Билли Портер, который сыграл эту роль, заявил, что считает, что его персонаж – бесполой и это делает новую экранизацию «Золушки» сказкой для нового поколения, так как Золушка сама всего добивается без помощи других персонажей и без учёта гендерных особенностей [3].

Кинообозреватель «Новой газеты» Л. Малюкова назвала эту идею парадоксальной и странной, а кинокритик и обозреватель «Медузы» Е. Москвитин высказал следующую мысль: «Я думаю, что

всё равно все придут к пониманию того, что семья – это всегда семья, а любовь – это всегда любовь» [4].

Интересно проследить, как Е. Писарева, главный редактор книжного сервиса MyBook, включающего 260 тысяч изданий и 50 тысяч аудиокниг, проанализировала новую публикацию феминисток Лоры Лэйн и Эллен Хоун под названием **«Золушка и стеклянный потолок. И другие феминистские сказки»**, выпущенную «Альпина нон-фикшн» в Москве в 2020 г. На обложке этой книги изображена Золушка, раскачивающаяся на люстре. Она бьёт ногой в стеклянный потолок с такой силой, что он трескается, а у неё с ноги слетает хрустальная туфелька и падает вниз.

Удивляет то, что внешность Золушки на обложке книги соответствует образу отнюдь не юной барышни, а скорее сорокалетней женщины с неустойчивой психикой.

[5].

Когда смотришь на эту картинку, хочется задать авторам и оформителям только один вопрос: «Как же её туда (на люстру) занесло и угораздило разбить стекло?»

Писарева считает, что Лора Лэйн и Эллен Хоун, авторы и ведущие тематического шоу «Femme Fairy Tales» создали литературный **стендап** (по образцу американского комедийного

шоу)¹. А далее читатель должен вооружиться толковым словарём или углубиться в Интернет, чтобы понять смысл доводов главного редактора Е. Писаревой. Простите за тавтологию, она пишет, что российский стендап – это **микс** (смесь) из разнообразных **триггеров** (стимуляторов чего-либо).

Екатерина Писарева указывает, что то же самое происходит и с феминистскими сказками – они гиперболизируют проблему, доводя её до абсурда и бьют по глазам [б] (думается, что бьют они не только по глазам...). Внешний вид обложки книги как нельзя лучше иллюстрирует это высказывание.

Лэйн и Хоун на своей авторской кухне приготовили иронично-«забористый» микс из серьёзных тем:

– **абьюз** (негативного давления, оно может быть как физическим, так и моральным, оскорблением словом или действием),

– **токсичных отношений** (негативных отношений, этот термин близок к термину **абьюз**),

– **бодипозитива** (принятие любого вида человеческого тела со знаком плюс как данности),

– расовой иерархии,

– **ЛГБТ-сообщества** (сообщества геев, лесбиянок и транссексуалов),

– **социального лифта** (под социальным лифтом ироничные феминистки понимают социальную мобильность «вверх-вниз»),

– **красоты как субъективной социальной конструкции** (когда ты сам определяешь свой уровень красоты и прекрасного или некрасивого вообще. Ты – красив, если ты так считаешь, ты сам устанавливаешь стандарты красоты, её верхнюю и нижнюю планку).

Авторы эпатажной книги «Золушка и стеклянный потолок, и другие феминистские сказки» подчёркивают, что «бедная Золушка, желающая лучшей жизни, добивается всего сама, «пробивая» стеклянный карьерный потолок – без помощи принца, феи и своей хорошенькой внешности» [б]. Причём в этой книге все героини очень сильные, уверенные в себе, они ничего не боятся и не мучаются сомнениями.

Когда я прочитала это, мне стало очень страшно и неудобно, так как я боюсь людей, которые никогда ни в чём не сомневаются. Для них и для их самоутверждения это, конечно же, удобно, ведь получается, что те, кто не сомневается, всегда правы.

---

¹ Автор эссе в скобках даёт перевод и толкование оригинальных терминов.

Так вот, дамы-феминистки Лэйн и Хоун считают, что их обновлённые сказки – это нормальный способ поговорить о других вариантах развития жизненных сценариев.

Для меня же сказка «Золушка» имеет личное значение. Очень даже личное. Дело в том, что, когда я училась в школе в шестом классе, мы решили поставить эту красивую и романтическую сказку, чтобы показать её нашим родителям и гостям на майских праздниках. Я была режиссёром спектакля, а так как актёров в нашем драматическом кружке не хватало, то решилась сыграть ещё и одного из персонажей сказки.

Девочка Лена, игравшая Золушку, очень сильно переживала, так как она боялась, вдруг я выберу для себя роль Золушки и отберу у неё главную роль? Но волновалась она совсем напрасно. Меня привлекали комические роли, и я очень хотела сыграть одну из мачехиных дочек, причём старшую (то есть главную, заводилу), что и было осуществлено, к моему великому счастью.

Мама меня спросила, почему я выбрала именно эту отрицательную роль. Она была очень удивлена моим выбором, ведь в школе и дома я была такая положительная и правильная девочка – послушная, пионерка, отличница и активистка. Мне пришлось долго объяснять ей, что в сказке мачехины дочери не знали запретов и могли делать всё, что им вздумается и что они пожелают. Их безмерно баловали. Ну кто же из детей откажется от полного и безнаказанного своеволия?! Это мечта любого ребёнка, даже очень послушного и примерного!

Моя подруга Верочка, которая играла вторую мачехину дочку, рыжая как солнышко и конопатая-преконопатая, очень хорошо пела, поэтому она всю неделю перед спектаклем неотрывно ходила за мной и просила:

– Можно я в спектакле буду петь? А хочешь, мы с тобой вместе споём? Не сомневайся, всё отлично получится!

И я согласилась, но с одним условием: если уж мы будем петь, то мы должны ещё и танцевать. Так в нашем спектакле (по мотивам сказок Шарля Перро и Евгения Шварца) появились весёлые и озорные поющие мачехины дочери. Они не только исполняли комические куплеты, в которых рефреном шли знаменитые строчки, сказанные в фильме «Золушка» гениальной Фаиной Раневской:

***Эх, королевство маловато!
Разгуляться мне негде!***

и задорные частушки на разные случаи из нашей школьной жизни, но ещё и азартно отплясывали. Скажу по секрету: я с первого класса ходила в танцевальный кружок и поэтому не удержалась, уж очень мне хотелось показать, чему нас там научили.

В день премьеры всё удачно сложилось, а на спектакле мы повеселились и порезвились на славу, как говорится, от всей души! Наш с Верой зажигательный дуэт даже несколько затмил томную Золушку. В общем, это был настоящий праздник, так что зрители получили большое удовольствие и остались довольны.

К слову сказать, мачехины дочери в детском спектакле у нас вышли довольно реалистичными и логически обоснованными, ведь им в их беззаботной и безоблачной жизни ничего не нужно было делать, поэтому они в полной мере были счастливы, наслаждались жизнью, резвились, пели и веселились.

Мы же вернёмся к традиционной, хорошо знакомой нам с детства сказке «Золушка» Шарля Перро и её современному и эмоционально заряженному варианту, написанному Евгением Шварцем.

Итак, после смерти жены дровосек, отец Золушки, женился во второй раз – на женщине с двумя дочками. Все они имели вздорный нрав, были ленивы и ничего не умели делать по хозяйству.

Теперь рассмотрим, как мачеха воспитывала Золушку и своих родных дочерей и что из этого в итоге вышло?

Мачеха не любила Золушку, заставляла её много и тяжело работать и твердила ей, что девочка всё должна делать сама, рассчитывать только на свои силы, не ждать помощи со стороны и ни на кого не надеяться.

Как мы видим, Золушка получила от мачехи установку на самостоятельное преодоление трудностей и препятствий, то есть Лора Лэйн и Эллен Хоун в своей книге ничего нового нам не открыли. Будучи очень строга с Золушкой, тем самым мачеха, сама того не желая, правильно готовила девушку к самостоятельной жизни, закаляла её перед грядущими жизненными трудностями и воспитывала у неё трудолюбие, дисциплину, жизнестойкость, настойчивость в достижении цели...

Кадр из фильма «Золушка» (1947).

Золушка была трудолюбива, много работала, в то же время, несмотря на тяжёлую жизнь, она была приветлива и заботлива. Результат не замедлил сказаться: Фея решила наградить Золушку за труды, отправила её в красивом праздничном наряде во дворец на королевский бал, где в девушку влюбился принц, за которого Золушка вышла замуж, и, как говорится, «они жили долго и счастливо...»

Своих же дочек мачеха баловала, постоянно хвалила, твердила им, что они самые красивые, должны только отдыхать и развлекаться, работать им не нужно, что жизнь их сложится прекрасно и они обязательно выйдут замуж за сказочных принцев... Мачехины дочери имели дурной склочный нрав, бездельничали и ждали, когда же появятся сказочные принцы, но так и не дождались. Получилось, что сама, того не желая, мачеха устроила счастливую судьбу падчерицы и погубила своих родных дочерей.

Сказка «Золушка», как и все другие сказки, показывает, что добро вознаграждается и побеждает зло. Шарль Перро и Евгений Шварц без нотаций и занудства учат, что человеку для достижения цели нужны ум, отвага и благородство, а трудности можно преодолеть с помощью эффективных взаимоотношений с окружающими, к примеру, следующей коммуникации:

Золушка – Фея – Принц – Король

и деятельности с установкой на взаимовыгодное и равноправное сотрудничество. Только обязательно надо учитывать интересы других людей и гуманно к ним относиться [7].

В фильме «Золушка» (1947) мы получаем еще один жизненный урок, что никогда нельзя опускать руки, даже из самого безвыходного, на первый взгляд, положения можно найти выход, если хорошенько поискать.

Принц ищет прекрасную незнакомку с помощью туфельки. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, мачеха заставляет Золушку надеть хрустальную башмачок на ногу своей старшей дочери Анны. И вот они во дворце. Король видит, что девушка – не та, причём она ему категорически не нравится, но дано королевское слово. Король в шоке. Он в отчаянии твердит:

– Что делать? Что делать?

И случайно обращает этот вопрос к танцмейстеру, который кажется нам абсолютно несерьёзным и бесполезным человеком. И вот этот несерьёзный танцмейстер жизнерадостно отвечает королю:

– Что делать? Танцевать! – и начинает бешено кружить в танце Анну, которая спотыкается и теряет туфельку.

И – о, счастье! – королевство спасено! Все довольны, а у Золушки появляется шанс занять своё законное место во дворце.

Завершить хотелось бы прекрасными словами, которые звучат в финале старого фильма «Золушка» (1947), поставленного по сценарию драматурга Евгения Шварца:

– Придёт время, когда спросят, а что вы, собственно, можете предъявить, и тут уж никакие связи не помогут сделать ножку маленькой, душу большой, а сердце справедливым [8].

Так в сказке «Золушка» чётко прозвучала актуальная во все времена тема социальной и личной ответственности высокой морально-нравственной позиции, причём каждому герою воздается адекватно совершённым им поступкам.

В заключение мы ответим на один очень важный для всех вопрос:

– Нужны ли сказки в наше время? Не утратили ли они свой смысл?

И вот, что хотелось бы сказать всем креативщикам, феминисткам и ниспровергателям старинных традиций, проверенных временем:

– Не совершайте непростительную ошибку – не отнимайте у детей сказку, не обкрадывайте их!

Пусть дети вырастут добрыми, чуткими и отзывчивыми, уважающими старших, заботящимися о младших, не обижающими слабых и животных.

Пусть они станут честными и порядочными людьми. На это должны быть направлены все достижения многовековой мировой культуры.

Библиографический список:

1. Сказка «Золушка». Сценарий женщины-жертвы. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/smotrivsebja/skazka-zolushka-scenarii-jenscinyjertvy-5e207b3678125e00b19bed9f>
2. Радович С. Про Золушку. Размышления о смысле сказки. – URL: <https://proza.ru/2017/11/10/839>
3. Денисова А. Каждому по способностям или каждому по труду? // Труд и капитал № 16 (46) 2006. С. 22.
4. Золушка для нового поколения»: Билли Портер в роли феи-крестной. – URL: <https://www.bfm.ru/news/438227>
5. «Золушка и стеклянный потолок. И другие феминистские сказки». М.: Альпина нон-фикшн», 2020.
6. Золушка-карьеристка и волк-домогатель. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/07/86568-zolushka-karieristka-i-volk-domogatel-feministki-s-chuvstvom-umor-obnovili-skazki>
7. Рубан Л.С. Предотвращение конфликтов и формирование эффективной межкультурной коммуникации во взаимодействии мигрантов с принимающим населением (с использованием игрового моделирования) // Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения. Материалы международной научно-практической конференции. 05.11.2019. М.: РГГУ, 2019. С. 128-136.
8. Шварц Е.Л. Пьесы. Ленинград: Советский писатель, 1972. 652 с. (Золушка, с. 545-585).

Часть VI. РОМАН

Л.С. РУБАН. ЖЕНЫ ГЕНИЕВ И ЛЕТЯЩАЯ ЧАШКА (ДИАЛОГИ С ПОЛИНОЙ ВИАРДО)

Глава I.

ВСТРЕЧА С «ЦАРИЦЕЙ МУЗ» ПОЛИНОЙ ВИАРДО

*«... Я ничего не видел на свете лучше Вас.
Встретить Вас на своем пути было
величайшим счастьем моей жизни, ... моя
преданность и благодарность не имеет
границ и умрет только вместе со мною...»*

*Из письма И.С. Тургенева Полине Виардо
от 28 октября 1850 года.*

Если честно, в юности, когда еще училась в школе, я не очень любила И.С. Тургенева. Писатель-помещик, охотник – любитель природы, «Отцы и дети», манерные революционеры, многолетнее поклонение французской певице Полине Виардо, – все это меня не трогало. Я не могла понять: как же так, он трепетно писал о природе и России, а жил почти постоянно за границей?

То, что он свою маменьку Варвару Петровну Лутовинову описал в «Муму», я, будучи школьницей, не знала, просто не интересовалась этим. О столкновении его трепетного чувства к княжне Екатерине Львовне Шаховской с отцовским и отражении этого в автобиографичной повести «Первая любовь» – тоже не знала. О том, что историю появления на свет своей незаконнорожденной дочери Пелагеи Тургенев положил в основу сюжета повести «Ася», – не догадывалась...

Тургенев мне казался человеком недобрым и заносчивым. Герои его не были мне особо близки. Когда все литературные музеи Москвы были пройдены и изучены мною, не знаю, но со страшной силой почему-то потянуло именно в Тургеневский, а тут как раз 18 апреля...

Как бывший музейщик я каждый год с трепетом жду приближения 18 апреля – международного дня музеев, когда все музеи распахивают двери для свободного доступа посетителей. Дело даже не в бесплатности, а в какой-то сладостности праздничного беспокойного чувства, которое захватывает и несет тебя в любимый музей, туда, куда ты хочешь прийти и где тебе приятно.

Мне всегда нравился музей И.С. Тургенева на Остоженке: скромный одноэтажный деревянный голубой особнячок, уютный, теплый и светлый, с прекрасно подобранной экспозицией, замечательными текстами, поучительными и интересными, четкими фотографиями, приветливыми и интеллигентными смотрительницами, что делало атмосферу в музее еще более приятной.

А тут пришло известие, что музей скоро закроют на реконструкцию, и мне стало страшно, что исчезнет этот чудесный мир, в котором было так приятно и занимательно. С утра я быстро собралась и отправилась в музей, прихватив с собой большой блокнот, чтобы выписать наиболее интересные тексты, так как на фотографии они могут и не получиться, если делать без вспышки, а нарушать музейные правила было не в моих привычках.

Сначала я просто неторопливо прошла по залам музея, любуясь и наслаждаясь самим моментом присутствия, что я здесь... Еще раз улыбнулась детскому портрету пухлой Муму в последнем зале, потом вернулась в начало экспозиции и медленно пошла, читая излюбленные надписи.

Меня всегда поражало, что практически все классики XIX века были хорошо знакомы, а иногда еще и тесно дружны между собой. Вот университетские годы Тургенева. Читаю: «Среди петербургской профессуры на филологическом факультете наиболее яркой личностью был Петр Александрович Плетнев».

Тургенев вспоминал: «Как профессор русской литературы, он не отличался большими сведениями; ученый багаж его был весьма легок; зато он искренне любил свой предмет, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное: он умел сообщать своим слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, – умел заинтересовать их [35, с. 31]. К тому же студенты знали о личной дружбе их профессора с Александром Сергеевичем Пушкиным. Плетневу великий поэт посвятил своего «Евгения Онегина».

Читаю дальше текст на стенде в первом зале: «Тургенев бывал в доме Плетнева, а однажды лицом к лицу он столкнулся с Пушкиным, которого боготворил». Иван Сергеевич так вспоминал этот день: «Я успел только разглядеть его белые зубы и живые быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал, что этот человек был Пушкин... Пушкин был в эту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога. Мы действительно поклонялись ему [167, с. 147].

Потом было трагическое известие о дуэли и смерти Пушкина. И драма, что никогда, больше *н-и-к-о-г-д-а!* судьба не подарит ему случая увидеть Александра Сергеевича, заговорить с ним, а так многое хотелось спросить у классика».

Петр Александрович Плетнев

В ряде воспоминаний о Тургеневе я потом нашла упоминание, что еще только один раз он видел Пушкина в свете, но подойти к нему не решился, так как поэт был расстроен, раздражен и бросил недовольный взгляд на бесцеремонно рассматривавшего его юношу.

Вот, что об этой встрече писал сам Иван Сергеевич: «Это было за несколько дней до смерти поэта, на утреннем концерте в зале Энгельгардт. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом, – вспоминал Тургенев, который запомнил смуглое небольшое лицо своего кумира, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей – и кудрявые волосы» [167, с. 148].

Великий поэт и на Тургенева «бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на Пушкина впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечом – он вообще казался не в духе – и отошел в сторону» [167, с. 148].

И это было все. Да, было ли это, или только показалось юноше Тургеневу, или захотелось, чтобы так было?

А вот еще один эпизод из воспоминаний Ивана Сергеевича: после кончины Пушкина Тургенев пришел к нему в дом и выпросил у дядьки прядь волос поэта. Когда он обратился к пушкинскому слуге с просьбой срезать с головы покойного небольшой локон волос – очевидно, такой искренней, такой пронзительной была эта просьба, что слуга ее исполнил. Так у Тургенева оказалась священная реликвия, талисман, хранившийся у него всю жизнь в специальном медальоне [35, с. 32], и этот локон Иван Сергеевич бережно хранил.

Если честно, на мой взгляд, это больше похоже на красивую легенду, чем на правду.

Северная столица была богата на знакомства с талантами и знаменитостями. В Петербурге Тургенев познакомился с Михаилом Ивановичем Глинкой... 27 ноября 1836 г. он слушал первое исполнение оперы «Жизнь за царя» Глинки и откровенно написал: «Я находился на обоих представлениях, и, сознаюсь откровенно, не понял значения того, что совершалось перед моими глазами. В «Ревизоре» я, по крайней мере, много смеялся, как и вся публика. В «Жизни за царя» я просто скучал. [41, с. 24]. Правда, голос Воробьевой (Петровой), которой я незадолго перед тем восхищался в «Семирамиде», уже надломился, а госпожа Степанова (Антонида) визжала сверхъестественно... Но музыку Глинки я все-таки должен бы был понять» [35]. Потом Тургенев напишет о значении для России композитора М.И. Глинки: «Имя его не забудется в истории русской музыки – и, если суждено ей когда-нибудь развиться, – от него поведет она свое начало». Кстати, Глинка был хорошо знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным, написал на его стихи оперу «Руслан и Людмила», романс «Я помню чудное мгновенье...», был знаком с Анной Петровной Керн и ее дочерью Екатериной Ермолаевной. Судьба не только свела, но и запутала отношения этих муз с гениями, доставив одним славу, а другим – слезы... Но об этом позже.

В петербургских салонах Тургенев несколько раз встречался с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Однако отзыв Ивана Сергеевича о поэте далек от доброжелательности:

Михаил Юрьевич Лермонтов. 1834 год

«В наружности его было что-то злое и трагическое, какой-то сумеречной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тяжелых глаз. Их тяжелый взор странно не согласовывался с выражением почти детски нежных выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких

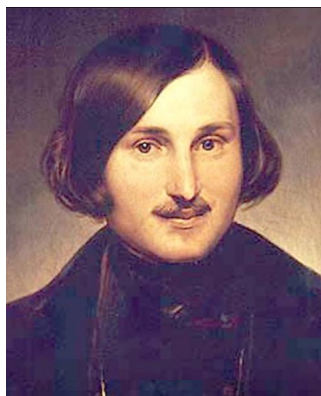
плечах возбуждала ощущение неприятное, но присущую мощь тотчас сознавал всякий» [165, с. 203-204].

Как видим, мало о ком Тургенев отзывался с симпатией, по-доброму, а за такой несимпатичный «кривоногий и злобный» отзыв о Лермонтове, будь де он высказан «вживую», при горячности нрава Михаила Юрьевича можно было бы легко и схлопотать. Хотя, даже если бы это и случилось, то И.С. Тургенев вряд ли вызвал Лермонтова на дуэль. Наверно, сказал бы ему, что Вы меня не так поняли.

Думается, в этом нелестном отзыве нашел отголосок и тот факт, что на смерть Александра Сергеевича Пушкина Лермонтов написал свое гениальное стихотворение «Погиб поэт – невольник чести...». Тургенев тоже писал посвящение, очень старался, даже уже придумал великолепное емкое и образное название – «Наш век», но оставил эту затею, когда понял, что лучше Михаила Юрьевича не напишет.

Другой загадочной и беспримерно талантливой личностью, встреченной в юности И.С. Тургеневым был Николай Васильевич Гоголь. На стендах в залах Музея И.С. Тургенева на Остоженке в Москве можно прочесть о годах учебы Тургенева на филологическом факультете в университете следующие строки: «Курс истории в Петербургском университете читал Н.В. Гоголь... Это преподавание происходило, правду сказать, оригинальным образом: во-первых, из трех лекций две он непременно пропускал, во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, он не говорил, а шептал что-то, весьма не связное, показывая нам маленькие гравюры..., изображавшие виды Палестины и восточных стран, – и все время ужасно конфузился...» [165, с. 199].

Так в студенческие годы, на третьем курсе, Тургенев слушал лекции Н.В. Гоголя по истории. А вот как вспоминал он о своем выпускном экзамене по истории: «Гоголь сидел повязанный платком, якобы от зубной боли, – с совершенно убитой физиономией – и не разевал рта. Спрашивал за него профессор И.П. Шульгин».

Николай Васильевич Гоголь

Экзамен по истории средних веков Тургенев сдал неудовлетворительно и в 1836 г. вышел из университета в звании действительного студента, а не кандидата. [165, с. 200]. Видимо, он не смог простить Николаю Васильевичу этой своей досадной неприятности на экзамене, когда преподаватель, заменявший Гоголя, придрался к нему по истории и вlepил «неуд».

По-настоящему Тургенев с Гоголем познакомился уже в Москве у М.С. Щепкина. Николай Васильевич пожал Тургеневу руку и сказал: «Нам давно следовало быть знакомыми, – и отметил, что давно следил за творчеством Тургенева и считает, что во всей русской литературе «больше всех таланту у него» [165, с. 191]. Иван Сергеевич присутствовал на знаменитом чтении гоголевского «Ревизора», о чем вспоминал: «Дня через два происходило чтение «Ревизора» в одной из зал дома, где проживал Гоголь... В тот день он смотрелся точно больным человеком. Он принялся читать и понемножку оживился. Щеки покрылись легкой краской, глаза расширились и посветлели. Читал Гоголь превосходно». Был Тургенев и на премьере «Ревизора» и, как сам пишет об этом посещении спектакля, много смеялся [165, с. 194].

Когда Николая Васильевича не стало, Тургенев написал следующие строки: «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова. Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все ещё не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все ещё могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадует, превзойдет наши нетерпеливые ожидания – пришла эта роковая весть! этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим, человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы, человек, которым мы гордимся...

Какое бы ни было окончательное место, которое оставит за ним история, мы уверены, что никто не откажется повторить теперь же вслед за нами: Мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени!» [165, с.197-198].

Иван Сергеевич опубликовал в «Московских ведомостях» свое мнение о значении Гоголя для литературы и России. И тогда же в 1852 году за некролог на смерть Н.В. Гоголя Тургенев был арестован по обвинению в нарушении цензурных правил при публикации статьи и просидел целый месяц в полицейской части. Кстати, за это время он написал там повесть «Муму», а потом был сослан под надзор полиции сроком на полтора года в свое имение Спасское Мценского уезда Орловской губернии.

Однако современники Тургенева отмечали, что истинная причина его ареста и ссылки была в критике крепостничества в «Записках охотника», а некролог, написанный на смерть Н.В. Гоголя,

явился всего лишь предлогом, чтобы наказать и приструнить слишком вольнолюбивого и свободомыслящего для тогдашней России Ивана Сергеевича.

Итак, я стояла посреди зала и внимательно и пристрастно рассматривала на рояле портрет Полины Виардо.

– Ничего особенного, – негромко произнесла я и тут же почувствовала легкий шорох за спиной и тихие слова скороговоркой:

– Сама такая – ничего особенного.

Я обернулась и увидела только колышущуюся на ветру оконную белую кружевную штору.

– Показалось, – подумала я и стала дальше читать тексты на стендах в зале.

Текст на стенде гласил, что Луи Виардо, муж певицы, был значительно старше её (почти на 21 год, и на 18 – Тургенева).

Полина Гарсиа-Виардо

Умудренный жизнью Луи был наделен практическим опытом в сфере литературы и певческого искусства, тем более что он в течение некоторого времени был директором Итальянской оперы в Париже, но ушел с этой службы после женитьбы на Полине, так как считал некорректным оставаться в должности и протезировать жене. Правда, его уход не облегчил дело, и его щепетильность была напрасной, так как Полина не попала в Итальянскую оперу в Париже, но Луи заботился об её ангажементе и сопровождал жену во всех гастрольных поездках.

– Насколько он был умен и образован? – спросите Вы.

Луи был известным французским писателем, искусствоведам, историком, блестящим переводчиком, талантливым художественным критиком, знатоком голландской и испанской живописи. Бывая в разных странах, Луи Виардо изучал столичные музеи и картинные галереи. Результатом этой скрупулезной работы стал его фундаментальный труд «Музеи Европы» в пяти томах. В эти книги вошли многие ранее опубликованные им статьи о художественных

коллекциях европейских стран: Испании, Италии, Англии, Бельгии, Голландии, России, Германии и Франции. К тому же Луи был не только умен, но и довольно красив: высокий элегантный брюнет с правильными чертами лица и насмешливым взглядом.

Луи Виардо, литография 1836 г.

– Счастливая, – подумала я про Полину. – Каждая женщина мечтает, чтобы рядом был такой Луи Виардо, за которым как за каменной стеной, который все чувствует, причем тонко чувствует и понимает, ценит и знает искусство. Да, еще его внимательные и доброжелательные глаза, полные любви и источающие тепло, которое согревает и обволакивает, дарит силы для творчества и жизни.

– Ты действительно так думаешь? – чуть слышно снова прошепестели за моей спиной тихие слова.

Я обернулась и увидела Полину, которая не стала в этот раз прятаться от меня за кружевной шторой. Она стояла передо мной и внимательно смотрела мне в лицо.

– Ты, правда, так думаешь? – негромко повторила она свой вопрос.

– Да, я так думала и думаю, – сказала я.

Я понимала, что он любил ее, любил преданно и самозабвенно. Видел всех её поклонников и воздыхателей. Мучился и всё равно любил. Заботился, а чтобы не думать о соперниках и не ревновать, с головой уходил в свое любимое искусство. Европейская живопись и графика, скульптура, изучение богатейших музейных собраний многих стран Европы. Красота облегчала боль. Красота была такой же, как её изумительный голос и её пение. Глубокое чувство к Полине и любовь к искусству сплетались, и это переплетение приносило облегчение и наполняло жизнь счастьем. Дни были полностью заняты искусством и заботами о Полине, которая сама была искусством. Любимым искусством!

– Как ты это поняла? Как узнала? Тебе кто-то рассказал? Кто? – скороговоркой спросила Полина.

Она говорила «быстро, немного взхлеб, как дети дышат, когда спешат». Эту фразу я услышала от подруги, которая не помнила, где она ее нашла. Фраза очень понравилась и ей, и мне. Так что просто невозможно было ее не использовать, тем более что она пришлась к месту, и на ее авторство я не претендую.

Полина очень волновалась, ведь это была только ее и его тайна. Луи этого никому не говорил, держал в себе досаду и боль закрытой от других, не выплескивал их наружу ни упреками, ни замечаниями. А я уже читала следующую надпись на стенде с цитатой из воспоминаний певицы С. Ромм, одной из учениц Полины Виардо: «Когда мне случалось видеть рядом с госпожой Виардо сутуловатого старичка Луи Виардо и Ивана Тургенева, этого орла, то невольно появлялся вопрос: «Какие отношения связывали эти три существа? Ведь они прожили целую жизнь вместе. Ведь они были молоды, ведь они любили...» [57].

Я никогда бы не задала Полине такой вопрос. Это было бы, как без спросу вторгаться или подглядывать в чужую личную жизнь. И я совсем не согласна с данной цитатой, гласившей: «А что делает Луи Виардо рядом с орлом Тургеневым?» Но ведь это было уже потом, в старости, а мы вернемся к незабываемой первой встрече Полины Виардо и Ивана Сергеевича Тургенева.

Утро первого ноября 1843 г. Невский проспект, дом Демидова, что напротив Александринского театра. В этот дом Ивана Сергеевича привел его знакомый майор кадетского корпуса Александр Комаров («Комаришка», как шутливо называл его Тургенев).

Итак, наступил знаменательный день, который И.С. Тургенев называл потом «священным днем» всей своей жизни.

– Полина, а Вы помните Вашу самую первую встречу с Тургеневым в 1845 г.? – с искренним интересом спросила я.

Луи Виардо, муж Полины Гарсиа-Виардо

Полина помолчала, а потом неспешно и задумчиво проговорила:
– Был совсем обычный день. Пришли гости, но они постоянно к нам приходили. Мне представили красивого молодого человека, очень рослого, но и очень смущенного. Сказали: «Это – молодой русский помещик, славный охотник и плохой поэт».

К. Горбунов. Иван Сергеевич Тургенев.
1838 или 1839 гг. Акварель.

– Говорят у Вас была постоянная свита из четырех поклонников, в которую он влился? – подсказала я.

– Да, – улыбнулась Полина, – первым был Степан, сын директора императорских театров Александра Гедеонова. Иначе и быть не могло. В Большом театре он устроил за кулисами возле сцены специальную комнату для меня, где после спектакля я уделяла некоторое время своим друзьям. Кстати сказать, Степан Александрович был натурой творческой и разносторонней: и искусствовед, и драматург, и историк. Он написал большой научный труд «Варяги и Русь» в двух частях. Так же, как и его отец, он стал директором императорских театров и дослужился до чина действительного статского советника.

Иногда встречи в заветной комнате длились часами и были очень многолюдны. Потом число постоянных гостей сократилось до четырех. Это были Степан Гедеонов, Александр Комаров и два тезки: Иван Тургенев и Иван Мятлев, сын председателя Государственного ассигнационного национального банка. Все они пробовали свои силы в поэзии, но наибольшую известность получили только стихи «Ишки» Мятлева, о котором еще Александр Сергеевич Пушкин писал в «Евгении Онегине», и стихи в прозе И.С. Тургенева. Надо заметить, что Иван Петрович Мятлев особенно прославился своими юмористическими стихами и поэмой «Сенсации и замечания мадам (госпожи) Курдюковой».

Я с большим удовольствием процитировала знаменитое стихотворение Ивана Мятлева:

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

– Очень красиво и поэтично, – сказала Полина. – Но мне больше нравится другое стихотворение, тургеневское «В дороге»:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое...

И Виардо добавила:

– Из этих стихов, положенных на музыку, получился прекрасный романс. Мятлевские «Розы...» тоже стали отличным романсом, как и его «Фонарики-сударики». – Однако она вернулась к прерванному разговору о своих поклонниках:

– Еще этих четверых молодых русских дворян и моего мужа Луи связывало огромное увлечение охотой, тем более что Виардо начал охотиться в юности уже с двенадцати лет. Кстати, будучи страстным охотником, Луи подготовил и издал книгу «Воспоминание об охотах по всей Европе».

Надо сказать, что Тургенев сначала познакомился не со мной, а именно с Луи. Это было 28 октября (9 ноября) 1843 г. в доме своего друга поэта Александра Комарова, который к тому же преподавал литературу во II-м кадетском корпусе [56, с. 34]. И ведь этот же Комаров привел через месяц Тургенева на первую встречу со мной.

– Это правду говорят, – спросила я Виардо, – что они сами добыли на охоте медведя и подарили Вам редкой красоты искусно выделанную огромную медвежью шкуру, на которой Вы после спектакля отдыхали, а они располагались у лап, за что их прозвали «четырьмя лапами»?

– Да, это правда, – с удовольствием вспоминала Полина. – Шкура была очень теплой, пушистой и просто громадной. Но... в ту пору Тургенев не был «первой лапой», хотя и последней тоже не был...

Помолчав, она продолжала задумчиво:

– Луи меня очень любил и не докучал мелкими придирками и ревностью. Он всегда с пониманием относился к моим увлечениям, ни в чем не стеснял моей свободы. Муж чутко понимал, как нужно актрисе поклонение, восхищение, комплименты. Как это согревает в чужой суровой стороне, а молодые люди облекали свои восторги в стихи не только с восхвалением, но и с искрометным юмором. Мне было с ними интересно, приятно и забавно. Я отдыхала после спектакля и набиралась сил для новых представлений. И потом, это были мои ровесники, мы с ними могли беззаботно дурачиться, как это свойственно только молодости...

Ещё немного помолчав, она снова заговорила:

– Не забывай, что это были молодые русские аристократы, дворяне. И они поклонялись мне, артистке и боготворили меня. Я ценила это.

Понимаешь, к нам, артисткам и артистам даже самым знаменитым и известным в свете в то время относились не как к равным себе. Помню, как-то в 1844 г. на балу у графини Е.П. Ростопчиной произошла неприятная история: меня пригласил танцевать сам князь А.В. Мещерский. Я с преобладающим удовольствием грациозно исполнила кадрили, а потом великосветские маменьки были недовольны, что я – артистка, танцевала рядом с их дочками-дворянками. Как равная им... [10, с 63]. Мне тогда было очень неприятно и обидно.

Читаю дальше текст на стенде, цитирующий высказывание друга Тургенева А.Ф. Кони:

«Восторг, возбужденный певицей в слушателях, был преходящим, но в душу Тургенева этот восторг вошел до самой сокровенной её глубины и остался там навсегда, повлияв на всю личную жизнь этого «однолюба» и, может быть, в некоторых отношениях исказив то, чем эта жизнь могла бы быть. Привязанность к Виардо обессилила и связала его волю, ввела его в заколдованный круг неотразимого влияния властной и выдающейся женщины. Он отдал себя, своё время и сердце всецело ей и всей её семье» [35, с. 82].

– Знаете, Полина, даже только глядя на эту фотографию и не слыша Вашего чарующего пения, немудрено разделить бурный восторг публики, – снова обратилась я к певице. – Кстати, Вас очень любили у нас в стране и до сих пор любят. Не зря вы называли Россию «вторым Отечеством» и говорили о «вечной признательности» к моей Родине. Современники разделяли мнение о том, что Вы приехали в Россию за славой, а нашли бессмертие!

Полина Гарсиа-Виардо

Недавно мне довелось присутствовать на замечательном концерте **«ЦАРИЦА МУЗ ПОЛИНА ВИАРДО»**, который проводился в рамках конференции, посвященной творчеству Ивана Сергеевича Тургенева, в преддверии 200-летия со дня рождения писателя, отмечаемого в 2018 г.

Концерт проходил в Тургеневской гостининой библиотеки-читальни имени И.С. Тургенева и был посвящен рассказу о Вашем российском дебюте и встрече с Иваном Тургеневым. В программе звучали арии из опер В. Беллини и Дж. Россини, в которых Вы выступали в России, инструментальные пьесы Ваших друзей – Ф. Шопена и Ф. Листа, а также Ваши собственные сочинения. Музыканты замечательно играли на флейте и фортепиано, но меня потряс мастерский конферанс. Актриса от лица Тургенева великолепно рассказывала о Вашем первом выступлении в России, причем с таким сильным чувством, добрым и восторженным.

Цитирую далее: «Шел «Севильский цирюльник», в котором Виардо исполняла партию Розины. Картина первого акта. Комната в доме Бартоло. Входит Розина: небольшого роста, с довольно крупными чертами лица и большими, глубокими, горячими глазами. Пестрый испанский костюм, высокий андалузский гребень торчит на голове немного вкось.

– Некрасива! – повторил мой сосед сзади. Вдруг совершилось что-то необыкновенное! Раздались такие восхитительные бархатные ноты, каких, казалось, никто никогда не слыхивал... По зале мгновенно пробежала электрическая искра... какое-то блаженное оцепенение... Порывистые крики: «Браво! браво!» Восторг уже не мог вместиться в огромной массе людей, жадно ловивших каждый звук, каждое дыхание этой волшебницы. Да! это была волшебница! И уста её были прелестны! Кто сказал, что некрасива? – Нелепость! – И не

успела еще Виардо-Гарсиа кончить свою арию, как плотина прорвалась: хлынула такая могучая волна, разразилась такая буря, каких я не видывал и не слыхивал. Это было великое торжество искусства! [41, с. 70].

Триумфы певицы продолжались и далее, восторженная толпа поклонников и поклонниц ожидала ее всякий раз при выходе из театра, за счастье почитали получить один цветок или лепесток из её букета, провожали её карету до самой квартиры [56, с. 33].

– Да, – улыбнулась Полина, – и Тургенев, и я были тогда в начале своего творческого успеха. Мне было двадцать два года. Я была счастлива. И было приятно, что мой образ певицы окутывал романтический ореол: как же, поет в Итальянской опере, сама испанского происхождения – дочь знаменитого тенора Мануэля Гарсиа, причем ходили слухи, что он вышел из севильских цыган. Следовательно, я с цыганскими корнями получила в наследство и колдовские чары, ведь при всей своей некрасивости (меня даже называли «безобразная красавица») быстро обворожила все взыскательное высшее общество и в Санкт-Петербурге, и в Москве. Его почти мгновенно возникшее чувство ко мне было сильным и захватывающим, и когда оно его захватило, то оказалось, что раз и навсегда. Он, несмотря на все свои увлечения (ведь живой же мужчина), был однолюбом. Этого его маменька мне простить не могла.

Я напомнила Полине про письмо, которое написал ей И.С. Тургенев из Санкт-Петербурга 26 октября (7 ноября) 1850 г.: «Дорогая моя, хорошая m-me Виардо, theuerste, liebste, beste Frau, как вы поживаете?... Дебютировали ли вы уже? Часто ли думаете обо мне? Нет дня, когда дорогое мне воспоминание о вас не приходило бы на ум сотни раз; нет ночи, когда бы я не видел вас во сне. Теперь, в разлуке, я чувствую больше, чем когда-либо, силу уз, скрепляющих меня с вами и с вашей семьей; я счастлив тем, что пользуюсь вашей симпатией, и грустен оттого, что так далек от вас! Прошу небо послать мне терпения и не слишком отдалять того, тысячу раз благословляемого заранее момента, когда я вас снова увижу!» [82, на фр.яз. – с.63, на рус.яз. – с. 365.]

А ранее в письме от 28 августа / 9 сентября 1850 г. он писал Вам: «О вы, лучше которой в мире нет ничего!» Он благодарит Вас: «... Я должен сказать вам, что вы ангел доброты и что ваши письма сделали меня счастливейшим из людей. Если б вы знали, что значит дружеская рука, которая обласкивает вас издали, чтоб очень нежно вас коснуться...» [80, на фр. яз. – с. 46, на рус. яз. – 354.]

В ноябрьском письме от 1 ноября 1850 г. Тургенев откровенно признается Вам: «Во всей моей жизни нет воспоминаний столь же дорогих, как те, что связаны с вами... мне приятно ощущать в себе,

спустя семь лет, все то же искреннее, глубокое, неизменное чувство к вам; влияние его на меня благотворно и живительно, как яркий луч солнца; какой я счастливец, если заслужил, чтобы отблеск вашей жизни смешивался с моей! Пока живу, буллу стараться стать достойным такого счастья; я начал уважать себя тех пор, как ношу в себе это сокровище. Вы знаете – то, что я вам говорю, истинная правда...» [83, на фр. яз. – с. 68, на рус. яз. – с. 367].

– Да, я хорошо помню и очень люблю эти письма, – кивнула головой Полина. – Когда я их получила, они произвели на меня большое и глубокое впечатление. Каждая женщина хотела бы хотя бы раз в своей жизни получить такое письмо. Женщины непременно должны получать такие письма с признанием в любви!

– Но это немного странные письма, – ответила я Полине. – Вроде как Тургенев в любви Вам признается, свою любимую боготворит и хвалит, а получается, что больше себя хвалит: вот какой я влюбленный, да какой я преданный, и чувства мои прочные и неизменные.... А такой момент, что любимая женщина замужем, что у нее семья, дети, что есть общественное мнение, которое демонстрация чувства может соответствующим образом настроить. Это что же – в расчет не принимается? Или ему все равно, как слово его отзовется? Он ведь не думал о Вас: «Она артистка, и ей можно не считаться с обществом?»

– Ты и права, и не права. И еще я думаю, что ты несколько не справедлива к Тургеневу, – сказала Полина. – Сохранить верность одному чувству, длиною в целую жизнь сможет не каждый. Очень редкий человек на это способен. А Тургенев был этим редким человеком, который состоялся в моей судьбе. И знаешь, – продолжала она свой неспешный рассказ, – много биографов трудилось над его жизнеописанием, но лучше всех он сам о себе сказал. И она процитировала мне из Тургенева: «Человек – хозяин своей судьбы, но он еще и наследник отцов, дедов и прадедов с их культурой, с их деяниями, с их нравственными достоинствами и недостатками. Сколько поколений создавали то «облако», которое грозит обрушиться на человека или благодатным дождем, или разрушительной бурей?

...Как облака, сперва слагаются из паров земли, восстают из недр ее, потом отделяются, отчуждаются от нее и несут ей, наконец, благодать или гибель, так около каждого из нас образуется... род стихии, которая потом разрушительно или спасительно действует на нас же. Эту-то стихию я называю судьбой...» [35, с. 5].

– Другими словами, – продолжила я тургеневскую фразу, начатую Полиной, – говоря просто: «каждый сам делает свою судьбу, и каждого она делает...» [35, с. 5].

Глава 2

ЖЕНЫ И ПОДРУГИ ГЕНИЕВ И ИХ НЕПРОСТЫЕ СУДЬБЫ

Я хотела сказать Полине, что всех и всегда занимали взаимоотношения Луи Виардо и Ивана Сергеевича Тургенева. А ведь познакомились они за месяц до встречи Тургенева с Полиной, в октябре 1843 г. в доме поэта Александра Комарова, который стал потом одной из «медвежьих лап» Полины так же, как и Иван Тургенев.

Характеры Луи Виардо и Ивана Сергеевича были сходными – мягкими, не резкими. Да и личностями они были творческими. Тургенев, кстати, знал, что в 1836 г. Виардо перевел на французский язык «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса, и даже видел эту книгу. Потом в 1845 г. благодаря сотрудничеству И.С. Тургенева и Луи Виардо во Франции появились первые переводы рассказов Н.В. Гоголя и «Капитанской дочки» А.С. Пушкина на французский язык. Обоих мужчин сблизила страсть к литературе, искусству, но их главным увлечением была охота. Они сразу же после знакомства договорились вместе поохотиться в окрестностях Петербурга.

– Да, Полина, Вам повезло с Луи. В Вашей семье гением были Вы. У других женщин, которые связали свою жизнь с гениями, будь то науки или мира искусства, жизнь сложилась совсем по-другому. Они не понимали, что жизнь с гением – это тяжелый труд, когда нужно пойти на самоотречение и посвятить ему себя без остатка так же, как это сделал Луи для Вас.

– Помните, мы начали разговор о Михаиле Глинке, – обратилась я к Полине. – Кстати, Глинка очень высоко ценил Ваш музыкальный и певческий талант и исполнительское дарование. В своих записках «О музыке и музыкантах» он писал: «Давали «Дон Жуана» Моцарта: все главные роли были просто убиты, только Церлина (Полина Виардо) и Мазетто (Артемьевский) прошли отлично» [20, с. 64].

– Да, мне известна его высокая оценка моего пения, – лицо Полины было серьезно. О своем творчестве она могла говорить только серьезно, без шуточек. Это было дело всей её жизни.

– Так вот, у Глинки всю жизнь не складывались отношения с женщинами, – продолжала я. – Нельзя сказать, чтобы только ему с ними не везло. Ситуация была обоюдно несчастливой. Дело в том, что им с ним не везло тоже.

– Знаешь, мне очень нравится его опера «Руслан и Людмила», – Полина присела за рояль и, наигрывая, развивала свою мысль. – Там есть ария Гориславы. Так вот Михаил Иванович Глинка вложил в уста Гориславе такие слова:

*Ужели мне, во цвете лет,
сказать любви: прости навек?*

Мне кажется, что это не Горислава, а он сам спрашивал себя, это он страстно желал прекрасного чувства, – резонно заключила Виардо.

– Согласна с Вами, Полина. Конечно же, его очень больно уколола досада, что его восемнадцатилетняя племянница Лизань-ка Ушакова, в которую он был страстно влюблен, предпочла ему какого-то прапорщика – предателя-доносчика Ивана Шервуда (Фидельку – верного, так и хочется сказать: пса), выдавшего декабристов. А ведь он, Михаил Иванович Глинка, в порыве нежных чувств посвятил ей романс «Да будет благословенна мать» («*Benedetta sia la madre*»), пил из Лизиной атласной туфельки шампанское и собирался сделать предложение...

– Где же справедливость? – наверняка, с тоскою думал Глинка. В сердцах он залил чернилами посвящённую Лизе Ушаковой надпись на романсе, вписанном в альбом.

– А Мария Петровна Иванова? – продолжала я. – Ведь он безмерно страдал, когда узнал, что юная жена предпочла ему, талантливому композитору, обычного гусара, корнета Николая Васильчикова...

Виардо потрянула копной своих тяжёлых волос и сказала:

– Нет, я бы никогда не смогла убежать с гусаром! – Тут она не удержалась и фыркнула.

– Неправда, смогла бы, – ответила я. – Только от таких мужчин, как Виардо, не убегают.

Но я вернулась к размышлениям о превратностях судьбы Марии Петровны Ивановой-Глинки, которая была свояченицей Алексея Стунеева, дальнего родственника М.И. Глинки, и после бедной и скучной юности так стремилась к богатству и обеспеченности. Конечно, она все это получила, так как Н.Н. Васильчиков отписал на нее все свое имущество, но счастье так и не далось им в руки. Церковный Синод после развода Марии Петровны с Михаилом Ивановичем наложил на нее безбрачную епитимью на семь лет, а Васильчиков был разжалован из корнетов в прапорщики и сослан в Вятку.

По закону эти двое молодых людей совершили страшное преступление. Мария Глинка, будучи в браке с Михаилом Ивановичем и не разведена, и не развенчана, тайно и незаконно обвенчалась с Николаем Васильчиковым. Разумеется, потом это все открылось, и священник, совершивший этот обряд, был лишен своего сана и отлучен от должности. История закончилась очень и очень печально для всех ее участников: Васильчиков умер в ссылке в Вятке.

Мария Петровна тоже долго без него не прожила и скончалась через два года во цвете лет, а Михаил Иванович Глинка получил рубец на сердце от измены супруги на всю жизнь. От этого сильнейшего потрясения он так никогда и не оправился и больше никогда уже не женился.

Михаил Иванович Глинка с женой Марией Петровной

– Ну, Глинка тоже был не сахар, как у Вас говорят в России, – сказала Полина. – Я в нашей музейной библиотеке читала о нем массу книг, ведь я хорошо владею русским языком. Так вот, его деспотичная бабушка Фекла Александровна безмерно баловала и нежила своего любимого внука. Глядя на ее фотографию, видишь лицо классической доброй и заботливой старушки, этакого «божьего одуванчика».

Фекла Александровна Глинка, бабушка композитора

Даже трудно поверить, что она была одним из организаторов похищения Евгении Андреевны из родного Шмакова, после того, как на свое сватовство ее сын Иван получил отказ. Тогда приехала Фекла Александровна к соседу в карете, вызвала из дома его дочь Евгению, да и увезла ее к себе в Новоспасское, где барышню обвенчали с молодым барином Иваном Глинкой. Причем все это происходило как

в хорошем динамичном детективе: с продолжительной погоней за молодыми влюбленными-беглецами, разрушением моста и прочими приключениями. Но, как говорится, любовь преодолела все преграды на пути к счастью.

Сын Евгении Андреевны и Ивана Николаевича Глинки был слабеньким болезненным мальчиком, а его старший братец умер во младенчестве, поэтому бабушка забрала Мишу у молодых неопытных в обращении с детьми родителей и взяла на свое попечение. Уж как холила и лелеяла своего внука Фекла Александровна, как баловала. Маленький Мишенька ни в чем у нее отказу не знал, что в дальнейшем ни к чему хорошему привести не могло.

Одна из авторов-исследователей жизни и творчества Михаила Ивановича, а именно В.А. Васина-Гросман, в своей книге так прямо и пишет, – продолжала Полина, – что последствия тепличного воспитания сказывались в течение всей жизни ихайла Глинки. Нервный, впечатлительный, подчас просто мнительный, он выходил из равновесия по любому поводу – из-за небольшой простуды, из-за малейшей житейской неприятности. Став взрослым человеком, Михаил Иванович в шутку прозвал себя «мимозой» – растением, складывающим листики от неосторожного прикосновения к нему, причем преодолеть свою мнительность он так никогда и не смог [15, с. 8].

– А ведь женщине нужна совсем не «мимоза», а крепкий дуб, на который можно опереться в любую минуту жизни, особенно трудную, – твердо и уверенно заключила Виардо.

– Вы правы, – согласилась я. – Каждая женщина мечтает о крепкой опоре и глубоком чувстве. Современники писали, что Мария Петровна была молоденькой миниатюрной женщиной чарующей красоты. Выходя замуж за Глинку, она верила в предстоящую славу мужа и намечтала богатство после написания и постановки оперы «Жизнь за царя», светские рауты, блистание в свете и при дворе. Ее ожидания только умножились и окрепли, когда за «Ивана Сусанина» император Николай I подарил Глинке дорогой перстень с большим топазом и бриллиантами...

Когда Михаил Иванович вручил этот перстень своей молоденькой жене, ее очаровательная головка, наверняка, пошла кругом. Она думала, смотря на мужа в восторге: «Вот оно, счастье! Впереди огромные перспективы и горизонты. Дорога в высший свет открыта!» Но все пошло совсем по другому довольно прозаическому и рутинному сценарию... Каждый день Марии Петровне нужно было самой вести хозяйство и при этом очень даже экономить. Ей приходилось долго выпрашивать у мужа деньги на каждую обновку, на экипаж, на гостей. Чтобы поменять бедную квартиру на Конной

улице в захудалом районе на приличную в центре, пришлось выдержать целую баталию.

Марии Петровне все это было очень обидно. Она, наверняка, с горечью думала про себя: «Ведь для мужа, для его репутации и для семьи же так стараюсь, чтобы все было прилично, как у людей, как принято в обществе». А любимый муж подолгу пропадал на многочисленных репетициях в театре и в придворной императорской Капелле, становился все более раздражительным от её просьб и слёз, и денег катастрофически не хватало даже на оплату квартиры. Приходилось постоянно просить средства на жизнь у маменьки мужа или занимать.

– Знаете, Полина, – продолжала я, – мужчины во многом сами виноваты. Ведь выбрал же Глинка в жены юную барышню изумительной красоты, а не домовитую хозяйку без претензий, которая весь день будет сидеть дома в засаленном халате, мужу носок вязать, варенье варить, а о балах и нарядах не помышлять. Такая домовитая матрона ему была не нужна: с ней о музыке не порассуждаешь, вальс не посвятишь, не потанцуешь и не споешь.

– Но он и сам был не без греха, – усмехнулась Полина Виардо. – В музейной библиотеке я прочитала об истории взаимоотношений Михаила Глинки с Екатериной Керн. В.А. Васина-Гроссман в своей книге «Жизнь Глинки», да и Вс. Успенский об этом так писали: «В марте 1838 г. в доме своей сестры Марии Ивановны Стунеевой, жившей с мужем на казенной квартире при Смольном институте, Михаил Иванович встретил молодую девушку, которая сразу же привлекла его внимание. Новой знакомой Глинки оказалась служившая классной дамой в Смольном институте Екатерина Керн, дочь красавицы-генеральши Анны Петровны Керн, воспетой А.С. Пушкиным» [179, с.180].

Екатерина Ермолаевна Керн

Анна Петровна Керн

– Очень красивая женщина, причем уверенная и знающая себе цену. Действительно можно сказать о ней, что это истинный «гений чистой красоты», – проговорила Полина, глядя на портрет А.П. Керн с восхищением. – Но я видела и другой ее портрет, более скромный, – продолжала она.

– Но об этом портрете, написанном А. Арефовым-Багаевым в 1840-х годах, до сих пор идут споры: действительно ли на нем изображена Керн? – возразила я. – Под ним обычно стоит надпись: «Предполагаемый портрет А.П. Керн».

Анна Петровна Керн

Однако сохранился еще один очень красивый портрет Анны Петровны. Он мне тоже очень нравится. На нем она выглядит как настоящая светская дама, истинная классическая русская красавица, нежная, изящная, с немного насмешливым взглядом.

– Катенька Керн не была красавицей, как ее мать, – перешла я от матери к дочери, – но, как отмечали современники, «ее немного печальное лицо, и особенно выразительные глаза говорили об уме, чуткости и душевной красоте». Михаил Иванович Глинка ее полюбил, и эта любовь стала для него источником радости и вдохновения. Как свидетельствовала тургеневад Васина-Гросман, Екатерине Керн Глинка посвятил свой «Вальс-фантазию», скрыв от посторонних глаз это посвящение другим, обозначенным в печатном издании. Памятью об этой любви остался и вдохновенный романс «Я помню чудное мгновенье» на стихи Пушкина, в свое время посвященные ее матери Анне Петровне Керн [15, с. 64].

– Но ведь что примечательно, Полина, – сказала я в раздумье, – любовь двух гениев, Пушкина и Глинки, принесла обеим женщинам, матери и особенно дочери Керн, немало горьких переживаний: Михаил Иванович все еще был связан брачными узами с Марией Петровной, а Анну Петровну Керн после любовной истории с поэтом оставил ревнивый муж-генерал и лишил всяких средств к существованию.

А Полина продолжала:

– У Глинки шел бракоразводный процесс, и он не мог дать никаких обязательств Екатерине Ермолаевне. Эта связь могла погубить ее репутацию в обществе. Ведь не только о музыке и высоких чувствах они говорили, иначе бы Анне Петровне Керн не пришлось спешно увозить беременную дочь на Украину, чтобы сделать аборт.

– Да, Полина, Вы ведь конечно знаете, – переменяла я тему, – что А.С. Пушкин и М.И. Глинка были хорошо знакомы и встречались лично. А в юности общими с Пушкиным учителями Глинки были: профессора Куницын из Царскосельского лицея и Галич, читавший лекции по истории философии, а гувернером Михаила и трех его товарищей в пансионе был молодой Вильгельм Кюхельбекер (знаменитый Кюхля), лицейский товарищ Пушкина. В пансионе же Михаил Глинка учился вместе с младшим братом Пушкина Львом [15, с. 19-20].

– Да, кстати, Пушкин был на премьере «Сусанина», – добавила я. – И полюбили они оба, Александр Сергеевич и Михаил Иванович, мать и дочь Керн, сделав их в итоге несчастными. Как пишут искусствоведы советского периода, поэт и композитор умели «в гуле исторических потрясений и в шуме повседневной суеты расслышать

гармонию и передать ее в своем творчестве», а мне хочется добавить: при этом непреднамеренно и без умысла ломая чужие судьбы.

– Думается мне, – продолжала я, – не было бы у Анны Петровны Керн романа с Пушкиным, после которого ее покинул муж, не случился бы и роман ее дочери с женатым Глинкой. Не погуби Анна Петровна свою репутацию, не решился бы Михаил Иванович, будучи в браке, на связь с Екатериной Ермолаевной. Ну, а так, что ж, можно, наверно...

– Я читала, – сказала Виардо, что Екатерина долго не теряла надежды выйти за Глинку замуж. Но и после получения развода у них, Екатерины Керн и Михаила Глинки, как говорится, не сложилось. Чрезмерно затянувшееся ожидание, тяжелые переживания и безрадостные дни сделали свое дело: Глинка охладел к Екатерине Ермолаевне: «Идеал мой разрушился, свойства, коих я долгое время и подозревать не мог, высказались столь резко, что я благодарю Провидение за своевременное их открытие». [13, с. 372].

А Екатерина Ермолаевна до самой своей смерти не могла забыть Михаила Глинку. Ее сын академик Юлий Михайлович Шокальский так писал о матери и ее чувстве к Глинке: «Она скончалась в 86 лет и до последнего момента была ясна в мыслях и вспоминала Михаила Ивановича постоянно и всегда с глубоким горестным чувством. Очевидно, она его любила до конца своей жизни» [178].

– Да, хорошо, что судьба подарила ей встречу с юристом, тоже Михаилом, но Осиповичем Шокальским, – сказала Виардо, – и семейная жизнь ее, в конце концов, устроилась.

– Знаете, Полина, – вздохнула я, – а все-таки не идет у меня из головы судьба Марии Петровны Ивановой-Глинки. Вот пишут, что «радость творчества так переполняла композитора, что весь мир и все люди казались ему не такими, какими были в действительности, а какими он хотел их видеть. Не разглядел он ни эгоизма, ни легкомыслия своей будущей жены» [15, с. 47].

– Это он-то – мужчина 30 лет от роду и она – юная 17-летняя девушка? Он искушенный и поживший, а она наивная и неопытная. Что же получается? Это она-то его обманула и обольстила? Неужели Михаил Иванович не понимал, что юная красавица захочет блистать в свете на балах в дорогих нарядах, что она не может быть по определению и в силу своей юности и неопытности хорошей хозяйкой, что ей скучно сидеть дома с пожилым раздражительным мужем-«мимозой»? Он должен был также предвидеть, что у нее будут поклонники, и что она будет его с ними сравнивать.

– Если бы он хотел тихой и спокойной семейной жизни, – задумчиво сказала Виардо, – ему следовало бы жениться на ровеснице,

причем женщине без особых затей и амбиций. Но ведь он такого счастья не захотел. Он захотел в жены юную красавицу.

– Кстати, Полина, – вспомнила я, – Еще дядюшка Глинки очень точно о нем сказал: «Как бы поженить Мишеля... да на собственном его романсе!» [13, с. 474].

– Кроме всего прочего, ведь самым страшным обвинением против Марии Петровны, – продолжала я, – было то, что ей ставили в вину «глубокое равнодушие к тому, что для Михаила Ивановича Глинки было самым важным и нужным в жизни – к музыке!» [15, с. 47].

– Это вряд ли. На мой взгляд, было так, – сказала я. – Девушке нравилась музыка, нравилось петь, пусть и не профессионально, она ведь не знала нотной грамоты. Марии очень даже льстило, что ей посвятили дивный романс, но девушка думала, что выходит замуж за любимого мужчину, а не за музыку. Одно дело часок-другой послушать прекрасное исполнение произведений талантливого композитора и музыканта, а другое – когда в доме весь день грохочет музыка, от которой просто хочется сбежать.

Она считала, что «Иван Сусанин» сделает Глинку не только знаменитым, но и очень богатым. Переживала за него с огромной силой. Намечтала себе много чего. А ему пришлось отказаться от гонорара за «Сусанина» в Большом театре, ведь надо было чем-то жертвовать, чтобы пробиваться на музыкальный олимп. Итак, надежды на роскошь, дающую возможность блистать в свете, рухнули. Каждое платье заказывалось с боем. Муж все больше становился придворным капельмейстером, который все время на репетициях и «вбухивает» свои деньги в певчих... А ей.., ей не хотелось сидеть дома и скучать в юном возрасте.

О Марии Петровне в советское время все литературные критики и литературоведы писали только в очень недоброжелательном тоне, что «любила она только себя, что радости и страдания других людей оставляли ее равнодушной и ее даже не тронула смерть Александра Сергеевича Пушкина».

– Я думаю, что это неправда, – сказала Полина. – Думаю, что эта смерть ее очень даже потрясла и Мария Петровна Глинка совсем не со злорадством, а с ужасом и отчаянием сказала тогда мужу, что поэты и артисты плохо кончают и что Пушкина убили на дуэли. Она явно задумывалась о судьбе Натальи Николаевны Пушкиной, оставшейся с четырьмя малолетними детьми без мужа и без средств. Мария Петровна долго и мучительно размышляла о том, чем закончились для Натальи Николаевны легкое увлечение и флирт с красавчиком-кавалергардом Жоржем Дантесом, блиставшим в светских салонах Санкт-Петербурга.

– А помните, Полина, – сказала я, – как Наталья Гончарова, которая считала кокетство вполне допустимым, ответила на вопрос княгини Веры Федоровны Вяземской, чем может закончиться вся эта история с Жоржем Дантесом: «Мне с ним (Дантесом) весело. Он мне просто нравится, будет то же, что было два года сряду» [54]. Потом это развлечение стоило жизни ее мужу, которого она безмерно любила.

– А что же Глинка? – спросила Полина Виардо.

Я ответила:

– Он Марии Петровне сказал, что хоть и не думает быть умнее Пушкина, но из-за жены лоб под пулю подставлять не намерен. Однако сам он (Глинка) закончил свою жизнь печально, в полном одиночестве, и мне его очень жаль.

Великий русский композитор и основоположник российской музыкальной школы умер в 1857 г. в чужой стране, совершенно один, ночью. Наверно, он мучился мыслями и сомнениями перед концом, тосковал без заботы и дружеского участия, без доброго вовремя сказанного и очень нужного ему слова...

Уже не было в живых его заботливого и доброго ангела-хранителя, маменьки Евгении Андреевны, которая умерла за шесть лет до него в конце мая 1851 г.

Глинка тогда так сильно переживал ее смерть, что у него отнялась правая рука. И потом Михаил Иванович так и не справился со своим великим горем и не смирился с этой тяжелой утратой. Возможно, умирая, он уходил от жизненных невзгод и неудач и надеялся снова увидеть милую и добрую свою матушку, услышать ее ласковый голос, которого ему так не хватало в последние годы его трудной жизни.

Евгения Андреевна Глинка, мать М.И. Глинки

Полина горестно вздохнула:

– Да, Глинка умер в Германии в 1857 г. Он, как Иван Сергеевич, бывал в Берлине, где и закончил свои дни. Этот город еще называли

Меккой русской интеллигенции. Оба этих великих русских, композитор и писатель, Михаил Иванович, и Иван Сергеевич Тургенев, умерли на чужбине, вдали от Родины.

Мы помолчали. После некоторой паузы я сказала:

– Не менее печальным был конец и другого классика русской литературы, великого писателя Льва Николаевича Толстого, хотя он умер на Родине, а не на чужой далекой стороне.

– У Тургенева были сложные отношения с Л. Н. Толстым, – отметила Полина. – Так в письме А.А. Фету от 9 (21) октября 1859 г. из Спасского Иван Сергеевич писал о встрече и о своих отношениях с графом Толстым: «С Толстым мы беседовали мирно и расстались дружелюбно. Кажется, недоразумений между нами быть не может – потому что мы друг друга понимаем ясно – и понимаем, что тесно сойтись нам невозможно. Мы из разной глины слеплены».

Полина продолжала:

– Иван Сергеевич пытался сдерживать неумную натуру Толстого, тем более что Лев Николаевич был ему не чужой человек.

– Да, я знаю, – кивнула я, – что Андрей Евстафьевич Берс после смерти Варвары Петровны, матери Тургенева, женился. Софья, больше известная всем как Софья Андреевна Толстая, т.к. она вышла замуж за Льва Николаевича, была его дочерью. По отцу она доводилась сводной сестрой Вареньке Богданович-Лутовиновой (в замужестве Житовой), сводной по матери сестре Ивана Сергеевича Тургенева, который в свою очередь доводился Софье Андреевне сводным братом второй степени опять же по линии своей матери Варвары Петровны.

– Ну, – протянула Полина, – Льву Николаевичу с Софьей Андреевной просто невероятно повезло. Она была настоящим идеалом жены гения: терпеливая, все понимающая и многое прощающая супруга, прекрасный сопереживающий товарищ, преданная поклонница его величайшего таланта, которая помногу раз переписывала его рукописи. Ведь переписать «Войну и мир» – это все равно, что подвиг совершить.

– Она не только переписывала рукописи Толстого, – добавила я, – но еще и занималась переводами и выполняла секретарские обязанности. В детстве и юности Софья Андреевна получила хорошее домашнее образование, что позволило ей сдать в 1861 г. в Московском университете экзамен на звание домашней учительницы. Кстати, по материнской линии она была правнучкой первого российского министра народного просвещения П.В. Завадовского. Была она очень способная, неординарная и разносторонне развитая девушка, увлекавшаяся музыкой, живописью, фотографией.

Софья Андреевна Толстая (в девичестве Берс)

Толстой был вхож в дом Берсов, но ухаживал за старшей сестрой, о чем даже слухи ходили. Восемнадцати лет в августе 1861 г. Софья Берс побывала в Ясной Поляне у Льва Николаевича, а уже 16 сентября Толстой сделал ей предложение, и 23 сентября 1861 г. они обвенчались и сыграли свадьбу.

После свадьбы на долгие девятнадцать лет Софья Андреевна поселилась в деревне. Она стала многодетной доброй и заботливой матерью, родила тринадцать детей. Если отметить, что Лев Николаевич ее роскошью не окружал и не баловал, лишь за переписывание «Войны и мира» подарил маленькое золотое колечко с аметистом, то это был практически единственный подарок-поощрение за все ее героические труды. Кольцо сейчас хранится в Музее Льва Николаевича Толстого в Москве, здесь недалеко, на Пречистенке.

– Да, Софья Андреевна была само бескорыстие! – заключила Полина Виардо.

– Вы правы, – продолжала я, – жилось ей не особенно сладко. Ведь надо учесть, что свою молодую невесту Софью Толстой привез после венчания в Ясную поляну не в родительский господский дом, который он проиграл в карты и который вывезли из усадьбы еще до того, а в служилый, который ей же самой и пришлось обустроить. Лишних средств в их семье никогда не было. Много денег уходило и на крестьянскую школу, да и так мужикам Толстой часто деньги раздавал, хотя в его собственной семье совсем не шиковали.

– А отлучение Льва Николаевича от церкви за резкую критику церковных обрядов в романе «Воскресение»? – напомнила Полина. – Все эти неприятности его верующей жене нужно было пережить вместе с ним. Но, несмотря на всю ее безмерную преданность супругу и ангельское терпение, в 1880-1890-е годы в их семье начался разлад. Как ни любила мужа Софья Андреевна, но некоторые его идеи, особенно о необходимости отказа от собственности, она категорически не разделяла.

Страшен был конец Льва Николаевича, совпавший по времени с уходом его из дома в Остапово, где Толстой внезапно и умер. По завещанию он оставил свою многочисленную семью без средств к жизни. Похоронили Л.Н. Толстого в соответствии с его пожеланием не только без креста (так как от церкви он был уже отлучен), но и без памятника или какой-либо надгробной плиты. На могиле величайшего мирового писателя и гениального классика русской литературы мы видим всего лишь невысокий, поросший густой травой холмик.

– Грустно все это, – вздохнула я. – Еще грустнее то, что в усадьбе вырубил старый яблоневый сад, посаженный самим Толстым и помнящий его. Как мне на мой недоуменный вопрос объяснили, яблони были очень старые и не плодоносили, ну а пруд в усадьбе тиной зарос. Правда, я в Ясной поляне давно не была, с 2010 года.

– Да, согласилась Виардо. – Очень все это грустно и досадно... Однако мужественная и деятельная Софья Андреевна, хоть и очень сильно страдала и переживала, после смерти мужа руки не опустила, а продолжила издательскую деятельность и с успехом завершила публикацию сочинений Л.Н. Толстого, за что все мы должны ей быть безмерно благодарны, – сказала твердо и с гордостью Полина.

Дочери и внучки Толстого были не только широко образованными, но еще и мужественными женщинами. Я прочитала Полине небольшой фрагмент из замечательной книги М.О. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова. Уроки мужества» о том, как жили потомки Толстого после революции 1917 г., не теряя тесной связи с литературой: «Так, Александра Львовна Толстая, дочь классика, была в Ясной Поляне со своей подругой Т.А. Кузминской, и к ним часто приезжали московские литераторы.

20 ноября открылся Дом Толстого в Хамовниках и внучки Толстого Софья Андреевна, жена Сергея Есенина, и Анна Ильинична были частью литературной Москвы. С июня 1921 года толстовский дом назывался Музеем-усадьбой, и хранителем была назначена А.Л. Толстая, которая ранее была осуждена за участие в Тактическом (Национальном) центре на три года заключения в лагере в Новоспасском монастыре с выполнением принудительных работ, правда, работы были не тяжелые: она печатала на машинке в Комиссариате народного продовольствия, а ночевать ее отпускали домой.

Александра Львовна вспоминала о заключении в тюрьме: «Смерть витала над головами людей. Положение было жуткое. Не было смысла отрицать виновность, но и страшно было впасть в другую крайность, начать каяться и просить прощения». Сама она выдержки не теряла, достоинство не уронила и на вопрос прокурора:

«Гражданка Толстая, каково было ваше участие в деле Тактического центра?» – ответила просто:

«Я ставила участникам Тактического центра самовар».

«И поили их чаем?» – закончил за нее Крыленко.

«Да, поила их чаем», – последовал ответ Толстой.

Новый вопрос судьи: «Только в этом и выразалось ваше участие?» Ответ: «Да, только в этом».

Потом по поводу этой трагикомической ситуации по Москве гуляли стихи, сочиненные А.М. Хирьяковым:

Смиряйте свой гражданский жар.
В стране, где смелую девицу
Сажают в тесную темницу
За то, что ставит самовар... [186].

Тут мы перешли к иным событиям и непростой и драматичной истории семьи друга Ивана Сергеевича Тургенева – Александра Ивановича Герцена (от нем. Herzen – «сын сердца», так как отец не мог дать незаконнорожденному сыну свою фамилию) и роли женщин в этой драме.

– Александр Герцен был незаконнорожденным сыном богатого русского помещика Ивана Алексеевича Яковлева и 16-летней немки Генриетты-Вильгельмины-Луизы Гааг – дочери простого делопроизводителя в казённой палате в немецком городе Штутгарте. Он в юности горячо полюбил собственную двоюродную сестру Наталью, незаконнорожденную дочь его дяди, – сказала Полина и добавила, помолчав минуту, – по-другому, видимо, и не могло быть в виду юридических особенностей истории их рождения, да и сложно было не влюбиться в эту юную и красивую девушку, которую бог наградил ангельским личиком.

Наталья Алексеевна Захарьина-Герцен

Этот ангел во плоти навещал Александра Герцена в заключении. Так зародилось и развилось их взаимное горячее чувство. Кстати, такие встречи были характерны для многих революционных борцов.

Когда они попадали в тюрьму, их навещали девушки-революционерки или сочувствующие под видом невест или сестер. У многих потом сложились браки с их подопечными.

– Следует также отметить, что освобождению и возвращению Александра Герцена из пермской ссылки во многом поспособствовала первая жена Николая Огарева Мария Львовна, у которой были родственные связи с губернатором Перми. Далее все происходило, как в лихо закрученном детективе: юная кузина бежит из дома своей тетки княгини М.А. Хованской к своему возлюбленному, который ожидал ее в подмосковном Перово. Потом во Владимире они обвенчаются в мае 1838 г.

В.Г. Белинский с восторгом писал И.С. Тургеневу о семейной идиллии, царящей у молодого Александра Герцена с Натальей Захарьиной: «Всегда рядом верная Натали. Ах, если бы знали Вы... что за существо – жена Герцена! Это женщина... прекрасная, тихая, кроткая, с тоненьким голоском, но страшно энергичная...».

А.И. Герцен в молодости

– Нужно отметить, – сказала я, – что в молодости Александр Иванович, или, как звали его друзья, Искандер, был потрясающе красив. Мне очень нравятся два его портрета. На одном Герцен имеет какой-то неотразимый демонический вид. На втором портрете он также хорош, но уже другой, более мягкой, как бы домашней красотой, и имеет вид настоящего баловня судьбы.

В этом союзе у Александра Ивановича с Натальей Захарьиной родилось семеро детей. Наиболее известны два его сына: Александр Александрович Герцен, старший сын писателя, который получил медицинское образование в Италии, стал профессором физиологии и с 1881 г. преподавал в Университете Лозанны в Швейцарии. Другой его сын Петр пошел тоже по медицинской линии и стал известнейшим хирургом-онкологом, в честь него назван Центральный онкологический институт в Москве. Таким образом, два сына Герцена достигли большого успеха и признания в России и за рубежом.

Полина спросила меня:

– Занимались ли дети Александра Герцена революционной работой, продолжив дело отца по борьбе с царским режимом?

Я ответила ей, что, по имеющимся данным, после смерти Герцена его сын Александр Александрович не захотел заниматься революционной публицистикой и расширять Вольную русскую типографию, как хотел того его отец. Приехав в Женеву, он передал Огареву и Бакунину оставшиеся от Бахметьевского фонда десять тысяч франков, которые хранились у А.И. Герцена. И на этом все...

Но революционеры не унимались, они пытались вовлечь в революционное дело дочь Герцена Наталью, чтобы получить от нее хотя бы часть наследства. Нечаев даже разыграл безумную влюбленность в эту излишне эмоциональную девушку. Он писал ей страстные письма с признаниями в пылкой любви. Кроме того, Нечаев профессионально морочил ей голову, поручая всякие секретные и тайные задания, пока не довел доверчивую Наталью Александровну до психического расстройства [199].

– Всего же у Александра Ивановича Герцена с обеими Натальями было десять детей. Очень хотелось бы добавить, что в семье муж с женой жили долго и счастливо, но... не сложилось, – сказала я.

В 1847 г. в связи с преследованием Александра Герцена за проводимую им активную революционную деятельность семья уехала из России за границу, и, как оказалось, уже навсегда. В Париже Герцены подружались и стали жить коммуной с семьей эмигрировавших из Германии Эммы и Георга Гервегов.

– Уж не тот ли это Гервег, с которым познакомился и подружился в 1848 г. Иван Сергеевич? – спросила меня Полина.

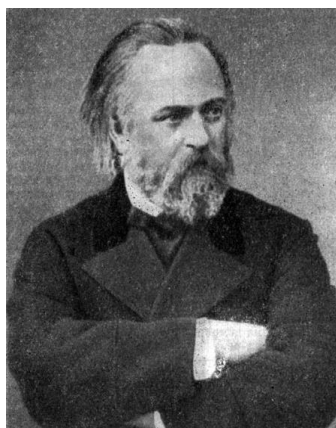
– Тот самый, – ответила я и продолжила свой рассказ. – Маленькая «коммуна» переезжает в Ниццу, и вот там-то и начинаются неприятности. Наталья и Георг Гервег вступают в интимную связь, от которой в ноябре 1850 года родилась дочь Ольга. Во всем случившемся Герцен винил себя и оправдывал жену.

Он писал в «Былом и думах»: «У нее не было выхода. Утром дети, вечером наши раздраженные, злые споры... Она страдала, а я

вместо врачеванья подавал горькую чашу скептицизма и иронии. Если б за ее больной душой я вполнину так ухаживал, как ходил потом за ее больным телом...» [18, с. 83].

Следует отметить, что другой роман Герцена «Кто виноват?» был посвящен вопросу свободы чувств, семейным отношениям, положению женщины в браке. Вы спросите, Полина: «А как же маленькая коммуна в Ницце? Продолжали ли они жить вместе, как ни в чем не бывало? Или разъехались?»

Герцен оценил ситуацию философски, как говорится, что случилось, то случилось. Однако Александр Иванович не смог простить Гервегу предательства и прогнал его.

Александр Иванович Герцен

Весной 1850 г. Герцен был выслан из Франции, а несчастья продолжали сыпаться градом на его семью. Так, 16 ноября 1851 г. пароход, на котором плыла мать Герцена и его глухонемой сын Коля, затонул, и близкие люди погибли. Жена Наталья тяжело переживала это горе, тем более что она была беременна. Роды были тяжелыми и неудачными: умерли и мать, и родившийся ребенок. Это случилось 2 мая 1852 г.

Полина грустно вздохнула:

– Мне кажется, что Наталья Захарьина-Герцен во многом стала жертвой стечения несчастливых обстоятельств, – и добавила:

– В своих исповедальных мемуарах «Былое и думы» Герцен описал эти трагические события с такой силой, что Иван Сергеевич Тургенев отметил: «Всё это написано слезами, кровью: это – горит и жжет».

– Как сложилась дальнейшая жизнь Александра Герцена? – на вопрос Полины ответила я. – Овдовевший Герцен переезжает в августе 1852 г. в Лондон, куда к нему приезжает Николай Платонович Огарёв со своей новой подругой Тучковой, которую по воле судьбы тоже зовут Натальей, но совместное проживание коммуной с

Огаревыми заканчивается тем же, что и предыдущая «коммунальная» история. Наталья Тучкова-Огарева вступает в интимную связь с Герценом и рождает от него сначала дочь Лизу, а потом близнецов, мальчика (Алексея) и девочку (Елену).

Николай Платонович Огарёв

Все произошедшее видится мне как злая усмешка и ирония судьбы, так как дружба Герцена и Огарева была для всех молодых людей нашей страны классическим примером товарищества и преданности. Все у Александра и Николая начиналось так романтично: и в личной жизни, и в революционной борьбе.

Каждый советский, а потом и российский школьник на уроках отечественной истории и русской литературы изучал, как два юных мальчика Александр Герцен и Николай Огарёв, восхищённые подвигом декабристов и потрясенные расправой над ними, поклялись на Воробьевых горах в вечной дружбе и верности революционным идеалам. И у этих рыцарей революции происходит адюльтерный инцидент. Однако и после него Николай Огарёв не порывает отношений с Александром Герценом.

– А были ли они счастливы, Герцен и Тучкова? – спросила меня Полина.

Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева

– Во все нет, – ответила я. – Во-первых, Наталья Тучкова-Огарева имела очень скверный склочный характер и была мастерицей

устраивать скандалы и сцены на пустом месте. Поэтому жизнь в новой семье Герцена складывалась не гладко.

– К тому же, – с печальным вздохом продолжала я, – на новую семью Герцена несчастья сыпались как из рога изобилия: сначала в эпидемию дифтерита умерли их трехлетние близнецы.

В 1870 году в Париже скончался от воспаления легких Александр Иванович Герцен, а через пять лет отравилась из-за несчастной любви его семнадцатилетняя дочь Лиза Огарева-Герцен (поставить ей какое-либо отчество, на мой взгляд, очень затруднительно и проблематично, так как де-юре Елизавета при рождении была дочерью Николая Платоновича Огарева, это уже потом она добавила к фамилии Огарева фамилию своего настоящего биологического отца).

Эта юная девушка полюбила взрослого мужчину, и не просто взрослого, а в возрасте (к тому времени ему было уже сорок четыре года). Возлюбленный был французом и старше ее на двадцать семь лет. На любовь незаконнорожденной дочери незаконнорожденного отца он не ответил.

На мой взгляд, его оттолкнула, скорее всего, скандальная история родословной семьи (причем в трех поколениях, что стало для ее участников просто традицией). Если сравнивать эту ситуацию с влюбленностью, а затем замужеством Пелагеи-Полинет Тургеневой, то нужно вспомнить, сколько времени и сил положил Иван Сергеевич Тургенев, чтобы благопристойно выдать замуж свою незаконнорожденную дочь, сколько потратил средств на ее приданое. Относительно Лизы Огаревой-Герцен этим заниматься было некому.

Елизавета Огарёва-Герцен, 1870-е годы.

Лиза полюбила в первый раз, страстно и безрассудно, и с юношеским максимализмом хотела ответной любви, но не абстрактной, платонической и неразделенной, она хотела любви плотской. Конечно же, она комплексовала из-за своей отнюдь не красивой внешности, а ведь красивая внешность так важна для девушки, особенно юной.

Не получив отклика на свое сильное чувство, она свела счеты с жизнью, так как не видела в ней никакой другой цели для себя. Мать, которая могла бы ей помочь пережить эту драму, ею не занималась, а отца уже не было в живых.

Папе-Ага (как в раннем детстве Елизавета называла Николая Платоновича Огарева) было не до неё. У него уже давно сложилась другая семья с женщиной из самых низов Лондона, говорят, бывшей проституткой (по другим данным, танцовщицей, но, я думаю, что так говорят, чтобы придать хотя бы подобие приличия этой нетривиальной ситуации). Николай Огарев занимался воспитанием сына этой Мэри Сэтерленд, а Лиза оказалась один на один со своей острой проблемой и решила ее одним доступным ей отчаянным способом. Раз и навсегда.

– На мой взгляд, – сказала я, – такой трагический финал этих ненормальных союзов был закономерен. Как еще в молодости верно говорил Иван Сергеевич Тургенев «... русский человек ... не только шапку, но и мозги-то свои носит набекрень» [53, с. 129]. И добавлял: «Русский человек только тем хорош, что он сам о себе скверного мнения...» [168, с. 447].

– Хотя, – заключила грустно я, – не только русский человек..., а это ненормальное явление стало общемировой бедой вне зависимости от страны и национальности.

Другая семейная история классика уже советской литературы Михаила Афанасьевича Булгакова тоже печальна, хотя все его три семьи были классическими моногамными. Начиналось все очень красиво и романтично. Юный Михаил познакомился с совсем еще юной саратовской гимназисткой Татьяной Лаппа, которая летом 1908 года приехала на каникулы в гости к своей киевской тетушке. Таня была старшей, любимой и своенравной дочерью в богатой семье управляющего Казенной палатой, семье с традициями обычными для хлебосольного русского губернского дворянства. Молодые люди встретились и влюбились друг в друга.

Окончив гимназию в 1909 году, восемнадцатилетний Булгаков поступает в университет на медицинский факультет, чтобы учиться на доктора. В 1911 году в Киев ненадолго приезжает окончившая в Саратове гимназию Татьяна, а на Рождество в Саратов приезжал Михаил.

– А как же Татьяна? – спросила меня с нескрываемым интересом Полина, – она училась?

– Да, – ответила я, – она поступила на историко-филологические курсы в Киеве, но им было не до учебы. Началась любовь, театры, кафе... Молодые люди были беспечны и в достаточной степени безалаберны, свои небольшие деньги они совсем не экономили, на последний рубль могли взять извозчика-лихача и т.д. Так как средств

было в обрез, Татьяна решила повременить с учебой. Она сказала: «Пусть сначала Миша выучится, а уж я потом».

26 апреля 1913 года они обвенчались, хотя у невесты не было ни фаты, ни подвенечного платья, а все деньги, которые ей прислал отец из Саратова на свадьбу, пошли на избавление от беременности. Потом Татьяна не раз проходила эту процедуру, так как Булгаков детей не хотел.

Юная Татьяна Николаевна Лаппа

Лаппа была преданной женой. В 1916 году она поехала на фронт вслед за своим молодым мужем, закончившим университет. В Черновцах в госпитале Татьяна работала медсестрой и даже присутствовала на ампутациях, которые проводил муж. В первый раз ей стало дурно, но потом ничего, привыкла... Все лето 1916 года они проработали в прифронтовых госпиталях на Юго-Западном фронте, куда Булгаков поехал добровольно, поступив в Российский Красный Крест [186].

Потом, когда Михаил Афанасьевич служил земским врачом, Татьяна отправилась вслед за ним на Смоленщину, затем – в Вязьму, и лишь в 1918 году молодые вернулись в Киев. Однако прожили они там недолго, так как вновь начались переезды в связи с тем, что муж стал военным доктором. И верная жена отправлялась вслед за ним по весям и далям: из Киева – во Владикавказ, затем, когда он занялся литературной деятельностью и журналистикой, – в Тифлис и Батум, из которого Булгаков очень хотел эмигрировать в Константинополь, но не получилось.

Татьяна горячо любила своего мужа и была очень заботливой и самоотверженной женой. Когда он в гражданскую войну во время поездки в Пятигорск заразился и заболел возвратным тифом, она выходила его.

Т.Н. Лаппа, первая жена М.А. Булгакова

Но беды не закончились. Отсасывая через трубку дифтеритные пленки из горла больного ребенка, Булгаков случайно инфицировался и вынужден был ввести себе противодифтерийную сыворотку, от которой у него началась сильнейшая аллергия. От зуда и болей Михаил не мог спать, и ему стали вводить морфий. [186, 19]. Повторение инъекций привело к привыканию и наркотической зависимости.

Но и тут верная Татьяна не опустила руки, а мужественно боролась за спасение мужа, тайком разводила или заменяла наркотик дистиллированной водой, постепенно снижала дозы и добилась своего: спасла мужа во второй раз. В своем рассказе «Морфий» в образе Анны Кирилловны Михаил Афанасьевич изобразил свою жену-спасительницу.

На разоренном войной российском юге делать было нечего, и Булгаковы подались в Москву. Но и в столице было очень тяжело и голодно. Когда в доме не осталось никакой еды, просто ни крошки, Татьяна взяла свое единственное нарядное платье и обменяла его на флакончик постного масла и две свеколки. Приготовила для любимого Миши обед, о котором он сказал, что ничего вкуснее и лучше в жизни своей не ел. Булгаков напишет впоследствии следующие трогательные слова про свою первую жену: «Все, что сделала для меня Таська, не поддается учету» [63, с. 489].

– А что же его жена? – спросила меня Полина.

– Жена ходила в рваных башмаках, ветхом пальтишке, но в то же время не могла обходиться без духов «Красная Москва» (бывшие Брокер «Букет императрицы») и пудры, ничего для себя не просила, чтобы ни в коем случае не мешать его творчеству. Один раз она даже пронесла через всю Москву на вытянутых руках, чтобы не разлить, хлопковое масло и нажарила пирожков любимому Мише. Она думала только о милом сердцу муже и была счастлива, – сказала я.

Татьяна Николаевна с ужасом вспоминала об их первом с мужем годе жизни в Москве и говорила, что хуже нигде не было:

«Бывало, что по три дня ничего не ели, совсем ничего. Не было ни хлеба, ни картошки. И продавать мне тогда уже было нечего».

Постепенно жизнь стала налаживаться. При содействии Надежды Константиновны Крупской Михаил Афанасьевич был прописан с женой в большой (аж 18-метровой!) комнате в коммунальной квартире № 50 по улице Садовой, 302-бис. Это было их первое с Татьяной «свое» московское жилье. В знаменитом романе «Мастер и Маргарита» Булгаков потом опишет их незатейливый быт и колоритных соседей, особенно дебоширку и забияку вдову Горячеву, ставшую прообразом легендарной Аннушки, той самой женщины в романе «Мастер и Маргарита», которая пролила на трамвайные рельсы роковое для литератора Берлиоза масло.

Михаил Афанасьевич Булгаков

Наконец, Михаил Афанасьевич добился успеха: его пьесы ставились в театрах, произведения печатались в журналах и выходили отдельными книгами. Появились деньги, слава, поклонницы. Казалось бы, вот оно долгожданное счастье. Но... Булгаков стал изменять жене, и семья рухнула.

«Ударил в нос успех», – как очень точно и предельно образно сказал об этой ситуации известный беллетрист того времени Юрий Львович Слезкин, его коллега по литературному цеху, один из основателей и член литкружка «Зеленая лампа» [63, с. 319].

На беду их с Татьяной семейному счастью Булгаков познакомился с актрисой Любовью Евгеньевной Белозерской, которая, кстати сказать, была вхожа в их дом, и Мастер забыл свою самоотверженную жену Татьяну, все ее жертвы, на которые она пошла ради него. Он ушел из семьи и развелся с Лаппа.

– Как же она жила без него? Ведь у Татьяны не было ни образования, ни специальности, с помощью которой она смогла бы зарабатывать себе на жизнь. То есть она осталась одна, без средств к существованию и без будущего? – спросила меня Полина.

– Да, но у Михаила Афанасьевича уже была новая и интересная жизнь, и Татьяна в нее совсем не вписывалась, – ответила я с грустью. – Однако она не пропала, хоть и перенесла невообразимые тяготы, ведь ей пришлось даже поработать на стройке разнорабочей (она возила камни на тачке), но, получив заветный профсоюзный билет, Татьяна Николаевна устроилась регистраторшей в поликлинику (тогда это было пределом ее мечтаний) и смогла как-то наладить свою новую семейную жизнь.

Она стала жить фактическим браком с врачом-педиатром, братом бывшего друга Булгакова, Александром Павловичем Крешковым. Они уехали в Иркутскую область, откуда тот ушел на войну, но вернулся с фронта уже с другой женщиной.

После войны Татьяна вернулась в Москву и вышла замуж за своего старого знакомого Давида Кисельгофа, бывшего до революции помощником присяжного поверенного, а с 1922 г. – членом Коллегии защитников (адвокатов). Судьба была к ней милостива, и они с Кисельгофом спокойно жили, переехав из Москвы в Туапсе.

– А как она с ним познакомились? – спросила Полина.

– Это произошло еще в период ее замужества за Булгаковым, – ответила я. – У Кисельгофа была прекрасно меблированная комната, особенно красивыми были кресла. Он часто приглашал к себе домой в гости писателей и как-то пригласил Стонова, Слезкина, Булгакова и своего друга адвоката В.Е. Коморского. Так состоялась их встреча. Татьяна и Давид поженились в Москве уже после войны в 1947 г. [186].

– Однако, – продолжала я, – успех переменчив, особенно в нашей непростой стране. В сталинскую эпоху быть писателем и драматургом было очень рискованно и опасно, а Булгаков, будучи в 1923 году фельетонистом в газете «Накануне», иногда фрондировал и неоправданно рисковал, подписывая свои статьи псевдонимом Г.П. Ухов (Гепеухов) [186], а ведь одно неосторожно сказанное слово тогда могло закончиться арестом и даже расстрелом. Булгаков избежал этих несчастий, но из обоймы успешных литераторов выпал: его перестали печатать, началась жестокая травля, в театре с 1929 года не ставили его пьес, не стало денег. Так практически почти зеркально повторилась экономическая ситуация, которая была в семье у Михаила и Марии Глинки, но уже с новыми героями: тоже Михаилом, но Булгаковым, и его женой Любовью Евгеньевной.

Ситуация, сложившаяся в 1928 г., была настолько тяжела для Булгакова, что он пишет письма-заявления И.В. Сталину, М.И. Калинину, А.И. Свидерскому (начальнику «Главискусства»), А.М. Горькому и А.С. Енукидзе (секретарю ЦИК СССР) с просьбой разрешить ему покинуть СССР, так как на Родине он не может найти средств к существованию. Второго октября 1929 г. он подает

заявление о выходе из Всероссийского Союза писателей. В апреле 1930 года обстановка немного разрядилась, когда Михаила Афанасьевича назначили режиссером-ассистентом МХАТ.

– А что из себя представляла вторая жена Булгакова – актриса Любовь Белозерская? Какова была её жизнь до замужества с Булгаковым? – спросила меня Виардо.

– О, ее жизнь была бурной и насыщенной, она много ездила по свету, – ответила я Полине. – Родилась Любовь Евгеньевна в Польше, гимназию закончила в Питере, где потом в 1914 году поступила на курсы сестер милосердия. В 1918 году Люба приезжает в Киев, где знакомится с известным журналистом Ильей Марковичем Василевским, за которого и выходит замуж. Их семья сначала эмигрировала в Константинополь, а потом переезжает в Марсель и Париж, где Василевский издавал «Свободную мысль», а Любовь выступала в балетных труппах.

Зимой 1921-1922 гг. Василевские перебираются в Берлин, где Илья Маркович работает в просоветской газете «Накануне», в которой печатался Михаил Булгаков. Название этой газеты было скопировано с одноименного романа Ивана Сергеевича Тургенева, – сказала я Полине, с интересом слушавшей меня.

– Кстати, – продолжала я, – интересно проследить, как переплеталась жизнь Белозерской с жизнью Михаила Булгакова еще до их знакомства. Они жили в одно и то же время в Киеве, а когда Люба была в Константинополе, Булгаков рвется туда из Батума, как будто подсознательно стремится встретиться с ней, своей суженой. В 1923 году семья Василевских возвращается в Россию, где супруги развелись. В январе 1924 года на вечере, посвященном А.Н. Толстому, Любовь Евгеньевна знакомится с Михаилом Булгаковым, с которым в конце апреля следующего 1925 года вступает в брак.

Любовь Евгеньевна Белозерская,
вторая жена Булгакова

Интересно отметить, что М.А. Булгаков, так же, как и И.С. Тургенев, черпал идеи своих произведений и героев из окружающей его действительности. Так перипетии заграничных скитаний его второй жены в Константинополе и Париже Булгаков положил в основу своего романа «Бег», ей он посвятил свои произведения: «Белую гвардию», «Собачье сердце», «Кабалу святош». Любовь Евгеньевна переводила с французского для Михаила Афанасьевича книги о Мольере, а также переписывала его рукописи не хуже, чем это делала для Л.Н. Толстого Софья Андреевна Берс. Но в отличие от Софьи Берс-Толстой она не была покладистой и безропотной женой.

Любовь Евгеньевна Белозерская была женщиной неординарной. Она любила скорость, порыв, закончила курсы вождения автомобиля, ведь тогда это было так экзотично и современно. Видимо, Любовь Евгеньевна надеялась, что у них с успешным писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым появится собственная автомашина, на которой она сможет мчаться по городу, но она так и не дождалась этого роскошного, в духе времени подарка.

Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова,

Кроме того, Белозерская была настоящей фанаткой верховой езды, а посещение ипподрома требовало довольно-таки больших денег, которых у Булгакова к тому времени уже не было. И Белозерская часто устраивала мужу бурные сцены, возмущаясь: «Ну, не могу же я появляться на ипподроме в одном и том же платье. Все знают, что я жена известного писателя. Я не могу выглядеть оборванкой» [63, с. 394]. Ей нужны были деньги, слава, успех, нужен был полет, когда любимая лошадь Ляля летит, почти не касаясь земли, а муж, к сожалению, все больше становился опальным писателем, а, следовательно, безденежным неудачником.

– Он стал ей не нужен? – спросила меня Полина. – Наверно, сложилась драматическая ситуация, когда в картину счастливой и успешной жизни не вписывался уже сам Булгаков?

– Я читала много книг об их взаимоотношениях, – продолжала Виардо, – но пока не дочитала до финала их семейной жизни. Скажи,

Белозерская расстанется с Михаилом? Она покинет его? Ведь тогда он почувствует себя брошенным и преданным и поймет, что жизнь просто поставила его в положение Татьяны Лаппа после его ухода из первой семьи.

– Нет, Полина, все произошло совсем не так, – ответила я. – Хотя в семье Булгаковых в начале 1929 года и начались сложности, но Любовь Евгеньевна сама не ушла от Михаила Булгакова. Она его любила, но в тоже время была очень умной и практичной женщиной и понимала, что карьера актрисы обычно заканчивается, когда с возрастом отцветает ее красота, или когда она теряет влиятельного мужа или покровителя. Ведь нового, знаменитого и обеспеченного мужчину найти в ее время, да и в наше тоже, было не так-то просто.

Любовь Евгеньевна была свидетельницей знакомства Булгакова с Еленой Сергеевной Шиловской, вхожей в их дом и ставшей третьей женой писателя, как и напророчил ему в молодости Алексей Толстой. Однако ничего поделать она не могла. Их семейная жизнь с Булгаковым закончилась.

– Как же Булгаков нашел выход из этой сложной ситуации? – спросила с интересом Виардо.

Я продолжила свой рассказ:

– В конце февраля 1929 года на Маленницу на вечеринке с традиционными блинами у знакомых Михаил Афанасьевич познакомился с Еленой Сергеевной (в девичестве Нюренберг), женой крупного советского военного, помощника начальника Академии им. М.В. Фрунзе и начальника штаба Московского военного округа Евгения Шиловского. Следует отметить, что Елена в первый раз вышла замуж в возрасте двадцати пяти лет за адъютанта командующего 16-й армией РККА Юрия Неелова, сына известного артиста Мамонта Дальского. Этот брак как скоропостижно был по молодости заключен, так скоропостижно и распался [63, с. 414-415].

Елена Сергеевна Нюренберг-Шиловская

А вот со вторым мужем, красавцем и умницей, профессором и доктором наук Евгением Александровичем Шиловским у нее была благополучная и обеспеченная семья, подрастали двое сыновей, старшего звали так же, как и отца, Евгений, а младшего – Сергей. Но тихая семейная жизнь не пришлась по сердцу и по нраву Шиловской, ей, видимо, нужно было что-то другое. Что именно? Она и сама точно этого не знала. Наверно, тоже хотелось «полета», как и Любви Евгеньевне, или чего-то вроде «романтики с чертовщинкой». И тут именно такой случай и представился, – сказала я. – Михаил Булгаков – этот демонический «Мастер». Импозантный и остроумный, с одухотворенным интеллигентным лицом. Он произвел на Евгению неизгладимое впечатление.

Как вспоминал писатель Эмилий Львович Миндлин, московский сотрудник русской газеты «Накануне», печатавшейся в Берлине, Булгаков очаровывал светской изысканностью манер, безупречностью костюма с ослепительным свежим воротничком и тщательно повязанным галстуком... целованием рук у дам и почти паркетной церемонностью поклона.

Женщина влюбилась в него без памяти, она даже привезла к нему домой свою пишущую машинку Ундервуд и преданно печатала на ней его рукописи. То есть в жизни Булгакова появилась новая преданная «Маргарита».

Полина сказала:

– Я прочитала в одной из книг, что во время вечеринки у Евгении Шиловской на рукаве развязался бант, и она попросила Михаила Булгакова завязать тесемочки (такая маленькая женская хитрость, как будто она сама бант завязать не могла). Конечно же, Булгаков ей охотно помог, но при этом он сказал сакраментальную фразу, которая повернула их отношения в новое русло: «Вы – ведьма. Этим бантиком Вы привязали меня к себе на всю жизнь».

– Потом эта женщина, – продолжила свой рассказ Виардо, – ушла от мужа к Булгакову, забрав с собой младшего сына Сережу, которому было в то время шесть лет. Правда уход от Шиловского затянулся почти на полтора года и был очень болезненным для обоих супругов. Елена очень боялась, что бывший муж просто застрелит Булгакова, ведь он даже вызвал писателя на дуэль, но, к счастью, не нашлось второго пистолета. Однако все обошлось, и жизнь у Булгакова на какое-то время снова наладилась.

В Елене Сергеевне Шиловской Булгаков вновь обрел свой идеал жены, утраченный после расставания с Татьяной Николаевной Лаппа. Он опять нашел любящую, преданную и самоотверженную женщину, отдающую всю себя без остатка служению своему великому мужу, – сделала вывод Полина Виардо. – Нужно еще добавить, что Шиловская была «знойной», «демонической» красавицей, элегантной и

обеспеченной. Она создавала уют в доме Булгакова и необходимые условия для его творческой работы.

Е.С. Булгакова, третья жена писателя. 1928 г.

Я продолжила слова Полины:

– Фазиль Искандер очень точно написал в предисловии к книге одной из исследовательниц жизни и творчества М.А. Булгакова Мариэтты Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова. Уроки мужества» о гениальном писателе, о том, что было основным в жизни этого веселого, доброго и сильного человека: «Борьба, а точнее сказать – сопротивление. Причем борьба была ему навязана бюрократией, и Булгаков, сохраняя достоинство мыслящего человека, вынужден был принять бой.

Он защищал святое для художника право на свой взгляд, свой ум, свое воображение. Он защищал право художника быть самим собой, то есть такое право, без которого художник перестает быть художником. Как у птицы, которую бьют влет, у него не было никакой защиты, кроме крыльев творческого воображения... Полуслепой умирающий писатель продиктовал жене свой во многом автобиографичный роман «Мастер и Маргарита» – этот плод отчаянья и в то же время выход из отчаянья сильного человека» [186, предисловие].

Я дополнила ее слова, сказав, что в первом, оставшемся неопубликованном очерке биографии писателя, который подготовил в 1940-м году П.С. Попов, муж внучки Толстого Анны Ильиничны, говорится: «Ирония у него (Булгакова) неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не коробили. Он презирал не людей, он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, карьеризм, неискренность и ложь, в чем бы последние ни выражались: в поступках, искательстве, словах, даже жестах. Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не

могла стать правдой. Мужественно и самоотверженно шел он по избранному пути [186].

Михаил Афанасьевич Булгаков

– И в этом ему помогали его преданные и мужественные жены и созданные и хранимые ими семьи, – сказала я и вернулась к своим предыдущим рассуждениям о семейной морали и ее роли в формировании взаимоотношений супругов, чтобы развить эту мысль до конца. – Все-таки семья остается главной ячейкой общества. В основе ее должны быть любовь, взаимопонимание и взаимоуважение между супругами.

Очень хорошо и точно об этом сказал Н.А. Добролюбов: «Чувство любви может быть истинно хорошо только при внутренней гармонии любящих, и тогда оно составляет начало и залог того общественного благоденствия, которое обещается нам в будущем развитии общества водворением братства и личной равноправности между людьми».

Родители должны воспитывать детей и оберегать их от жизненных передраг, препятствуя совершению ошибок, особенно непоправимых. Отец и мать передают детям свой личный опыт строительства счастливого и надежного «гнезда», основанный на истории всей их жизни. Воспитывают новое подрастающее поколение своим примером, дают младшим образцы и нормы выстраивания внутрисемейных отношений. Если этого нет, тогда возникают драмы с печальным финалом.

– Да, у нас была дружная семья, – сказала Полина, – и я бесконечно благодарна моим родителям за все то, что они для меня сделали. Без них я бы не смогла достигнуть того успеха, которого добилась в своей жизни. Я смогла сделать себя сама, но с их помощью, при их поддержке и отеческом внимании и наставлении.

Глава 3

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ГЕРОЕВ.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СЕМЬИ

– Знаете, Полина, – сказала я, с предельной осторожностью начиная развивать новую тему, – очень многих и в России, и за рубежом интересовало и интересуется доньше, почему Тургенев оказался за границей и прожил значительную часть своей долгой жизни «на краешке чужого гнезда»? Возможно, ответ в том, что на примере жизни своих родителей он не получил необходимого опыта «выстраивания счастливой семьи», где все любят друг друга и друг о друге преданно заботятся. Был Иван Сергеевич из «безлюбовной» семьи.

Нужно признать, что семья обедневших дворян Тургеневых, так же, как и богатых помещиков Лутовиновых, была не из счастливых. Мать писателя, Варвара Петровна Лутовинова, рано лишилась отца, не была любима своей матерью, и даже была вынуждена как-то поздней ночью бежать из дома, спасаясь от домогательств отчима. Приютивший её в Спасском дядя особо тёплых чувств к ней не питал, а перед смертью даже грозил оставить без наследства.

И вот в двадцать шесть лет Варвара Петровна после скоропостижной кончины своего дяди стала полновластной хозяйкой огромного состояния и опьянела от богатства и всевластия после долгих безрадостных лет, полных мучительных унижений и притеснений.

– А я жила в счастливой и дружной семье и вышла замуж в девятнадцать лет. Это было не слишком рано по тем временам, – уточнила Полина Виардо. – А в каком возрасте вышла замуж мать Тургенева? Я только помню, что ее жениху было меньше лет, чем ей.

– Да, продолжала я, – история ее замужества далека от романтизма. Ей было 28 лет, когда к ней в усадьбу Спасское заехал двадцатидвухлетний красавец поручик (полковник) – кирасир Сергей Николаевич Тургенев. Был он участником Отечественной войны 1812 года, а потом скудно жил со своим старым отцом в 18 верстах от Варвариного имения в бедной деревеньке и был владельцем всего лишь 140 душ. Поэтому никак не могла упустить такой счастливый случай Варвара Петровна, понимая, что это – ее единственный и последний шанс в жизни устроить свою судьбу, наконец-то выйдя замуж.

Варвара Петровна Лутовинова, мать И.С. Тургенева

Уж как она старалась получше принять долгожданного дорогого гостя: и хозяйство свое богатое показывала, и роскошное убранство усадьбы, угощала на славу, в том числе и экзотическими фруктами, выращенными в собственной оранжерее, карточной игрой развлекала и блистала остроумием, эрудицией и дорогими модными туалетами, ведь красивой внешностью ее господь не наградил, да и юность ее уже давно отшумела, и началось постепенное увядание.

Ее настойчивость в достижении поставленной цели и умелая тактика вкупе с перспективой разорения усадьбы Тургеневых сделали свое дело. 14 января 1816 г. обвенчалась немолодая невеста с красавчиком-офицером. И хоть дом их был богатый, хлебосольный и очень гостеприимный, и за границу молодые отправились в свадебное путешествие, да только не было ни любви, ни уважения, ни ладу между супругами, да и счастья в своем семейном союзе они не обрели.

Сергей Николаевич Тургенев, отец писателя.
Портрет работы неизвестного художника

А уж как ревновала Варвара Петровна своего супруга! Так ведь он в открытую и на чужих дам, и на служанок, и на крестьянок заглядывался. Эти «заглядывания» начались уже в период медового

месяца во время свадебного путешествия молодых. Увлечений своих молодой муж от нелюбимой супруги не скрывал.

– Я как-то в одной из книг нашей музейной библиотеки прочитала о таком эпизоде из их семейной жизни, – заметила Полина. – Подает как-то слуга Семен Варваре Петровне утренний кофе, а сам усмешку сдержать не может: родила ведь дочка плотника ребенка от барина. Ну не смогла стерпеть такого унижения и обиды, да ещё от своего крепостного слуги Варвара Петровна. И летит чашка тонкого дорогого севрского фарфора вместе с кофеем в лицо буфетчику. Уж очень горяча была барыня и обидчива! [10, с.30].

– Да, я тоже об этом читала, – продолжила я. – Из открыто признанных «крепостных» детей мужа Варвары Петровны был еще Порфирий Кудряшов, будущий спутник и «дядька» Тургенева во время обучения молодого Ивана Сергеевича в Берлинском университете. Обучившись медицине, Порфирий стал хорошим и успешным доктором и лечил, и успокаивал свою барыню. Вольную же он получил только после смерти Варвары Петровны в 1850 году по её завещанию и ещё пятьсот рублей деньгами в придачу. От себя Иван Сергеевич выделил ему землю под постройку дома и необходимый инвентарь.

Появившиеся собственные дети любви супругам не прибавили и «безлюбовную» ситуацию в семье не исправили. Получилось так, что не купила за свое великое богатство счастья Варвара Петровна, не сложилось... Своих же мальчишек матушка за малейшую провинность или только по подозрению в оной секла неоднократно и довольно жестоко.

– Да, Тургенев мне рассказывал о своем невеселом детстве, – сказала со вздохом Полина. – Был случай, когда мать заподозрила Ивана в каком-то не совершенном им проступке. Одна приживалка донесла на него матери, и та без всякого разбирательства тотчас начала его сечь, – секла собственными руками, и на все его мольбы сказать, за что наказывает, приговаривала: «Сам знаешь, сам должен знать, сам догадайся, за что я секу тебя!». На другой день, когда мальчик отказался признать за собой какую-либо вину, наказание повторилось, на третий – тоже. Мать заявила, что будет сечь его до тех пор, пока сын не признается в своем преступлении [35, с. 25].

– Думаю, что она была с ним жестока еще и потому, что красавец ее средний сын Иван был лицом весь в отца, – продолжала Виардо. – Вот она, с одной стороны, – и любила его больше других своих сыновей, а с другой, – мстила ему битьем за нелюбовь неверного мужа.

– Вы знаете, Полина, – сказала я, – в своей повести «Первая любовь» Тургенев написал, что отец имел странное влияние на него. Иван Сергеевич отмечал: «Ему было не до меня и не до семейной

жизни; он любил другое и наслаждался этим другим вполне. И в то же время писал он мне: «Сын мой, бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» [174, с. 88].

А вот что отец сказал Ивану Сергеевичу однажды: «Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать – в этом вся штука жизни... Воля, собственная воля, и власть она дает, которая лучше свободы. Умей хотеть – и будешь свободным, и командовать будешь...» [174, с. 89-90]. И сын потом вспоминал: «Я любил его, я любовался им, он казался мне *образцом мужчины*» [35, с. 19-20].

– Не в этом ли всем заключается причина последующих проблем в отношениях Тургенева с женщинами? – спросила я Полину.

– Добро творить или чудеса вытворять – вещи разные, – продолжала тем временем я свой рассказ. – А поступки Варвары Петровны становились со временем все «чудесатее» и «чудесатее». Нравы у барыни были вольные. В своих увлечениях она от мужа не отставала. Так, во время поездки по имению заприметила она статного, богатырского сложения глухонемого крестьянина Андрея, работавшего в поле, и забрала его к себе в услужение.

Сначала был он у неё скороходом: то её записочку отнесет знакомой, то приятельнице горшочек гречневой каши за несколько верст доставит. Потом уже в московском господском доме служил он дворником, правда, не простым, причем наряжала его барыня в красные шелковые рубахи, украшенные наборными кушаками. В Москве-то и произошла драматическая история с Муму, а Иван Сергеевич вывел Андрея в своей повести в образе Герасима, вполне понимая, какую роль Андрею довелось у барыни играть.

Но был и другой Андрей – Андрей Евстафьевич Берс, из благородных, молодой, синеглазый, весёлый и в то же время невозмутимый, с ровным спокойным характером, сын московского аптекаря, выходец из немцев.

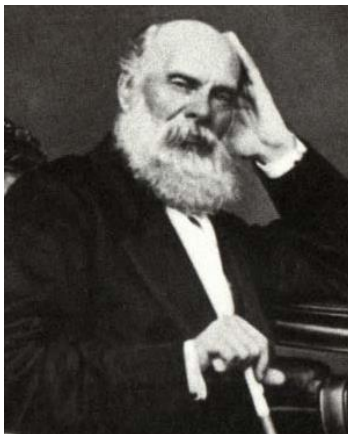
– Неужели гордая и амбициозная Варвара Петровна завязала отношения с сыном простого аптекаря? – спросила меня Полина.

– Ну аптекарь-то был совсем не простой, а немецкий дворянин, – ответила я, – причем довольно богатый, хотя из-за войны 1812 г. он разорился. Таким образом, Андрей Евстафьевич Берс был дворянского происхождения, а мать его была из многочисленной семьи вестфальских дворян, долгое время живших в России. Но во время пожара 1812 года все документы их семьи сгорели, и Берсу потом пришлось потратить очень много сил и времени на восстановление дворянского достоинства, в которое он был снова возведен в 1843 году, а в 1847 году, наконец-то, получил диплом на потомственное дворянство. Андрей Евстафьевич Берс закончил сначала лучший в Москве немецкий частный пансион Шлецера, благо

финансовое состояние их семьи в то время позволяло это сделать, а затем медицинский факультет Московского университета.

– Говорят, он пользовался успехом у дам и был сердцеедом? – поинтересовалась Виардо.

– Наверно, – ответила я и продолжала, – Варвара Петровна приблизила его к себе. Служил он у нее домашним доктором и не только... Их связь продолжалась двадцать лет.

Андрей Евстафьевич Берс в старости

Берс сопровождал ее во всех заграничных поездках. От него же она родила девочку, нареченную Варенькой. Официально ее дочь называлась воспитанницей Варвары Петровны и носила фамилию Богданович, хотя в пансионе, куда потом поместили юную Варвару, она была записана и всем известна уже как Лутовинова. Кем ребенок ей в действительности доводился, Варвара Петровна от сыновей своих скрывать не стала. Иван малышку-сестру принял и относился к ней со всей сердечностью: был ласков, баловал и кормил сладостями, весело и увлеченно играл с ней.

Андрей Берс оставался с Варварой Петровной вплоть до самой ее смерти, выполняя функции домашнего врача и близкого ей мужчины. Однако ровней себе она его не считала. В сердцах как-то у нее вырвалось: «Как же глуп этот Берс!». Это было в 1847 г. за три года до кончины Варвары Петровны.

– Смерть ее была так же необычна, как и ее жизнь, – сказала мне Полина. – Тургенев мне писал, что, когда его матушка стала умирать, то она велела крепостному оркестру, находившемуся в соседней с ее спальней зале, играть веселенькие польки, чтобы не так страшно было отходить в мир иной ее грешной душе.

После смерти Варвары Петровны Андрей Берс сделал удачную карьеру. Как известный и успешный доктор он стал врачом московской дворцовой конторы и дослужился до чина действительного статского советника. Андрей Евстафьевич удачно

женится на Любви Иславиной. У них была большая и дружная семья, в которой родилось восемь детей: три дочери (старшая – Елизавета, средняя – Софья, в замужестве Толстая, и младшая – Татьяна) и пятеро сыновей: Александр, Петр, Степан, Владимир и Вячеслав.

– Но я хочу рассказать о другой девочке, кстати, знакомой Вам хорошо. Вряд ли Иван Сергеевич Вам об этом рассказывал, – вела я дальше свой рассказ, – но сексуальный опыт Тургенева в их имении Спасском был очень драматичен. Приглянулась ему хорошенькая вольная белошвейка Авдотья Ермолаевна Иванова, работавшая по найму у его матушки. Юная девушка ответила молодому и красивому барину взаимностью. Однако прознала про эту связь Варвара Петровна, рассердилась без меры, стала сына корить и стыдить, на что он заявил, что готов на этой девушке жениться.

Изумилась тогда его матушка и отправила от греха подальше Авдотью Иванову в Москву, где у той родилась девочка Пелагея. Ребенка у молодой матери тут же забрали в Спасское и поселили у верного слуги Федора Лобанова. В имении крошка жила как простая дворовая девчонка, помыкаемая всеми и не любимая никем, росла она без ласки и сочувствия. Подросшей Пелагее приходилось уже с раннего детства работать. Эта драма ее рождения и несчастливого детства наложила затем отпечаток на всю последующую неудавшуюся жизнь Пелагеи-Полины [35, с. 61].

– Да, И.С. Тургенев написал нам с Луи об истории своей дочери (ей тогда, кстати, уже было почти восемь лет). Он правильно рассудил, что в России ничего хорошего незаконнорожденную девочку не ждет, ведь там она не сможет даже носить фамилию Тургенева, не получит права на наследство, да и в обществе у нее будет соответствующая репутация. Мы с моим мужем посоветовались и согласились взять его дочку в наш дом на воспитание, только оговорили, что Иван Сергеевич будет давать деньги на ее содержание. Он стал называть Пелагею Полиной (Полинеттой) и поручил ей выучить французский язык, которым сам владел в совершенстве.

Я вернулась к началу нашего разговора, когда мы вспоминали письмо, отправленное Тургеневым Полине Виардо в 1850 году. Иван Сергеевич тогда писал певице: «Маленькая Полина должна быть уже в Париже... благодарю вас вперед за ласки, которые вы подарите ей, и за всю доброту, которою вы ее окружите. Повторяю вам: единственное, что я сказал ей при расставании, было то, что она должна обожать вас, как своего бога. В этом она не будет одинока; но ей особенно не годится думать о вас иначе, как скрестив руки и склонив колени» [83, на фр. яз. – 69, на рус. яз. – 368].

А как же он сам?

– Когда я гляжу на этот портрет, который мне нравится больше всего из известных изображений Тургенева, – сказала Виардо, – то

Иван Сергеевич на нем мне напоминает Владимира Ленского из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Такой же юный красавец и романтическая натура:

*... с душою прямо Геттингенской,
поклонник Канта и поэт... [50, с. 17]*

Иван Сергеевич Тургенев в молодости

Какое будущее раскрывалось перед ним? Ведь как страстно хотела успешности для своего горячо любимого сына Ивана Варвара Петровна. Она все твердила ему: «Определился бы ты на настоящую службу, получал бы чины, а потом и женился бы, поддержал род Тургеневых» [35, с. 40].

Но на все ее просьбы сын ей с усмешкой отвечал: «Ну, уж, это, маман, извини и не жди – не женюсь! Скорее твоя Спасская церковь на своих двух крестах трепака запляшет, чем я женюсь [Лебедев, 35, с. 60]. И ведь сказал, как накликал, напороочил свою одинокую и бессемейную судьбу, проведя жизнь «на краешке чужого гнезда».

В 1845 году Тургенев оставил службу в Министерстве внутренних дел и вместе с Вашей семьей впервые уехал во Францию, где провел пять лет, очень важных для его творчества.

Возвращаясь на Родину, он горячо поблагодарил вашу семью за гостеприимство и поддержку. 24 июня 1850 года Иван Сергеевич писал Луи Виардо: «Я не хочу покидать Францию, мой дорогой и добрый друг, не сказав вам, как я вас люблю и уважаю и как жалею о необходимости этой разлуки. Я увожу с собой самые сердечные воспоминания о вас; я сумел оценить высоту и благородство вашего характера и, поверьте, буду снова чувствовать себя вполне счастливым только тогда, когда опять смогу вместе с вами бродить с ружьем в руках по милым равнинам Бри... Конечно, родина имеет свои права; но не там ли настоящая родина, где мы нашли больше всего любви, где сердце и ум чувствуют себя всего лучше? Нет на земле места, которое я любил бы так, как Куртавнель» [79, на фр. яз. – с. 27, на рус. яз. – 340].

В том же 1850 году во Франции оказалась дочь Тургенева Пелагея-Полина, которую приняла по просьбе Ивана Сергеевича семья Виардо, так как положение девочки в Спасском было очень тяжелым и унижительным. Надеяться на счастливую судьбу в России Пелагея не могла. Как у незаконнорожденной на Родине у нее не было никакой перспективы.

Полина перевела разговор на семью своих родителей:

– В нашем доме была совсем другая обстановка. Семья у нас была дружная, артистическая, причем очень музыкальная, – с удовольствием вспоминала она. – В нашей семье Гарсиа-Сичес все прекрасно пели и играли на разных музыкальных инструментах.

– Очень много было домыслов, слухов и пересудов о моем происхождении, – продолжала с усмешкой Полина. – Спорили о том, кем были мои родители и, следовательно, я по национальности: испанкой, цыганкой или еврейкой? Но очень точно и хорошо по этому поводу сказала только моя гениальная и знаменитая старшая подруга Жорж Санд (настоящее имя Аврора Дюпон) в своем романе «Консуэло»: «... происхождения она была не цыганского, не индийского, и, во всяком случае, не еврейского... В ней текла хорошая испанская кровь, и происходила она, несомненно из мавританского рода...

Я не стала говорить Полине, что в Википедии выложена довольно обширная и несколько скандальная информация о её родителях, описанная в романе Сони Бергман «Полина Виардо. Последняя волшебница». Там говорится, что семья певцов Гарсиа, сам Мануэль и две женщины-певицы, причем у обеих было по ребенку от него и каждая считала себя его законной женой, приехала в Париж из Испании [8]. О ее отце известный английский музыковед Майкл Стин писал:

– Мануэль Родригес был хористом в Севильском Кафедральном соборе, он совсем не знал своего отца и поэтому взял себе имя Гарсиа [62]. А другой исследователь истории семьи Гарсиа-Сичес Барбара Кендэлл-Дэвис в своей книге об отце Полины Гарсиа-Виардо отмечала, что тот родился в бедной цыганской семье в Севилье, рано остался сиротой; но, имея очень красивую внешность и большой музыкальный талант, быстро стал известным певцом и композитором. К семнадцати годам он уже сделал успешную карьеру, а когда Мануэлю было двадцать лет с небольшим, сам великий испанский художник Франсиско Гойя написал его портрет, который находится в США в Музее изящных искусств в Бостоне [31].

Мануэль Висенте дель Пополо Родригес Гарсиа,

отец Полины Гарсиа-Виардо

– Однако сейчас некоторые исследователи склоняются к мысли, что портрет написан не самим Ф. Гойей, а его сыновьями, – уточнила Полина.

О происхождении матери Полины, Хоакины (Жоакины) Сичес (Ситчес), известно только с её собственных слов, что она незаконнорожденная дочь испанских дворян и воспитывалась в монастыре. В двадцать два года Хоакина начала петь в Мадридской опере, где безраздельно «царил» великолепный и неподражаемый тенор Мануэль Гарсиа. Мануэль и Хоакина страстно полюбили друг друга и обвенчались в церкви, хотя у жениха уже была еще одна жена и дочка, а у Хоакины от Гарсиа – сын Мануэль-младший [8].

Эта странная семейная ситуация благополучно разрешилась после того, как одна из женщин Мануэля Гарсиа покинула Францию, т.к. в Испании ей предложили очень выгодный ангажемент. Однако ее дочь не последовала за матерью, а осталась в Париже с отцом и, когда выросла, также стала профессиональной певицей, известной всем под именем Жозефины Гарсиа Руец. Соблюдая приличия, чтобы избежать пересудов и кривотолков, Мануэль Гарсиа называл её своей племянницей [8].

Однако все эти запутанные события произошли еще до рождения Полины Гарсиа-Виардо и она никак не могла о них помнить. Поэтому ни о чем об этом я не стала говорить Виардо, так как у каждого, как говорится, есть свои «скелеты в шкафу». Родителей дети не выбирают, хотя так бывает, что часто горько расплачиваются за их опрометчивые и непродуманные поступки. Хотелось только порадоваться за Полину, что в семье её родителей после этого не очень-то законного бракосочетания наладились нормальные отношения, и что творческая и личная жизнь Мишель Фердинанды Полины Гарсиа сложилась успешно и счастливо.

А Полина продолжала свой рассказ:

– Мой отец Мануэль Висенте дель Пополо Родригес Гарсиа был знаменитым тенором. Его даже называли великим. В то же время он был замечательным музыкантом и композитором, а, кроме того, способным педагогом. В 1829 году в Париже он открыл певческие курсы. Отец написал 42 оперы, в том числе целый ряд комических опер: «Пленник по любви», «Расчетливый поэт». Особенно хороша в ней была песенка «Я – контрабандист», которая пользовалась неизменным успехом у публики. Он написал и поставил шесть камерных оперетт. Мне уже тогда доверяли маленькие сольные партии. Всё складывалось довольно хорошо. Родители успешно гастролировали во многих странах Европы: Франции, Италии, Испании, Англии и даже совершили поездку в Америку, Нью-Йорк и Мексику. Правда, финал заокеанской поездки чуть не закончился трагедией: нас захватили разбойники и ограбили, но все члены семьи остались живы.

Музыка окружала меня с рождения, и я не могла её не любить. Музыка и пение были делом жизни всех членов нашей дружной семьи, и мы отдавались этому любимому делу полностью и без остатка. У моих родителей было трое детей. Старшие: брат Мануэль, его еще называли Мануэль Гарсиа – младший, чтобы не путать с отцом, и сестра Мария-Феличита (Фелисита). Родившись через двенадцать лет после Марии, я была самой младшей в семье, и, может быть, поэтому стала любимицей отца. Родилась я во Франции, в Париже, 18 июля 1821 года, и моё полное имя звучит так: Мишель Фердинанда Полина.

Полина Виардо в 1845 г.

– Знаете, Полина, – сказала я, – одна Ваша фотография, сделанная в 1845 году, мне нравится больше всех других. Вы на ней такая спокойная, умиротворенная, красивая и похожи на дорогую коллекционную фарфоровую куклку. Только в отличие от куклы, у милой пухленькой девушки на фотографии очень умные, насмешливые и смышленные глаза. В то же время Вы на ней просто сама безмятежность.

– Мне тоже нравится этот портрет, – улыбнулась мне с благодарностью Виардо. – Он получился очень милым и красивым, притом, что я была совсем не похожа на свою старшую сестру Марию (по первому мужу Малибран), – и Полина вздохнула. – Конечно же, я обожала Марию-Фелиситу, но и завидовала ее тонкой и яркой красоте, неоспоримому таланту и большой и неизменной творческой удаче. 7 июня 1825 года в Лондоне сестра блестяще дебютировала и не где-нибудь, а в самом Королевском театре.

Мария-Феличита (Фелисита) Малибран,
старшая сестра Полины Виардо

По своей натуре она была пламенной и страстной и, кстати, утверждают, что в ее пении даже было что-то демоническое. Но при всей своей одаренности и успехах моя старшая сестра на репетициях не усердствовала. Отец еще сокрушался и говорил об этом: «Марию надо было заставлять работать железной рукой, а Полину можно вести на шелковом поводке (шелковой нитке)».

– За примерное трудолюбие меня дома даже прозвали «муравей». Отец поощрял мое старание и упорство. Надо сказать, что я не только его любила, – продолжала Полина, – но и всегда восхищалась отцом. Он был для меня богом и учителем, строгим и требовательным, а иногда довольно суровым, хотя как младший ребенок в семье, я была его любимицей.

Отец умер 2 июня 1832 года в Париже. После его смерти мы с мамой жили в Брюсселе в роскошном и уютном доме моей сестры Марии и ее мужа, бельгийского скрипача Шарля де Берио вплоть до внезапной смерти сестры в сентябре 1836 года. Мы тяжело переживали эту потерю. Это было второе сильнейшее потрясение после смерти отца, произошедшей за четыре года до этого печального события.

Хоакина Сичес, мать Полины Гарсия-Виардо

Потом мы с матушкой перебрались в Париж, где жил мой старший брат Мануэль со своей женой, известной певицей Евгенией Гарсия-Майер. Он занимался преподаванием и был профессором в Парижской консерватории.

Надо сказать, что моя матушка, – Виардо легким движением руки смахнула набежавшую на глаза слезу, – Хоакина Сичес, по сцене Брионес, в свое время с большим успехом пела в оперном театре Мадрида. В Париже она также удачно выступала, но уже под именем Жозефины. Покинув сцену, мама занималась со мной вокалом и, надо сказать, что была очень строгой и требовательной учительницей, хотя и очень заботливой и любящей матерью.

Музыка окружала меня с самого рождения, она была везде и всегда вокруг меня. Даже крестным моим отцом стал знаменитый композитор Ф. Пэр. При этом музыка давалась мне легко, также, как рисование и иностранные языки, знание которых очень важно для каждого оперного певца. В три года я уже владела нотной грамотой, а в конце 1820-х годов принимала участие как пианистка в концертах моей дорогой старшей сестры Марии-Феличиты.

– Кстати, – спросила с интересом у меня Полина, – а чем ты увлекалась в детстве и юности? Были ли у тебя артистические наклонности?

– Я была очень дисциплинированным, собранным, старательным, но в то же время очень активным ребенком, – ответила я Полине. – В детстве я неплохо пела в хоре, занималась народными танцами (особенно хорошо мне удавались русские, татарские и индийские), но главным моим увлечением, моей любовью и страстью было рисование: акварель, графика, рисунок. На юношеских конкурсах я неизменно занимала первые места.

У меня сохранились мои детские акварельные работы с изображением красных маков, ирисов и нарциссов. Их я люблю больше всего. Кроме того, к одному из конкурсов я подготовила иллюстрации сказок А.С. Пушкина и первый приз получила моя

работа по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке». Не мудрено, ведь каждому хочется, чтобы приплыла золотая рыбка и принесла ему счастье. Но я думаю, что здесь не обошлось и без счастливого знака судьбы: с детства над моей кроватью висела авторская копия картины Константина Егоровича Маковского «В мастерской художника», поэтому я просто обязана была хорошо рисовать и побеждать на конкурсах.

Другим увлечением стала поэзия. Я занималась несколько лет в литературном кружке и уже в ранней юности стала писать стихи, которые читала не только своим друзьям, но и на литературных вечерах. Однако свои стихи я не публиковала, потому что очень хорошо помнила слова Ивана Сергеевича Тургенева, сказанные им его матери, что он не Пушкин.

– Так ты пишешь стихи? – спросила Полина с интересом. – Прочитай мне что-нибудь.

– Это детское стихотворение, – сказала я, – но оно мне нравится. «Радуница»:

*Радуница, радуница,
Вся природа радуется.*

*Высушило солнышко
Все дожди до доньика.*

*Лес умыт и прибран весь,
Стал он просто чудо-лес.*

*Птицы весело щебечут,
Звонко песенки поют.*

*Подождем, ключи от счастья
Нам кузнечики куют.*

– Мне тоже нравится, – сказала Полина. – Такое милое и доброе стихотворение. Так и хочется сказать, пусть кузнечики поскорее выкуют счастье для всех нас.

Но я снова вернулась к нашему разговору и спросила Виардо:

– А каким был Ваш дебют в театре? Когда и где он состоялся?

– О, – с улыбкой видимого удовольствия ответила Полина, – мое первое выступление состоялось в Париже 15 декабря 1838 года в театре «Ренессанс», а весной 1839 года я пела в лондонском Королевском театре арию Дездемоны в опере «Отелло» Россини. Я никогда не забуду первое выступление и долгую подготовку к нему, и хоть безумно волновалась, но успех был полный. Взыскательная и

избалованная всевозможными талантами парижская публика тепло приняла меня и признала мое дарование.

– Кстати, об акварели, – продолжала Виардо, – мне очень нравится один мой портрет, написанный известным художником А.П. Брюлловым, старшим братом знаменитого Карла Брюллова. На этом портрете я такая праздничная, легкая и воздушная. В этой картине как бы отражена вся моя молодость.

– Надо сказать, – продолжала Полина, – мы с моим мужем Луи всегда с большим уважением относились к русской культуре и литературе. Он очень хорошо знал и высоко ценил русскую живопись, а я больше всего любила стихи русских поэтов. С поэзией России я познакомилась, уже прибыв в Петербург. Кстати, русский язык я изучала под руководством Тургенева, который давал мне уроки. Он же порекомендовал мне к исполнению стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, А.А. Фета и других поэтов, и я даже написала несколько романсов, которые с удовольствием исполняла перед петербургской и московской публикой. И.С. Тургенев потом помог издать альбом этих романсов. Не скрою, мне это было очень приятно.

А.П. Брюллов. Портрет Полины Виардо. Акварель.

– Особым успехом у публики пользовалось моё исполнение знаменитого алябьевского «Соловья», а также «Нет, только тот, кто знал, свиданья жажду» П.И. Чайковского, романсы «Я все еще его, безумная, люблю», «Не скажу никому» и песни в народном стиле «Лихорадушка», «Душечка-девица» А.С. Даргомыжского, а также романсы «Шепот, робкое дыханье», «Я пришел к тебе с приветом» и «Тихая звездная ночь» А.А. Фета, «Узник», «Для берегов отчизны дальней», «О, если правда, что в ночи», «Цветок», «Ночь» («Мой голос для тебя...») А.С. Пушкина, «Любила я твои глаза» Д.П. Ознобишина и многие другие. Некоторые из предложенных мне стихотворений я сама положила на музыку. – Воспоминания

доставляли Полине видимое удовольствие. Лицо ее озарилось улыбкой, щеки порозовели, а глаза заблестели.

Она вдохновенно продолжала:

– Были среди них и романсы «Синица» и «И больно, и сладко» на слова Ивана Сергеевича Тургенева. Кроме того, я пела и из «Ивана Сусанина» Михаила Глинки «Ах не мне, бедному...».

– Невероятно, – сказала я. – Но ведь кроме художественных и артистических талантов Вы свободно говорите по-испански, по-итальянски, по-французски, по-английски, по-немецки. Вам знакомы латынь и греческий. В России Вы с успехом быстро выучили русский язык.

– О, Россия! – с удовольствием вспоминала Виардо. – Обо мне говорили, что я приехала в вашу страну за славой и деньгами, а обрела бессмертие. Мой российский ангажемент был успешен и в творческом, и в материальном отношении. В свой первый сезон в Санкт-Петербурге я получила 50 000 рублей и полубенефис, а на следующий год – уже 65 000 рублей ассигнациями и полный бенефис.

У вас в России зрители меня очень любили и одаривали не только цветами и своим неизменным вниманием. В марте 1845 года, кроме моря цветов, я получила от благодарной публики браслет с алмазной незабудкой. Был еще великолепный алмазный подбукетник, а от депутации русских купцов в доказательство, что «и у них есть уши, чтобы слышать, и сердца, чтобы чувствовать мое искусство», – великолепный бриллиантовый браслет.

Но это было ещё не всё. В феврале 1846 года мне было опять преподнесено целое море цветов и приятный сюрприз – ценный красивый подарок – драгоценный браслет с огромным камнем бирюзы, осыпанный крупными бриллиантами, который был не только очень красив и изящен, но и стоил, наверняка, около 1 600 рублей серебром. Кстати, свой первый дорогой подарок я получила на гастролях в Германии, в Дрездене летом 1838 года. Это был изумрудный фермуар.

Петербургской публике нравилось, как меня зовут. Следует сказать, – неспешно рассказывала Виардо, – что свое русское имя я получила по крестной матери, княгине Прасковье Андреевне Голицыной. Возможно, в этом Тургенев увидел знак свыше в своей неудержимой тяге ко мне, своей «царице муз», мать же его, Варвара Петровна, уж очень меня не любила, хотя и была вынуждена признать, что я хорошо пою, и называла всегда с недобрым чувством «проклятой цыганкой».

– Как сложилась моя семья? – Полина задумчиво прикрыла глаза, вспоминая события тех далеких дней. – В 1832 году я познакомилась с Луи Виардо, он дружил с моей сестрой Марией и был её добрым советчиком. Не думаю, чтобы он обратил на меня внимание во времена моего детства. Я была угловатой, слишком

подвижной нескладной девочкой, похожей на мальчишку. Такие девчонки-непоседы и егозы внимание мужчин не привлекают. Им нравятся приятные грациозные малышки, похожие на куколок.

Знаменитая и гениальная Жорж Санд, которая дружила и со мной, и с Луи, посоветовала мне, своей юной подруге, выйти замуж за Виардо, предпочтя его красавцу, знаменитому французскому писателю и поэту Альфреду де Мюссе, который был страстно влюблен в меня. Альфред мне этого выбора не простил и потом долго мстил за свое уязвленное самолюбие критическими статьями в мой адрес.

14 декабря 1841 года я стала матерью. У нас родилась дочь. Мы назвали её Луизеттой, в честь Луи, а второе имя у нее было мое – Полина.

Я спросила Виардо, как сложилась судьба её старшей дочери Луизы? Связала ли она свою жизнь и деятельность с музыкой и пением?

– О, Луиза... Этот ребёнок, вступив во взрослую жизнь, доставил нам с мужем много хлопот, тревог и волнений, хотя она и в детстве не была ангелом, – ответила грустно Полина. – Кстати, у Луизетты и дочери Ивана Тургенева Пелагеи-Полины были сходные неуживчивые конфликтные характеры. Они ссорились между собой и с окружающими. Обе были обидчивы и строптивы по натуре. С ними было трудно ладить, но я их понимала. Луиза ревновала меня к чужому ребёнку, о котором я должна была заботиться, да и к Тургеневу она меня также ревновала. Кстати, Иван Сергеевич во многих практических делах был таким же ребенком, как и Полина.

Но вернемся к моей старшей дочери Луизе. В 1862 году она вышла замуж за известного дипломата Эрнеста Эритт де ля Тура, который был французским консулом в Южной Африке, а затем в Дании. От него она в апреле 1864 года родила сына, нареченного Луи Жан Поль. Это был мой первый внук. Так я стала бабушкой. К сожалению, семейная жизнь её с Эриттом не сложилась, и Луизетта оставила мужа, ещё когда тот служил в Африке. Потом она по моим стопам поехала к вам в Россию, где получила место педагога в Консерватории Санкт-Петербурга, но весной 1871 года Луиза внезапно забросила преподавание в Санкт-Петербургской консерватории. Ей захотелось попробовать свои силы в амплу певицы и актрисы.

В конце мая того же 1871 года она впервые появилась на сцене Мариинского театра в партии княгини в опере «Рогнеда». Но, как бы сильно ей этого не хотелось и о чём бы не мечталось, триумфа в Мариинке не произошло, при всей приветливости и доброжелательности петербургской публики, которая хорошо меня помнила и была благоприятно расположена к Луизе. Впоследствии

сама Луизетта всем говорила о своем большом артистическом успехе в Санкт-Петербурге. Но это было потом, а 21 мая 1852 года я родила свою вторую дочь. Мы назвали её Клоди, так как у Луи было второе имя – Клод, еще мы называли её ласково Ди-Ди.

15 марта 1854 года родилась наша третья дочь – Марианна. Учиться пению дочери (и Клоди, и Марианна) начинали у меня. Я сама занималась с ними вокалом, передавая им свой опыт. Семейная жизнь их была вполне благополучной. Они удачно вышли замуж: Клоди – за книгоиздателя Ж. Шамро, а Марианна – за Дювернуа, композитора, профессора консерватории.

Кстати, Тургенев тепло относился к нашим с Луи детям, особенно к младшим дочерям Марианне и Клоди, последнюю он называл по-русски Клавдией. Кстати, он занимался с Ди-Ди немецким языком и довольно успешно. В семье ему также дали ласковые прозвища: Тургель (Туржель), Турглин, Тюрефи (я его так ласково называла), но вот Луизетта была к Ивану Сергеевичу очень недоброжелательна и несправедлива. Хотя она легко могла испортить настроение любому члену нашей семьи и устроить ссору на пустом месте.

Хоакина Сичес, мать Полины Гарсиа-Виардо

В мае 1864 года в Брюсселе тихо скончалась моя матушка. Ее похоронили рядом с дочерью Марией-Феличитой. Я очень любила маму, и мне ее потом сильно не доставало. Этот уход очень опечалил всю нашу семью. А вот со своей собственной родной матерью Тургенев так и не успел проститься, хотя и знал, что ее положение безнадежно. Он приехал в Москву 21 ноября 1850 года, когда его маменьку уже похоронили на кладбище Донского монастыря. Видимо, он так и не сумел пересилить свой страх смерти и ужас предсмертного прощания с близким человеком.

Так сложилось, что и с лучшими друзьями своими В.Г. Белинским и А.И. Герценом он также не попрощался, хотя Герцен спас ему жизнь, выйдя Ивана Сергеевича, заболевшего холерой во

время эпидемии в Париже, при этом сильно рискуя своей собственной жизнью.

Александр Иванович Герцен. Гравюра
М. Леммель. 1850-е гг.

И Полина Виардо рассказала эту историю, в которой дружба и самоотверженность А.И. Герцена спасла жизнь И.С. Тургеневу.

– Тогда в 1849 году смерть заглянула в лицо Ивану Сергеевичу Тургеневу, – сказала Полина, – но его верный друг Александр Герцен отогнал эту не прошенную страшную гостью.

– Полина, – спросила я Виардо, – Вы помните, как Тургенев писал Вам, что испытал чувство глубокого потрясения, когда прочитал материнские дневники: «С прошлого вторника у меня было много разных впечатлений. Самое сильное из них было вызвано чтением дневника моей матери... Какая женщина, друг мой, какая женщина! Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей Бог всё... Но какая жизнь... Право, я совершенно потрясен. Да, да, мы должны быть добры и справедливы, хотя бы для того, чтобы не умереть так, как она...» [35].

Между членами семьи Тургеневых изначально не было особой любви и теплоты отношений, взаимной заботы и поддержки. Во многом это было обусловлено деспотичным и своенравным характером единоличной главы дома Варвары Петровны, признававшей только свое мнение и не считавшейся с окружающими её людьми. Много бед и тягот доставила ее сыновьям нерешенность финансовых вопросов по их материальному содержанию и выделению доли в собственности, что не было сделано при жизни их матери, которая хотела жестко держать своих наследников в полной зависимости от себя.

Ситуацию осложнило появление незаконнорожденной дочери, «воспитанницы» Вареньки Богданович, которую сыновья благожелательно приняли, зная, что это их сводная сестра. Варвара Петровна официально удочерила девочку, балуя и осыпая дорогими подарками Варю, она не давала денег сыновьям. Семья ее старшего сына Николая просто бедствовала. Иван, перебиваясь нетвёрдым

литературным заработком, просил мать за брата, говоря ей, что тому с семьей скоро есть будет нечего.

Разумеется, братьев Тургеневых, Ивана и Николая, очень раздражало, что их родная мать делала очень дорогие подарки юной «воспитаннице» Варваре. Так, она подарила Варе свои бриллиантовые украшения за 28 000 рублей, наказав надеть их на венчание, оплачивала ее обучение, приобрела прекрасный дорогой кабинетный рояль за 800 рублей, а своему любимому законному сыну Ивану отправила в Париж для возвращения в Россию всего лишь 600 рублей, которых только и хватило, что на уплату накопившихся у него многочисленных долгов.

Я напомнила Полине о том, что в послании к ней и Луи от 18/30 сентября 1850 года Тургенев писал: «Вспоминаю, что в одном из своих писем Вы спрашивали меня, что представляет собою воспитанница моей матери, порядочную особу или интриганку? Она ни то, ни другое – она не группа, не зла, но бессодержательна и избалована: манеры отвратительные: нечто вроде жеманной гризетки, ленивой и вульгарной. Она только и мечтает поскорее выйти замуж... [81, на фр. яз. – с. 51, на рус. яз. – с. 360].

Варвара Богданович-Житова

Как отмечает известный российский тургеневед В.Н. Боровицкая, так как Варвара Петровна не оставила завещания, она спровоцировала жесткую борьбу за наследство между ее близкими, резко изменив их взаимоотношения. И.С. Тургенев, относившийся заботливо и с большой симпатией к Варваре Богданович в годы ее детства, резко переменялся к ней. Вот что Иван Сергеевич пишет о ней Вам после смерти своей матери: «Та молодая девушка, которую моя мать усыновила, фальшивая, злая, хитрая и бессердечная... Невозможно изобразить Вам все зло, которое наделала эта маленькая гадюка. Она опутала моего брата, который по своей наивной доброте принимал ее за ангела, она дошла до того, что гнусно оклеветала своего родного отца, и потом... держала себя вызывающе, с таким

апломбом и с такой наглостью. Невозможно было оставлять ее больше у нас...

Мы с братом выдали ей заёмной письмо на шестьдесят тысяч франков из 6% годовых с уплатою через три года², весь гардероб моей матери и прочее. Она же нам выдала расписку, что никаких претензий к нам не имеет, и теперь мы от нее отделались... Что за дурная, извращенная натура в семнадцать лет» [10, с. 86].

– Читаешь эти строки и диву даёшься, – сказала я, – ведь это говорит старший брат о своей юной, неопытной и неприспособленной к самостоятельной жизни младшей сестре, которая осталась одна без матери, без дома и материальной поддержки.

– Как сложилась жизнь этой девушки потом? – спросила Полина.

– Её судьба очень печальна. Привыкшая жить в достатке, всю остальную жизнь она прожила в бедности. Через четыре года после смерти матери она вышла замуж за мелкого рязанского помещика и стала по мужу Житовой, прожив с супругом 35 лет. Всю жизнь она много работала: давала уроки музыки на дому, преподавала в гимназии французский язык и географию, занималась репетиторством, а муж – околоточный надзиратель,пил горькую, пока не умер.

После смерти матери, вступив в наследование, И.С. Тургенев поручил управление всеми имениями своему родному дяде Николаю Николаевичу, но тот управлял ими неважно и нечестно, высылая племяннику лишь 3 000 рублей в год, в то время как находящийся в России старший брат Ивана Сергеевича Николай Сергеевич получал 20 000 рублей.

А потом произошла очень некрасивая история с долговым векселем на 10 500 рублей, который дядя обманом выпросил у своего племянника Ивана в обеспечение своей старости и благосостояния своих детей на случай внезапной кончины Тургенева, с клятвенным обещанием предъявить этот вексель к оплате только в этом случае, но никак не ранее. Однако дядино корыстолюбие вскоре одержало победу, и Николай Николаевич внезапно предъявил вексель, а также во многом надуманные долговые претензии и срочно потребовал их оплатить, поставив Ивана Сергеевича в очень затруднительное положение.

Известный российский литературовед В.Н. Боровицкая очень точно сказала в написанной ею книге «Эпилог» обо всем, произошедшем после смерти Варвары Петровны: «Деньги,

---

² Тут Иван Сергеевич допустил неточность, так как вексель на крупную сумму денег Варвара Петровна сама заблаговременно выписала для Вареньки и передала этот финансовый документ родному отцу девушки – А.Е. Берсу. Все-таки болело материнское сердце этой «железной» женщины за судьбу ее незаконнорожденной дочери. Она понимала, каким сложным будет положение осиротевшей Вари Богданович-Лутвиновой. И, как говорится, как в воду глядела.

вторгшиеся в человеческие отношения, обнажили и изменили многое, невидимое ранее» [10, с. 86].

Современники вспоминали, что свою бессемейность Тургенев переживал как личную драму, постоянно мучился и терзался своей неприкаянностью. Он говорил с болью: «Осужден я на цыганскую жизнь – и не свить мне, видно, гнезда нигде и никогда!» – процитировала я. – Свой многолетний приют он нашел в Вашей семье, сначала в Париже, а потом – в Куртавнеле. 1847-1850 годы были очень важным для Ивана Сергеевича и его творчества временем, так как он много и плодотворно работал, – сказала я Полине. – Кроме того, в парижскую зиму на рубеже 1849-1850 годов у него установились прочные отношения с французскими писателями и поэтами, и началась дружба с великой Жорж Санд.

Полина вздохнула:

– Злые языки называли Тургенева нашим «нахлебником», но мы с Луи так не считали. В материальном отношении в тот период Ивану было очень тяжело. Мать совсем не присылала ему денег, а неверный литературный заработок в русских журналах давал мало средств. Успешными в коммерческом плане были только «Записки охотника», драматические же произведения Ивана Сергеевича цензура не пропускала. Мы с мужем хорошо понимали всю сложность ситуации и старались помочь нашему русскому другу, доброму и талантливому человеку.

– Знаете, – продолжала Виардо, – сложность была ещё в том, что Тургенев редкий и прекрасный человек, но в общежитии это было дитя, за которым надо ухаживать, точно няньке; к практической жизни он совершенно был негоден...³

Своим русским ученицам я часто говорила про него, что он как ребенок. Его надо часто утешать, всегда всё за него устраивать, но он мне был дорог тогда и сейчас [10, с. 172]

П.В. Анненков вспоминал, что Тургенев сам знал о том, что воля – слабое место его характера и добродушно величал себя «овечьей натурой». Как указывали российские исследователи-тургенеvedы, ссылаясь на мнение современников писателя, недостаток воли в характере Тургенева и его мягкость вошли в поговорку между литераторами; но они несравненно меньше упоминали о доброте его сердца, которая между тем отмечала каждый шаг его непростой жизни [66, с. 65].

– А ещё он был очень благодарным человеком, – добавила я.

– Да, благодарным, – подтвердила Виардо. – Возвращаясь к материальному вопросу, нужно сказать, что мы часто взаимно помогали друг другу в трудную минуту.

---

³ Подробнее см. в воспоминаниях М.Л. Василенко-Левитон [14].

Вот был случай, – продолжала Полина, – в 1865 году Тургенев купил в Тиргартене участок, прилегающий к нашей вилле. Уже в конце 1867 года он построил свой первый собственный дом и поселился в нём в 1868 году. Тургенев был очень горд своим просторным и красивым жилищем, правда, прожил в нем очень недолго, так как произошла большая неприятность, доставленная ему близким родственником, которому он безоговорочно доверял.

Иван Сергеевич был вынужден сначала заложить, а потом продать свой новый и красивый дом, чтобы расплатиться со своим дядей, как я уже Вам говорила, по векселю, который тот у Ивана выпросил и обещал предъявить только после смерти племянника, если такое вдруг произойдет внезапно.

Нужно было срочно найти покупателя, что было практически невозможно. Мы долго искали и не нашли, хотя приложили к этому массу усилий. И тогда в 1867 году мой муж помог Ивану Сергеевичу заложить дом. Потом в 1871 году этот дом был продан банкиру Ахенбаху, а затем графам Бисмаркам, которые очень дорожили памятью великого русского писателя и даже сохранили в неприкосновенности обстановку его кабинета.

Вот как очень печально и внезапно закончился баденский период жизни И.С. Тургенева, который складывался так безмятежно. Иван Сергеевич писал осенью 1864 года о своей жизни в Бадене И.П. Борисову: «А, в самом деле, мне здесь хорошо живется. Здоровье весьма удовлетворительно, охота тоже, старые друзья с каждым днем мне становятся ближе и дороже; вместе с осенним ненастьем ложатся на жизнь и осенние краски и осенняя тишина. Желания успокоились, и деятельность прекращается; но тем более разыгрывается фантазия – и тешишься поневоле ее неопределенной и бесследной игрой. День скользит тихонько за днем – и только и думаешь: как бы это продолжалось подольше – в том же роде» [132, с. 52].

– Но идиллия закончилась. Грянула революция во Франции, которая изменила ход истории и судьбы людей. 1870-ый год был очень тяжелым, – продолжала Полина. – Мы с дочерьми отправились в Англию, куда должны были в ноябре приехать Луи с сыном. На поездку нужны были очень большие деньги, и Иван помог нам в трудную минуту, одолжив их нам.

Дело осложнилось тем, что по приезде в Лондон я простудилась и заболела, – уточнила Виардо. – Мы боялись, что болезнь нарушит мой ангажемент, но я быстро поправилась и снова приступила к работе. Кстати сказать, – добавила Полина, – когда мой сын Поль стал скрипачом, Иван Сергеевич Тургенев сделал ему очень щедрый подарок – преподнес настоящую скрипку Страдивари. Вы ведь знаете, что значит уникальный музыкальный инструмент для артиста.

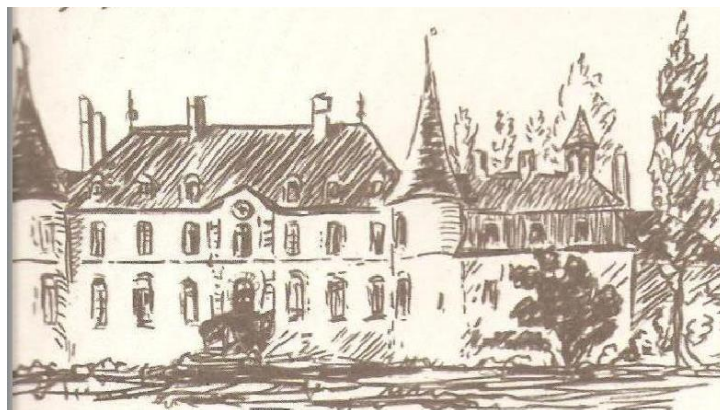
– Современники говорили, что в 1875 году Тургенев купил и подарил Вам виллу Les Frenes («Ясени»), – осторожно спросила я у Полины.

– Да, это так. Я в то время зарабатывала только уроками, а это не такие уж большие деньги. Сама я такую виллу купить тогда уже не могла, – ответила Виардо.

– А помните, Полина, – спросила я, – то письмо от 24-25 июня 1850 года, о котором мы с Вами говорили в начале нашей встречи? В этом письме Тургенев горячо и благодарно писал перед самым Вашим отъездом из России в 1850 году: «Прощайте, прощайте; целую вас всех – вас, Виардо, будьте благословенны, мои дорогие и добрые друзья, моя единственная семья, вы, кого я люблю больше всего на свете...» [56, с. 85].

– А как он любил Куртавнель⁴? – продолжала я. – Вот что Тургенев писал о Куртавнеле Марии Николаевне Толстой в письме от 11/23 сентября 1856 года: «Нет места на земле, которое я любил бы так, как Куртавнель. Мне здесь очень хорошо; я нахожусь с людьми, которых я люблю и которые меня любят» [85, с. 123].

В письме Тургенева к В.П. Боткину от 18 / 30 сентября 1856 года мы находим следующие строки: «Я здесь чувствую себя дома; никуда не хочется – на душе тихо и светло» [87, с. 126].

Куртавнель. Авторский рисунок Полины Виардо

А в письме от 25 октября / 6 ноября 1856 года И.С. Тургенев пишет: «Как отлично мы проводили время в Куртавнеле! Каждый день казался подарком... Словом, нам было хорошо – как форелям в светлом ручье, когда солнце ударяет по нем и проникает в волну» [88, с. 134].

«Мне здесь очень хорошо, – сообщает Тургенев Л.Н. Толстому, – я с людьми, которых люблю душевно и которые меня любят» [86, с. 125]. Но Иван Сергеевич уточняет: «У меня есть близкие друзья,

---

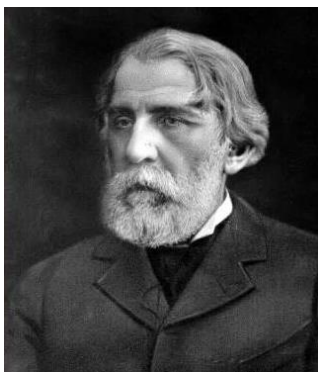
⁴ Куртавнель – это небольшой старинный замок неподалеку от Парижа около Rozay-en-Brie в Иль-де-Франс.

которых я люблю и которыми любим; но не всё, что мне дорого и близко, так же близко и интересно для них; не всё, что волнует меня, одинаково волнует и их... Отсюда понятно, что наступают для меня довольно продолжительные периоды отчуждения и одиночества» [66, с. 83].

– Ну, не все русские были в таком восторге, – сказала Виардо. – Например, Фету не понравилось у нас, – и Полина усмехнулась. – Он был недоволен малым количеством питания, подаваемых в нашем доме за завтраками и обедами... Вместо привычного для него наваристого борща с говядиной и гречневой каши с маслом описываемый Фетом обед в замке Куртавнелъ состоял из французского бульона, слабого до бесчувствия, вторым блюдом являлся небольшой масляный пирожок, третьим блюдом – вареные бобы с художественно нарезанными ломтиками светившейся насквозь ветчины; последним блюдом были блинчики или яичница с вареньем на небольшом плафоне [10, с. 120-121].

А я вернулась к возвышенному чувству Тургенева и напредила, как 26 июля 1849 года Иван Сергеевич сообщал Полине из Куртавнелъ: «... я живу здесь, как в очарованном замке, меня кормят, меня обстирывают; чего больше нужно одинокому человеку?». Далее идет приписка на немецком языке: «Да хранит вас господь. Страстно целую ваши руки и ноги, страстно и бесконечно. Доброй ночи» [41, с. 87]. («Der liebe Gott moge viel lieber uber Sie wachen. Die gluhendsten kusse Ihren Handen und Fussen, gluhend und studenlang. Gute Nacht»).

Однако маятник настроения И.С. Тургенева резко раскачивался от спокойствия к отчаянию и обратно, причем эти перепады настроения были постоянными. 12/24 августа 1857 года он пишет Н.А. Некрасову из Куртавнелъ: «Нет, уже точно: Этак жить нельзя. Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет – ну и не надо никакого» [89, с. 251].

Иван Сергеевич Тургенев

В августе 1859 года наступает некоторое затишье и умиротворение, но Иван Сергеевич все равно возвращается к теме правильной семейной жизни: «В комнате свежо и тихо, в коридоре

слышны голоса детей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше? Кругом меня правильная семейная жизнь...» – писал Тургенев Анненкову 1/13 августа 1859 года [99, с. 75].

– Правда, иногда у Ивана Сергеевича снова прорывалась горечь, – добавила я. – Ведь все-таки это была жизнь «на краешке чужого гнезда», то есть не своего собственного, которое он так и не сумел построить. Поэтому Тургенев сильно переживал эту свою неустроенность: «В мои годы уехать за границу – значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышления о семейной жизни. Что делать! Видно, такова моя судьба. Впрочем, и то сказать: люди без твердости в характере любят сочинять себе «судьбу»; это избавляет их от необходимости иметь собственную волю – и от ответственности перед самими собою...» [66, с. 93].

Тургенев пишет В.П. Боткину из Баден-Бадена 10 (22) октября 1863 г.: «... тяжело не иметь гнезда в такое время, когда, кроме гнезда, ничего уже не нужно» [125, с. 217]. Но при всем желании устроить свою личную жизнь, надежды решить эту бессемейную проблему он все-таки себе не оставлял. Кроме того, из благополучной заграницы его безудержно тянуло на Родину.

Он грустит: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома. Весною я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсюда – я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье». И далее он продолжал с неизбывной тоской по Родине: «Боже мой, как мне хочется поскорее в Россию! Довольно, довольно, полно!».

Боткину Тургенев писал из Парижа 25 октября / 6 ноября 1856 г.: «Что ни говори – а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете – особенно за границей я это чувствую» [88, с. 134]. А в письме из Парижа Александру Ивановичу Герцену 25 февраля (9 марта) 1861 г. Иван Сергеевич упрекает его: «Прежде всего, должен тебе сказать, что ты ужасный человек. Охота же тебе поворачивать нож в ране! Что же мне делать, коли у меня дочь, которую я должен выдать замуж и потому поневоле сижу в Париже? **Все мои помыслы – весь я в России...**» [117, с. 297].

Эта щемящая нота еще пронзительнее звучит в письме Тургенева из Парижа к графине Е.Е. Ламберт от 8 (20 декабря) 1861 года: «За жизнью не угоняешься, хотя все в ней беспрестанно повторяется – но от души сказанное слово рано или поздно найдет свое место. Вы не можете себе представить, как мне хочется вернуться в Россию – не теперь, а с первыми днями весны, когда запоют соловьи...» [115, с. 281-283].

Он приезжал в Россию и снова уезжал из неё.. 26 июля/7 августа Тургенев сообщал Елизавете Егоровне о решении воротиться в Россию, но вместо этого Иван Сергеевич поехал в Куртавнель.

Однако со временем менялось отношение Тургенева и к любимому Куртавнелю.

21 июля 1860 года он с грустью пишет Марко Вовчек из Куртавнеля: «Как раньше сердце билось, как дыханье стеснялось, когда я подъезжал к нему, а теперь все это стало тише – да и пора!» [110, с. 219].

Тургенев откровенно сообщает из Парижа 8 (20) января 1861 года графине Ламберт, поверенной его чувств, о своей душевной боли. Он любит свою единственную и страдает: «Да, я по-прежнему люблю её, люблю Куртавнель, люблю поэзию, музыку, женскую красоту, – с нежностью писал Тургенев и добавлял с грустью, – только в этой любви уже нет ничего личного...

Все другие связи – не то, что порвались – а истаяли. Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, – существом – но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо, я так же мало думаю при этом о себе, о возможных отношениях между этим лицом и мною – как будто бы я был современником Сезостриса, каким-то чудом еще двигающимся на земле среди живых» [115, с.282].

Понимая двусмысленность своего нахождения в чужом доме, Тургенев с тревогой спрашивал Вас, Полина, в письме от 23 июля 1849 года: «Что случилось с Виардо? Может быть, ему неприятно, что я здесь живу?» [77, на фр. – с. 305, на рус. яз. – 423]. А еще ранее он заверял Луи Виардо: «...Вы имеете во мне, дорогой Виардо, безгранично преданного друга...» [35, с. 23].

По сравнению с сирой и нищей российской деревней жизнь в Баден-Бадене казалась Ивану Сергеевичу дивным праздником жизни, искрометным и пленительным. Чарующая музыка, увлекательные, проникнутые юмором постановки в обществе близких и приятных людей делали пребывание там легким и интересным.

– Надо сказать, – обратилась я к Полине, – что и во времена И.С. Тургенева, и потом в революционную эпоху XX века, годы войн и жестоких репрессий, одни спасали свою жизнь от верной гибели, другие хотели продолжать и развивать свою карьеру, особенно научную или творческую, артистическую, в более комфортных условиях, которых не было на Родине, которую непрерывно сотрясали катаклизмы: то революции, то войны с последующей разрухой и голодом, то начавшиеся массовые репрессии. Но и в XXI веке очень много людей уехали из нашей страны. Некоторые из них говорили, что едут на Запад за свободой. Один современный российский поэт, мой хороший знакомый, написал стихотворение, которое, мне кажется, как нельзя лучше подходит к описанию данной ситуации:

*Не умеем мы в России
Жить комфортно и красиво.
Все успехи через силу,
То разруха, то распад.*

*И осталось у России
Только то, что небо сине,
Остальное в нашей жизни
Точно выстрел наугад.*

– Это все стихотворение? – спросила Полина.

– Нет, не все, а чуть меньше половины, – ответила я и стала читать дальше:

*Вновь увидимся весной,
Хоть все в марте некрасиво:
Снег, как каша, под ногами,
Наледь, талая вода...*

*И осталось у России
Только то, что небо сине,
Да бескрайние просторы.
Остальное – ерунда!*

*Мы научимся, возможно,
Жить богато и счастливо.
А, кто этого дождется,
Будет просто молодец!*

*Он увидит, что в России
Есть не только небо сине,
И не только в русских сказках
Может добрым быть конец.*

– Грустное стихотворение, хотя очень лирическое, – вздохнула Виардо, а я вернулась к больной теме «безгнездовья», затронутой нами ранее:

– Эта тенденция неукорененности, неуютности (я бы даже сказала бесприютности), некомфортности на Родине была точно подмечена Иваном Сергеевичем. Но и у благополучного Бадена была своя обратная сторона, отнюдь не приятная.

В октябре 1867 года, играя роль паши Зулуфа в оперетте «Слишком много жен», Тургенев уловил презрительную усмешку на губах прусской кронпринцессы. «Что-то во мне дрогнуло! – писал И.С.

Тургенев своему хорошему знакомому Людвигу Пичу, писателю, критику, живописцу и графику в послании от 14/26 октября того же 1867 г. – «Даже при моем слабом уважении к собственной персоне мне представилось, что дело зашло уж слишком далеко» [156, на фр. яз. – 54, на рус. яз. - с. 226].

Людвиг Пич, писатель и художник

Ах, Баден-Баден... В свое время еще Лев Николаевич Толстой заметил об Иване Сергеевиче: «Он играет жизнью». Тургенева точно влекла к себе салонная артистическая атмосфера – атмосфера успеха, поклонения, аплодисментов. Как отмечают литературоведы, жизнью около Виардо и служением ее карьере он только заменял то, чего ему не хватало в собственной жизни [10, с. 134].

Но игра не могла заменить реальной жизни со всеми ее радостями и проблемами. Ивану Сергеевичу временами было очень тяжело и грустно. Анатолий Федорович Кони, знаменитый российский юрист, приводит слова Тургенева, с болью душевной вырвавшиеся у великого писателя: «Вы себе представить не можете, как тяжела одинокая старость, когда поневоле приходится приютиться на краюшке чужого гнезда, получать ласковое отношение к себе как милостыню и быть в положении старого пса, которого не прогоняют только по привычке и из жалости к нему. Послушайте моего совета! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!» [10, с. 196].

И.С. Тургенев действительно был очень добрым человеком. Как он радовался, когда получил известие о предстоящей женитьбе П.В. Анненкова, с которым был связан многолетней сердечной дружбой. Он пишет своему другу 16 (28 января) 1961 г.: «Слава богу! Свил себе человек гнездо, вошел в пристань – не все мы, стало быть, еще пропали! То, о чем я иногда мечтал для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовал образ Лаврецкого – свершилось над Вами – и я могу признать все, что дружба имеет благородного и чистого, в том светлом чувстве, с которым я благословляю Вас на долгое и полное счастье. Это чувство тем светлее, чем гуще ложатся тени на собственное мое будущее, я это сознаю и радуюсь бескорыстия своего сердца» [116, с. 284].

Подобные мысли Тургенев высказывал и ранее. Так, в письме к М.Н. Толстой от 7 (19) ноября 1859 г. Иван Сергеевич писал: «Иметь свое гнездо – жить для детей – что может быть лучше на земле» [105, с.105].

– Многих интересовало, – сказала я, – какими были отношения между Луи Виардо и Тургеневым, особенно на склоне жизни? А.А. Фет в своих воспоминаниях писал, что во взаимоотношениях сильно постаревших Луи Виардо и Ивана Тургенева, несмотря на их дружбу, ясно выражалась приветливость полноправного хозяина, с одной стороны, и благовоспитанная предупредительность гостя, с другой [180, с. 301].

– В этой ситуации иначе и быть не могло, – сказала Полина. – Кроме того, очень правильно сказал Б. Фори, что в нашей семье Тургенев «в сущности, обрёл домашний очаг и жил окруженный комфортом и вниманием. Писатель и любитель живописи, Тургенев нашел в своем старом друге Виардо собрата по литературе и тонкого художественного критика. Большой любитель музыки, он мечтать не мог о более интересной среде, поскольку все члены семьи были артистами [181].

– Тургенев сам говорил Л.Н. Майкову, – добавила я. – Я люблю семью, семейную жизнь, но мне не суждено было создать собственное семейство, и я прикрепился, вошел в состав чужой семьи... Там на меня смотрят не как на литератора, а как на человека, и среди нее мне спокойно и тепло...» [41, с.205].

– А твоя семья? Кто твои родители? Есть ли у тебя дети? – спросила с интересом Полина.

– Нет, детей нет, – ответила я, – так как у меня тяжелая форма диабета. Это очень коварная болезнь, так как можно в любой момент ослепнуть или потерять ноги. Я бы не хотела, чтобы мои дети столкнулись с этой проблемой, которая может закончиться трагедией.

– А твоя мама? Почему она отважилась на детей? У неё тоже был диабет?

– Знаете, Полина, на долю моей мамы выпали в жизни такие тяжёлые испытания и потрясения, которые, наверняка, и спровоцировали развитие этой страшной болезни.

Моя мама Екатерина Михайловна Безбородова родилась в 1920 году на Кубани в знаменитой казачьей станице Прочноокопской, из которой происходили практически все выдающиеся казачьи атаманы. Семья её отца Михаила Ермолаевича Безбородова была зажиточная, многочисленная (мама была десятым ребенком) и трудолюбивая.

По нашей семейной легенде (так как документов, к большому моему сожалению, не сохранилось), мой прадед, Ермолай Безбородов, который был известным казачьим атаманом, во время одного из многочисленных военных походов в дальние южные края вывез

оттуда красивую и знатную арабскую девушку. На Кубани в родной станице Ермолай барышню не бросил, а, несмотря на протесты и недовольство своей родни, обвенчался с ней. Для этого ее покрестили в православную веру и нарекли Екатериной, с той поры это имя и еще Лариса являются наиболее встречаемыми в нашем роду женскими именами.

Надо сказать, что святая великомученица Екатерина (с греч. – всегда чистая) Александрийская – одна из наиболее почитаемых на Кубани святых. В 4 веке н.э. она была египетской царицей, красавицей и умницей. До крещения носила имя Доротей (богом данная). Римский император Максимилиан потребовал, чтобы она отказалась от христианской веры, но она была тверда и непреклонна. Ее схватили и хотели колесовать. Это страшная и мучительная казнь. Но и тогда Екатерина не отреклась от своей веры, она продолжала молиться, когда ее подвели к колесу, но даже это страшное орудие пыток не сломило её дух, а, наоборот, само сломалось. Потрясенные мучители отпустили Екатерину, тем более что она обратила в свою веру жену императора и еще 27 человек.

Это была единственная христианская святая, которая осталась живой, но ненадолго. К ней посватался римский император после того, как он казнил свою жену, ставшую христианкой, но Екатерина ему отказала. Тогда палачи отрубили ей голову, но из раны, по легенде, потекло молоко.

У моей мамы (она умерла в 2008 году от диабета, не дожив меньше месяца до своего восьмидесятивосьмилетия) был характер твердый и мужественный, как у этой святой, чье имя она носила. Думаю, что на таких русских женщинах вся наша земля держится. Это они помогли отстоять Родину в Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.), а потом героически восстанавливали свою страну, растили и воспитывали детей и при этом оставались обворожительными красавицами и преданными женами, несмотря на все тяготы неустроенного послевоенного быта.

В детстве я даже видела фотографию своей прабабушки: на ней была высокая и стройная черная девушка в ослепительно белом подвенечном платье, белых перчатках и фате. Я тогда спросила маму: «Это что – негатив?» На что мама ответила: «Это твоя прабабушка на венчании в церкви».

После революции 1917 года на Кубани, так же, как и на Дону, начался процесс расказачивания, ведь казаки не только были отличными хлебопашцами, но, в первую очередь, это было многочисленное военное служилое сословие, которое верно охраняло границы России, прекрасно владея военным искусством. Это была мощная и грозная сила.

Для устранения казаков активно использовалось раскулачивание. И хоть многие мамыны старшие братья и сёстры были и председателями колхозов, и ответственными партийными и государственными работниками, это не уберегло моего деда от доноса. Главной причиной была плодородная земля, которой он владел, и крепкое хозяйство. Михаила Ермолаевича Безбородова раскулачили, имущество отобрали, а самого арестовали и с женой и младшей дочерью Катюшей (моей мамой) посадили на телегу и куда-то повезли. А соседи-станичники стояли вдоль дороги и смотрели на происходящее, кто со злорадством, кто со страхом, а кто с сочувствием.

Как мне потом рассказывала мама, когда они выезжали за околицу, бабушка легонько толкнула её и шепнула: «Дочка, беги, добрые люди спрячут и помогут».

– Помогли? – спросила Полина.

– Помогли, но это было потом. А тогда мама соскочила с телеги и побежала, что было мочи, только пятки засверкали. Тем временем её родная старшая сестра кричала: «Стреляйте, стреляйте в Катюку, а то она убежит, а нас возьмут!» – кричала-то она конвоирам, а крик этот до сих пор стоит у меня в ушах.

Мама не пропала. Действительно, добрые люди помогли. Когда она подросла, то уехала в Ростов-на-Дону, где поступила и окончила Фармацевтический техникум, а в июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, пошла на фронт добровольцем и до конца 1945 года прослужила во фронтовом госпитале, а потом – в советском военном госпитале в Румынии.

Как вспоминала мама, чтобы её взяли на фронт, нужно было заполнить анкету с данными о родителях. Мама написала, что отец умер (им после ареста сказали, что он умер в заключении, но ни она, ни бабушка от него никогда не отрекались, как от врага народа). В суматохе никто перепроверять анкетные данные не стал.

– А что стало с твоим дедом? – спросила меня Полина. – Его расстреляли?

– Точных данных нет, – ответила я. – Но в семье была легенда, что он остался жив и был сослан на Соловки. Его дети, которые занимали высокие посты, этого так просто не оставили и настойчиво писали ходатайства об его освобождении и, хоть это было для них очень опасно, посылали даже письма Сталину. Эти просьбы возымели действие. На Соловках деда освободили и разрешили ему возвращаться домой, на что тот ответил: «А землю вернёте? Без земли не поеду!». За строптивость его сослали на поселение в Томск, где он впоследствии и умер.

– Знаете, Полина, история моих родителей и моих родственников – это больной рубец на моём сердце, – сказала грустно я. – Потеряв отчий дом, который они с Михаилом Ермолаевичем с

такой любовью построили, моя бабушка Елена всю оставшуюся ей долгую жизнь, а умерла она в 96 лет, скиталась по родным и знакомым. Мой отец и мама также долго не имели своего угла и помыкались по свету. У меня до сих пор нет своего дома, и я очень болезненно воспринимаю своё «безгнёздовье» и бесприютность.

Весной 2003 года я была волею случая в прекрасном и цветущем южном городе Армавире, где до сих пор живут мои родственники по маминой линии. Мы с ними поехали в пригород Армавира (Форштадт), и мне показали дом моего родного деда Михаила Безбородова. Дом стоит пустой, холодный и тёмный. Это и есть моё родное «гнездо», но мне уже в него никогда не войти, так как этом дом у нашей семьи отобрали в тяжёлые и трагические 30-ые годы прошлого XX века.

– Вот такая грустная история моей семьи, – заключила со вздохом я.

Глава 4

ГЛУБОКОЕ И НЕИЗБЫВНОЕ ЧУВСТВО, СВЕТЛОЕ, НО С ПРИВКУСОМ ГОРЕЧИ

*«Все говорят: Любовь – самое высокое,
Самое неземное чувство...»*

*И.С. Тургенев. Любовь, стихотворение
в прозе. Июнь, 1881 год.*

Я продолжала наш разговор:

–Авдотья Панаева рассказывала, как дорожил Тургенев малейшим вниманием Вашим: «Я помню, раз вечером Тургенев явился к нам в каком-то экстазе и говорит: «Господа, я так счастлив сегодня, что не может быть на свете другого человека, счастливее меня!»

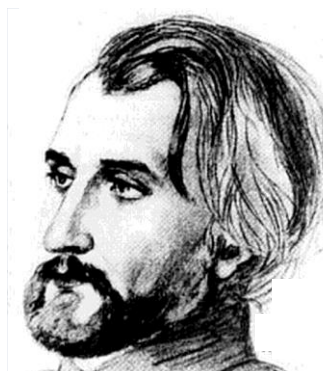
Авдотья Яковлевна Панаева

Игравшие в преферанс Белинский, Боткин и другие забыли про игру. Боткин стал приставать к Тургеневу, чтобы тот рассказал о своем счастье, да и другие очень заинтересовались. Оказалось, что у Тургенева очень болела голова, и сама Виардо потеряла ему виски одеколоном. Тургенев описывал свои ощущения, когда почувствовал прикосновение её пальчиков к своим вискам [42, с.123-124].

А. Панаева продолжала с желчью: «Другого такого крикливого влюбленного, как Тургенев, я думаю, трудно было найти. Он громогласно всюду и всех оповещал о своей любви к Виардо, а в кружке своих приятелей ни о ком другом не говорил, как о Виардо» [8].

Полина усмехнулась:

– Она потому так сказала, что эти восторги были не о ней. Это простая обида и женская зависть. Чувство Тургенева ко мне было сильным и страстным, оно отразилось в его письмах, в которых он был предельно откровенен и открыт, что часто себе не мог позволить при живой встрече. Наша переписка началась в 1844 году и продлилась почти сорок лет.

Портрет И.С. Тургенева работы Полины Виардо

Он писал: «Ах, мои чувства к вам слишком велики и сильны. Я не могу, не могу больше жить вдали от вас, – я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, – день, когда мне не светили ваши глаза, – погибший для меня день...» И дальше: «Но довольно – довольно – иначе я не совладаю с собой...» [147, с. 263-264]

В своих письмах он постоянно заверял меня в неизменности своего чувства. Так, в апрельском письме 1846 года в первый раз сделанной приписке на немецком языке он сообщал: «Я всё тот же и вечно останусь тем же самым» [68, на фр. яз. – с. 209, на рус. яз. – с. 356]. «Ich bin immer der selbe und werde es ewig bleiben» – он писал по-немецки, чтобы не беспокоить Луи, если тот вдруг случайно увидит и прочтет письмо. И я уже знала, что означает немецкий текст в его посланиях.

– Этот маленький секрет потом установился в нашей переписке, – сказала мне Полина и процитировала письмо Ивана Сергеевича от

5/17 января 1848 года из Парижа: «Так как я когда-то говорил по-немецки, воспользуюсь случаем сказать вам, что нет на земле ничего благороднее, любимее и дороже вас...»

«Errinern Sie sich? Da ish einmal Deutch gesprochen habe, so benutze Ich die Gelegenheit um Ihnen zu sagen, dass es gar nichls edleres lieberes, theueres auf der Erde gibt als Sie». [69, на фр. яз. – с. 255, на рус. яз. – с. 387].

Следующее письмо от 29 апреля 1848 года он так и начал по-немецки: «...beste, theuerste, geliebteste Frau!» («... самая лучшая, дорогая, любимая женщина!») [70, на фр. яз. – с. 259, на рус. яз. – с. 389].

– А помните, Полина, – сказала я, – как в июле 1849 года Иван Сергеевич пишет Вам очень страстные письма из Куртавнеля:

12 июля 1849 г. Куртавнель.

«Милое, самое дорогое существо. Каждое мгновение думаю о вас, о наслаждении, о будущем. Пишите мне хотя бы на маленьких клочках бумаги... Вы – лучшее, что имеется на земле. ... мои губы не на мгновение не отрываются от ваших ног. Я весь там как никогда...» [75, на фр. яз. – 297, на рус. яз. – с. 414].

«Lieben, theuerstes Weses. Jeden Minute danke ich an Sie, an das Vergnugen, an die Zukunft. Schreiken Sie mir ob auf kleinen Stucken Papier in den Briefen... Sie sind das Beste, as es auf der Erde gibt. ... meine Lippen trennen sich keinen Augenblick von Ihren Fussen. Ich bin danz, wie nie...») [75, на фр. яз. – 296, на рус. яз. – с. 414].

17 июля 1849 г.

«... Я весь принадлежу, я полностью принадлежу моей дорогой госпоже. Тысячу раз да благословит вас бог». «Ich bin ganz hin. Ich gehore ganz und gar meiner lieber Herrin. Gott segne Sie tausendmal» [76, на фр. яз. – с. 300, на рус. яз. – 417].

– Он всегда желал Вам счастья – сказала я Виардо. – Так он писал: «Будьте счастливы... когда я обращаю к Вам это слово, мне нечего к нему прибавить, ибо я говорю его от всего сердца и говорю его часто, потому что мне кажется, что такие пожелания должны исполняться...» – так 9 марта 1844 года Тургенев сделал приписку в письме Евгения. Это было его первое послание Вам, Полина. [67, на фр. яз. – с. 203, на рус. яз. – с. 355].

– Но и с годами пыл его не остыл, – продолжала я. – Это было очень сильное и страстное чувство. И.С. Тургенев просил в письмах Ваши «милые, дорогие руки», чтобы их «сжимать и долго-долго целовать» [71, на фр. яз. – с. 259, на рус. яз. – с. 393] и «выцеловать всю душу», рассыпался в словах благодарности «за «милую записочку». Называл Вас «самым лучшим, дорогим, любимым существом», «милым ангелом», «единственной» [72-74, на фр. яз. – с. 264, 289 и 272, на рус. яз. – с. 393, 387-390].

Тургенев закончил свое письмо от 17 апреля 1853 года из Спасского такими словами: «Вы знаете то чувство, которое я посвятил вам и которое окончится только с моей жизнью [84, на фр. яз. – с. 220, на рус. яз. – с. 410]. А вы будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану существовать» [10, с. 89].

В телеграмме от 27 февраля/11 марта 1867 года он писал: «Дорогая, дорогая, никогда еще человеческая грудь не вмещала чувства, подобного моему к вам. Поклонение – самое неудачное слово, каким можно определить это чувство».

«Theuerste, theuerste, nie hat eine mensliche Brust ein solches Gefühl gehegt, wie die meinige für Sie. Anbetung ist noch das schwachste, was man davon sagen kam» [148 с. 124].

Тема поклонения звучит и в письме от 6 февраля 1867 года: «О, мой друг, я так счастлив от сознания, что все, все в мне глубочайшим образом связано с вами и зависит от вас! Если я дерево, то вы одновременно и корни мои, и крона!»

«O meine Freundinn. Ich bin so glücklich bei den Gedanken, das alles, alles in mir mit Ihren Wesen auf das Innigste verknüpft ist, und von Ihnen abhängt. Bin ich ein Baum, so sind Sie zugleich meine Wurzel and meine Krone») [143, на фр. яз. – с. 90, на рус. яз. – с. 248].

Он скучает по любимой женщине: «О, мой горячо любимый друг, постоянно, днем и ночью, я думаю о вас – и с какой бесконечной любовью! Всякий раз, когда Вы вспоминаете обо мне, вы можете уверенно сказать себе: «Мой образ стоит сейчас перед его глазами – и он поклоняется мне. И это будет истинная правда».

«O meine heissgeliebte Freundinn. Ich denke beständig, Tag und Nacht, an Sie – und mit welcher unendlichen Liebe! Jedes mal, wenn Sie an mich denken, können Sie getrost sagen: «Mein Bild steht jetzt vor seinen Augen – und er betet mich an». Das ist buchstäblich wahr» [145, на фр. яз. – с. 102, на рус. яз. – с. 255].

«Не могу вам сказать, как сильно стремлюсь я к вам каждую ночь, как всю ночь напролет вижу вас во сне; и я теперь не могу больше работать, так как все мои помыслы кружатся возле вас, и ваш дорогой образ заставляет все прочие растаять, подобно снегу».

«Ich kann Ihnen gar nicht sagen, wie sehr ich mich Ihrer lieben Gegenwart sehne jede Nacht, – und die ganze Nacht hindurch sehe ich Sie in Traume – auch kann ich jetzt nicht mehr arbeiten – da meine Gedanken schmelzen alle übrigen wie Schnee» [146, на фр. яз. – с. 108, на рус. яз. – с. 258].

Он ждет от Вас хотя бы несколько строк в ответ на его послания. Он снова и снова с любовью и величайшей нежностью обращается к Вам, Полина в письме от 11 октября (23) 1859 года: «Я читал и перечитывал ваше письмо – как сказать? – с живейшим интересом –

это звучит весьма глупо – с ощущением счастья – это так, но кажется преувеличением – словом, я перечитал его десять раз, благодарю вас и повторяю, что вы очень добры».

Он искренне желает Вам: «Будьте здоровы, – и просит, – и думайте обо мне. С нежностью целую вашу дорогую правую руку, которая потрудилась написать мне столь доброе письмо, и остаюсь навсегда. *Der unwandelbar Ihrige* (Неизменно ваш (нем.) [103, на фр. яз. – с. 96, на рус. яз. – с. 420].

Вернувшись из Франции домой, в Спасское Иван Сергеевич в письме от 16/28 сентября 1858 года вновь обращается к Вам: «Я все еще не могу привыкнуть к мысли, что вновь нахожусь в своей старой обители, и мои ощущения и мысли, взбудораженные этим долгим путешествием, еще кружатся вихрем, словно блески в данцигской водке, – лишь чувства мои неизменны, и я испытываю их сильнее, чем когда-либо. Не проходит и часа, чтобы я не мечтал о Куртавнеле и обо всем, что с ним связано». «*My heart s in the Higlands*» («Мое сердце в горах» (англ.), как поётся в песне».

Он продолжает эту мысль в конце письма: «Вот уже больше двух недель прошло, как я покинул Куртавнель, и я начинаю ожидать (человек склонен надеяться на то, чего хочется) дорого письма, которое озарит лучом радости и света окружающий меня ночной мрак [100, на фр. яз. – с. 86, на рус. яз – с. 418].

Как отмечал близкий друг Тургенева П.В. Анненков, эта любовь приносила Ивану Сергеевичу не только радость, но и страдание: «Он страдал сознанием, что не может победить женской души и управлять ею». Российские исследователи-тургенеvedы также считают, что любовь к Полине Виардо у Ивана Сергеевича не знала чувства меры и естественного равновесия: она лишь колебалась между полюсами «святости» и «рабства», что в Вас, Полина, он любил не столько женщину с ее земными достоинствами и недостатками, сколько Музу высокого искусства, артистический образ, доставлявший ему веру в бессмертие прекрасных жизненных мгновений.

В повести «Переписка» устами своего героя Тургенев практически делает нелегкое и откровенное признание: «В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами...

Любовь – вовсе даже не чувство; она – болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, против его воли – ни дать, ни взять холера или лихорадка.

Нет, в любви одно лицо – раб, а другое – властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь – цепь, и самая тяжелая. По крайней мере, я дошел до этого убеждения, и

дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что умираю рабом» [173, с. 47].

Я привела воспоминание А.П. Боголюбова о том, что Ваши взаимоотношения были сложными и на протяжении 40 лет дружбы не одинаково ровными.

– Да, это так, – сказала Полина. – Осенью 1856 года и весной 1857 года мы с Иваном Сергеевичем Тургеневым довольно сильно отдалились друг от друга. Луи и Ари Шеффер, мой преданный друг и советчик в течение восемнадцати лет, советовали мне эти отношения вообще прекратить. Но уже в июне 1860 года всё вернулось на круги своя. Я позвала Тургенева в Куртавнель, и он поспешил на зов. Он понимал, как мне было трудно и как мне нужна была дружеская поддержка [35, с. 164].

Вот что писал Тургенев П.В. Анненкову 26 июня/8 июля 1860 года: «... для меня её воля – закон. Её сын чуть было не умер, и она много натерпелась. Ей хочется отдохнуть в спокойном дружеском обществе...» [109, с. 211].

Однако кризис в отношениях наступил снова в том же 1860 году. Тургенев мучился из-за отстраненности от самых близких ему людей. Он писал графине Ламберт из Куртавнеля 21 сентября (3 октября) 1860 года: « ... между мною и моей дочерью (в этом надобно сознаться – хотя она прекрасная девушка) слишком мало общего, а над другими, Вам известными отношениями лег какой-то туман...» [111, с. 241].

Как пишет исследователь Соня Бергман, осенью 1860 года произошло очень серьёзное объяснение между Тургеневым и Луи Виардо. Иван Сергеевич очень тяжело и болезненно переживал это, в письме от 28 ноября (10 декабря) 1860 года он сообщает Елизавете Егоровне: «...На днях – моё сердце умерло... Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отделилось от меня окончательно, но, расставшись с ним, я увидел, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним. Тяжело мне было – но я скоро окаменел, и я чувствую теперь, что так жить еще можно. Вот если бы снова возродилась малейшая надежда возврата – она потрясла бы меня до основания. Я уже прежде испытал этот лед бесчувствия, под которым таится немое горе... дайте окрепнуть этой коре – и горе под ней исчезнет» [114, с. 268].

Иногда ему хотелось, чтобы друзья его пожалели. Он специально показывал им, что ему приходится заботиться и хлопотать о семье Виардо. Как-то он заторопился уходить из гостей, говоря друзьям при прощании, когда те хотели его остановить: «Нет, нет, я и так засиделся. Мне надо домой. Дочь мадам Виардо больна и в постели. Может оказаться нужным, чтобы я съездил к доктору или сходил в аптеку...» [35, с. 200].

Или в другой раз он рассуждает: «Канн? почему Канн, – скажете вы, – шутил Тургенев с горькой усмешкой. – На кой черт Канн? – А дело вот в чем. Дамы семейства Виардо должны провести две недели на берегу моря в местечке Люк или Сент-Обен; я отправлен вперед подыскать для них что-нибудь...» И его знакомые, и друзья недоумевали и испытывали к Вам раздражение, так как едва ли уместно было такое поручение для уже пожилого человека, страдающего мучительными приступами подагры, часто приковывавшими его к постели на долгие недели и месяцы...

– Многие русские друзья Тургенева продолжали относиться к его чувству с недоумением и непониманием, – сказала я. – Так, Н.А. Тучкова-Огарёва вспоминала, что «многие за глаза смеялись над долгой привязанностью Ивана Сергеевича Тургенева к Вам. Но та же Тучкова-Огарева верно подметила, что это было его самое лучшее чувство: «Какова была бы жизнь без нее?.. – говорила она. И в этом своем выводе она, несомненно, права [56, с. 119].

– Что бы не говорили, – отметила я, – но любовь к Вам, приносила Ивану Сергеевичу счастье. В письме из Петербурга от 28 /16 января 1864 года он пишет: «Моя самая дорогая подруга, вот славное письмо, которое доставило мне такое удовольствие и такую радость! Но, право же, мне совестно, что меня так любят. – Я почти готов просить прощения – и в то же время чувствую себя таким счастливым! Благодарю, тысячу миллионов раз благодарю!» [128, на фр. – с. 252, на рус. яз. – с. 372].

Исследователь Соня Бергман в своей книге «Полина Виардо. Последняя волшебница» указывает, что хоть Иван Сергеевич привык к своему особенному и несколько удивительному для французов положению – постоянного гостя семьи Виардо, но эта ситуация раздражала Луи. Отношения Полины с Тургеневым болезненно воспринимались её мужем. Временами обида вырывалась на поверхность. Так, 26 ноября 1865 года обиженный Луи Виардо высказывает, что ему кажется, что Полина уважает русского писателя больше, чем его, что он, Луи, становится для нее лишним.

«Я желаю всем моим существом, – пишет он, – чтобы мое сознание отключилось, чтобы мое сердце было спокойно и полно тобой, ... – и дальше звучит отчаянный призыв прогнать этих порочных разноцветных дьяволов, восстановить его покой и веселость, наполнить его счастьем и гордостью за его жену и подругу» [8].

Так что страсти в этом любовном треугольнике Полина – Иван Сергеевич – Луи Виардо кипели нешуточные, под стать античной драме.

– Кроме того, – я вернулась к беседе с Полиной, – я совсем не согласна с И.И. Ивановым, биографом Тургенева, который сказал о Вас такие холодные и недобрые слова: «Уметь рассчитать, когда стоит

и не стоит волноваться, и переживать только *не напрасные* волнения – значит вовсе не испытывать непосредственных волнений, быть неспособной на такие волнения. Поистине – дар богов – не менее драгоценный, чем сценический талант! Не Тургеневу, разумеется, было взволновать эту необыкновенную душу» [35].

– Часто русские недоброжелатели говорили обо мне нелестное и ложное – сказала Полина. – Так Н.К. Скворцова-Михайловская не отрицая мой талант певицы при этом всегда присовокупляла: «Несколько слов о m-me Виардо <...> Она была замечательный музыкальный талант, чего не отрицают даже злейшие ее враги. Как певицы ее карьера была блестяща, о нравственных ее качествах не будем говорить, они ниже всякой критики» [66, с.19].

– Авдотья Панаева всегда старалась подчеркнуть мою скупость и меркантильность, и даже жадность, – продолжала Виардо. – В своих воспоминаниях она приводит случай, когда князь Воронцов-Дашков давал у себя праздничный вечер с певцами из Итальянской оперы, как это было очень модно в то время. Я одна из всех приглашенных артистов выставила ему требование о том, что буду петь, если мне заплатят пятьсот рублей, которые я и получила. Потом Панаева писала, что другие артисты, которые финансовых требований князю не выдвигали, получили подарков тысячи по две, были обласканы Воронцовым-Дашковым и оставлены на праздничный вечер.

– Полина, Вы поступили абсолютно правильно, – уточнила я. – Никогда нельзя полагаться на милость вельмож. Нужно всегда загодя и четко обговаривать финансовые условия оплаты своего труда, иначе можно просто остаться без ничего.

– Авдотья Панаева... – продолжала я, – она всегда к Вам неоднозначно относилась. Что же она в своих воспоминаниях не написала, что Вы вместе со своими коллегами дали в России девятнадцать благотворительных концертов в пользу нуждающихся музыкантов [10, с. 95].

– Мою практичность и тщательность в ведении дел и финансовых расчетов хорошо уловил П.В. Анненков, – сказала Полина, – который писал обо мне в письме к М.М. Стасюлевичу от 10 июня 1885 года: «Это женщина добрая, но и цифровая по преимуществу. Она не позволяет шутить ни с собой, ни с тем, что, по ее мнению, ей следует, но вместе понимает и принимает к сведению соображения ответчика...».

За свой труд я всегда требовала справедливой оплаты и не просила лишнего сверх того, что мне причиталось.

– Да, цельность Вашего характера в деловых вопросах отмечали все, – сказала я. – Так, А.П. Боголюбов в письме к Я.П. Полонскому от 20 января 1884 года писал: «Умением добиться желаемых условий,

«подать себя» Виардо, безусловно, обладала. При этом сама Виардо работала непостижимо много» [9].

– Но не только «подать себя», но и помочь это сделать другим, талантливым и подающим надежды певицам, – сказала Полина. – Давать уроки как педагог я стала с середины 1850-х годов, Недоброжелатели говорили, что я «обдираю» своих учениц (100 франков за урок). Это неправда, дорого платили только богатые девушки, бедные учились за очень маленькую плату, а некоторые вообще не платили, а я им и деньгами помогала и в карьерном плане, ведь чтобы выйти на сцену, нужны хорошие связи с театральными импресарио.

Уж я-то это очень хорошо знала, потому что сама как артистка прошла через долгое и трудное вхождение в мир музыкального театра, это при всей той поддержке и помощи, которую мне оказывали мой дорогой отец и потом мой супруг Луи Виардо [«Записки моряка-художника» А.П. Боголюбов].

– Ведь тот же А.П. Боголюбов писал, – продолжала Полина, – что я от своих неимущих учеников не только не брала платы за уроки, но и щедрой рукой оказывала им материальную помощь [10, с. 176].

– Но славу Вам принесла не педагогическая, хоть и очень успешная деятельность, а Ваш несравненный певческий талант, – уточнила я и продолжала, – когда М.Л. Василенко-Левитон спросила у Ивана Сергеевича о Вашем пении в годы расцвета, что же было такого необычного в Вашем артистическом облике? Чем же Вы пленяли публику – техникой или красивым голосом? – то он ответил коротко: «Она была умной певицей» [14].

Возможно, именно благодаря Вам, Тургенев так сильно полюбил пение. Как-то в беседе с Полонским Иван Сергеевич с жаром сказал: «Я люблю музыку, но пение – такой дар, с которым ничто в мире сравниться не может, им выражается вся глубина души» [10, с. 191]. Он также говорил: «Музыка – это разум, воплощенный в прекрасных звуках».

– Ференц Лист, друживший с Вами и учивший Вас игре на фортепиано, – продолжала я, – писал: «После первого её выхода на сцену стало понятно, что миру явилась блестящая драматическая певица. И она навсегда заняла место среди прославленных знаменитостей эпохи... Это не просто замечательная певица, чья музыкальная образованность составила бы достоинство и предмет гордости любого маэстро, а божественная колоратура достигала небывалых высот. Но как у всех великих исполнителей, которые не испытывают недостатка в священном вдохновении, ее безупречная техника служит лишь для выражения идеи, мысли, характера произведения или роли.

Она была одной из самых... умных женщин, знатоком литературы, не чуждалась даже науки – и всем этим, в сочетании с глубоким знанием языков, в том числе и нескольких мертвых, вызывала непреходящий интерес и дружеское расположение у целого ряда европейских деятелей литературы и искусства. Она брала не эротичностью и чувственностью, источаемыми пленительной красотой голоса, а аналитическим умом и здравым рассудком. Ей сопутствовала репутация внушающей уважение величавой образованной дамы» [8].

– Но Вы, Полина, не только талантливая, но ещё и очень гордая и принципиальная певица и актриса, – развивала я эту мысль дальше, – когда в 1861 году Вы достигли своей главной цели в искусстве – признания на Родине, во Франции, чего так страстно желали в течение всей своей артистической карьеры, Вы поняли, что Ваши певческие возможности уже на пределе, голос уже не тот, и приняли мужественное решение уйти со сцены. Уйти гордо, в блеске славы, с высоко поднятой головой. Очень жаль, что путь под артистической Триумфальной аркой в Париже припозднился, но Вы его прошли. Вы – победительница!

Недаром А.И. Герцен писал о Вас: «Быть в доме у умной, блестящей, образованной Виардо значило разом перешагнуть пропасть, которая делит всякого туриста от парижского и лондонского общества. Быть у нее в доме значило быть в кругу артистов... литераторов» [10, с. 94].

– Многих интересовали Ваши взаимоотношения с великим русским писателем, – продолжила я наш диалог. – Так, известный российский литературовед и тургенеved В.Н. Боровицкая отмечала: «Писатель и певица... Разумеется, они вызывали интерес к себе, и с годами этот интерес все возрастал. Они много появлялись на приемах, в отелях, на выставках и в театрах. В течение многих десятилетий ритуал почти не менялся – впереди высокий красивый Тургенев почтительно вел под руку мадам Виардо, коренастый широкоплечий Луи шел следом с дочерьми или знакомыми. Мало кто в Париже не знал Тургенева...» [10, с. 177].

Иван Сергеевич Тургенев в последние годы жизни

Виардо грустно и задумчиво смотрела на портрет Ивана Сергеевича, висевший на стене напротив. Она тихо проговорила:

– Я часто думаю, что так называемые друзья Тургенева не имеют права клеймить меня и его в наших отношениях, – и Полина негодуяще продолжала, – все люди от рождения свободны, и все их действия, если они не причиняют вреда обществу, не подвержены ничьему суду, ибо чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. 42 года я прожила с избранником моего сердца, вреда разве себе, но никому другому. Если русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет» [10, с. 219].

– Да, – задумчиво проговорила Полина, – мы слишком хорошо с Тургеневым понимали друг друга, чтобы заботиться о том, что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил [Торопов].

Полина Виардо в последние годы жизни

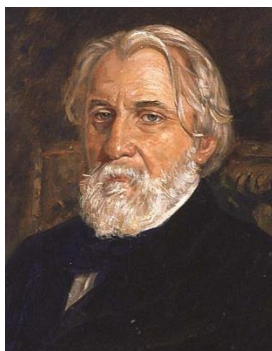
И она сказала твердо:

– Когда я считаю должным что-нибудь сделать, я сделаю это вопреки воде, огню, обществу, всему миру. – Я так написала в письме к Юлиусу Рицу от 21 января 1859 года и могу повторить это вновь и вновь [10, с. 126].

– Вы смелая и даже отчаянная женщина, – с усилием выдохнула я. – Как тут не вспомнить Ваше письмо, написанное в 1858 году Юлиусу Рицу, немецкому музыканту и дирижеру о той «богемской крови, текущей в Ваших жилах, унаследованной от отца и ставшей причиной некоторой Вашей неуравновешенности, неустанной жажды перемен и отвращения к железному закону, гласящему, что дважды два – четыре [8].

– Может быть, поэтому в 1862 году Вы приняли предложение Тургенева поселиться с ним одной семьей – и уже навсегда. Это было

сделано Вами, несмотря на возражения Луи Виардо и всех Ваших близких. И Тургенев стал Вашим неразлучным спутником до конца своих дней. И это при том, что о Вас говорят, что в жизни не было человека благоразумнее и трезвее, чем Вы [10, с. 126].

Иван Сергеевич Тургенев на склоне лет

– Знаете, Полина, – сказала я. – Иван Сергеевич Тургенев восхищался Вами не только как певицей и женщиной, он изумлялся Вашей способности быть всегда в прекрасной форме: здоровой, веселой и деятельной. Уже в наше время о Вас в России писали следующее: «Ей, прожившей почти столетие, было отпущено энергии, как вулкану. Она и грела, и обжигала, и настораживала, и притягивала» [10, с. 134].

Перед смертью Тургенев сказал Вам и о Вас: «Вот царица цариц, сколько добра она сделала!»⁵ – и это была истинная правда, – заключила я.

Незадолго до смерти Ивана Сергеевича Тургенева другой великий русский писатель – Лев Николаевич Толстой сказал о нём: «Никто не верил, что можно так любить».

– И это была истинная правда, – заключила Виардо.

Мы стали прощаться с Полиной. Пожали друг другу руки. На прощанье она сказала:

– Знаешь, мы все понимали, что он неизлечимо болен, но, когда Тургенев умер, его уход как громом поразил меня. В первые дни после его смерти я ничего не могла заставить себя делать. Я все время думала о нём и могла говорить только о нём. Радость покинула мой дом с его уходом. После кончины этих двух дорогих мне людей, моего мужа Луи Виардо (он умер 5 мая 1883 года) и Ивана Тургенева, я до конца своей жизни носила по ним траур, писала на почтовой бумаге с траурной каймой и запечатывала письма в траурные конверты.

---

⁵ По другим источникам, И.С. Тургенев сказал перед смертью Полине Виардо: «Королева королев. В чем она себе отказала!»

– Помните, Полина, я рассказывала Вам о встрече Ивана Сергеевича с актрисой Марией Савиной в Спасском? – спросила я. – Тогда он прочитал ей свое стихотворение в прозе «К ней», в котором были печальные слова о любви длиною в жизнь: «Ты сорвала все мои цветы... Но ты никогда не придёшь на мою могилу». Это о Вас, о Вашем с ним великом и неизбывном чувстве. И когда он говорит, что Вы не придете на его могилу, то это не потому, что Вы не захотите придти, а потому, что границы разделяют Вас, и он нашел свой последний приют в своей родной, но для Вас далёкой другой стране, – продолжила я.

– Однако завершить нашу встречу, – сказала Полина, – мне хотелось бы на светлой и обнадеживающей ноте замечательными словами, сказанными Тургеневым: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь...» [161, с. 22].

И еще Иван Сергеевич завещал нам всем: «Живите. И любите людей, как я их всегда любил» [10, с. 193].

– Часто исследователи задаются вопросом: «Каким И.С. Тургенев запомнился современникам?» – сказала Полина. – Очень хорошо на этот вопрос ответил мой друг Людвиг Пич, нарисовав следующий словесный портрет Ивана Сергеевича: «Великий, красивый и добрый... Таким он был как человек и как автор, таковы же были его ум, сердце и наружность».

А генерал Фори так вспоминал об Иване Сергеевиче: «Познакомился я с Тургеневым в 1872 году; ему исполнилось тогда 54 года, но выглядел он гораздо старше. У него была внешность патриархального старца; длинные седые волосы и совершенно седая борода обрамляли его лицо, окрашенное легким румянцем. Из-под густых бровей на вас мягко смотрели глубоко посаженные ярко-голубые глаза. Во всей его фигуре было что-то львиное. С первого взгляда он внушал почтение, но очень скоро его мягкость и очаровательная простота возвращали вам непринужденность. Все окружающие обожали его.

Тургенева обычно представляют себе «исполненным добродушия и юмора, наивности и простоты». Что он был и прост, и добродушен – в этом не может быть никакого сомнения; но он часто бывал насмешлив, и его истинная благожелательность не была лишена некоторой язвительности. Говорят, в юности он был очень вспыльчив; но с возрастом он стал сдержаннее... Таков был Тургенев: человек тончайшей души, чувствительнейшего сердца, в глубине души меланхолик и вечный мечтатель, а в общем – один из самых пленительных людей, с какими я только встречался» [181].

Свои воспоминания об Иване Сергеевиче Батиста Фори завершил следующими словами: «Дорогой Тургенев! Среди тех, кого

я встречал на своем пути, никто не оставил по себе воспоминания столь обаятельного и столь глубокого. Вы были одновременно и великим, и добрым; ум и сердце были в вас равны. И так как подобное сочетание встречается бесконечно редко, я с волнением, благодарностью и глубоким уважением отдаю дань вашей памяти» [181].

А я подумала о том, что об Иване Сергеевиче Тургеневе и его великом чувстве правильнее всего было бы сказать его собственными словами: «Тайны человеческой жизни велики, а любовь – самая недоступная из этих тайн».

Так пусть же она такой тайной и останется.

Глава 5

О, ЖЕНЩИНЫ, ЖЕНЩИНЫ... ВЫ – СЧАСТЬЕ, ВЫ – ГОРЕ, ВЫ – СУДЬБА!

После того, как мы с Полиной Виардо вернулись к беседе, я затронула тему чувственных увлечений Ивана Сергеевича Тургенева, которые были многочисленны, но не продолжительны. Он «любил любить», как образно и точно сказал о нем Л.Н. Толстой, а я бы еще добавила, что – на расстоянии и без обязательств. Не пренебрегал Иван Сергеевич и крепостными девушками. Так в Москве у племянницы его дяди Николая Николаевича Елизаветы Алексеевны Тургеновой была очень необычная служанка Феокиста, увидев которую, Тургенев стал часто приезжать к своей кухне и глаз оторвать не мог от этой крепостной. В общем, как говорится, «влюбился по уши», выкупил красавицу Феокисту за сумасшедшую по тем временам сумму – 700 рублей. Это его увлечение продолжалось три года: с 1851 по 1853.

Друзья Тургенева осознавали сложившийся мезальянс, ведь «доброе существо», как называл М.С. Щепкин Феокисту, страстно обожавшую Ивана Сергеевича, «не знало, что ему сказать и чем его занять». После окончания «Спасской ссылки» писателя, он переезжает в Петербург, взяв с собой Феокисту, но постепенно любовь угасла⁶. Это было через 9 лет после первой встречи с Вами, Полина.

---

⁶ После завершения этого романа, который длился три года в Спасском и Петербурге, Феокиста, будучи беременной, была выдана Тургеневым замуж за «маленького чиновника морского министерства, смиренного и порядочного человека». У неё родился сын, которого назвали Иваном и поместили в воспитательный дом, откуда отдали крестьянину на «прокормление». Со слов Феокисты Петровны Волковой, известно было только название деревни Прудиче, что в 50 верстах от Петербурга, да и то неточно. Потом прошел слух, что какая-то дама взяла ребенка к себе, так как ему в деревне было очень плохо. Однако эта дама попала в больницу, и след мальчика затерялся.

– Разумеется, его чувство к Вам пересилило, – сказала я Виардо. – Иначе и быть не могло. Из Спасского в январе 1853 г. он Вам писал: «Дорогой, добрый друг, умоляю вас писать мне часто; ваши письма всегда делали меня счастливым, а теперь они мне особенно необходимы. Ведь что же остается мне? – Работа и воспоминания. Но для того, чтобы работа была легка, а воспоминания менее горьки, мне нужны ваши письма, с отголосками счастливой, деятельной жизни, с запахом солнца и поэзии, который они ко мне приносят».

– Он слегка попенял мне, – сказала Полина, – что я не сообщили ему о своих российских гастролях: «Признаюсь, хотя без малейшего упрека, что я предпочел бы узнать все это от вас самой. Но вы живете в вихре, отнимающем у вас время, – лишь бы только вы не забыли обо мне, мне больше ничего не нужно» [35, с. 115].

– Не выдержав разлуки, – продолжала Виардо, – он совершил рискованный поступок: раздобыв фальшивый паспорт и переодевшись купцом, в марте Тургенев приезжает в Москву, чтобы увидеть и услышать боготворимую им женщину. Это был большой риск, а встреча была очень коротка. Но она была...

Однако все имеет свой конец. Закончилась и Спасская ссылка. Тургенев вернулся в Петербург и с головой окунулся в водоворот столичной жизни. Бывая у своего дальнего родственника Александра Михайловича Тургенева, заметил Иван Сергеевич его дочь Ольгу, кстати, крестницу Жуковского, хоть и не красавицу, но очень обаятельную, добрую и скромную девушку, без кокетства и манерничанья, улыбчивую и приветливую. И снова был очарован. Захотелось ему тепла и уюта, заботливой руки и доброго сердца рядом.

В мае 1854 г. он «дозрел» до женитьбы, о чем открыто сообщил С.Т. Аксакову в Абрамцево. Однако уже в январе 1855 г. эти отношения прекратились, о чем Тургенев откровенно написал Ольге Александровне.

Тургенев в письме от 18 / 30 июня 1865 года И.И. Маслову (управляющему удельной конторой в Москве) просил найти этого ребенка. Он писал, что, возможно, это «моё произведение», и соглашался платить за его обучение в ремесленной школе. Однако мальчика так и не нашли, а, возможно, что и не искали вовсе. Может так случиться, что где-то на Орловщине до сих пор живут потоки Тургенева, если только этот Иван остался жив в трудную пору своего детства [134, с. 144-145].

Когда же родился сын у Полины Виардо, Тургенев выразил бурю восторга. Он пишет несколько сумбурно в письме к ней: «Ура! Да здравствует республика! Слава богу! Наконец-то, свершилось! Уф! Bravo! Вот все, что я могу сказать. В воскресенье, 17 апреля 1864 г. в 8 ч. 35 мин. утра! ... Я же говорил вам, что будет мальчик [130, на фр. яз. – с. 12, на рус. яз. – с. 184]. Потом, когда в июле 1860 г. шестилетний Поль тяжело заболел, и чуть было не умер, Тургенев бросает все дела и мчится на зов Полины Виардо.

Ольга Александровна Тургенева

На подходе было уже новое увлечение родной сестрой Л.Н. Толстого Марией Николаевной, жившей неподалеку, в двадцати пяти верстах от Спасского в Покровском, которая притом была замужем, что к обязательствам и женитьбе не обязывало. Да и начиналось все очень романтично: Мария Толстая была хороша собой и молода, ей исполнилось только двадцать три года, при встречах они занимались совместным музицированием. Сидя за роялем, она ему аккомпанировала, а он пел ей знаменитый романс Глинки на стихи своего любимого поэта Александра Сергеевича Пушкина «Я помню чудное мгновенье».

Иван Сергеевич был ею просто очарован: «Премилая женщина, умна, добра и очень привлекательна... Она мне очень нравится, – писал он в письме к своему другу Н.А. Некрасову в октябре 1854 г. – Одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста – глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло тридцать шесть лет) – я едва не влюбился... поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния» [35, с. 132]. Даже уехав на зиму в Петербург, Тургенев не забывал Марию Николаевну, а вот об Ольге Александровне он уже совсем не вспоминал.

Мария Николаевна Толстая

– Как же сложилась дальнейшая судьба Марии Толстой? – спросила с большим интересом Полина.

Я ответила грустно:

– В 1856 г. Мария Николаевна ушла от своего нелюбимого мужа. И хоть Тургенев знал об этом и несколько раз встречался с ней..., но ничего между ними больше не происходило, да и, скорее всего, произойти не могло... Толстая ушла в монастырь. На закате своей жизни монахиня Мария Николаевна Толстая, указав однажды на фотографию Тургенева, сказала своей дочери от второго брака Елене Сергеевне Денисенко:

– Знаешь, Леночка, если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле Бога: он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю. [35, с. 139.].

Здесь уместно снова вспомнить замечательную сакраментальную фразу Л.Н. Толстого об Иване Сергеевиче Тургеневе: «Его беда, что он не любит, а любит любить». Сам же Толстой, вырвавшись с театра военных действий в Крыму, в ноябре приехал в Петербург и остановился на квартире у Тургенева и в мирном Питере с большим удовольствием с головой ушёл в разгул. Вот что в декабре писал Тургенев Боткину: «Ты уже знаешь, что Толстой здесь и живёт у меня... Человек он в высшей степени симпатичный и оригинальный. Но ты не узнал бы меня разъезжающего по загородным лореточным балам, влюбленного в прелестную польку...», – чей образ потеснил прекрасную и добродетельную Марию Николаевну», – добавила я.

А вот как говаривал И.С. Тургенев о Л.Н. Толстом А.А. Фету: «Вернулся из Севастополя с батареей и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый». Тургенев был на 10 лет старше Толстого и пытался его опекать. Он увещевал его: «Военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение – быть литератором, художником мысли и слова».

– Ещё одна влюбленность Тургенева была, – продолжала я свой рассказ, – в баронессу Юлию Петровну Вревскую, личность легендарную. Она родилась в январе 1838 года в семье генерала Петра Евдокимовича Варпаховского, командующего Отдельной резервной кавалерийской дивизией, участника Бородинской битвы. В 1857 году ещё совсем юной, в 16 лет Юлия вышла замуж за умнейшего и образованнейшего человека своего времени сорока четырехлетнего боевого генерала барона Ипполита Александровича Вревского. Она его полюбила и вышла за него замуж, несмотря на то что у него был неофициальный брак с черкешенкой и трое детей⁷. Но совместная жизнь Юлии Петровны и Вревского продлилась недолго, так как

---

⁷ Юлия Петровна всю свою жизнь заботилась об этих детях (Николае, Павле и Марии, которые сначала носили фамилию Терские и читались «воспитанниками» генерала Вревского). Она добилась, чтобы они получили имя и титул своего отца, а также передала им после смерти мужа принадлежавшее ему имение.

служивший на Кавказе генерал был смертельно ранен и скончался в августе 1858 года. После смерти мужа Вревская переезжает в Санкт-Петербург, где становится фрейлиной императрицы Марии Александровны. Как вспоминал В.А. Сологуб, среди дворцового окружения Юлия Петровна выделялась тем, что по натуре была человеком добрым, незлобивым, отзывчивым, в интригах не участвовала и никогда не сказала ни о ком дурного слова [41, с. 274]. В такую идеальную женщину, у которой и лицо и душа были прекрасны, было трудно не влюбиться.

Не устоял и Тургенев, с которым в 1873 году она познакомилась и подружилась. По приглашению Ивана Сергеевича Юлия Петровна даже недолго погостила у него в Спасском. Но это было не простое посещение. Тогда летом 1874 года Иван Сергеевич тяжело заболел, и Вревская пять дней выхаживала его.

С началом русско-турецкой военной компании она продала своё имение Мишково близ села Дубовик Малоархангельского уезда Орловской губернии и на вырученные деньги снарядила санитарный отряд из двадцати двух врачей и сестёр, в котором сама была простой сестрой милосердия.

– Говорят, – сказала Полина, – что у Юлии Петровны потом была романтическая история с одним из российских военных, из-за которого она пошла в сестры милосердия и поехала в Болгарию, где в госпитале самоотверженно ухаживала за ранеными. Она думала, что сможет уберечь там своего возлюбленного, и он действительно остался жив, но она сама не убереглась, заразилась сыпным тифом и 5 февраля 1879 года умерла. Ее похоронили в платье сестры милосердия около православного храма в болгарском городе Бяле, а Виктор Гюго сказал о ней: «Русская роза, погибшая на болгарской земле».

– В своем стихотворении в прозе «Памяти Ю. Вревской», – добавила я, – Тургенев писал о её трагической кончине: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь в разоренной болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспамятстве, и ни один врач даже не взглянул на нее: больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались со своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка» [Тургенев И.С. Памяти Ю. Вревской⁸].

В последний раз Тургенев встретился с Вревской весной 1877 года перед её поездкой на фронт. Это было в Павловске на даче у Я.П. Полонского. Юлия Петровна была очень хороша. Костюм сестры

---

⁸ Цит. по Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С. 2.

милосердия необыкновенно шёл ей, добавляя романтический нюанс. Вревская зажгла в Тургеневе страстное чувство, отнюдь не платоническое. Он писал ей: «С тех пор как я встретил вас, я полюбил Вас дружески и в то же время имел неотступное желание обладать Вами: оно было, однако, не настолько необузданно, чтобы попросить Вашей руки <...> а с другой стороны, я знал очень хорошо, что Вы не согласитесь на то, что французы называют «une passade⁹» [184, с. 363].

Однако, как отмечают биографы Ивана Сергеевича, Вревская не давала ему повода для подобного письма и даже писала ему, что вообще не питает «никаких задних мыслей».

Баронесса Юлия Петровна Вревская

Но страстное чувство Тургенева не утихало и, получив ответ от Вревской и придравшись к некоей загадочной фразе, над которой он «поломал голову», Тургенев 8 февраля 1876 г. снова пишет ей: «Нет сомнения, что несколько времени тому назад, *если бы Вы захотели...*, то есть «если бы она его взяла», – так комментирует позицию Тургенева и его тайное желание исследователь-литературовед Б.К. Зайцев, который отмечает, что таких примеров эротической откровенности Тургенева в письмах, как бы провоцирующих женщин на любовную инициативу было немало [66, с. 33].

А если говорить о последней любви Тургенева, то это было его трепетное и страстное чувство к Марии Гавриловне Савиной, чувство, которое, как сам писатель назвал: есть «и блаженство, и безнадежность». Савина была потомственной актрисой, дочерью провинциальных актёров Г.Н. и М.П. Подраменцовых (по сцене – Стремляновых) и впервые вышла на сцену в восемь лет, а регулярно выступать стала с пятнадцати. Когда она играла в харьковской труппе М.В. Лентовского, то вышла замуж за актёра Н.Н. Савина (настоящая фамилия Славич).

---

⁹ Une passade – мимолетная связь (фр.).

– Какой она была как актриса и как человек? – спросила меня Полина.

Я ответила, что актер В.Н. Давыдов вспоминал о М.Г. Савиной: «Скромная, тихая, но с лукавыми глазёнками, со звонким мелодическим голосом, вся изящная, хрупкая – она была очаровательна в оперетке и комедии... Тогда уже можно было угадать, что из Савиной со временем выработается хорошая актриса. Она имела характер, любила сцену до самозабвения и умела работать, не надеясь на вдохновение» [23]. В 1874 г. двадцатилетняя провинциальная актриса приехала в столицу, где ее пригласили в Александринский театр. Успех Савиной был полный. Ее даже прозвали петербургской Сарой Бернар, и она стала символом театрального Петербурга.

В 1879 г. Мария Гавриловна дебютировала в роли Верочки в пьесе «Месяц в деревне» И.С. Тургенева. По свидетельству современников, эта роль ей отменно удалась и стала непревзойденным шедевром савинского лиризма. Как отмечали критики, в ней «ярко проявился драматизм жеста, выраженный не словами, но молчанием и особым глубоким подтекстом. Зрители увидели живое, чистое и трогательное существо, девушку, впервые полюбившую». Сам Тургенев так говорил М.Г. Савиной об ее игре в своей пьесе: «Неужели эту Верочку я написал? Ведь я почти не обращал на нее внимания, все дело в той, другой... Да, вы удивительная актриса...» [10, с. 183].

Савина говорила: «До сих пор у меня были две роли, которые я имела право считать своими созданиями: Мария Антоновна в «Ревизоре», Верочка в «Месяце в деревне», а теперь третья – Акулина во «Власти тьмы». Имена Гоголя, Тургенева, Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить их типы. Этих трех ролей достаточно для всей моей карьеры, и они служат мне щитом» [23].

Искусствоведы отмечали, что Савина играла главные роли во всех пьесах И.С. Тургенева: Машу в «Холостяке» и в «Вечере в Сорренто», Дарью Ивановна в «Провинциалке», Лизу Калитину в «Дворянском гнезде». Особенно хороша она была в роли Натальи Петровны в «Месяце в деревне», сдержанно и поэтично сыграв драму поздней любви.

Тургенев писал ей из Москвы 24 апреля 1879 г.: «Вчера, поздно вечером, получил я Ваши два письма... – и почувствовал..., что Вы стали в моей жизни чем-то таким, с чем я никогда не расстанусь» [10, с.186]. Иван Сергеевич признается ей: «Встретить Вас на пути было величайшим счастьем моей жизни, моя преданность и благодарность Вам не имеет границ и умрет только вместе со мной... [198].

Мария Гавриловна Савина

В мае 1880 года они увиделись в поезде по пути от Мценска до Орла, когда она ехала на гастроли в Одессу, но, несмотря на все просьбы Тургенева, не заехала по пути к нему в Спасское. И эти несколько часов под неумолчный стук колес в мчащемся вперёд поезде завершили последний любовный роман Тургенева. Потом он напишет ей 17 мая: «Милая Мария Гавриловна, когда вчера вечером я вернулся из вагона, Вы были у раскрытого окна... Меня подмывала уж точно *отчаянная* мысль... схватить Вас и унести в вокзал...» [184, с. 357]. А через три дня он снова пишет ей: «Милая Мария Гавриловна! Вот уже третий день, как стоит погода божественная, я с утра до вечера гуляю по парку или сижу на террасе..., а где-то на дне души, все звучит одна и та же нота... мои губы шепчут: «Какую ночь мы бы провели... А что было бы потом? А господь ведает!» И к этому немедленно прибавляется сознание, что этого никогда не будет, и я так и отправлюсь в тот «неведомый край», не унеся воспоминания чего-то, мною никогда не испытанного» [184, с. 357-358].

Мария Гавриловна Савина

Тургенев осознавал разность их с Марией Гавриловной судеб и возраста. Когда они познакомились, Савина, говоря словами

современной песни, «ослепительно была молода», а Иван Сергеевич был старше ее на 36 лет и хорошо это понимал. Он писал ей: «... вся Ваша жизнь впереди – моя позади – и этот час, проведенный в вагоне, когда я чувствовал себя чуть не двадцатилетним юношей, был последней вспышкой лампы».

Мне даже трудно объяснить самому себе, какое чувство Вы мне внушили. Влюблен ли я в Вас – не знаю; прежде это у меня бывало иначе. Это непреодолимое стремление к слиянию, к обладанию – и к отданию самого себя, где даже чувственность пропадает в каком-то тонком огне... Я, вероятно, был бы несказанно счастлив, если бы... если бы... А теперь, когда я знаю, что этому не бывать, ...мне глубоко жаль, что эта прелестная ночь так и потеряна навсегда, не коснувшись меня своим крылом... [184, с. 358].

Ниже он добавит в этом письме: «Я бы всего этого не писал Вам, если бы не чувствовал, что это письмо прощальное... Дверь, раскрывшаяся было наполовину, эта дверь, за которой мерещилось что-то таинственно чудесное, захлопнулась навсегда... Ваш Ив. Тургенев».

P.S. Пожалуйста, не смущайтесь за будущее. *Такого* письма Вы уже больше не получите» [198].

Но всё-таки им ещё было суждено дважды встретиться. Летом 1881 г. М.Г. Савина приехала и погостила в Спасском пять дней. В один из вечеров Тургенев читал ей «Песнь торжествующей любви», а она бросала на него взоры, «которые и жгут, и ласкают, ...чувствуешь их лучи». Потом был поцелуй, «который чуть не сжег его на балконе Спасского дома» [184, с. 191]. И ещё потом за год до смерти писателя она посетила Тургенева в апреле 1882 г. за границей и была потрясена его заброшенностью, крохотной неухоженной спальней, грохочущей вокруг музыкой. Последняя весточка от Савиной пришла к Тургеневу в день его рождения в 1882 году. Он был несказанно тронут её письмом, и тепло и ласково писал ей в ответ: «Сизокрылая моя голубка – спасибо за Вашу вчерашнюю поздравительную телеграмму! Ваша память обо мне меня очень тронула»...

И это было все...

– Другой женщиной-девушкой-девочкой, которую Иван Сергеевич так и не смог сполна осчастливить, была его родная дочь Пелагея, – сказала я, а Виардо продолжила:

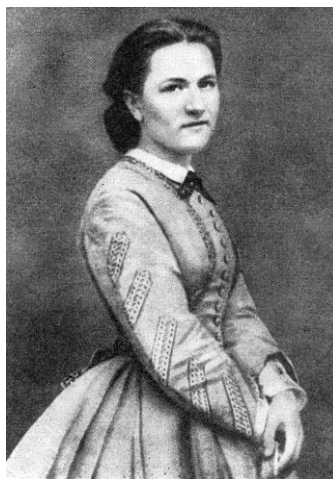
– Для Пелагеи-Полины я была «чужая мама», «тетя», которая никогда не станет родной матушкой, к которой хочется прижаться и приласкаться, рассказать все самое сокровенное, поведать о наболевшем, что тебя волнует в данный момент. Да и языковой барьер был очень велик. Французский язык Пелагея осваивала с трудом, он давался ей нелегко, а мои девочки иногда смеялись над ее произношением и речевыми ошибками. Они дразнили её

«мальчишкой в юбке» и «злюкой», а она их – «куклами»... Нужно понять, что шла сильная конкуренция очень непростых девочек-подростков за моё внимание, за первенство в семье, а Полина всё время с болью помнила, что семья-то чужая, нерусская, и никогда не станет ей родной.

У Пелагеи-Полины был только один выход – стать настоящей француженкой, такой как все, и она это успешно сделала, но при этом потеряла даже свое настоящее имя – Пелагея, став, как и я, Полиной, Полинеттой, как нравилось Ивану Сергеевичу называть ее, утратила свои русские корни и забыла свой родной язык. Тургенев очень огорчился, узнав об этом. Он не мог поверить, что она ничего не помнит и не может сказать по-русски даже таких элементарных слов как «хлеб» и «вода». Тургенев настойчиво и неоднократно спрашивал ее об этом и с удивлением и огорчением недоумевал, почему так случилось, ведь, когда Пелагея уехала из России, ей было почти восемь лет...

Тургенев не понимал, что здесь был и очень тонкий психологический момент: в России Полинетте было очень плохо, её оторвали от родной матери и постоянно обижали, заставляли тяжело работать, о ней в Спасском никто не заботился. Там ей было очень тяжело, а положение её как незаконнорожденной дочери было унижительным. Поэтому Полина постаралась как можно скорее всё это забыть, вычеркнуть из своей памяти и из жизни. Перед ней открывалась новая страница, и она хотела писать, что называется, её с чистого листа.

– Я понимала все это, – продолжала Виардо, – и старалась сгладить последствия психологической травмы, но наши отношения с Полиной были непростыми, и часто она просто мстила мне за свои неудачи и обиды, причиненные отнюдь не мной. А ведь мы делали для неё всё, что и для наших родных дочерей. Я учила её петь, а музыке её учил композитор Жорж Бизе.

Пелагея-Полина Ивановна Тургенева-Брюэр

– Конечно же, Полина, Вы лучше меня знаете, как всё происходило, – сказала я. – Однако мне кажется, что Иван Сергеевич был недостаточно последователен в воспитании своей дочери. Это понятно, так как он был неженатый молодой мужчина, не имевший опыта семейной жизни.

Понятен его горячий порыв и проявление отцовских чувств, когда он в первый раз увидел маленькую и худенькую Пелагею, плохо одетую и с трудом несущую тяжёлое ведро с водой из колодца (она жила в доме прачки). Ему сразу же захотелось вырвать её из этих убогих условий тем более, что Вы с мужем дали согласие на её приезд к Вам.

Однако у него была своя, уже сложившаяся жизнь, свои дела и заботы. После смерти матери Тургеневу нужно было вступать в управление имением и разрешать непростые наследственные дела. Получилось так, что, отправив к Вам Пелагею в 1850 году, он сам приехал во Францию только через шесть лет, когда его дочери уже исполнилось 14. Он сначала умилялся, что она смогла адаптироваться (правда, не без проблем) к новой среде и стать француженкой, но потом ему стало обидно, что дочь русского писателя забыла свой родной язык.

Справедливо сказать, что Тургенев практически ничего не сделал, чтобы она осталась русской девочкой. Все письма он писал ей по-французски, изредка они общались на английском языке. Причем в этих письмах он больше выступает как ментор и редактор, отмечая её орфографические ошибки и необходимость их исправления.

Когда Полина перед выходом из пансиона захотела изучать русский язык, отец написал ей, что не нужно разбрасываться (перед этим она решила учить итальянский и Тургенев боялся, что это будет вредить ее испанскому языку, на котором разговаривали все в доме Виардо). Он пишет дочери: «Ладно, несколько месяцев до моего приезда учи, раз решила. Я приеду, и тогда на месте разберёмся». – Однако по приезде в Париж Тургенев сказал Полинетте, что ей лучше оставаться француженкой, и она сама знает почему.

Однако отец способствовал, чтобы дочь осталась верующей, причем православной христианкой. С ней занимался учитель закона божьего. Тургенев пишет в свой день рождения графине Е.Е. Ламберт из Парижа 28 октября (9 ноября) 1862 г.: «Почему Вы полагаете, что Полинька не ходит в церковь? Я не только «не отнял бога у нее – но я сам с ней хожу в церковь. Я бы себе не позволил такого посягательства на ее свободу – и, если я не христианин – это моё личное дело – пожалуй, мое личное несчастье. Полинька, напротив, очень религиозна» [123, с.129].

Исследователи-тургенеvedы отмечают тот момент, что, когда Иван Сергеевич забрал свою дочь Пелагею-Полину из России, это

стало приносить ему больше забот и огорчений, чем радости общения с близким родным существом.

– Итак, во Францию Пелагею-Полину (Тургеневу очень нравилось называть ее Полинеттой) привезли восьми лет и поселили в Вашей семье, – сказала я Виардо, – и с отцом она снова увиделась через шесть лет. Все эти годы она была лишена возможности живого общения с ним, кроме его нечастых писем. Со своей родной матерью она не виделась с того момента, как девочку забрали из Москвы в Спасское, и уже до конца жизни.

По приезду во Францию Иван Сергеевич пытался наверстать упущенное в общении с дочерью и во встречах с нею, однако был достаточно строг и пытался ее воспитывать, но больше в письмах. В своем послании от 20 ноября (2 декабря) 1859 г. из Спасского Тургенев рекомендует дочери: «Прими то что есть полезного в моих советах, а что до остального, то знай, что нет никого на свете, кто бы любил тебя больше, чем я» [107, на фр. яз. – с. 112, на рус. яз. – 422].

О своей Полинетте он так пишет своему близкому другу графине Е.Е. Ламбер в письме от 12 (24) июня 1859 года из Виши: «У неё есть кое-какие, довольно важные недостатки; но она очень чистое и честное создание... Словом, я доволен моей дочкой – и очень рад тому, что доволен» [96, с. 5]. А дочери в своем письме из Спасского от 10 (22 по новому стилю) ноября 1859 г. Иван Сергеевич указывает: «Я должен сказать тебе откровенно, что был не очень доволен тобой во время последнего моего пребывания во Франции. Я открыл в тебе несколько довольно серьезных недостатков, которые не проявлялись столь сильно год тому назад. Ты обидчива, тщеславна, упряма и скрытна. Ты не любишь, чтобы тебе говорили правду, и легко отворачиваешься от тех людей, кого должна была бы особенно любить, как только эти люди перестают тебя баловать. Ты ревнива. Ты недоверчива» [106, на фр. яз. – с. 106, на рус. яз. – 421].

Иван Сергеевич не совсем понимал, что эти недостатки Пелагеи-Полины можно было исправить только постоянным и притом целенаправленным воспитательным воздействием и отеческим руководством. Что многие из этих замеченных им у дочери качеств совсем неплохи и могут служить хорошей основой и материалом для развития новых качеств и склонностей: из тщеславия – полезной амбициозности, из упрямства – настойчивости в достижении поставленной цели, из скрытности – сдержанности, что как раз и было характерно для западного менталитета в отличие от российской традиции открытости («душа нараспашку») во взаимоотношениях с друзьями и знакомыми.

В письме к графине Е.Е. Ламберт от 31 октября (12 ноября) 1860 г. из Парижа Иван Сергеевич писал: «Я начинаю привыкать к житию домом и дома, между моей дочерью и мной нет никаких

недоразумений – но по-прежнему слишком мало общего. С этим надобно помириться и все-таки я *виноват*, если взглядеться попристальнее».

В конце ноября 1960 г. Тургенев образно сообщает Елизавете Егоровне о своих отношениях с дочерью: «... с дочкой мы живём теперь в ладу – наше колесо больше не скрипит¹⁰ и катится, хотя общего между нами – по-прежнему очень мало...» [114, с. 268].

В письме к дочери от 16 января (28 января) 1959 года из Петербурга Иван Сергеевич подчеркивал: «Ты немного чересчур обидчива и подозрительна, – в этом я полагаю, заключается твой основной недостаток, от которого тебе надо изо всех сил избавиться» [91, на фр. яз. – с. 10, на рус. яз. – 405]. Тургенев советует дочери в письме из Содена от 14 июня 1860 года: «... тебе нужно избавиться от своей стремительности, торопливости, небрежности, не берись одновременно за много дел и доводи их до конца» [108, на фр. яз. – с. 203, на рус. яз. – с. 431].

Иван Сергеевич смог во время встреч достаточно хорошо узнать Пелагею-Полинетту и понять, что он и Полина очень разные люди, при полном фотографическом портретном сходстве внутренне они совсем непохожие друг на друга натуры. Так, Тургенев писал графине Е.Е Ламберт из Куртавнеля 21 сентября (3 октября) 1860 г.: «Я хочу пояснить Вам, почему именно между моей дочерью и мною мало общего: она не любит ни музыки, ни поэзии¹¹, ни природы – ни собак, а я только это и люблю. Собственно, для моей дочери это всё очень хорошо – и она заменяет недостающее ей другими, более положительными и полезными качествами; но для меня она – между нами – тот же Инсаров. Я её уважаю, а этого мало» [111, с. 241].

В другом письме он более подробно поясняет различия между ним и Полинеттой: «При большом внешнем сходстве со мною, она натура, совершенно различная от меня: художественного начала в ней и следа нет; но она очень положительна, одарена характером, спокойствием, здравым смыслом: она будет хорошая жена, добрая мать семейства, превосходная хозяйка – романтическое, мечтательное все ей чуждо, у ней много прозорливости и безмолвной наблюдательности, она будет женщина с правилами и религиозная... Она, вероятно, будет счастлива...» [10, с.132].

И вот тут Иван Сергеевич очень даже сильно ошибся. Не смогла Полина-Пелагея устроить свою судьбу и создать счастливую семью. Не было у её отца опыта построения своего собственного счастливого «гнезда», и поэтому не мог он его передать дочери, которую, безусловно, любил нежной отеческой любовью.

---

¹⁰ В текстах писем сохранена авторская орфография.

¹¹ Думается, было бы странно, если бы живя в Спасском в доме прачки, сызмальства тяжело работая и не имея времени для игр и развлечений, Пелагея вдруг полюбила музыку и поэзию.

– Дочь его тоже бесконечно любила, – сказала Полина. – Во время одной из встреч она так и говорила ему, что любит только его одного и что его мнением очень дорожит. Он мне рассказывал, как она действительно советовалась с ним, что ей читать, что делать.

– Но его дочь росла, взрослела, и как все юные особы стремилась к самостоятельности и независимости, – добавила я, про себя подумав, что Тургенев был прав, когда забрал Пелагею-Полинетт из семьи Виардо из-за натянутых отношений с хозяйкой дома и её старшей дочерью Луизеттой. Иван Сергеевич сначала поместил Пелагею в пансион, а потом в сентябре 1860 года поселил её с гувернанткой (старшей компаньонкой) пожилой англичанкой Марией Иннис на улице Риволи в Париже. В это время в письмах семнадцатилетней Пелагеи к отцу стали появляться частые упоминания имени некоего Гастона Брюэра, за которого Пелагея-Полина в феврале 1865 года и вышла замуж.

– Следует отметить, что устройство этого замужества было непростым, хлопотным и затратным для Ивана Сергеевича делом, – сказала Виардо. – Ведь Полина-Пелагея была незаконнорожденной дочерью писателя, и ему пришлось собирать и готовить массу юридических документов для подписания брачного контракта. Кроме того, Тургенев выделил дочери щедрое приданое (сто пятьдесят тысяч франков), получив которое её жених Гастон Брюэр и его родственники на многое закрыли глаза.

Итак, Полинетта вышла замуж отнюдь не за сказочного принца, а за провинциального буржуа Брюэра, сначала управляющего, а затем – владельца стекольной фабрики в маленьком городке Ружмоне. Гастон был прагматичным и меркантильным, однако быстро промотал огромное приданое своей жены. Его заводик «прогорел», и Брюэр разорился. После разорения, постоянно прося Тургенева о денежной помощи, Брюэр знал, что тесть ему не откажет из-за любви к дочери и малолетним внукам (мальчику Жоржу-Альберу и девочке Жанне). Однако эта денежная помощь проваливалась как в черную дыру, так как Гастон, опустившись, начал сильно пить, устраивал жуткие скандалы и дебоши и, случалось, что поднимал руку на жену. Пелагее-Полине с детьми в 1882 года пришлось спешно бежать из Франции и скрываться от буйного мужа в Швейцарии, а затем уже начать хлопотать о разводе с Брюэром.

Счастья этот брак дочери Тургенева не принёс. Как тут не вспомнить стихотворение в прозе «К***»: «То не ласточка щебетунья, не резвая касаточка тонким крепким клювом себе в твердой скале гнездышко выдолбила... То с чужой жестокой семьей ты понемногу сжилась да освоилась, моя терпеливая умница» [163, с. 61].

Однако, как писал И.С. Тургенев в письме Ж. Полонской, особенной привязанности к дочери он никогда не чувствовал, – и всё,

что он сделал для неё... внушено было единственно чувством долга [41, с. 361].

После смерти отца Полинетта оказалась в затруднительном финансовом положении, так как она по завещанию Ивана Сергеевича не наследовала. Таким образом с ней повторилась практически зеркально история с Варенькой Богданович-Лутовиновой-Житовой, только векся в отличие от Вари она не получила и испытывала материальные тяготы. Умерла Пелагея-Полина от рака в 1919 году в возрасте 77 лет.

Из внуков Тургенева особенно одаренной и интеллектуально развитой была Жанна, которая знала пять иностранных языков, преподавала и даже писала стихи на французском. Только деду уже не довелось порадоваться ее успехам. Личная же жизнь у нее не сложилась, и Жанна так никогда и не вышла замуж. Внуки Тургенева умерли бездетными, а так как у брата Ивана Сергеевича Николая дети умерли в малолетстве, то таким образом прервалась эта ветвь знаменитого рода Тургеневых.

Глава 6

ВЕЛИКИЙ ПУШКИН – КУМИР И ПОЛУБОГ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ

*Пушкин был в ту эпоху для меня,
как и для многих моих сверстников,
чем-то вроде полубога.
Мы действительно поклонялись ему.*

*И.С. Тургенев. Литературные и
житийские и воспоминания*

Эту главу мне хотелось начать с тургеневского трепетного отношения к основоположнику русской литературы А.С. Пушкину, к которому все поколение Ивана Сергеевича относилось как к полубогу. Кстати, знаком и дружен с Пушкиным был также и Михаил Иванович Глинка, романс которого «Я помню чудное мгновенье...» на слова поэта обессмертил двух прекрасных женщин, мать Анну Петровну и дочь Екатерину Ермолаевну Керн. Дуэль и смерть Пушкина безмерно потрясла обоих: и Тургенева и Глинку, которые прекрасно понимали, что осиротела русская поэзия, так как эта утрата для России была невозможна.

Но вернёмся к тем далеким трагическим событиям. Ни у кого не вызывает сомнения, что фабула конфликта не ограничивается сюжетной линией взаимоотношений Натальи Николаевны Пушкиной

и барона Жоржа Шарля Дантеса. Дело было в самом Александре Сергеевиче, его творчестве, гражданской позиции и политических взглядах, пушкинской бескомпромиссности и честности, преданности демократическим идеям и идеалам, выработанным поэтом еще в юности в Царскосельском братстве.

События рокового для поэта января 1837 г. развивались стремительно и предельно жестоко, но в этой трагедии Дантес играл не самую главную роль. Он просто по определению и в силу масштаба своей личности не сумел бы организовать беспрецедентную травлю поэта, создать тому невыносимые условия для жизни, да и разбить семью Пушкина он бы просто не смог. Никогда бы Наталья Николаевна не оставила своих детей и не бросила горячо любимого мужа. Притом, что мы никогда не узнаем насколько любил Натали сам Дантес, да и любил ли он ее вообще, учитывая его неоднозначные отношения с нидерландским послом в Петербурге бароном Луи Геккереном, приёмным сыном которого барон Жорж Шарль Дантес считался?

Однако испытаний на прочность чувств Пушкина и Гончаровой, верности их супружеских отношений было предостаточно, притом, что светское общество поэта не принимало и ненавидело, скорее всего, не могло простить ему его беспримечной гениальности, индивидуальности и самостоятельности. Посредственные люди с большими чинами и глубокими карманами мстили ему всеми способами за талант и независимость, не останавливаясь ни перед чем. Слухи о взаимности чувств Дантеса и Натали отравляли жизнь Александра Сергеевича.

Идалия Полетика. Акварель П.Ф. Соколова. 1820-е.

Графиня Идалия Полетика, симпатизирующая красивому французу, как-то по его просьбе обманом заманила Наталью Николаевну к себе в дом, якобы на детский праздник, тем самым устроив ей тайное свидание наедине с Дантесом. Об этом узнали, в том числе и из анонимного письма, которое пришло А.С. Пушкину.

Разразился громкий скандал. Наталья Николаевна все рассказала мужу об этой злополучной встрече.

– Я читала, – сказала Виардо, что Идалия Григорьевна Полетика была незаконной дочерью графа Григория Александровича Строганова, доводившегося двоюродным братом матери Пушкиной, Натальи Ивановны Гончаровой, урожденной Загряжской, а муж Полетики, который служил в то время ротмистром Кавалергардского полка, был приятелем барона Жоржа Дантеса. Причем российские пушкинисты всегда отмечали злокозненную роль Идалии в этой истории, указывая, что, дожив до преклонной старости, до самой смерти она питала совершенно исключительное чувство ненависти к вашему великому поэту и самой памяти Пушкина.

Полина продолжала:

– А Натали до самого конца своей жизни так и не смогла простить себе этот промах – согласие на роковую встречу. Она скорбела: «Видите, ... сколько лет прошло с тех пор, а я не переставала строго допытывать свою совесть, и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание... Свидание, за которое муж заплатил своей кровью, а я – счастьем и покоем всей своей жизни. Бог свидетель, что оно было столь же кратко, сколько невинно. Единственным извинением мне может послужить моя неопытность на почве сострадания».

Пятница, день смерти её мужа, стала траурным днём для Натальи Николаевны. До конца жизни в пятницу она никуда не выезжала, «предавалась печальным воспоминаниям и целый день ничего не ела» [38, с. 41].

– Знаете, Полина, – сказала я, – не думаю, чтобы Дантес, который достал пистолет на этой уединенной встрече и угрожал застрелиться, если Наталья Николаевна не ответит на его пламенные чувства, и вправду выстрелил бы. Это была нечестная игра с целью достичь необходимого результата. Наталью Николаевну Пушкину спасло от позора то, что в комнату на ее крик вошла дочь хозяйки дома Полетики. Подробнее этот эпизод изложен и детально проанализирован П.И. Бартевым в «Рас-сказе В.Ф. Вяземской» [Русский архив. – 1888 – № 7. – С. 310].

Итак, напряжение и ненависть в этой истории достигли невиданных пределов к ноябрю 1836 года. Интрига все туже и туже закручивалась, как в жестоком «черном» детективном романе, где героям не спастись и не выжить ни при каких условиях и обстоятельствах. Злопыхатели не унимались, обстановка накалилась. А тут еще пришло и другое анонимное письмо, полученное 4 (16) ноября 1836 года не только Александром Сергеевичем, но и рядом его знакомых и друзей. Поэт сам рассказывал об этом: «В тот же день семь или восемь лиц также получили по экземпляру этого же письма,

в двойных конвертах, запечатанных и адресованных на мое имя. Это были князь П.А. Вяземский, Карамзины, Россеты, граф М.Ю. Виельгорский, тетка графа В.А. Соллогуба – госпожа Васильчикова, Е.М. Хитрово и Н.А. Скалон...» [45, с. 308-309]. В письме сообщалось о том, что Пушкин избран коадьютантом великого магистра ордена рогоносцев. Это было той последней каплей, которая переполнила чашу терпения великого поэта. Князь П.А. Вяземский писал, что «Пушкин, будучи уверен в привязанности к себе своей жены и в чистоте её помыслов, воспользовался своей супружеской властью, чтобы вовремя предупредить последствия этого ухаживания (Жоржа Дантеса за Натали), которое и привело к неслыханной катастрофе» [54].

Итак, злонамеренный расчёт был верен и достиг своей подлой цели: такого оскорбления поэт не мог снести. Считая старого и молодого баронов авторами этого пасквиля, Александр Сергеевич после инцидента послал вызов на дуэль. Насмерть перепуганный за своего любимца старый барон Геккерен срочно помчался к Александру Сергеевичу уверять того в досадном недоразумении и происшедшей ошибке, утверждая, что Дантес влюблен не в Наталью Николаевну, а совсем в другую сестру Гончарову – Екатерину Николаевну. Старый барон только забыл упомянуть, что за две недели до сватовства к Екатерине Гончаровой Жорж Дантес сватался к княжне Барятинской, но получил отказ.

Развязка затягивалась, так как Дантесу совсем не хотелось рисковать и умирать на дуэли, и он сделал предложение сестре Натальи Николаевны – Екатерине Николаевне Гончаровой, которая была в него безумно влюблена и даже старалась устраивать как бы невзначай встречи своей красавицы сестры с Дантесом (об этом есть свидетельства княгини Веры Федоровны Вяземской), только чтобы иметь возможность увидеть лишний раз предмет своей любви.

– Говорят, у них была добрачная связь, – сказала Полина. – И Екатерина Гончарова якобы ждала от Дантеса ребёнка.

– Это официально и документально не доказано, – ответила я. – Но как бы там ни было, разрешение на брак католика Дантеса и православной Екатерины было получено от российского императора, причем довольно быстро, и 10 января 1837 г. в Петербурге, что очень даже символично, именно в римско-католической церкви святой Екатерины (по католическому обряду) и в Исаакиевском соборе (по православному обряду) состоялось это неожиданное и странное для многих, хорошо знавших новобрачных, бракосочетание. Об этом событии лучше всех сказала тетушка невесты Е.И. Загряжская: «Слава Богу кажется все кончено. ...и так все концы в воду» [38]. Сестры Наталья и Александра Гончаровы подарили невесте золотой браслет, украшенный корналинами.

Н. Вельц. Портрет Екатерины Дантес де Геккерн (1840 г.)

– Что же это за камень такой? – спросила меня Полина.

– Корналином называют сердолик, разновидность халцедона, – уточнила я. – Его еще часто называют «камнем солнца» или «радующим сердце». В зависимости от цвета эти камни подразделяются на кроваво-красные карнеолы и почти каштановые сардеры. Что символично, у Екатерины на браслете были три довольно крупных треугольных кроваво-красных карнеола, похожих на капли крови, которая прольется позже на Черной речке.

– А приобрели этот браслет сестры Гончаровы на деньги, выданные им на подарок императором Николаем I и переданные через графа А.Х. Бенкендорфа, – продолжала я. – На браслете они приказали выгравировать: «На память вечной привязанности. Александра. Наталья». Надпись была сделана по-французски. Добавить имя А.С. Пушкина сестры не решились, хотя все-таки рискнули принять деньги от царя на приобретение свадебного подарка.

После роковой дуэли и смерти Александра Сергеевича, оставшись вдовой, Наталья Николаевна Пушкина прокляла свою родную сестру Екатерину Николаевну Гончарову-Дантес де Геккерен, которая знала о назначенной дуэли Дантеса и Пушкина, но не предупредила ее. Так «вечная привязанность», выгравированная на свадебном браслете, оказалась непрочной и разорвалась.

В связи с этой свадьбой пришлось Александру Сергеевичу отозвать свой вызов злополучного француза на дуэль, тем более что у поэта еще была аудиенция у самого российского императора Николая I, да и выбранный в секунданты Дантесом виконт (так и хочется сказать «де Бражелон») Оливье д' Аршиак, молодой секретарь (атташе) французского посольства, всячески старался примирить противников.

Когда о вызове на дуэль стало известно в семье Пушкина, Наталья Николаевна приложила все усилия, чтобы спасти мужа. Она

через своего брата Ивана связалась с Василием Андреевичем Жуковским и своей тётушкой Екатериной Ивановной Загряжской, во многом благодаря действиям и переговорам которых в ноябре 1836 года дуэль удалось предотвратить. Кстати, примирению в значительной степени способствовал и секундант Дантеса, атташе французского посольства виконт д' Аршиак, который видел свою задачу в том, чтобы избежать кровопролития и мирно разрешить проблему. В своих воспоминаниях князь Петр Андреевич Вяземский писал, что в разговоре «д' Аршиак объявил ему, что он всю ночь не спал: что он, хотя и не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских» [54].

– Как же дальше развивались события? – уточнила у меня Полина.

– Геккерены, с одной стороны, хотели примирения с Пушкиным, считая, что свадьба должна была этому способствовать, – ответила я. – Но Александр Сергеевич примирения не хотел и категорически его отвергал. С другой стороны, они продолжали плести интриги против поэта. Я привела рассказ Вяземских П.И. Бартеневу: «Между тем посланник [Геккерн] (которому досадно было, что сын [Дантес] его женился так невыгодно) и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи» [55, с. 215].

Очень точно душевное состояние Пушкина обрисовал Н.А. Добролюбов [25, с. 37], который писал: «Грустное чувство беспрестанно возобновляется у него с новой силою... Он называет свет пустым и боится, чтобы душа его не охладела в мертвящем упоенье света. Он жалеет о своей молодости:

*Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана...*

*Что наши лучшие мечтанья,
Что наши свежие желанья
Истлели быстрой чередой¹².*

Он страдает при мысли о том, что пережил свои мечты. Он изнемогает:

*Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум
[51, с. 140].*

Добролюбов отмечает, что последние элегии Пушкина полны жгучей, безотрадной горечи, так как поэт чувствует, что жизнь не дает

---

¹² Неточная цитата из «Евгения Онегина».

ему успокоения и говорит: «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе...»
Каким отчаянием отзываются самые звуки надежды, которыми он
хочет утешить себя:

*Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,*

*И ведаю, – мне будут наслажденья
Средь горестей, забот и треволненья,*

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь... [52, с. 161].*

23 января 1837 г. на балу у Воронцовых-Дашковых Дантес оскорбил Наталью Николаевну. Ответ Александра Сергеевича не заставил себя долго ждать. 24 января 1837 г. Пушкин отправил барону Геккерену предельно резкое и эмоциональное письмо. Как дипломат Луи Геккерен не мог участвовать в дуэли, и вызов поэту послал Дантес. Не все исследователи упоминают, что 21 ноября 1836 г. А.С. Пушкин уже написал два письма: оскорбительнейшее – барону Луи Геккерену и объяснительное – графу А.Х. Бенкендорфу. «Я не мог допустить, – писал Пушкин в письме к Бенкендорфу, – чтобы в этой истории имя моей жены было связано клеветой с именем кого бы то ни было».

В.А. Жуковскому чудом удаётся удержать А.С. Пушкина от отправки писем. И когда мы говорим о письме Пушкина от 25 января 1837 года, которое послужило причиной дуэли, то нужно указать, что это был смягченный вариант того, ноябрьского неотправленного письма Геккерену. В ответ на это письмо последовал вызов Пушкина на дуэль уже со стороны Жоржа Дантеса. Следует отметить, что Пушкин настаивал на предельно жестких условиях – дуэли с двадцати шагов. «Чем кровавее, тем лучше» – это были слова самого Александра Сергеевича, сказанные им графу В.А. Соллогубу.

Соллогуб в своих воспоминаниях писал: «Пушкин... поневоле будет с ним (Дантесом) стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов он не желает. Ночь я... не мог заснуть: я понимал, какая лежала на мне ответственность перед всей Россией. Тут уже было не то, что история со мной (Соллогуб имел в виду вызов на дуэль, который А.С. Пушкин послал ему весной 1836 г.). Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него не поднялась бы...» [54].

Говорили, что Николай I поручил Бенкендорфу, шефу корпуса жандармов, воспрепятствовать дуэли, но тот не пресек поединок, и

выстрел все-таки грянул 27 января (8 февраля) 1837 г. на Чёрной речке возле Комендантской дачи.

Дантес понимал, что Пушкин с его взрывным африканским темпераментом взбешен до предела и идет его убивать, и когда поэт начал целиться, быстро, по-военному, спасая свою жизнь, не доходя до барьера, нажал на курок. 29 января (10 февраля) 1837 г. через два дня после этой роковой дуэли и после длительных сильнейших мучений А.С. Пушкин скончался. «Солнце русской поэзии закатилось...».

– Как же сложились судьбы вдовы и детей А.С. Пушкина, сестер Натальи Николаевны и Жоржа Дантеса после этой дуэли? – спросила меня Виардо.

– Российский император проявил заботу о семье погибшего опального поэта, – сказала я. – Указом Николая I камер-юнкер (это был самый низший придворный чин, не соответствующий возрасту Александра Сергеевича) Пушкин был посмертно поставлен камергером, что давало Наталии Николаевне камергерскую пенсию 6000 рублей. Пенсии по 1500 рублей каждой также были назначены обеим дочерям поэта, Марии и Наталии, выплаты продолжались вплоть до их замужества. Многочисленные и большие долги поэта были уплачены императором из его личных средств, а не из государственной казны.

Средняя сестра Натальи Николаевны – Александра Николаевна после смерти А.С. Пушкина была пожалована в январе 1839 г. во фрейлины российской императрицы. Но и после этого Александрина жила в семье своей сестры, сначала вдовствующей, а затем до 1852 г. уже в её новой с Н.Н. Ланским, пока не вышла замуж за Густава Фризенгофа [188], секретаря австрийского посольства.

Дочерей Марию и Наталью определили в один из женских институтов для благородных девиц, а сыновей А.С. Пушкина, Александра и Григория, – в Пажеский корпус, кроме того, на них выделялось пособие по 1500 рублей в год до момента поступления на службу.

– А были ли счастливы дочери Пушкина, став взрослыми? Как сложилась их семейная жизнь? – спросила Полина.

– О, их счастье было нелёгким, а в жизни случилось много трагических моментов, – ответила я. – Мария Александровна Пушкина внешне была точной копией своего отца. Она получила такое же воспитание, как и ее мать. Знала языки и литературу, играла на фортепьяно и в шахматы, занималась и рукоделием, и верховой ездой. На одном из вечеров в доме своего отчима П.П. Ланского, страстно увлекавшегося лошадьми, она познакомилась с конезаводчиком Леонидом Николаевичем Гартунгом.

И.К. Макаров. Мария Александровна Пушкина. 1860 г.

Молодые поженились и счастливо жили в имении Гартунга под Тулой, где Мария Александровна познакомилась с великим русским писателем, графом Львом Николаевичем Толстым. Так старшая дочь Александра Сергеевича Пушкина стала прототипом главной героини романа Толстого «Анна Каренина». Но счастье Марии оказалось недолгим. В 1877 г. её мужа обвинили в мошенничестве и отдали под суд. Не вынеся незаслуженного позора и клеветы, Гартунг покончил жизнь самоубийством.

Мария Александровна после смерти мужа осталась без средств. Всю свою оставшуюся жизнь она посвятила воспитанию одиннадцати племянников – детей своего овдовевшего многодетного брата Александра, заменив им мать.

Младшая дочь и самый младший ребёнок в семье А.С. Пушкина, Наталья Александровна, прозванная домашними за бойкий нрав и непоседливость «бесенком Ташей», внешне пошла в мать и выросла настоящей красавицей. Сергей Загоскин, сын писателя Михаила Загоскина в 1856 г. вспоминал: «В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском» [58]. Женщины обычно более пристрастны, чем мужчины, но знакомая Н.А. Пушкиной Е.А. Реннекампф написала: «Про красоту ее скажу лишь одно: она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлей, когда она входила, осанка у нее была царственная, плечи и руки очертаний богини». И даже 30 лет спустя Наталья Александровна приковывала к себе взоры.

– Это была высокая видная дама с каштановыми волосами, синими глазами... – писал о ней в 1996 г. редактор «Русской старины» М.И. Семевский [44].

В своей юности Наталья Александровна Пушкина (в 16 лет) пережила свою первую любовную драму. Её взаимная любовь с

Николаем Орловым, сыном графа (а потом князя), вызвала усиленное противодействие со стороны его отца.

Наталья Александровна Пушкина. Санкт-Петербург, 1860-е гг.

Сватовство Николая в 1856 году не состоялось, а уже в феврале 1857 г. Наташа на свою беду сгоряча выскочила замуж за Михаила Дубельта, как говорится, за первого встречного молодого человека, причем мужчину необузданного нрава, кутилу и транжиру, грубияна, который нередко поднимал руку на свою жену. Он ее просто избивал под горячую руку.

Не остановило его и появление в семье детей, которых у них к 1861 г. было уже трое, т.е. Наталья практически весь этот период была беременной. Семейная жизнь с Дубельтом постепенно превращалась для Натальи Александровны в кромешный ад. Вид на отдельное от супруга жительство она получила только в 1864 г. Долго тянулся бракоразводный процесс и завершился только 18 мая 1867 г., освободив ее от постылого мужа...

В 1856 г. счастье улыбнулось Наталье Александровне. На коронационном балу нового российского императора Александра II она познакомилась с принцем Николаем фон Нассау. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Н.А. Пушкина последовала за ним за границу, а её трое детей от первого брака остались в России с бабушкой, Натальей Николаевной Ланской. После её смерти Петр Петрович Ланской взял на себя заботы о внуках жены, старших детях Натальи Александровны Пушкиной-Дубельт от первого брака с Михаилом Дубельтом после её отъезда с Николаем фон Нассау в Германию, в Висбаден.

Только после получения развода с Михаилом Дубельтом Наталья Александровна смогла оформить морганатический брак с принцем Нассау. Ей и её детям присвоили графские титулы фон Меренберг. Но всё равно по законам Нассау она после смерти не

могла покоиться на кладбище рядом со своим мужем. По её завещанию, после кремации её прах должен был быть развеян над его могилой.

– А что же противник и убийца великого поэта? Как сложилась его жизнь? – продолжала расспрашивать Виардо.

– Барон Жорж Дантес де Геккерен прожил со своей русской женой Екатериной Николаевной Гончаровой недолго, менее семи лет, – вела я свой рассказ, – оставшись вдовцом в тридцать один год. Коко, как звали Екатерину Николаевну в её французской семье, умерла тридцати четырех лет от послеродовой горячки, подарив своему мужу сына-наследника.

Помните, Полина, свадебный браслет Екатерины Гончаровой, который ей подарили сестры? Так вот, Коко с ним никогда не расставалась и до последней минуты своей жизни сжимала его в руке. Она так и умерла, не выпуская из рук браслета. Видимо, ей так не хватало сестринского тепла и участия. Она страдала из-за происшедшего драматического разрыва с сестрой Натальей.

Больше барон Дантес так и не женился, а четверых его детей: дочерей Матильду-Евгению, Берту-Жозефину, Леони-Шарлотту и единственного сына Луи-Жозефа-младшего (перед ним зимой 1842 г. его жена родила ещё одного мальчика, но мёртвого) после смерти Екатерины Николаевны воспитывала незамужняя сестра Жоржа Дантеса Адель. Однако после смерти своей жены Дантес не был монахом, у него было много любовниц, но ни одна из них так и не стала женой. Говорят, что он более не связал себя узами брака, оставаясь верным памяти русской супруги, портретно похожей на свою родную красавицу-сестру Наталью Николаевну Гончарову-Пушкину-Ланскую.

Мы помолчали недолго, а потом Полина уточнила:

– Как писал российский писатель Сергей Лебедев: «Культ Пушкина и сестёр Гончаровых – Екатерины и Натали у потомков Дантеса существует, как ни странно, до сих пор. Во многом благодаря младшей дочери Екатерины и Жоржа, знаменитой Леони-Шарлотты, владевшей (в отличие от других троих детей Дантеса) в совершенстве русским языком и читавшей в подлиннике произведения своего гениального дяди – Александра Сергеевича Пушкина. Той самой Леони, которая всю свою жизнь обожала Пушкина и, по свидетельству А.Ф. Онегина, имела мужество обвинить своего отца в убийстве великого поэта. [35]. Она заболела и умерла в психиатрической лечебнице 48 лет от роду 30 июня 1888 г.

– Интересно, как выглядела эта необычная дочь Дантеса, Леони-Шарлотта? – спросила меня Полина, добавив, что именно за симпатию к Пушкину некоторые и считали её сумасшедшей.

Леони Шарлотта Дантес де Геккерн

– На портрете мы можем ее увидеть, – сказала я.

Сам барон Дантес умер на юге Франции в своем родном городе Сульце (Сульсе) в Эльзасе в возрасте 83-х лет. Он дослужился до звания сенатора и должности мэра города Сульца. В дуэли с А.С. Пушкиным и ее роковом результате он в открытую никогда не раскаивался и не сожалел о ней.

Полина задумалась, немного помолчала и негромко сказала:

– Надо отметить, что ни один из потомков А.С. Пушкина не стал поэтом, а праправнук Дантеса, барон Лотер де Геккерн Дантес, живущий в Нанте хозяин мусороперерабатывающего завода, написал и издал в Париже сборник «Борьба и чувства» – смертельно раненному Пушкину посвящается. Второе название книги было тоже символичным: «Погибнуть вместе с Пушкиным» [Подробнее см. Спиридонов И.Н. Проклятье рода Дантесов. 10 февраля 2012 г.].

А.С. Пушкин

Ж.Ш. Дантес

– Да, я тоже об этом читала в Интернете, – сказала я. – Но Вы можете спросить, Полина, как же так произошло, что веселый и неунывающий шутник и балагур, душа общества, убил нашего великого поэта? А ведь А.С. Пушкин долгое время относился к кавалергардскому поручику барону Жоржу Дантесу, который доводился ему кузеном, а потом стал и свояком, довольно доброжелательно, называл его «добрым малым». Александру Сергеевичу нравились остроумные каламбуры и меткие шутки

молодого весельчака француза, внучатого племянника графини Е.Ф. Мусиной-Пушкиной. Кстати сказать, Пушкин и его жена Наталья Николаевна Гончарова также были в родстве с Мусиными-Пушкиными. Кроме того, барон Жорж Шарль Дантес являлся троюродным племянником самой императрицы Александры Федоровны.

Хорошо помня о своих высокопоставленных родственниках, покровителях и благодетелях Жорж Дантес даже на службе вел себя довольно свободно: то он начинал курить сигары на параде, сразу же после команды «вольно», что было не принято, то после развода караула садился в свой экипаж, не дожидаясь отъезда старших офицеров, а на бивуаке вообще мог утром выйти на сбор в шинели, накинутой прямо на шлафрок, то есть на халат, хотя обязан был явиться в полном форменном мундире. Особым рвением к выполнению военной службы Дантес не отличался, поэтому за год у него набегало до сорока дисциплинарных взысканий за допущенные нарушения и опоздания.

Если говорить об отношениях Пушкина и Дантеса, то изначально в этих взаимоотношениях все было безоблачно и благополучно: они встречались, шутили, смеялись. Ничего не предвещало трагедии. Думается, что барон Жорж Дантес, этот «белокурый остроумный котильонный принц», как метко назвала его Анна Андреевна Ахматова, мог влюбиться в Наталью Николаевну Гончарову-Пушкину, мог приволокнуться за ней, мог бы даже попытаться похитить ее у мужа, но хладнокровно, сознательно и целенаправленно идти на убийство, плетя интриги и организуя Пушкину невыносимую травлю, Дантес, вряд ли, на наш взгляд, был способен.

Нет, для этого нужен был совсем другой характер и другая натура, жесткая, властная, умная и изощренная, при этом обладающая достаточными средствами для достижения предельно четко поставленной цели, действенными орудиями для травли и убийства и многочисленными приспешниками, услужливо готовыми на все. А ведь этим «доброхотам» во многом и команды отдавать не нужно было, они сами добровольно готовы были ретиво услужить своему патрону в этом грязном деле.

– Да, такие, – сказала Полина, – будут, как у вас говорят, бежать не только впереди телеги, а даже впереди лошади.

Под характеристику этой роковой для Пушкина личности подпадает только одна единственная персона. Это вовсе ни старик Луи Геккерен, ни князь П.В. Долгорукий или канцлер и Министр иностранных дел граф Карл Нессельроде – совсем не тот у них масштаб! Думается, что это император Николай I. Вероятно, ему понравилась необыкновенная девятнадцатилетняя красавица Наталья

Николаевна Гончарова-Пушкина, которая своим очарованием озаряла светские рауты и балы в Аничковом дворце Санкт-Петербурга и которую даже прозвали «Психеей».

Вот как вспоминала о первой красавице столицы соседка Гончаровых по имени Надежда Михайловна Еропкина: «Я всегда восхищалась ею (Натали). Воспитание в деревне, на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц... [54].

А граф В.А. Соллогуб так писал о Наталье Николаевне:

– Много видел я на своём веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая; с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при её появлении [54]. Вот за это его непомерное восхищение своей женой А.С. Пушкин и вызвал В.А. Соллогуба на дуэль весной 1836 г.

Полина сказала:

– Пушкину обвиняют в излишнем необдуманном кокетстве, которое привело потом к трагедии, но в то же время ее современники отмечали, что «главную прелесть Натали составляло отсутствие всякого жеманства и естественность».

Большинство считало её кокеткой, – продолжала Виардо, – но обвинение это, на мой взгляд, несправедливо, ведь те же современники писали: «Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо!.. Наталия Николаевна явилась в семье удивительным самородком!» [188].

– Это правда, – сказала я. – Наталья Николаевна Гончарова была разносторонне одарена и образована: отлично владела иностранными языками (французским, английским и немецким), хорошо знала историю и географию, русский язык и литературу, читала стихи и помнила наизусть много из Пушкина, кроме того, она была очень практична, могла вести домашнее хозяйство, вязать и шить, была отличной наездницей и мастерски управляла лошадьми, великолепно и с удовольствием танцевала и играла на фортепьяно, а также с блеском играла в шахматы, что обычно не характерно для женщин.

Причем она не кичилась своими талантами, а была скромна, застенчива, как и подобает благовоспитанной девушке. Как в такую идеальную красавицу было не влюбиться?

А.П. Брюллов. Портрет Н.Н. Пушкиной.
Акварель, 1831—1832 гг.

Симпатия к жене Пушкина добавляла антипатию к тому и без того недоброжелательному отношению царя к вольнолюбивому и непокорному поэту. Чего только стоили гордые строчки Пушкина, что он не гнул «для власти, для ливреи... ни совести, ни помыслов, ни шеи» (47, с. 336). А что же Натали? Она была законной и венчанной женой Александра Сергеевича, и тут, как говорится, уж ничего не поделаешь: они муж и жена перед богом и людьми, и только смерть разлучит их.

Когда на горизонте замаячил в великосветском обществе красавчик и балагур, самый модный мужчина Санкт-Петербурга, кавалергардский поручик барон Жорж-Шарль Дантес с 70 000 рублями годового дохода и, кстати, ровесник прекрасной Натали, это положительных эмоций государю-императору не добавило. Возможно, поэтому Николай I в октябре 1836 г. назначил француза своим конным ординарцем, чтобы с одной стороны иметь его все время под рукой, а с другой – чтобы плотно контролировать его действия. Но, видимо, молодой барон Жорж Шарль Дантес не в меру увлекся прекрасной супругой Пушкина, что усилило и так чрезмерное раздражение царя. И вот тут-то, скорее всего и появилась идея дуэли, чтобы разом убрать обоих соперников. Зазвучали рога последней жестокой охоты, и травля началась, тем более что в усердных исполнителях недостатка не было.

Надо сказать, что Пушкин любил и боготворил свою жену. Вот его признание после помолвки: «Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча

казалась мне блаженством – Боже мой – она... почти моя...». 18 февраля 1831 г. долгожданное венчание состоялось. Через пять дней после свадьбы поэт пишет 24 февраля 1831 г. своему другу П.А. Плетневу: «Я женат – и счастлив: одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменялось, лучшего не дождусь» [54].

Итак, исполнилось то, о чем Пушкин мечтал: «мадонна», «чистейшей прелести чистейший образец» [48, с. 160] вошла в его дом... «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом», – признавался он в письме к своей теще Н.И. Гончаровой в 1834 г. [54].

Ещё до свадьбы Пушкин обещал матери своей невесты: «Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием» [188].

«Любовь Пушкина к жене была безгранична, – вспоминала супруга одного из самых близких друзей поэта Вера Александровна Нащокина, – Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда, даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить её». И В.А. Нащокина продолжала: «В последние годы клевета, стесненность в средствах и гнусные анонимные письма омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил её по-прежнему» [54].

А.С. Пушкин хорошо понимал, что Наталья Николаевна ещё очень молода (ей было всего лишь девятнадцать лет, когда она вышла замуж за А.С. Пушкина), что она прекрасна, а кокетство и женское тщеславие так естественны для её возраста. Приехав с мужем в Петербург, а затем в Царское Село через три месяца после свадьбы, Наталья Пушкина почти сразу же стала одной из первых красавиц Петербурга. И даже в период жестокого конфликта, когда нервы поэта были на пределе, он не выдвигал против жены обвинений и доверял ей. Отношение Александра Сергеевича к жене неизменно было уважительным. Поэт говорил: «Жена моя – ангел, никакое подозрение коснуться её не может, – а после роковой дуэли он повторял, что Наталья Николаевна невиновна в происшедшем и что он всегда ей доверял» [38, с. 210].

Очень хорошо и точно сказал о Н.И. Пушкиной наш современник, литературовед Д. Благой в предисловии к книге И.М.

Ободовской и М.А. Дементьева: «Никто не должен, не смеет не только бросить, но и поднять на нее камень» [39].

– А я очень хорошо помню строчки Пушкина в его знаменитой «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебедь» об отношении к жене. Эти слова поэт вложил в уста царевны Лебедь, – сказала Полина:

*Но жена не рукавица!
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь* [49, с. 331].

– Кроме того, что Наталья Николаевна была исключительно красивой женщиной, – продолжала я, – она еще была очень добрым и отзывчивым человеком. Так, она не побоялась ходатайствовать за возвращение из ссылки М.Е. Салтыкова-Щедрина и Я.А. Исакова (возможно, он был родственником книгопродавца Я.А. Исакова, существует также предположение, что это был сын Есакова (Исакова), товарища А.С. Пушкина по Царскосельскому лицее). Просить за опальных было очень опасно, для совершения такого поступка надо было обладать не только большим человеколюбием, но и гражданским мужеством [188].

Была она заботливой и глубоко понимающей мужа женой. Так, Наталья Николаевна просила своего старшего брата Дмитрия, которому достался майорат, назначить ей содержание, равное содержанию сестёр. Обосновывая свою просьбу, она пишет: «Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна» [38, с. 166].

Наталья Николаевна также вникала в организационные издательские вопросы пушкинского «Современника», пыталась помочь мужу, договаривалась со своим братом о поставках бумаги для журнала. В письме от 18 августа 1835 г. она пишет старшему брату: «Мой муж поручает мне, дорогой Дмитрий, просить тебя сделать ему одолжение и изготовить для него 85 стоп бумаги по образцу, который я тебе посылаю в этом письме. Она ему крайне нужна, и как можно скорее; он просит тебя указать срок, к которому ты сможешь ее ему поставить. Ответь мне, пожалуйста, как только ты получишь это письмо, чтобы он знал, подойдет ли ему назначенный тобою срок [188].

В опубликованных российскими литературоведами-пушкинистами И. Ободовской и М. Дементьевым материалах мы находим

изложение поручений А.С. Пушкина жене по литературным и журнальным делам. Так, в письме от 11 октября 1833 г. поэт просит жену: «Мой ангел... съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (год 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь...»

А в письме от 6 мая 1836 г. он излагает ей другое поручение: «...При сем пакет к Плетневу, для Современника, коли цензор Крылов не пропустит, отдать в Комитет и, ради Бога, напечатать во втором номере».

В письме от 11 мая 1836 г. Александр Сергеевич снова спрашивает жену о том, как идут дела в журнале: «...Благодарю и Одоевского за его типографические хлопоты. Скажи ему, чтоб он печатал, как вздумает – порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. Впрочем, это неважно...»

– Да, такой образ не соответствует широко распространённому в обществе описанию Гончаровой-Пушкиной как ветреной красавицы, непрактичной, глупой и эгоистичной, – сказала Полина. – Наоборот, этот образ Натальи Николаевны вызывает глубокую симпатию и сострадание к ней.

– Миф о ветреной красавице, бездумно и безмятежно порхающей по балам, во многом надуман и представлен ее недоброжелателями, – уточнила я. – А ведь Наталья Николаевна еще была молодой матерью большого семейства. За шесть лет брака она родила четверых детей: Машку (родилась 19 мая 1832 г.), Сашку (6 июля 1833 г.), Гришку (14 мая 1835 г.), Наташку (23 мая 1836 г., которой на момент гибели ее отца было восемь месяцев и шесть дней). Так их назвал сам А.С. Пушкин. После смерти мужа Наталья Николаевна на два года уехала в деревню на Полотняный завод, выполняя предсмертную волю Александра Сергеевича: «Поезжай в деревню. Носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, но только за порядочного человека» [39].

Потом Наталья Николаевна возвратилась в Санкт-Петербург и в 1844 г., через семь лет после гибели А.С. Пушкина, вышла замуж за командира лейб-гвардии конного полка, базировавшегося в Стрельне, П.П. Ланского, ставшего затем генералом-адъютантом. Был Петр Петрович, мягко говоря, очень даже не богат. Злые языки говорили об этом союзе, что соединились «нужда с бедностью».

Доброта Натальи Николаевны часто служила ей плохую службу. Она хорошо помнила, как им несладко жилось в родительском доме, поэтому постаралась вытащить своих сестер из деревни в Петербург, чтобы в столице они могли устроить свою жизнь, что они не сразу, но

сделали. Сестры приехали, поселились в доме Пушкиных и стали выезжать в свет. В декабре 1834 г. Екатерина Гончарова стала фрейлиной императрицы.

И.К. Макаров. Портрет Натальи Николаевны Ланской

Вот что она пишет 8 декабря 1834 г.: «Мы уже были на нескольких балах, и я признаюсь тебе, что Петербург начинает мне ужасно нравиться, я так счастлива, так спокойна, никогда я и не мечтала о таком счастье, поэтому я, право, не знаю, как я смогу когда-нибудь отблагодарить Ташу и ее мужа за все, что они делают для нас, один Бог может их вознаградить за хорошее отношение к нам [38].»

Александра Николаевна Гончарова

Но, как я уже говорила выше, эта доброта имела и обратную сторону: так, благодетельствованная Пушкиными Екатерина Гончарова из любви к молодому барону Жоржу Дантесу де Геккерену старалась устраивать почаще его встречи со своей младшей сестрой Ташей, чтобы иметь возможность видеть предмет своего обожания. Когда же дело дошло до дуэли, Екатерина, зная о готовящемся поединке, не предупредила Наталью Николаевну. Другая сестра Гончаровых Александра Николаевна не только восхищалась А.С. Пушкиным как великим поэтом, но и, по некоторым предположениям пушкинистов, имела с ним любовную связь.

У Натальи Николаевны и Петра Петровича родились три дочери: Александра, Софья и Елизавета. Дети Пушкина также жили в семье Ланских и были окружены любовью и заботой не только матери, но и отчима. Это была дружная, хоть и очень небогатая семья.

Знаменитый писатель и публицист В.В. Вересаев (настоящая фамилия Смидович) полагал, – добавила я, – что Александра Петровна Ланская (по мужу Арапова) была родной дочерью российского императора Николая I, а «брак с покладистым Петром Петровичем Ланским» помог скрыть эту связь.

Александра Петровна Ланская-Арапова

Наталья Николаевна всегда помнила о случившейся в 1837 году трагедии на Черной речке. Как писала ее дочь от второго брака Александра (в замужестве Арапова) «тихая, затаенная грусть всегда витала над ней, а в зловещие январские дни она сказывалась нагляднее: мать удалялась от всякого развлечения, и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе» [54].

Следует сказать, что через своих внуков Александр Сергеевич и Наталья Николаевна Пушкины породнились с российскими самодержцами. Так, граф Георг-Николай фон Меренберг (сын от морганатического брака Натальи Александровны Пушкиной-Дубельт и принца Нассау Николая Вильгельма) был женат на узаконенной дочери российского императора Александра II светлейшей княгине Ольге Александровне Юрьевской. Их внучка графиня фон Меренберг Софья Николаевна была замужем (морганатически) за внуком императора Николая I Михаилом Михайловичем [55, с. 11, 469]. Их дочь Надежда Михайловна вышла замуж за лорда Джорджа Маунтбеттена, который по матери доводился племянником императрице Александре Фёдоровне, внучке королевы Великобритании Виктории. Средняя же дочь фон Меренбергов, Александра Николаевна, вышла замуж не за царственную особу, а за аргентинца Максимо де Элиа и умерла в 1950 г. вдалеке от России в Буэнос-Айресе.

Как заботливая мать, Наталья Николаевна летом 1862 года передала своей дочери от А.С. Пушкина Наталье Александровне Пушкиной-Дубельт семьдесят пять писем ее великого отца для того, чтобы при необходимости та могла опубликовать их и поправить своё материальное положение. Дочь тогда еще не была разведена с Дубельтом, который быстро промотал её приданое, и в деньгах очень нуждалась [45, с.156].

Но, как говорят, добрыми намерениями вымощен путь в ад. Став женой принца Нассау и вполне состоятельной дамой, Наталья Александровна решила опубликовать письма отца к ее матери, не учтя их личный характер. После смерти П.П. Ланского, как и было обусловлено Натальей Николаевной, Наталья Пушкина-Меренберг передала письма Ивану Сергеевичу Тургеневу для публикации, договорившись, чтобы он сам опустил места, неудобные для печати. Иван Сергеевич в 1877 году с жаром взялся за дело и в 1878 г. осуществил публикацию в «Вестнике Европы» [185, с. 213].

– О, я хорошо помню этот случай, принесший Тургеневу массу неприятностей – сказала Виардо. – Разразился громкий скандал, так как в этих очень личных письмах поэта к жене, написанных по-русски, было много обычных прозаических бытовых деталей, к тому же Александр Сергеевич при написании этих писем особо не стеснялся в выражениях. Братья Натальи Александровны Александр и Григорий посчитали эту публикацию некорректной и чуть ли не вызвали Ивана Сергеевича Тургенева на дуэль. Дело удалось замять лишь после вмешательства мужа Натальи Александровны Пушкиной-Меренберг Николая Вильгельма Нассау. Он уладил все это недоразумение быстро и деликатно.

Такова судьба кумира Ивана Сергеевича Тургенева Александра Сергеевича Пушкина и его семьи, история его любви и жизни, жестоко оборванной роковым выстрелом на Чёрной речке в 1837 году, а также произошедшее пересечение судеб Тургенева и Пушкина уже после смерти великого поэта.

Мы с моими дочками Клоди, Марианной и их мужьями были возле умирающего Тургенева до последней минуты 22 августа (3 сентября по новому стилю) 1883 г. В день смерти писателя из русских в нашем доме был только князь А.А. Мещерский, – сказала Полина. – Перед смертью Тургенев завещал похоронить его на Волковом кладбище (знаменитых Литераторских мостках) в Санкт-Петербурге возле своего друга Виссариона Григорьевича Белинского. Высшим желанием Ивана Сергеевича было лечь у ног своего кумира, Александра Сергеевича Пушкина, но Тургенев при этом скромно говорил: «Я не заслуживаю такой чести...» [35, с. 206].

Глава 7

СОБРАТЬЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ ЦЕХУ. ТАКИЕ НЕПРОСТЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

А теперь мы перейдем к еще одной светлой и печальной истории, истории дружбы Ивана Сергеевича Тургенева и Виссариона Григорьевича Белинского, прозванного «неистовым Виссарионом».

– Итак, в 1843 г. Тургенев познакомился с Белинским, – сказала я, – да и подружился с ним. Вы спросите, Полина, почему так сложилось? Как стала возможна эта необычная дружба между представителями двух очень разных сословий?

– Мне так и хочется сказать, – заметила Виардо, – что так звезды сошлись! Однако думаю, что разночинец В.Г. Белинский был очень даже польщен общением с Иваном Тургеневым. Еще бы: дворянин, богач, молодой красавец, талантливый гордец, а вот снизошел же...

Я продолжила ее мысль:

– Белинский писал о Тургеневе: «В нем есть и желчь, и злость, и юмор. Он глубоко понимает Москву и так ее воспроизводит, что я пьянею от удовольствия [53, с.129].

– Интересно, а каким увидел Белинского Тургенев при первой встрече? – спросила меня Полина.

Я указала на стенд во второй зале, где было написано: «Среднего роста, довольно некрасивый, нескладный, с впалой грудью и понурой головой, постоянно кашляющий, в связи с чахоткой, и оттого бледным лицом».

Как отмечал сам И.С. Тургенев, общение его с Белинским было обоюдодоплезным, так как, не будучи знаком ни с одним из иностранных языков (Виссарион Григорьевич даже по-французски читал с великим трудом) и не находя в русских книгах ничего, что могло бы удовлетворить его пытливость, Белинский поневоле должен был прибегать к разговорам с друзьями, к продолжительным толкам, суждениям и расспросам; и он отдавался им со всем лихорадочным жаром своей жаждущей правды души. Таким именно путем он усвоил... главные выводы и даже терминологию гегелевской философии, беспрекословно тогда царившей в умах молодежи [164, с.159-160].

Виссарион Григорьевич получал от Ивана Сергеевича и других своих друзей и знакомых море новой и недоступной для него информации, и, как пишут российские литературоведы, «все услышанное от Тургенева затем талантливо развивал и использовал в своем творчестве» [35].

Виссарион Григорьевич Белинский

В лице же Белинского И.С. Тургенев встретил не просто доброжелательного, а предельно доброжелательного критика. В майском номере «Отечественных записок» в 1843 г. Иван Сергеевич прочел отзыв, в котором Белинский, непримиримый борец с романтизмом, почти нежно писал о поэме Тургенева «Параша»: «Это – один из прекрасных снов на минуту проснувшейся русской поэзии, в ней глубокая идея, стих обнаруживает необыкновенный поэтический талант!..»

– Однако от таких дифирамбов и многообещающих авансов Тургенев, думается мне, – сказала Виардо, – мог почувствовать больше смущения, чем радости. Иван Сергеевич был очень умным и к себе и своему творчеству относился очень требовательно, а порой довольно критически.

– Наверное, Вам это не очень понравится, Полина, – сказала я, – однако особой радости общение с Тургеневым его знакомцам не доставляло. Как отмечали товарищи Ивана Сергеевича, общение с ним было не из приятных и таило в себе странные сюрпризы. Любил Иван Сергеевич прихвастнуть, что нередко с ним бывало. Видимо, в каждом русском сидит немного от Хлестакова.

– Да, у Вас еще говорят: «Опять тридцать пять!» – Полина заразительно рассмеялась. В ее глазах плясали озорные искорки, и смотрела она на меня довольно лукаво.

– Чуть-чуть не попали – ответила я. – В пословице говорится не тридцать пять, а двадцать пять! Тридцать пять – это из «Ревизора» Н.В. Гоголя: «Курьеры, курьеры, тридцать пять тысяч одних курьеров!» – говорит Хлестаков, когда рассказывает о своей жизни в Петербурге.

Приятелей Ивана Сергеевича огорчало, что свое слово порой держал он некрепко. Так, похвалится отменным кулинарным искусством своего повара, пригласит к себе друзей на обед, да и сбежит из дома, а те постоят без толку у закрытых дверей, постучат, подождут и с досадой разойдутся. Потом, оправдываясь, Тургенев

говорил, что или запомнил, или что гости день встречи перепутали. Однако так Иван Сергеевич поступал только с разночинцами, с дворянами он на такие сюрпризы все-таки отважиться не рисковал, дорожил репутацией. Следует сказать, что Белинский в такую неприятную историю с приглашением попадал дважды: и в Питере, и на даче в Парголово.

– Ну, не мог же признаться приятелям Тургенев, – вздохнула Полина, – что по недоброй воле своей маменьки Варвары Петровны сидит он без гроша, что иногда нечем было ему платить за квартиру, а порой и за обед, денег просто совсем не было. Удивляюсь, как он находил средства на билет в театр на мои выступления. Это ведь было совсем не дешево!

– Да, – с грустью заключила она, – с 1843 по конец 1850 г. Тургенев переживал очень и очень трудные времена.

– Но были и другие неприятные моменты, – сказала я. – Как-то произошел такой случай: по воспоминаниям Е. Феокистова, петербургский знакомый Тургенева Н.Х. Кетчер с друзьями абонировал дешевую ложу очень высоко, почти под ярусом, и Иван Сергеевич в нее наведывался во время представления, спускаясь в антрактах вниз, чтобы показаться знакомым из знати.

Когда его спросили, что он делает в верхнем ярусе, смущенный Тургенев соврал, что нанял клакеров для разогрева публики, поэтому ему приходится с ними находиться. Когда об этом узнал Кетчер, то пришел в неопишную ярость из-за неблагодарности Тургенева.

Полина нахмурилась и переменяла тему, спросив меня:

– Говорят, что для Белинского его дружба с Тургеневым закончилась печально?

– Да, это так, – подтвердила я. – Наслушавшись рассказов Ивана Сергеевича о прекрасной загранице, Белинский загорелся поездкой в Европу в надежде на исцеление. Он пишет Тургеневу: «Ах, если бы с Вами свидеться! Где Вы будете? Не в Берлине ли, которого мне не миновать по пути... Или не в Дрездене ли, откуда Вам ничего не будет стоить приехать повидаться со мною? Да одного этого достаточно для выздоровления, кроме приятной поездки, отдыха, целебного воздуха, прекрасной природы и минеральных вод».

– Утопающий всегда хватается за любую соломинку, какой бы тонкой она не была, в надежде спастись, – проговорила Полина, но и следа улыбки уже не было на ее лице.

А я продолжала рассказывать эту грустную историю:

– Но надежды великого критика не оправдались. Тургенев, обещавший опекать Белинского как нянька, не встретил его в Берлине, и Виссарион Григорьевич, так как не знал немецкого языка, пережил много мытарств, пока нашел квартиру Ивана Сергеевича.

Не заладились поездки и в Дрезден, и в Зальцбрунн. Там везде было ужасно холодно, сыро, потому что шли нескончаемые дожди. А потом, оставив Белинского на попечение Анненкова, Тургенев сбежал сначала в Берлин, а потом вслед за Вами в Англию. В Париже они встретились уже только в июле, но Тургенев не приехал проводить Белинского в Россию, а лишь послал ему короткое прощальное письмо. Когда 26 мая 1848 г. Виссарион Григорьевич скончался, Тургенев сильно горевал, и в его душе навсегда осталось чувство непоправимой вины.

– Грустно все это, – сказала Полина. – Очень грустно терять друзей. Возможно, что все произошедшее есть череда нелепостей, недоразумений и невезения, ведь Тургенев по натуре был человеком добрым и мягким.

– Да, Полина, Вы знали его именно таким, – ответила я. – Но Авдотья Панаева, не питавшая теплых чувств к Ивану Сергеевичу, вспоминала, что сам Тургенев признавал типичные слабости своей натуры: мягкость, уступчивость, отсутствие твердого и сильного волевого начала, что приводило порой к легкомысленным и необдуманно-эгоистическим поступкам, за что многие приятели ему не доверяли. А дочь Ф.И. Тютчева Анна Федоровна однажды в сердцах даже сказала Ивану Сергеевичу: «Вы – беспозвоночный в нравственном отношении».

С российскими литераторами у Тургенева отношения складывались очень непросто и даже драматично: сначала все было прекрасно, тесная дружба и взаимная симпатия, а потом наступал разлад. Так было и с Н.А. Некрасовым, с которым Тургенева в 1840-50-х годах связывала, казалось бы, прочная личная и творческая дружба, тем более что Тургенев являлся одним из постоянных сотрудников «Современника». Однако с приходом в журнал Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова между Иваном Сергеевичем и Николаем Алексеевичем произошел полный разрыв, и творческий, и человеческий.

Тургенев с раздражением писал об этом неприятном для него времени: «Некрасов стал легендой для молодежи, но из нее выйдет толк только тогда, когда она освободится от этой легенды, то есть, когда появится новый, сильный и живой талант».

– Думаю, что это была просто ревность, творческая и человеческая, я бы даже сказала, что мужская, – отметила Полина, – и я согласилась с ней, продолжая нашу дискуссию:

– К литературной российской молодежи Тургенев относился довольно скептически и совсем не по-доброму, – продолжала я. – Так, он писал в письме П.В. Анненкову от 28 (16) июня 1867 года: «Невский сборник» я получил: бездарность всех этих так называемых «молодых сил» привела меня в уныние. Экая нищета!» [153, с. 9]. Но,

надо сказать и «молодые силы» (писатели-демократы) платили Ивану Сергеевичу той же монетой.

Николай Алексеевич Некрасов

Убийственной была оценка Тургеневым произведений В.А. Слепцова. Иван Сергеевич писал в письме П.В. Анненкову от 17 (29) января 1866 года: «Сочинения Слепцова не столько любопытны сами по себе, сколь поучительны, как факт. Сильно отдаёт от них тем запахом прелых портков, который свойствен нашей современной литературе. Что за бедность и пустота содержания, талант есть. Да что в том толку?» [135, с. 8]. А ведь в 1863 г. Иван Сергеевич в письме В.П. Боткину спрашивал: «Прочел ли ты в «Современнике» рассказ в роде Успенского под названием «Питомка» некоего В. Слепцова? Это пробирает до мозга костей, – и, пожалуй, тут сидит большой талант. Но один реализм губителен – правда, как ни сильна, не художество. Но в этом рассказе есть что-то, кроме одной правды [124, с. 210].

2 / 14 января 1868 г. писал Тургенев из Баден-Бадена Я.И. Полонскому о состоянии современной ему российской литературы: «Недостаток талантов, особенно талантов поэтических – вот наша беда. После Льва Толстого ничего не явилось – а ведь его первая вещь напечатана в 1852 году. Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т.д. – но где же вымысел, сила воображения, выдумка где? Они ничего выдумать не могут – и, пожалуй, даже радуются: эдак мы, полагают они, ближе к правде. Правда – воздух, без которого дышать нельзя; но художество растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа – бессемянники и посеять ничего не могут» [157, с. 96].

Следует отметить, что с Толстым отношения Тургенева складывались непросто и противоречиво. Иван Сергеевич признавал талант Льва Николаевича, но постоянно критиковал его. Так в письме П.В. Анненкову от 24 февраля / 8 марта 1866 г. он замечает: «Я рекомендовал г-же Виардо для чтения на русском языке «Детство» Толстого, как произведение в своем роде классическое. Стал я читать – и вдруг

убедился, что это пресловутое «Детство» – просто плохо, скучно, мелкотравчато, натянуто и устарело до невероятности [136, с. 19].

В письме И.П. Борису от 17 февраля, 9 марта (1, 2 марта) 1866 г. Тургенев писал: «Я зачитал с г-жой Виардо «Кзаки» Толстого – я сугубо наслаждаюсь: экая неподдельная поэзия и красота (в дальнейшем Тургенев относил «Кзаков» к произведениям замечательным, как по форме, так и по содержанию). Сюда приехал Жемчужников и через него я узнал много о «ненавидящем» меня Льве Николаевиче» [137, с. 23].

– Как видим, – сказала я Полине, – было немало охотников, поспорить двух великих писателей, притом, что отношения между ними и так были сложными. В марте 1866 г. Тургенев писал: «Не понравилось мне продолжение «1805 года». Мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов – и потом эти вечные повторения той же внутренней возни: что, мол, я, трус или не трус и т.д. Станный исторический роман!» [138, с. 26].

В письме А.А. Фету Иван Сергеевич отмечает: «Вторая часть «1805 года» слаба: как это все мелко и хитро... вся эта патология сражения. Где тут черты эпохи – где краски исторические? Фигура Денисова бойко начерчена – но она была бы хороша как узор на фоне – а фона-то нет [139, с. 28], а в письме М.В. Авдееву Тургенев указывает о романе «1805 год»: «...слабо, мелко, скучно. Он тянет какую-то не свойственную ему ноту» [140, с. 33].

Это свое неприятие данного произведения Толстого Тургенев аргументирует в письме А.А. Фету от 15 (27) июня 1866 г. следующим образом: «Роман Толстого плох не потому, что он также заразился «рассудительством»: этой беды ему бояться нечего; он плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то, рабски списанных, современных генеральчиков» [142, с. 46].

А позже в письме И.П. Борису от 27 февраля / 10 марта 1868 г. Тургенев пишет: «Я с великим наслаждением прочёл роман Толстого («Война и мир») – хотя многим не совсем остался доволен. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна: есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь. Но вся историческая сторона извините за выражение – кукольная комедия... Но со всем тем – в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и, правда, и свежесть – что нельзя не сознаться, что с появлением «Войны и мира» – Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями [158, с. 138-139].

Незадолго до смерти Тургенев пишет Толстому прощальное письмо: «Милый дорогой Лев Николаевич, долго вам не писал, ибо был и есмь на смертном одре. Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же я вам, собственно, чтобы сказать вам, как я был

рад быть вашим современником, и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар нам оттуда, откуда все другое. Ах, как бы я был счастлив, если бы мог подумать, что просьба моя так на вас подействует! ... Друг мой, великий писатель русской земли – внемлите моей просьбе!» [41, с. 373-374].

Благожелательно был расположен Тургенев к Я.И. Полонскому. Получив в мае 1866 г. его стихотворный сборник «Оттиски», Иван Сергеевич пишет другу: «Любезнейший друг, Яков Петрович, ты напрасно упрекаешь меня в нерасположенности к твоим стихам: некоторые из твоих произведений мне чрезвычайно дороги: от них веет неподдельным поэтическим вдохновением и какой-то трогательной искренностью – что очень редко в наше время... Я не перестал любить и русское слово, и русское искусство: а в тебе я, сверх поэта, люблю еще человека. И поэтому еще раз искреннее спасибо – и да не остынет в тебе этот жар, который с каждым годом исчезает в наших современниках!» [141, с. 34-35].

– Сложно развивались взаимоотношения и с Федором Михайловичем Достоевским, – продолжала я, – с которым Тургенев познакомился в 1845 г. Эмоциональное состояние присущее их первой встрече можно сравнить с взаимной влюбленностью двух молодых людей. Достоевский так и писал: «Я едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, двадцать пять лет, – я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистоимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе» [175, с. 73].

– А что же Тургенев? – спросите Вы меня, дорогой читатель, и я Вам откровенно отвечу:

– Тургенев был хорошим психологом и понимал, что болезненная гордость Достоевского идет от его психологического склада, обуславливающего неуверенность в себе и робость, что это сложный, обидчивый и поэтому незащищенный человек. Но молодость очень часто бывает жестокой: Иван Сергеевич не мог удержаться от подтрунивания и подшучивания над Федором Михайловичем, причем шутки были, хоть и очень остроумными, но обидными и довольно злыми. Одна из острых эпиграмм Тургенева, которую он вместе с Некрасовым написал на Достоевского, привела к сильнейшей обиде Федора Михайловича и стала прологом к разрыву их отношений.

– Вот она, эта эпиграмма – сказала я и процитировала:

*Рыцарь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ...*

– Да, – заметила Виардо. – Получилось очень обидно и просто грубо. Так с друзьями не поступают. А что было дальше? – спросила она меня.

Федор Михайлович Достоевский

– Дальше было только хуже, – ответила я. – Очень серьезно поссорились они после публикации романа «Дым». Это было в конце июня 1867 г. в Бадене, а окончательный разрыв произошел после того, как Достоевский вывел Тургенева в своем знаменитом романе «Бесы», что очень не понравилось Ивану Сергеевичу и возмутило его до глубины души.

Тургенев писал: «Поступок Достоевского не удивил меня нисколько. Он ненавидел меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начали свою литературную карьеру. Хотя я ничем не заслужил этой ненависти, но причины страсти, говорят, самые сильные и продолжительные. Достоевский позволил себе нечто худшее, чем пародию «Призраков», в «Бесах» он представил меня под именем Кармазинова, тайно сочувствующим Нечаевской партии.

Странно только то, что он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами! Вот было бы забавно напечатать их. Но он знает, что я этого не сделаю. Ему бы, по крайней мере, следовало, прежде чем клеветать на меня, заплатить мне занятые у меня деньги, он полагает, что можно обойтись и без этого. Это дело его совести. А мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких низших чувств, видно, он мало ценит его, коли унижается до памфлета».

А ведь была дружба и была приязнь между Тургеневым и Достоевским. Так, Иван Сергеевич писал Федору Михайловичу 3 (15) октября 1864 г.: «Любезнейший Федор Михайлович, ... начну с уверения, что мои чувства к Вашему журналу нисколько не изменились – что я ото всей души готов содействовать его успеху, по мере сил – и даю Вам обещание первую, написанную мною вещь поместить у вас...» [133, с. 53].

– Итак, – сказала Полина, – мужчины, что называется, закусили удила. И понеслось: добрые отношения были забыты и накопившиеся

обиды сразу же выплеснулись щедрой и обильной рекой. Такие поступки могут оттолкнуть от совершившего их человека даже близких друзей.

Признавая, что первая часть «Преступления и наказания» замечательная, о второй части романа Достоевского Тургенев пишет в письме Анненкову 6 апреля (25 марта) 1866 г. много оскорбительного: «... прорвалась плотина, ... много ерунды пролилось и опять сильно понесло тухлятиной и кислятиной больничного настроения» [138, с. 26], то же он пишет и А.Ф. Фету от 25 марта (6 апреля) 1866 г.: «опять отдает прелым самоковырянием» [139, с. 27]. Как видим, Тургенев умел быть жестоким и несправедливым, если был очень рассержен.

После знакомства Тургенева с Достоевским в 1845 г., в мае месяце 1846 года произошла еще одна встреча, которая имела опять-таки очень печальный и несколько скандальный финал. Иван Сергеевич познакомился и, как водится, сначала крепко подружился с Иваном Александровичем Гончаровым, у которого тогда вышел роман «Обыкновенная история». Первоначально отношения между молодыми писателями были самые доброжелательные и доверительные, причем настолько, что Гончаров поделился с Тургеневым замыслом своего нового романа, а потом случилась неприятная история, которая их поссорила.

Российский литературовед Ю.В. Лебедев предпринял скрупулезное исследование конфликта между Тургеневым и Гончаровым, уделив значительное место ключевым событиям 1858 г. в своей книге «Тургенев» из серии «Жизнь замечательных людей». Он отмечает, что, когда вышел роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», И.А. Гончаров был неприятно удивлен, заметив сходство сюжета и характеров ряда героев этого произведения со своим романом «Обрыв», который он, вынашивая замысел, доверчиво читал Тургеневу. Подозрение в плагиате пало также и на тургеневский роман «Накануне». На высказанные ему Гончаровым с большой обидой замечания Иван Сергеевич возражать не стал и ответил, что возможно что-то спонтанно и неосознанно позаимствовал. Возникла конфликтная ситуация [35].

Иван Александрович Гончаров

– Да, мне известен этот случай, – сказала Виардо. – Чтобы разрядить сложившуюся взрывоопасную обстановку Иван Сергеевич убрал из «Дворянского гнезда» некоторые сюжетные моменты, но это ничего не поправило в их отношениях с Гончаровым, а даже наоборот, только еще сильнее усугубило конфликт. Поэтому Тургеневу не оставалось ничего другого, как устроить 29 марта 1860 года третейский суд во главе с П.В. Анненковым, А.В. Дружининым и А.В. Никитенко (кстати, Никитенко в свое время был цензором А.С. Пушкина). Также присутствовал на этом заседании и С.С. Дудышкин. Судьи, по определению самого Павла Анненкова, не были предвзятыми, а наоборот были хорошо настроены по отношению к обоим ответчикам. Они были «одинаково сочувствовавшие обеим сторонам и ничего так не желавшими, как уничтожить и самый предлог к нарушению добрых отношений между лицами, имевшими одинаковое право на уважение к их авторитетному имени» [35].

– Каким же было решение этого суда? – спросила я.

Полина зачитала мне вердикт: «Произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны» [35].

Она добавила следующее:

– Спорщики восприняли решение рефери по-разному: если Гончаров с выводом третейского суда согласился, то Иван Сергеевич был недоволен и разорвал с Иваном Александровичем всякие дружеские отношения. – Затем Виардо спросила меня. – А у тебя случались в жизни такие истории?

– Конечно же, случались, – ответила я. – От этого никто не застрахован. Как-то меня пригласили на презентацию книги, в которой оказалась целая глава, полностью переписанная из моих трудов. Устраивать скандал и обличать я не стала, но была психологически подавлена, да просто убита всем случившимся. Мне было невыносимо больно, а окружающие пели дифирамбы «воришке» и поздравляли его с успехом, причем многие из них знали, откуда и у кого этот восхваляемый ими труд был переписан. В другой раз наглый мальчишка принес мне на отзыв свою кандидатскую диссертацию, полностью переписанную из моей монографии и даже без ссылок на меня. Я прогнала его прочь.

– Но ведь это так оставлять нельзя. С этим довольно массовым явлением надо бороться и строго наказывать виновных, – сказала с возмущением Виардо.

– Понимаете, Полина, наш научный мир очень щепетилен. Конфликтное разбирательство часто означает смерть имиджа его

участника, даже если он абсолютно прав и безвинно пострадал. Если ты участвуешь в конфликте, значит ты – склочник и с тобой потом просто не захотят иметь никаких дел.

– Я, право, не понимаю этих «воришек» и «ворюг», – продолжала я свою мысль. – Ведь у нас, ученых-исследователей, все очень просто в этом плане: понравилось тебе чье-то чужое талантливое произведение, которое сил нет, как хорошо, так в чем же дело? Прочитуй его, закавычив, сделай ссылку, и нет никаких проблем. Кстати, я пошла еще дальше: если мне очень нравится какой-либо автор и его замечательные труды, то я делаю коллективную книгу и приглашаю в нее этого автора. Потом все удивляются: «Как Вам удается находить и формировать такой замечательный авторский коллектив?»

– Просто надо быть порядочным человеком и с уважением относиться к своим коллегам по науке и литературе. Тогда и не будет конфликтов по поводу плагиата или компиляции и досадных недоразумений, – сделала резонное заключение я.

Мы вернулись к И.С. Тургеневу. Его примирение с Гончаровым произошло на похоронах А.В. Дружинина 21 января (2 февраля) 1864 г. в Санкт-Петербурге. В своем письме к Гончарову из Парижа от 14 (26) марта 1864 г. Тургенев пишет: «Любезнейший Иван Александрович. Если Вы порадовались моему приезду, потому что он положил конец возникшему между нами недоразумению – то и я со своей стороны не менее Вас порадовался возобновлению дружеских отношений с человеком, к которому – не говоря уже об уважении к его таланту – я стою очень близко – в силу общего прошедшего, однородности стремлений и многих других причин. Мы ведь тоже немножко с Вами последние могикане. Повторяю – я душевно рад тому, что чувствую снова Вашу руку в моей...» [129, с. 285].

Полина спросила меня:

– А что ты думаешь об этой истории? Кто был прав?

Я сказала ей, что не берусь судить об этом, так как Муза – дама капризная, и гадать, к кому она раньше пришла и у кого дольше засиделась, просто глупо. У нас, ученых, нередки случаи, когда исследователи параллельно приходят к одному и тому же открытию. А как происходит у литераторов? Вдохновение – штука тонкая и трепетная, его точным прибором не измеришь. Об этом очень хорошо сказали Ильф и Петров в «Золотом тельце», когда Остап Бендер говорит: «Я накропал вчера ночью:

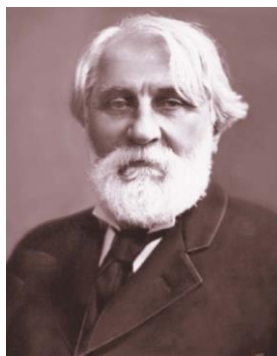
*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Правда, хорошо? Талантливо? – и только на рассвете, когда были дописаны последние строки, я вспомнил, что этот стих уже написал А. Пушкин. Такой удар со стороны классика! А? [29, с. 344].

– С иностранными коллегами отношения Тургенева складывались бесконфликтно и уважительно, – сказала Полина. – Так, в 1878 г. на Международном литературном конгрессе в Париже Тургенева избрали вице-президентом, а летом 1879 г. Оксфордский университет присвоил ему степень доктора естественного права за выдающиеся литературные заслуги, а именно: за гениальное произведение «Записки охотника», которым Тургенев внес значительный вклад в дело освобождения российских крестьян от позорной крепостной зависимости. Тургенев этому решению всемирно известного университета был очень рад и польщен получением столь высокой и престижной научной степени. Он говорил: «Честь великая, едва ли я не первый русский, ее заслуживший!»

– Но Вы и Луи сделали для Тургенева бесконечно много, открыв его творчество для Европы, – сказала я. – Кроме того, Иван Сергеевич поддерживал дружественные отношения с поэтами, писателями, композиторами, художниками и артистами, бывавшими в Вашем доме. Он общался с Э. Золя, Э. Гонкуром, П. Мериме, А. Доде, А. Дюма, О. Флобером, Г. Мюллер-Штрюбингом, Ф. Листом, Дж. Россини, С. Франком, А. Тома, К. Сен-Сансом, Б. Дамке, Ю. Штокхаузенем, А.Г. Рубинштейном, А. Шеффером, Е. Делакруа, К. Коро, Г. Доре, Ф. Понсаром, Э. Ожье, Э. Ренаном, А. Мартеном, видел Ч. Диккенса. И этот список можно продолжать и дальше.

Как воспринимали Тургенева во Франции и в России? На этот вопрос лучше всего ответил генерал Батиста Фори: «У нас (во Франции), в сущности, он никогда не был по-настоящему популярен, да это и понятно: его обаяние частично заключается в его стиле, а оценить это можно, лишь читая по-русски. Все же в литературных кругах о нем были очень высокого мнения» [181].

Иван Сергеевич Тургенев

«Что за человечище, этот скиф!» – говорил о Тургеневе Флобер. Он писал Ивану Сергеевичу: «Я давно уже вижу в вас мастера. Но чем больше я вас читаю, в тем большее изумление приводит меня ваш талант» [35, с. 87]. Жорж Санд, Гизо, Мериме, Тэн восхищались Тургеневым. Тэн писал о Тургеневе Брандесу: «Можно всех немцев в ступе истолочь, и все равно не добудешь капли его дарования» [181].

– Без Ваших и Луи переводов и содействия в продвижении произведений Ивана Сергеевича навстречу европейскому читателю и критику Тургенев, – продолжала я, обращаясь к Полине, – остался бы только русским писателем, недостаточно известным всему миру. А то, что Тургенев не был идеальным, это и понятно. Он замечательно об этом сказал сам: «На то он и русский человек, а русских людей без противоречий не бывает».

Вот что ещё писал об Иване Сергеевиче генерал Батиста Фори: «Тургенев был истинным другом нашей страны (Франции), где он поселился по окончании войны 1870 г. и где оставался до самой смерти, став тем самым на сторону побежденных. И ... сохранил к нашей стране крепкие и верные привязанности, и который, оставаясь русским до мозга костей, все же считал Францию своей второй родиной» [181].

Глава 8

ТВОРЧЕСТВО И.С. ТУРГЕНЕВА.

О ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК!

– Полина, я всегда хотела Вам с огромной благодарностью сказать, – обратилась я к Виардо, – что дорогого стоили Ваши слова, вовремя сказанные Ивану Сергеевичу Тургеневу в его молодые годы, когда он только начинал свой творческий путь: «Вы – талантливы. А талант – это дорога. Так идите же по ней» [10, с. 68].

Как артистическая личность, Вы ведь очень хорошо знали и понимали, как важны и всегда очень нужны творцу поддержка и ободряющие слова особенно в начале его карьеры, да еще, если они произнесены горячо любимой женщиной.

– Знаешь, в то время я совсем еще не была уверена, что Тургенев станет великим писателем и достигнет славы на литературном Олимпе, – сказала мне Полина. – Ведь на свете есть много даже очень талантливых людей, но немногие из них достигают высокого результата и показывают миру все, на что они способны. Для этого, кроме таланта, нужны железная воля, огромное трудолюбие и, конечно же, удача.

В то время у Ивана Сергеевича за плечами был успех только опубликованных в журнале «Современник» маленьких очерков из «Записок охотника» (1852 г.). Эта моя фраза, скорее, была авансом с самыми добрыми пожеланиями и от чистого сердца. Я поверила в писательский дар Тургенева уже после написания им «Дворянского гнезда». Этот роман не только покорила Россию, но его успех дошел и до Парижа, хотя богачом литературные шедевры Тургенева так и не сделали.

Другим тургеневским романом-«бомбой», который взорвал русское общество, были «Отцы и дети», опубликованные в журнале «Русский вестник» в 1862 г. Этот неистовый роман был под стать неистовому Виссариону, которому и посвятил свое произведение автор. С выходом «Отцов и детей» среди российских читателей разразились острейшие дискуссии, напоминающие настоящую бурю. Книга никого не оставила равнодушным созерцателем битвы дворянского и демократического мировоззрения, это был настоящий конфликт «отцов» и «детей», увиденный и верно отраженный в романе И.С. Тургеневым.

«Ну и досталось же ему за Базарова», – писал Ф.М. Достоевский.

– Да, все было именно так, – подтвердила Полина. Она процитировала мне небольшой фрагмент из «Отцов и детей», особо выделив, что говорит его главный герой Евгений Базаров, прообразом которого послужил Н.А. Добролюбов: «Всяк человек сам себя воспитать должен... А что касается до времени – отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня» [168, с. 439].

– Тургенев писал про Базарова, – продолжала Виардо, – что «он в моих глазах – действительно герой нашего времени». Надо сказать, что Иван Сергеевич был тем человеком, который воспитал себя сам и был неподвластен времени.

– Кстати, – напомнила я Полине письмо Тургенева от 6 (18) июля 1862 г. из Спасского, в котором он пишет о своем произведении: «Мой последний роман наделал здесь много шума, оттого что появился в такое время. Главный его герой – молодой человек передовых взглядов; я попытался представить конфликт двух поколений и оказался в центре их беспощадной борьбы. Ругательства, и надо признаться, похвалы сыплются в изобилии; подчас я не знаю, кого слушать. Мне делали комплименты, причиняющие боль, и, с другой стороны, критические замечания, доставляющие радость. Молодежь большей частью несколько раздражена против меня...» [122, с. 327].

Иван Сергеевич очень сильно переживал, что его роман «Отцы и дети» был неоднозначно воспринят современниками. Он писал Ф.М. Достоевскому 18 (30) марта 1862 г. из Парижа: «Добрейший Фёдор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал

меня Ваш отзыв об «Отцах и детях». Тут дело не в удовлетворении самолюбия, а в удостоверении, что ты, стало быть, не ошибся и не совсем промахнулся – и труд не пропал даром. – Это было тем более важно для меня, что люди, которым я очень верю, серьёзно советовали мне бросить мою работу в огонь – и ещё на днях Писемский (но, это между нами) писал мне, что лицо Базарова совершенно не удалось. Как тут прикажете не усомниться и не сбиться с толку? Автору трудно почувствовать *тотчас*, насколько его мысль воплотилась – и верна ли она ... и т.д. Он, как в лесу, в своем собственном произведении» [119, с. 37].

А в письме к Достоевскому от 22 апреля (4 мая) 1862 г. Тургенев сетовал: «Доходящие до меня слухи об «Отцах и детях» – только подтверждают мои ожидания: кроме Вас и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотел сделать... никто не подозревает, что я попытался в нём (Базарове) представить трагическое лицо» [121, с. 61].

Тургенев в письме от 8 (20) апреля 1862 г. из Парижа просит Василия Петровича Боткина: «Любезный друг, на днях я послал тебе экземпляр моих «Отцов и детей». Прочти внимательно – и напиши твое окончательное и не подкупленное дружбой мнение. Я до сих пор не знаю, какое впечатление производит эта вещь – и что мне о ней думать самому: в «Современнике» на днях появится – или уже появилась истребительная статья под названием «Отходная большому таланту»¹³. Спасибо ещё, что при теперешнем тоне не напечатали: «Похороны свиньи». Приходится мысленно твердить сонет Пушкина: «Поэт не дорожи»¹⁴ и т.д. [120, с. 49-50].

Как пишет исследователь Соня Бергман, после выхода в свет романа «Отцы и дети» в 1862 году писатель почувствовал, что теряет связь с молодым поколением своей страны, так как по воспоминаниям современников, большая часть молодежи приняла роман «Отцы и дети» с громким протестом. Многие видели в нем карикатуру на себя. Это недоразумение сильно огорчало Тургенева [8].

Как точно было подмечено генералом Батистой Фори, у Тургенева среди соотечественников было много почитателей, но также и много врагов. Он чувствовал себя в некоторых отношениях непонятым и страдал от этого. Его роман «Отцы и дети» поссорил его и с отцами, и с детьми; его упрекали в том, что он оказал услугу ретроgrадам. Революционер Герцен был почти единственным, кто защищал его, разъясняя характер нигилиста Базарова. Русская молодежь упрекала Тургенева в том, что он изображал её одновременно и дикой и развращенной. Как бы то ни было, никогда

---

¹³ Статья М.А. Антоновича вышла под названием «Асмодей нашего времени».

¹⁴ Имеется в виду начало первого стиха сонета А.С. Пушкина «Поэту» (1830).

не бывало, чтобы, съездив в Россию, он (Тургенев) не вернулся оттуда опечаленным [181].

– Тем более это было огорчительно, что сам Иван Сергеевич всегда мог по достоинству объективно оценить творчество другого автора, – сказала я. – Так, в письме к Вам, Полина, и Вашему мужу Луи он пишет о творчестве Блеза Паскаля: «Какой свободный, сильный, дерзкий и возвышенный язык! ...Никогда еще ни у кого не было паскалевых интонаций: его тоска, его проклятия ужасают, рядом с ним Байрон – прозрачный ручей. И какая глубина, какая ясность – какое величие! Послушайте, – и Тургенев цитировал «Мысли» (1669) Паскаля: «Мы не способны ни к всеобъемлющему познанию, ни к полному неведению. Плыдем по безбрежности, не ведая куда, что-то гонит нас, бросает из стороны в сторону. Стоит нам найти какую-то опору и укрепиться на ней, как она начинает колебаться, уходит из-под ног, а если мы бросаемся ей вдогонку, ускользает от нас, не дает приблизиться, *и этой погоне нет конца*. Вокруг нас нет ничего неизблемого. Да, таков наш природный удел, и вместе с тем он противен всем нашим склонностям: мы жаждем устойчивости, жаждем обрести, наконец, твердую почву и воздвигнуть на ней башню, вершиной уходящую в бесконечность, но заложенный нами фундамент дает трещину, земля разверзается, а в провале – бездна».

Особенно нравились Ивану Сергеевичу следующие паскалевские фрагменты: «Человек устремляет взоры ввысь – но стоит на песке, земля уходит у него из-под ног, и он падает, глядя в небо». Или: «Как пусто человеческое сердце, и сколько нечистот в этой пустоте».

Не обошёл вниманием Иван Сергеевич и литераторов-соотечественников. В письме Л.Н. Толстому Тургенев писал: «Я целовал имя Марлинского на обёртке журнала – плакал, обнявшись с Грановским, над книжкой стихов Бенедиктова, и пришел в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку [41, с.24].

Стихотворения Бенедиктова появились в 1836 г. и привели в восхищение все общество, всех литераторов, критиков, всю молодёжь... Диссонансом прозвучала разгромная статья Белинского, опубликованная тогда же в первом номере «Телескопа», приведшая Тургенева в негодование. «Но – странное дело! – отмечал сам Иван Сергеевич, и во время чтения, и после, к собственному моему изумлению и даже досаде что-то во мне невольно соглашалось с «критиканом», находило его доводы убедительными... неотразимыми... Прошло несколько времени – и я уже не читал Бенедиктова. Кому же не известно теперь, что мнения, высказанные тогда Белинским, мнения, казавшиеся дерзкой новизною, стали всеми принятым, общим местом... [164, с. 156-157].

Итак, Тургенев всегда прислушивался к чужому мнению, особенно если оно было высказано знатоками в данном вопросе. Так, он очень ценил отзывы Луи Виардо, которому писал: «Мой дорогой друг! Я не отстану от вас с просьбой прочесть мою повесть, мне нужно ваше мнение – я слишком высоко ценю ваш безупречный вкус, чтобы не желать и одновременно немного не побаиваться вашей критики... Если вы, как и прежде, захотите оказать мне гостеприимство в Куртавнеле, после моего возвращения из Виши – я, может быть, смогу показать вам свою новую работу – или же мы займемся переводом лирических стихотворений Пушкина. Но все это еще в будущем, а я хочу быть уверенным, что не напрасно потерял время – в прошлом».

Тургенев очень дорожил мнением своих коллег, и прежде, чем отдать в печать новую вещь, показывал им свой труд. Так было и перед изданием «Призраков». Иван Сергеевич поинтересовался мнением Ф.М. Достоевского, а также В.П. Боткина. Получив ответ Боткина, Тургенев пишет ему из Баден-Бадена 16 ноября (8 декабря) 1863 г.: «Недоумение, произведенное в тебе «Призраками» – заставляет меня думать, что лучше погодить их печатать. Тут нет решительно никакой аллегории, я также мало сам понимаю Эллис, как и ты. Это ряд каких-то душевных *dissolving views* – вызванных переходным действительно тяжелым и темным состоянием моего Я. Никакого нет сомнения, что я либо перестану вовсе писать, либо буду писать совсем не то и не так, как до сих пор...» [126, с. 232].

Тургенев очень требовательно относился к себе как писателю, к соответствию своего творчества той высокой планке, которую он себе наметил. 21 сентября (3 октября) 1860 г. Иван Сергеевич пишет из Куртавнеля К.Н. Леонтьеву: «Мне было очень приятно прочесть Ваше мнение о «Первой любви». Нашему брату-ветерану, накануне полной отставки, уже трудно измениться: что у нас вышло плохо, того не исправишь; что удастся – того не повторишь. Нам остается одно, о чем должно думать: уметь замолчать вовремя» [112, с.243].

– Неудача на Родине постиг и роман Тургенева «Дым», опубликованный в третьем номере «Русского вестника» за 1867 год, – сказала я Полине. – Вот что Иван Сергеевич писал И.П. Борисову в письме от 16 (22) июня 1867 г.: «Вам «Дым» не нравится – да и по всему заметно, что он никому не нравится в России: но я такой закоренелый грешник, что не только не каюсь – но даже упорствую – и к отдельному изданию романа прибавлю предисловие, в котором еще сильнее буду доказывать необходимость нам, русским, по-прежнему учиться у немцев... Проклянут ли меня на всех соборах, просто ли бросят в лужу – это уже не моя печаль» [154, с. 10].

В номере 14 «Искры» за 1867 г. появилась карикатура «Тургенев приносит читателям дым» со следующей подписью:

- Какой неприятный запах!
- Догорающей известности, чад тлеющего таланта...
- Тсс, господа!

И дым Тургенева нам сладок и приятен¹⁵.

Тургенев был сильно раздосадован таким приемом на Родине его произведения. Вот, что он пишет А.А. Фету: «Что «Дым» Вам не понравился – это очень неудивительно. Вот бы я удивился, если бы он Вам понравился. Впрочем, он почти никому не нравится. И представьте себе, что это мне совершенно все равно – и нет такого выеденного яйца, которого я бы не пожалел за Ваше одобрение. Представьте, что я уверен, что это – единственно дельная и полезная вещь, которую я написал! Вы скажете, что это обыкновенно так бывает с авторами: любят своих плохих детенышей, но вообразите, что и эти Ваши слова – и нуль – в моих глазах одно и то же» [155, с. 23].

А до этого обидного послания Фету Тургенев писал П.В. Анненкову в 23 мая 1867 г.: «Судя по всем отзывам и письмам, меня пробирают за «Дым» не на живот, а на смерть во всех концах нашего пространного отечества. «Я оскорбил народное чувство – я лжец, клеветник – да я же не знаю вовсе России... [150, с. 205]. «Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за «Дым». Камни летят со всех сторон. Ф.И. Тютчев даже негодующие стихи написал:

*Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...*

*И вот опять наш лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной¹⁶.*

И представьте себе, что я нисколько не конфжусь: словно с гуся вода...» [151, с. 207].

Эпиграмма, написанная на «Дым» Тютчевым, была гораздо более жёсткой и хлёткой:

*«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит [35, с. 186].*

– Сразу видно, – сказала я Полине, – что Ивану Сергеевичу было очень больно, поэтому он вёл себя как обиженный ребёнок,

¹⁵ Тургенев И.С. ПСС. М.: Наука, 1986. Письма в 18-ти томах. Т.7, с. 130.

¹⁶ Тургенев И.С. ПСС. М., 1986, письма в 18-ти томах. Т. 7, с. 387.

А вот что Боткин писал Тургеневу в письме от 23 апреля (5 мая) 1867 г.: «Тютчев очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура – он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства [Там же, с. 387].

который, в свою очередь, хочет посильнее обидеть других, причем близких и дружественно настроенных к нему людей. От Вас же он всегда получал необходимую поддержку, – сказала я Полине. – Так, Тургенев писал Вам в письме от 10 февраля 1867 г.: «Я чрезвычайно счастлив тем, что вы говорите о моей последней книге: вам известно, что вы верховный судья и повелитель, я знаю, конечно, что вы читаете мои произведения доброжелательными глазами или, вернее, глазами, которые довершают то, что я лишь наметил: и все же я знаю, что вы, с вашим тонким и безупречным чутьем, не поставите мне «хорошей отметки» за то, что заслуживает только удовлетворительной. Неизвестно, будет ли иметь успех мое сочинение в России, но я уже добился успеха, – единственного, о котором мечтал, – вашего одобрения [144, с. 251].

– Однако сам Иван Сергеевич был не всегда доброжелателен в должной мере к окружающим. А.А. Фету доставалось от него неоднократно, – продолжала я. – В письме от 25 марта 1866 г. Тургенев отмечает, что из двух присланных стихотворений Фета «одно (к Тютчеву) прекрасно, другое – неудовлетворительное. Во-первых, оно напоминает тоном и некоторыми подробностями – два стихотворения Пушкина и Тютчева, которые оба гораздо лучше его: «Я помню чудное мгновенье» и «Как ночью на небе звезды». Во-вторых, что такое: «Кинуть привет наизусть!»? О, как это некрасиво! Как можно – «восторгать грусть»? «Всю чистоту твоей души», «Звезда и роза» – вялая проза. И, наконец: «На темном небе и в воде» – уж лучше прямо «и в рукомыльнике». Еще одно я заметил: все Ваши личные, лирические, любовные, особенно страстные стихотворения – слабее прочих: точно Вы их сочинили, и предмета стихов вовсе не существовало» [139, с. 27].

Но были и благоприятные отзывы на «Дым». В письме А.Ф. Писемскому от 31 мая (12 июня) 1867 г. Тургенев с благодарностью пишет: «Любезнейший Алексей Феофилактович, Ваше письмо меня весьма обрадовало, тем более, что я до сих пор, кроме осуждения моего романа, даже от приятелей ничего не слыхал и мысль невольная зарождалась в голове: «уж не уродца ли я высидел?». Люди, постоянно ко мне благосклонные, осыпали меня упреками... Тем приятнее было Ваше одобрение: Вы не из таких, что думают одно, а говорят другое; и если в моем произведении есть живучесть, то оно выдержит все эти разно-сторонние нападения и принесет свою долю пользы» [152, с. 215].

Когда по прошествии лет, на закате своей жизни, Тургенев переживал глубокий творческий кризис. Это был очень болезненный для него процесс. Как-то, будучи в гостях у Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне, он остался наедине с супругой писателя

Софьей Андреевной, которая с тревогой спросила его, почему он перестал писать?

Ответ с болью вырвался прямо из сердца Ивана Сергеевича: «Я конченный писатель, Софья Андреевна... Я вам скажу по секрету. Раньше всякий раз, как я задумывал написать новую вещь, меня трясла лихорадка любви. Теперь это прошло. Я стар – и не могу более ни любить, ни писать...» [35].

Подобное же он говорил и П.Д. Боборыкину: «Жизнь моя сложилась так, что я не сумел свить собственного своего гнезда. Пришлось довольствоваться чужим. Я буду жить за границей почти безвыездно, – стало быть, прости всякое изучение русских людей. Вот почему я и не думаю, чтобы написалось у меня что-нибудь. Надо на этом поставить крест» [66, с. 82].

– Пространственную разьединённость со своей любимой Родиной Тургенев очень болезненно воспринимал и переживал, – продолжала я. – Он с болью писал Я.И. Полонскому в марте 1869 г.: «... я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности, да так вредит, что, пожалуй, и совсем ее уничтожит, но и этого изменить нельзя. Так как я – в течение всей сочинительской карьеры – никогда не отправлялся от идей, а всегда от образов – то при более и более оказывающемся недостатке образов музе моей не с чего будет писать свои картинки. Тогда я – кисть под замок и буду смотреть, как другие подвизаются» [10, с. 142].

– Гончаров вообще предлагал Тургеневу отказаться от написания романов, – сказала я. – Иван Александрович это так аргументировал, анализируя произведения своего тезки Ивана Сергеевича: «Что такое «Дворянское гнездо»? – Это же картинки, силуэты, мелькающие очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не целость взятого круга жизни» [35].

И ведь Тургенев в своем письме от 7(19) апреля 1859 г. из Спасского соглашался с такой жесткой оценкой Гончарова, в то же время оправдываясь: «Но что же прикажете мне делать? Не могу же я повторять «Записки охотника» до бесконечности? А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такие повести, в которых, не претендуя ни на целость, ни на крепость характеров, ни на глубокое и всестороннее проникновение в жизнь, я бы мог высказать, что мне приходит в голову».

Он закончил свое письмо фразой, полной обиды на Гончарова: «До свиданья, несправедливый человек!» [93, с. 37].

– Это была довольно суровая оценка Тургеневым своей собственной творческой деятельности, – заключила я.

О своем предназначении он рассуждал, обращаясь к графине Ламберт: «Вы говорите: должно служить отечеству; прекрасно, но Вы

согласитесь, что я не могу служить ему ни как военный, ни как чиновник, как агроном или фабрикант; посильную пользу приносить могу я только как писатель, как артист. Я бы мог заметить тут, кстати, что для всякого артиста наступает время и даже право покоя; я хочу только обратить Ваше внимание на тот факт, что нет никакой необходимости писателю непременно жить в своей родине и стараться улавливать видоизменения её жизни – во всяком случае нет необходимости делать это постоянно; я довольно потрудился на этом поприще – и теперь, почему Вы знаете? может, я намерен приступить к сочинению, которое не будет иметь значения специально русского – а поставит себе цель более обширную? [131, с. 46].

Иван Сергеевич писал в письме от 3/15 ноября 1857 г. Ламберт: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое, горе тому, кто не умеет их чувствовать, – и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело. Часто я то погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла – и пора мне сделаться если не дельным человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть. Я ничем не могу быть, как только литератором – но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет. [90, с. 269].

– Знаешь, что он ранее писал о своем творчестве? – спросила меня Полина. – В письме Ламберт от 27 апреля (9 мая) 1863 г.а из Баден-Бадена Тургенев указывал: «Вы не правы, требуя от меня на литературном поприще того, что я дать не могу, плодов, которые не растут на моем дереве».

Иван Сергеевич откровенно признается графине: «Я никогда не писал *для народа*. Я писал для того класса публики, которому я принадлежу – начиная с «Записок охотника» и кончая «Отцами и детьми», не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели – и в этом отношении не заслуживаю упрека. Вам кажется, что я из одной лени не пишу... простой и нравственной повести для народа; но почему Вы знаете, что я двадцать раз не пытался что-нибудь сделать в этом роде – и не бросал этого, наконец, потому что убедился, что это не по моей части, что я этого не умею» [127, с. 173].

– Знаете, Полина, – сказала я, – в «Воспоминаниях» Н.А. Островской описана одна удивительная встреча, которая говорит о высокой востребованности тургеневских произведений на Родине. Тургенев вспоминал: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции, вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей; по костюму и по манерам вроде мещан или мастеровых. «Позвольте узнать, – спрашивает один из них, – вы

будете Иван Сергеевич Тургенев?» – Я. – «Тот самый, что написал «Записки охотника»? – Тот самый. – Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. – «Кланяемся вам, – сказал один из них, – в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа». Другой только молча поклонился. Тут позвонили. Мне бы догадаться сесть с ними в третий класс, но я до того растерялся, что не нашел даже, что мне ответить. На других станциях я их искал, но они пропали. Так и не знаю, кто они были такие» [41, с. 255].

– А что лично тебе нравится больше всего из произведений Ивана Сергеевича? Стихотворения в прозе? Повести? Пьесы, или романы? – спросила меня с искренним интересом Полина.

– Конечно же, «Записки охотника», – ответила я. – Кстати, они были задуманы и почти все написаны здесь у Вас, в Куртавнеле. Это первое большое и успешное произведение Тургенева. Оно как первая любовь в жизни человека: никогда не забудется, но и никогда не повторится. Состоящее из двадцати пяти новелл, оно читается на одном дыхании и с замиранием сердца. Оно такое настоящее, истинно народное, такое русское. Характеры героев выписаны с неповторимой точностью, причем характеры колоритные: и положительные, и отрицательные.

Да, это настоящая русская вещь! Это глыба! Скала, в сравнении с которой другие произведения Тургенева, на мой взгляд, значительно проигрывают. Поразительно, но ведь «Записки охотника» Тургенев написал во Франции, вдали от России. Видимо, в парижском одиночестве он так тосковал по Родине, по милому сердцу Спасскому, по лесам и далям, росным лугам и родной русской речи, что перебирал, как зернышко к зернышку, навечно сохранившиеся в памяти впечатления своей юности и молодости, каждое слово и словечко, сказанное и оброненное когда-то. Как жемчужинку к жемчужинке нанизывал он в ожерелье свои удивительные новеллы.

Проходят годы и еще пройдут, а «Записки охотника» будут вызывать искреннее восхищение новых и новых поколений не только в России, но и за рубежом. Очень правильно, что это произведение в обязательном порядке изучают ученики в школе, ведь они должны учиться на лучших образцах нашей литературы, написанных великолепным литературным русским языком.

Тургенев был настоящим русским писателем, и он это хорошо знал. Иван Сергеевич прекрасно понимал значение русского языка для его творчества. Он писал в июне 1882 года: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий и могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [169, с. 52].

А из Баден-Бадена Тургенев пишет на рубеже 1868-1869 годов: «...просьба моя состоит в следующем: Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в челе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием, в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса! [164, с. 226].

Тем, кто сомневался в великом будущем его Родины, Тургенев отвечал следующими словами: «И я бы, может быть, сомневался... – но язык... куда денут скептики наш гибкий, чарующий, волшебный язык? Народ, у которого такой язык, – народ великий».

А я снова обратилась к Виардо со словами искренней благодарности:

– Ведь Россия должна Вам, Полина, поклониться за то, что Вы способствовали продолжению творчества Ивана Сергеевича в период его тяжелой и безнадежной болезни. Вы записали под диктовку его рассказ «Конец» и другие, когда он сам уже не мог это делать. Он всегда читал Вам свои новые произведения и советовался с Вами.

– Да, – согласилась Полина, – дней за пятнадцать до своей кончины он велел позвать меня к его постели и сказал мне со слезами на глазах, что хочет просить у меня большой услуги, которой никто другой в мире, кроме меня, не может оказать ему. Он так и сказал, и это его истинные слова:

– Я хотел бы написать рассказ, который у меня в голове, но это слишком утомило бы меня, я не смог бы. Он попросил меня записать рассказ «Конец» под его диктовку. Это было повествование о помещике, который и после реформы продолжал грубо обходиться с крестьянами, пока его не нашли на дороге с проломленной головой... И хотя силы оставили Тургенева, но его голова была светлой и он не терял ясность мысли до самого своего конца.

– Да, всё это так и было, – кивнула головой Полина. – Я как-то сказала одному из посетивших Тургенева московских гостей, пришедшему в наш дом, что ни одна строка Ивана Сергеевича с давних пор не попадала в печать прежде, чем он познакомил меня с нею.

Виардо продолжала:

– Вы, русские, не знаете, насколько обязаны мне тем, что Тургенев продолжал писать и работать [41, с. 214].

– Да, – согласилась я, – российские тургенеvedы с этим соглашаются и не оспаривают. Вот как замечательно сказала о Вас видный наш российский исследователь-литературовед В.Н. Боровицкая: «Ее энергия, трудолюбие и непоколебимая сила воли должны были в часы ослабления художественного творчества ободрять и побуждать к деятельности» Тургенева [10, с. 176].

Последний раз Иван Сергеевич побывал на Родине в мае 1881 г., и потом он часто говорил своим друзьям о стремлении «вернуться в Россию и там поселиться», но не сложилось... Понимая, что уже никогда не увидит любимые родные места, Тургенев в письме от 30 мая 1882 г. просил Я.П. Полонского: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, – родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу» [35, с. 4].

Финалом творческой деятельности Тургенева стали замечательные стихотворения в прозе, написанные в последнее пятилетие (1877-1882 гг.) его жизни. Все литературоведы единодушно называют эти стихотворения «лирическим дневником» великого русского писателя, в котором точно переданы тонкость его духовного мира, и глубина испытанных им переживаний, и весь философский строй его недюжинного ума. Российские исследователи всегда подчеркивали эстетическую сторону творчества классика. Они указывали, что Иван Сергеевич считал: только красота бессмертна, она разлита повсюду и простирает свое влияние даже на смерть, но нигде не сияет так ярко, как в человеческой душе. Об этом он писал в своих непревзойденных стихотворениях в прозе. Однако и в этих его лирических миниатюрах особенно щемяще звучит тема одиночества. Так, в финале стихотворения «Голуби» Тургенев пишет, глядя на двух птиц, которым удалось спастись от грозы: «Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хотя я и один... один, как всегда» [162, с. 43].

В. Перов. И.С. Тургенев. 1872 г.

А в стихотворении с говорящим названием «Без гнезда» он печально спрашивает: «Куда мне деться? Что предпринять? Я как одинокая птица без гнезда. Нахохлившись, сидит она на голой сухой ветке. Остаться тошно, ... а куда полететь? Устала бедная птица... Слабее взмах её крыльев... Взвилась бы она к небу, ... но не свить же гнезда в этой бездонной пустоте! Она сложила, наконец, крылья... и с протяжным стоном пала в море. Волна ее поглотила...» [160, с. 58].

«Куда же деться мне?» – с тоской и болью душевной спрашивал писатель [160, с. 58].

Глава 9

ПРОЩАНИЕ

Когда мы тепло попрощались с Полиной, я еще раз самостоятельно прошла по музею, чтобы подробнее остановиться у экспонатов о последнем периоде жизни Ивана Сергеевича. Я хотела это сделать одна, чтобы не омрачать Виардо того светлого чувства, на котором закончилось наше с ней общение.

Полина Виардо на склоне лет

Не будет лишним сказать, что темы жизни и смерти красной нитью проходили через все творчество Тургенева. Иван Сергеевич постоянно задумывался о смысле жизни и его реализации в действительности. Он постоянно возвращался к этому вопросу и в своих трудах, и в письмах к друзьям и коллегам, причем делал это по-тургеневски поэтично. Так, в письме В.П. Боткину от 12 (24 по новому стилю) апреля 1859 г., которое писатель отправил из Спасского, он пишет: «Жизнь пролита до капли, но запах только что опорожненного сосуда еще сильнее, чем когда он был полный. Addio, vita, слышал я раз на Корсо, во время Карнавала; молодой женский голос произнес эти слова – и долго звук их звенел у меня в ушах» [94, с. 38].

В письме от 30 апреля (12 мая) 1859 г. к своей давней хорошей знакомой графине Елизавете Егоровне Ламберт, с которой он был предельно откровенен, Тургенев пишет со станции Кресты возле Пскова: «Итак, я уехал, и мне сдается, как будто что-то новое началось в моей жизни. Или это только так, кажется, а уже ничего нового, неожиданного жизнь мне представить не может, кроме смерти? Чувство грусти при перемене в жизни, при расставании – чувство молодое и тесно связано с чувством надежды на будущее. Эти два разноцветные цветка растут на одном корне: завяли ли они у меня? Не знаю, но иногда мне самому становится жутко... А ведь и это еще признак молодости?» – спрашивает он свою доброжелательную

знакомую, задушевно добавляя: «Я мало знаю мест на свете, где бы мне было так хорошо, как в Вашей комнатке – с мыслью о ней связано много воспоминаний о тихих вечерах и хороших разговорах» [95, с. 42].

В письме Тургенева Ламберт от 21 сентября (3 октября) 1860 г. в короткой фразе очень точно и так по-русски говорится о родстве их натур и характеров: «Мы с Вами одного поля ягоды – и я Вам это говорю для подкрепления себя и Вас в этих мыслях» [111, с. 241].

Когда на сердце у Ивана Сергеевича было особенно пасмурно и беспросветно, писатель обращался к своему задушевному другу Елизавете Егоровне, с ней, одной из немногих, он откровенно делился своими печалью и надеждами. Понятны горькие слова Тургенева в письме из Куртавнеля графине Ламберт в середине июля 1859 года, которые с болью вырвались у него: «Я пишу Вам из замка (шато) г-жи Виардо... Кругом меня правильная семейная жизнь... Для чего я тут, и зачем, уже отходя прочь от всего мне дорогого, – зачем обращать взоры назад?

Я гляжу на *своё* счастье – как я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого; я здесь – а все это там; и между этим *здесь* и этим *там* – бездна, которую не наполнит ничто и никогда в целую вечность... [97, с. 64].

И в этой печали и неустроенности ещё больше Тургенев придаёт значение дружбе и теплу человеческого участия, тем качествам, которые были характерны для его многолетних отношений с графиней Ламберт. Он пишет ей в том же письме (в середине июля 1859 г.): «Остаётся одно: держаться пока на волнах жизни и думать о пристани – да отыскав товарища дорогого и милого как Вы, товарища по чувствам, по мыслям (мы оба с Вами уже немного ждём для себя), крепко держать его руку – и плыть вместе пока...» [97, с. 64].

Размышления писателя о жизни печальны. В письме Ламберт из Бельфонтена, что близ Фонтенбло, 23 июля (4 августа) 1859 г. он указывает: «Жизнь – не что иное, как болезнь, которая то усиливается, то ослабевает: надобно уметь переносить её припадки – и Вы в этом деле мастерица. Лучший для неё врач – другой больной, в особенности друг. Мы часто в Вашей комнатке на Фурштатской помогали своим недугам...» [98, с. 73.]

Развивая эту мысль в письме графине Е.Е. Ламберт из Парижа от 31 октября (12 ноября) 1860 г., Тургенев делает логичное заключение о причине родства их душ: «Нам обоим не совсем легко жить на свете – и потому между нами есть особенного рода симпатия, не говоря уже о той, которая происходит от сходства вкусов» [113, с. 254].

А в письме к графине от 19 июля 1861 г. Иван Сергеевич вновь возвращается к этой теме и пишет: «В сущности, так как жизнь –

болезнь, – всё, что мы называем философией, наукой, моралью, искусством, поэзией, etc. – ничто иное как успокаивающие лекарства, *des calmants, ou des palliatifs*» [Письмо 118, с. 354].

Сходное настроение передаёт письмо Тургенева в день его сорока четырехлетия Е.Е. Ламберт из Парижа 28 октября (9 ноября) 1862 г.: «Почти вся жизнь уже позади – и я не могу сказать, с каким собственно ощущением я гляжу в прошедшее. Мне не то, что жаль его, не то, что досадно, не думаю, что я бы мог лучше прожить, если б!.. Но страшно мне смотреть вперед – только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых законов над собою – и маленький писк моего сознания так же мало тут значит...» [123, с. 129-130].

Иван Сергеевич очень ценил многолетнюю дружбу и расположение к нему графини Елизаветы Егоровны Ламберт. Он торжественно признавался ей в письме от 3/15 октября 1859 г., написанном из Спасского: «Я считаю своим долгом объявить Вам, что я только два существа на свете люблю больше Вас: одно, потому что она моя дочь, – другое потому... Вы знаете, почему...» [101, с.88-89].

Графиня Елизавета Егоровна Ламберт

Нельзя сказать, чтобы Тургенев был оптимистичным певцом жизнеутверждающей линии судьбы. Он был натурой трагической и сознавал это. Вот что он пишет своему верному товарищу по переписке Елизавете Егоровне 14 (26) октября 1859 г.: «Мне недавно пришло в голову, что в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, – только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни. Кто останавливается на поверхности (а таких много), тот часто и не подозревает, что он – герой трагедии. Иная барыня жалуется на то, что у ней желудок не варит – и сама не знает, что этими словами она хочет сказать, что жизнь ее разбита. Например, здесь кругом меня все мирные, тихие существования, а как приглядишься – трагическое виднеется в каждом, либо свое, либо наложенное историей, развитием народа. И потом мы все осуждены на смерть. Какого еще хотеть трагического?» [104, с.

98]. В письме к Я.П. Полонскому в 1877 года И.С. Тургенев пишет: «Полночь. Сижу я опять за своим письменным столом.... Внизу бедная моя приятельница что-то поёт своим совершенно разбитым голосом, а у меня (на душе) темнее тёмной ночи. Могила словно торопится проглотить меня: как миг, какой пролетает день, пустой, бесцельный, бесцветный».

Тему смерти И.С. Тургенев часто затрагивал в своих письмах и произведениях. Не обошел он эту тему и в переписке с Е.Е. Ламберт. В письме от 27 марта/8 апреля 1959 г. Тургенев пишет из Спасского графине: «Смерть уносит людей, не разбирая. Мы все у ней в долгу, а должники не могут предписывать займодавцу, с кого именно ему начинать...» [92, с. 28]. А в своём письме от 8 (20) января 1861 г. Елизавете Егоровне из Парижа он делает потрясающее по глубине заключение о том, что возможность пережить в самом себе смерть самого себя – есть одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Он пишет: «Вот – я умер – и все-таки жив – и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?» [115, с. 282].

Задумывался писатель и о своей собственной кончине. Так, в стихотворении в прозе «Что я буду думать?» он писал: «Что я буду думать тогда, когда мне придется умирать, если – я только буду в состоянии тогда думать? Как? Это уже смерть? Так скоро? Невозможно! Ведь я еще ничего не успел сделать... Я только собирался сделать!» [172, с.46].

Тяжёлые, и я даже бы сказала трагические, переживания Тургенев отразил в своем стихотворении в прозе «Старик» (1878). Он писал: «Настали темные, тяжелые дни... Свои болезни, недуги людей милых, холод и мрак старости... Все, что ты любил, чему отдавался безвозвратно, – никнет и разрушается. Под гору пошла дорога. Что же делать? Скорбеть? Горевать? – спрашивал он себя и сам же отвечал: «Ни себе, ни другим ты этим не поможешь», – и приказывал себе: «Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминанья, – и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все ещё свежей зеленью и лаской и силой весны!» [170, с. 34].

Но не только пронзительный трагизм был характерен для произведений Ивана Сергеевича, посвящённых теме жизни и смерти, теме бессмертия. В прекрасных стихотворениях в прозе им утверждается тема бессмертия любви. В стихотворении «Когда меня не будет» Тургенев пишет: «Когда меня не будет, когда все, что было мною, рассыплется прахом, – о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно, ты, которая наверно переживешь меня, – не ходи на мою могилу... Тебе там делать нечего.

Не забывай меня, но и не вспоминай обо мне среди ежедневных забот, удовольствий и нужд. Я не хочу мешать твоей жизни, не хочу

затруднять ее спокойное течение. Закрой глаза и протяни мне руку... Я не буду в состоянии ее пожать моей рукой..., но мне теперь отрадно думать, что, быть может, ты на твоей руке почувствуешь легкое прикосновение. И образ мой предстанет тебе» [166, с. 62-63].

В ноябре 1879 г. Тургенев пишет в стихотворении «Стой», обращаясь к любимой женщине: «Стой! Какую я теперь тебя вижу – останься навсегда такую в моей памяти. С губ сорвался последний вдохновенный звук – глаза не блестят и не сверкают – они меркнут, отягощенные счастьем, блаженным сознанием той красоты, которую удалось тебе выразить, той красоты, во след которой ты словно простираешь твои торжествующие руки! Вот она – открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно бессмертие! Другого бессмертия нет – и не надо. В это мгновение ты бессмертна... Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!» [171, с. 50].

Повторюсь: как-то Иван Сергеевич отметил: «На то он и русский человек, а русских людей без противоречий не бывает», – говоря это о русском национальном характере, а получилось, что очень точно сказал о себе самом. Он, Иван Сергеевич Тургенев – великий и противоречивый русский гений, величайший талант русской литературы, трепетно любивший Россию и так точно и неповторимо отобразивший нашу природу, народ и его вековую мечту, и стремление к свободе, большую часть своей жизни прожил за границей.

И.Е. Репин. И.С. Тургенев. 1879 г.

Он умер во Франции. Прах Тургенева был перевезён на Восточный вокзал, где Абу и Ренан от имени Франции и её писателей произнесли прощальные речи. Абу предлагал установить Тургеневу простую стелу, увенчанную разорванной цепью, в память участия, которое русский писатель принял в деле освобождения крестьян своими сочинениями. Это предложение перекликается с пожеланием самого Тургенева: «Все, что я хотел бы пожелать для своей могилы, –

говорил он, – это чтобы на ней были выгравированы слова о том, что моя книга («Записки охотника») послужила делу освобождения крестьян» [181].

Похороны Тургенева в Санкт-Петербурге на Волковом кладбище (знаменитых Литераторских мостках) 27 сентября (по новому стилю 9 октября) 1831 г. вылились в грандиозное событие прощания россиян со своим поистине народным гением. И во многом то, что так торжественно завершился земной путь нашего русского гения, было заслугой знаменитой французской певицы и друга Ивана Сергеевича Тургенева Полины Виардо, которая много сил положила, чтобы великий писатель был достойно похоронен на родной земле, которой он служил всю свою очень даже непростую и нелегкую жизнь.

Прошло пять лет. Все это время мы не виделись с Полиной и не имели возможности для продолжения нашей очень интересной для обеих беседы. Но, наконец-то, закончилась реэкспозиция в музее Тургенева, и я поспешила на встречу с Виардо с замирающим сердцем, а вдруг... Да, я очень боялась, что музей станет чужим, или Полина не придет на встречу. Вот и заветная дверь. Вхожу. Быстро «пролетаю» все залы. Все очень красиво, светло, уютно, все просто блестит, но Полины-то нет. Возвращаюсь в первый зал. Подхожу к роялю, на котором стоит портрет Виардо, правда, уже другой, и тихо зову:

– Полина!

Смотрительница, видимо услышав мой громкий шепот, выглянула из соседнего зала и странно посмотрела на меня. А я стала ждать, вдруг Полина все-таки выйдет ко мне. Неожиданно я услышала громкое:

– Полина!

Оборачиваюсь и вижу молодую женщину в джинсах, свитере и кроссовках, которая смотрит мимо меня и снова громко зовёт:

– Полина!

На её голос из соседнего зала, цокая каблучками сапожек, выбежала невысокая девочка-подросток, темноволосая, немного нескладная, можно сказать, одни локти и коленки. Я смотрела, как она бежит к своей матери, смотрела, а видела совсем другую юную девочку: тоже темноволосую, немного неловкую, спешащую на маменькин зов. Она просто «летела». Солнце било ей в глаза, в которых сверкали миллионы зайчиков, а весенний ветерок остужал разгоряченные покрасневшие щеки. Пробегая мимо стола, юная Полина задевает рукавом чашку, стоявшую на краю, и чашка летит, летит и... не бьётся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.Ф. Умиравший Тургенев (Клара Милич). Статья, 1906, с. 6-7 // Книги отражений. Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. Арапова А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М.: Демиург. 1994. – 124 с.
3. Арапова А.П. Гончарова и Дантес. Семейные тайны. М.: Алгоритм, 2014 – 256 с.
4. Баевский В.С. Новые документы о жизни и смерти Пушкина. <http://www.philology.ru/literature2/baevskiy-02.htm> (Последнее обращение 25.03.2018).
5. Бартенев П. Рассказ В.Ф. Вяземской // Русский архив. – 1888 – № 7. – С. 310.
6. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М.: Художественная литература. 1990. – 223 с.
7. Белозерская-Булгакова Л.Е. О мед воспоминаний. Michigan, Ann Arbor, ARDIS – 1979. 133 с.
8. Бергман Соня. Полина Виардо. Последняя волшебница. М.: РИПОЛ классик, 2014. – 256 с. Серия: Роковые женщины. – URL: <http://fanread.ru/book/11235083/?page=1>
9. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Самара: Агни, 2014 – 320 с.
10. Боровицкая В.Н. Эпилог, М.: РИО ГПНТБ СССР, 1990. – 224 с.
11. Булгаков М.А. Чаша жизни: Повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма. М.: Советская Россия, 1988. – 592 с.
12. Булгаков М.А. Письма, жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. – 576 с.
13. Вадецкий Б.А. Глинка. М.: Сов/ писатель, 1968. – 544 с.
14. Василенко-Левитон М.Л. Воспоминания о Тургеневе и Полине Виардо. Публикация М. Гольдштейна. – Советская музыка, 1951, № 7, с. 75.
15. Васина-Гросман В.А. Михаил Иванович Глинка. М.: Музыка, 1982. – 104 с.
16. Витале Серена. Тайны Дантеса. Пуговица Пушкина. М.: Алгоритм, 1917. – 416 с.
17. Воспоминания генерала Батиста Фори. URL: http://dugward.ru/library/turgenev/turgenev_po_povodu.htmlhttp://dugward.ru/library/turgenev/turgenev_po_povodu.html
18. Герцен А.И. Былое и думы. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры в 2-х томах. 1962. Том 1, части 1-4. Том 2, части 5-8. – 384 с.
19. Герцен А.И. Кто виноват. Центральное черноземное книжное издательство. Воронеж. 1984. – 215 с.

20. Глинка М.И. О музыке и музыкантах. М.: Государственное музыкальное издательство, 1954. – 86 с.
21. Гончаров И.А. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 371—372. (Литературное наследство; т. 102).
22. Гревс И.М. Графиня Е.Е. Ламберт (Чистая дружба). Публикация А.В. Лукиной. (Из истории отечественного тургеневедения). С. 387-451.
23. Давыдов В.Н. о Савиной М.Г.
http://www.peoples.ru/art/cinema/actor/mariya_savina
24. Дневник Елены Булгаковой. Гос. биб-ка СССР им. В.И. Ленина. М.: Книжная палата, 1990. (Из рукописного наследия). –400 с.
25. Добролюбов Н.А. Александр Сергеевич Пушкин (с. 2-40). Литературная критика в двух томах. Том первый. Статьи 1856-1859 гг. Л.: Художественная литература. 1984. 399 с.
26. Жданов В.А. Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. – 334 с.
27. Жданов В.А. Толстой и Софья Берс. М.: Алгоритм, 2008. – 448 с.
28. Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева. М., 1994. – С. 185-356.
29. Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. М.: Художественная литература, 1971. 356 с.
30. Канн-Новикова Е. Маленькая повесть о Михаиле Глинке. М.: Музыка, 1987. 64 с.
31. Kendall-Devis, V. The Life and Work of Pauline Viardot Garcia. Vol. 1. The years of Fame. 1836-1863. Cambridge Scalars Press, 2003, 2004.
32. Кони А.Ф. На жизненном пути // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М.: Худ. литература, 1969. – С. 127-128.
33. Кузнецова А.А. Моя Мадонна. М.: Сов. писатель. 1987. – 432 с.
34. Кунин В.В. Друзья Пушкина. В 2-х томах. М.: Правда, 1986. Т. 2. – 640 с.
35. Лебедев Ю.В. Иван Сергеевич Тургенев. М: Просвещение, 1989. (Биография писателя). 207 с.http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0380.shtml
36. Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники: книга воспоминаний, М.: Советский писатель. 1968. – 498 с.
37. Новиков А.Н. Ты взойдешь, моя заря! М.: 1953. – 105 с.
38. Ободовская И.М., Дементьев М.А. Наталья Николаевна Пушкина: по эпистолярным материалам. М.: Советская Россия, 1985. – 368 с.
39. Ободовская И.М., Дементьев М.А. После смерти Пушкина: Неизвестные письма / ред. и автор вступ. статьи Д.Д. Благой. – М.: Сов. Россия, 1980. – 384 с.

40. Орлова Т.Г. Дантес и Натали на детском празднике (по поводу «свидания» Дантеса и Натали у Полетики в публикации «Пресловутое свидание»). URL: <http://www.proza.ru/2013/01/29/205>
41. Островский А.Г. Тургенев в записях современников. Воспоминания. Письма. Дневники... (Литературные мастерские). М.: Аграф, 1999. – 400 с.
42. Панаева А.Я. Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1969. Т. 1. – С. 123-124.
43. Панаева А.Я. (Головачева А.Я.) Воспоминания. М.: Правда, 1986. – 512 с.
44. Полушин В.Л. Потомки великого древа. Красноярск: Бонус. 1999. – 406 с.
45. Последний год жизни Пушкина. М.: Правда, 1988. – 720 с.
46. Пушкина-Меренберг Н.А. Вера Петровна. Петербургский роман (Роман дочери Пушкина, написанный ею самой). URL: <https://www.libfox.ru/149473-38-natalya-pushkina-merenberg-vera-petrovna-peterburgskiy-roman-roman-docheri-pushkina-napisannuyu-eyu-samoy.html#book>
47. Пушкин А.С. Из Пиндемонти. 1836. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание 4-е. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1977. Т. 3. – С. 336.
48. Пушкин А.С. Мадонна. Сочинения в 2-х томах. М.: Художественная литература. 1982. Т. 1. – С. 160.
49. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебедь. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание 4-е, т. 4. Поэмы. Сказки. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1977. – С. 313-337.
50. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинения в 2-х томах. М.: Художественная литература. 1982. Т. 2. – С. 5-68.
51. Пушкин А.С. Дар небесный, дар случайный. Сочинения в 2-х томах. М.: Худ. литература. 1982. Т. 1. Стихотворения, поэмы, сказки. С. 140.
52. Пушкин А.С. Элегия. Сочинения в 2-х томах. М.: Худ. литература. 1982. Т. 1. Стихотворения, поэмы, сказки. С. 161.
53. Пыпин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка. Издание Вестника Европы, Типография М.М. Стасюлевича, 1876, в 2-х томах, 1 том. – 314 с.
54. Развитие русской поэзии, 2008. Свидетельство о публикации № 108063000042 <http://sthi.ru/2008/06/30/42> (Последнее обращение 04.03.2018 г.).
55. Раевский Н.А. В замке Бродяны // Избранное – М.: Художественная литература, 1978. – С. 469.
56. Розанов Ф. Полина Виардо-Гарсия. – Л.: Музыка. 1978. – 224 с.

57. Ромм С. fanread.ru/book/12148145/?page=24 (Последнее обращение 25.03.2018).

58. Русаков В.М. Уважены за имя... М.: Советская Россия. 1987. – 304 с.

59. Светаева М.Г. Савина. М.: Искусство. Серия «Жизнь в искусстве». 1988. – 320 с.

60. Серов А.Н. Воспоминания о Михаиле Ивановиче Глинке. Л.: Музыка, 1984. – 56 с.

61. Старк В. Наталья Гончарова. – М.: Молодая гвардия, (Жизнь замечательных людей). 2009. – 535 с.

62. Steen, M. Enchantress of Nations Pauline Viardot: Soprano, Muse and Lofer. Icon Book. UK, 2007.

63. Стронгин В.А. Михаил Булгаков. Морфий. Женщины. Любовь (Кумиры. Истории Великой Любви). М.: АСТ Астрель, 2011. – 511 с.

64. Судьба таланта. Театр в дореволюционной России. Составление, вступительная статья и комментарии Л.В. Маньковой. М.: Правда, 1990. – С. 422.

65. Толстая А.А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины. Октябрь. 1993. № 5. – С. 98.

66. Топоров В.Н. Станный Тургенев (Четыре главы). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20).

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений (ПСС) и писем в 30 томах. Письма в 18 томах, М.: Наука, 1987-1990 гг.

Том 1. Годы 1831-1849. М.: Наука, 1982 г. 607 с.

67. Тургенев И.С. Письмо № 56 Полине Виардо от 9/21 мая 1844 года. На фр. – с. 203-204, на рус. яз. – 354-355.

68. Тургенев И.С. Письмо № 61 Полине Виардо в конце апреля-начале мая 1846 года. На фр. – с. 208-209, на рус. яз. – 356-357.

69. Тургенев И.С. Письмо № 85 Полине Виардо 5/17 января 1848 года. На фр. – с. 255, перевод на рус. яз. – с. 387.

70. Тургенев И.С. Письмо № 87 Полине Виардо от 29 апреля 1848 года. На фр. – с. 259-260, на рус. яз. – 389-391.

71. Тургенев И.С. Письмо № 87 Полине Виардо от 2 мая 1848 года. На фр. яз. – с. 262-264, на рус. яз. – 393-395.

72. Тургенев И.С. Письмо № 88 Полине Виардо от 3/15 мая 1848 года. На фр. яз. – с. 264-267, на рус. яз. – 393-395.

73. Тургенев И.С. Письмо № 99 Полине Виардо от 13 октября 1848 года. На фр. яз. – с. 269-270, на рус. яз. – 397-398.

74. Тургенев И.С. Письмо № 91 Полине Виардо от 8/20 октября 1848 года. На фр. яз. – с. 272-275, на рус. яз. – 399-402.

75. Тургенев И.С. Письмо № 113 Полине Виардо от 30 июня, 1 июля (12-13 июля) 1849 года. На фр. яз. – с. 206-297, на рус. яз. – 413-414.

76. Тургенев И.С. Письмо № 114 Полине Виардо от 5/17 июля 1849 года. Т. 1. На фр. – с. 300, на рус. яз. – 417.

77. Тургенев И.С. Письмо № 116 Полине Виардо от 11/23 июля 1849 года. На фр. яз. – с. 305-309, на рус. яз. – 420-423.

78. Тургенев И.С. Письмо № 117 Полине Виардо от 13/25 июля 1849 года. Т. 1. На фр. яз. – с. 309-310, на рус. яз. – с. 423-424.

Том 2. Годы 1850-1854 гг. М.: Наука, 1987. 924 с.

79. Тургенев И.С. Письмо № 141 Луи Виардо от 24 июня 1850 года. На фр. яз. – с. 27, на рус. яз. – 340.

80. Тургенев И.С. Письмо № 149 Полине Виардо от 28, 31 августа / 9, 12, 14 сентября 1850 г. На фр. яз. – с. 46-51, на рус. яз. – 354-358.

81. Тургенев И.С. Письмо № 150 Полине и Луи Виардо от 18/30 сентября 1850 года. Т. 2. На фр. яз. – с.51-56, на рус. яз. – с. 358-361.

82. Тургенев И.С. Письмо № 156 Полине Виардо от 26, 28, 30 октября (7, 9, 11 ноября) 1850 года На фр. яз. – с. 63-65, на рус. яз. – с. 365-367.

83. Тургенев И.С. Письмо № 160 Полине Виардо от 1, 7, 11 / 13, 19, 23 ноября 1850 года. На фр. яз. – с. 68 - 70, на рус. яз. – 367-369.

84. Тургенев И.С. Письмо № 279 Полине Виардо от 17 апреля 1853 г. На фр. яз. – 219- 220 с., на рус. яз. – с.409-410.

Том 3. Годы 1855-1858 гг. М.: Наука, 1987. 704 с. 85. Тургенев И.С. Письмо № 527 гр. М.Н. Толстой от 11 / 23 сентября 1856 г. С. 122-123.

86. Тургенев И.С. Письмо № 528 гр. Л.Н. Толстой от 13 / 25 сентября 1856 г. С. 124-125.

87. Тургенев И.С. Письмо № 529 В.П. Боткину от 18 / 30 сентября 1856 г. из Куртавнеля. С. 126-127.

88. Тургенев И.С. Письмо № 535 В.П. Боткину от 25 октября / 6 ноября 1856 г. из Парижа. С. 132-134.

89. Тургенев И.С. Письмо № 628 Н.А. Некрасову от 12 / 24 августа 1857 г. С. 250-252.

90. Тургенев И.С. Письмо № 650 гр. Е.Е. Ламберт. от 3/15 ноября 1857 г. С. 268-270.

Том 4. Годы 1859-1861. М.: Наука, 1987. 767 с.

91. Тургенев И.С. Письмо № 754 Полине Тургеневой от 16 / 28 января 1859 г. На фр. яз. – с. 10, на рус. яз. – 405.

92. Тургенев И.С. Письмо № 777 Е.Е. Ламберт от 27 марта (8 апреля) 1859 г. С. 28.

93. Тургенев И.С. Письмо №784 И.А. Гончарову от 7/19 апреля 1859 г. С. 36-37.

94. Тургенев И.С. Письмо № 786 В.П. Боткину от 12/24 апреля 1859 г. С. 38.

95. Тургенев И.С. Письмо № 796 гр. Е.Е. Ламберт от 30 апреля (12 мая) 1859 г. С. 42.

96. Тургенев И.С. Письмо № 805 из Виши гр. Е.Е. Ламберт от 12/24 июня 1859 г. С. 51.
97. Тургенев И.С. Письмо № 817 гр. Е.Е. Ламберт от 26 июля/7 августа 1859 г. С. 64.
98. Тургенев И.С. Письмо № 827 гр. Е.Е. Ламберт от 23 июля / 4 августа 1859 г. из Бельфонтена. С. 72-73.
99. Тургенев Письмо № 829 П.В. Анненкову от 1/13 августа 1859 г. С. 74-75.
100. Тургенев И.С. Письмо № 842 Полине Виардо от 20 сентября (2 октября) 1859 г. На фр. яз. – с. 85-86, на рус. яз. – 417-418.
101. Тургенев И.С. Письмо № 845 гр. Е.Е. Ламберт от 3, 5 октября /15, 17 октября 1859 г. С. 88.
102. Тургенев И.С. Письмо № 849 А.А. Фету от 9/21 октября 1859 г. С. 92-94.
103. Тургенев И.С. Письмо № 852 Полине Виардо от 11/ 23 октября 1859 г. На фр. яз. – с. 95-96, на рус. яз. – 419-420.
104. Тургенев И.С. Письмо № 853 гр. Е.Е. Ламберт от 14/26 октября 1859 г. С. 97-98.
105. Тургенев И.С. Письмо № 861 гр. М.Н. Толстой от 7/ 19 ноября 1859 г. С. 105-106.
106. Тургенев И.С. Письмо № 862 Полине Тургеневой от 10 ноября (22 ноября) 1859 г. На фр. яз. – с. 106, на рус. яз. – 421-422.
107. Тургенев И.С. Письмо № 868 Полине Тургеневой от 20 ноября /2 декабря 1859 г. На фр. яз. – с. 112, на рус. яз. – 422.
108. Тургенев И.С. Письмо № 1033 гр. Полине Тургеневой от 14 июня 1860 г. На фр. яз. – с. 203, на рус. яз. – 431.
109. Тургенев И.С. Письмо № 1043 П.В. Анненкову 26 июня/ 8 июля 1860 г. С. 211-212.
110. Тургенев И.С. Письмо № 1053 Марко Вовчок от 21 июля 1860 г. С. 219-220.
111. Тургенев И.С. Письмо № 1081 гр. Е.Е. Ламберт от 21 сентября (3 октября) 1860 г. С. 241.
112. Тургенев И.С. Письмо № 1082 К.Н. Леонтьеву от 21 сентября / 3 октября 1860 г. С. 242-243.
113. Тургенев И.С. Письмо № 1096 гр. Е.Е. Ламберт от 31 октября / 12 ноября 1860. С. 254-255.
114. Тургенев И.С. Письмо № 1107 гр. Е.Е. Ламберт 28 ноября / 10 декабря 1960 г. С. 267-269.
115. Тургенев И.С. Письмо № 1123 гр. Е.Е. Ламберт 8/20 января 1961 г. С. 281-283.
116. Тургенев И.С. Письмо № 1125 П.В. Анненкову 16/28 января 1961 г. Т. 4. С. 284-285.
117. Тургенев И.С. Письмо № 1138 гр. А.И. Герцену 25 февраля / 9 марта 1961 г. С. 297-298.

118. Тургенев И.С. Письмо № 1213 гр. Е.Е. Ламберт от 19 (31) июля 1861 г. С. 354-355.

Том 5. Годы 1862-1864. М.: Наука, 1988 г. 640 с.

119. Тургенев И.С. Письмо № 1299 Ф.М. Достоевскому от 16/30 марта 1862 г. С. 36-38:

120. Тургенев И.С. Письмо № 1311 В.П. Боткину. 8/20 апреля 1862 г. С. 49-50.

121. Тургенев И.С. Письмо № 1321 Ф.М. Достоевскому от 22 апреля / 4 мая 1862 г. С. 60-61:

122. Тургенев И.С. Письмо № 1342 П. Виардо 6/18 июля 1862 г. На фр. яз. – с. 71, на рус. яз. – с. 326-327.

123. Тургенев И.С. Письмо № 1403 Е.Е. Ламберт 28 октября / 9 ноября 1862 г. С. 128-130.

124. Тургенев И.С. Письмо № 1502 В.П. Боткину от 21 сентября / 3 октября 1863 г. С. 209-210.

125. Тургенев И.С. Письмо № 1512 В.П. Боткину от 10/20 октября 1863 г. С. 216-217.

126. Тургенев И.С. Письмо № 1530 В.П. Боткину от 26 ноября / 8 декабря 1863 г. С. 231-232.

127. Тургенев И.С. Письмо № 1465 Е.Е. Ламберт от 27 апреля / 9 мая 1863 г. С. 173-174.

128. Тургенев И.С. Письмо № 1554 Полине Виардо от 28 /16 января 1864 г. На фр. яз. – с. 252, на рус. яз. – с. 372-373.

129. Тургенев И.С. Письмо № 1587 И.А. Гончарову из Парижа от 14/26 марта 1864 г. С. 285-286.

Том 6. Годы 1864-1865 гг. М.: Наука, 1989. 367 с.

130. Тургенев И.С. Письмо № 1605 Полине Виардо от 5 (17) апреля 1864 г. На фр. яз. – с. 12, на рус. яз. – с. 184.

131. Тургенев И.С. Письмо № 1642 Е.Е. Ламберт от 3 сентября 1864 г. С. 45-46.

132. Тургенев И.С. Письмо № 1649 И.П. Борисову от 22 сентября (4 октября) 1864 г. С. 52-53.

133. Тургенев И.С. Письмо № 1650 Ф.М. Достоевскому от 3 (15) октября 1864 г. С. 53.

134. Тургенев И.С. Письмо № 1761 И.И. Маслову от 18 июня /20 1865 г. С. 144-145.

Том 7. Годы 1866-1867 гг. М.: Наука, 1990. 446 с.

135. Тургенев И.С. Письмо № 1802 П.В. Анненкову от 17 (29) января 1866 г. С. 8.

136. Тургенев И.С. Письмо № 1813 П.В. Анненкову от 24 февраля (8) марта 1866 г. С.19.

137. Тургенев И.С. Письмо № 1817 И.П. Борисову от 17 февраля, 9 марта (1, 2 марта) 1866 г. С.22-23.

138. Тургенев И.С. Письмо № 1822, П.В. Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1866 г. С. 26-27.

139. Тургенев И.С. Письмо № 1823 А.А. Фету от 25 марта / 6 апреля 1866 г. С. 27-28.

140. Тургенев И.С. Письмо № 1832 М.В. Авдееву от 1/13 мая 1866 г. С. 33-34.

141. Тургенев И.С. Письмо № 1833 Я.И. Полонскому от 1/13 мая 1866 г. С. 34-35.

142. Тургенев И.С. Письмо № 1845 А.А. Фету от 15 / 27 июня 1866 г. С. 45-46.

143. Тургенев И.С. Письмо № 1897 Полине Виардо от 6 февраля 1867 г. На фр. яз. – с. 90, на рус. яз. – с. 248-249.

144. Тургенев И.С. Письмо № 1901 Полине Виардо от 10 февраля 1867 года. На фр. яз. – с. 94, на рус. яз. – с.251.

145. Тургенев И.С. Письмо № 1907 Полине Виардо от 18 февраля 1867 г. На фр. яз. – с. 102, на рус. яз. – с. 254-255.

146. Тургенев И.С. Письмо № 1913 Полине Виардо от 24 февраля 1867 г. На фр. яз. – с. 108, перевод на рус. яз. – с. 257-258].

147. Тургенев И.С. Письмо № 1926 Полине Виардо от 10 марта /20 февраля 1867 г. На фр. яз. – с. 119, перевод на рус. яз. – с. 263-264.

148. Тургенев И.С. Письмо (Телеграмма) № 1929 Полине Виардо от 11 марта /27 февраля 1867 г., на рус. яз. – с. 122-124.

149. Тургенев И.С. Письмо № 1935 И.П. Борисову от 7 марта 1867 г. С.130.

150. Тургенев И.С. Письмо № 2011 П.В. Анненкову от 11(23) мая 1867 г. С. 204-205.

151. Тургенев И.С. Письмо № 2014 П.В. Анненкову от 23 мая (4 июня) 1867 г. С. 206-207.

152. Тургенев И.С. Письмо № 2023 А.Ф. Писемскому от 31 мая (12 июня) 1867 г. С. 215-216.

Том 8. Годы 1867-1868 гг. М.: Наука, 1990. 414 с.

153. Тургенев И.С. Письмо № 2034 П.В. Анненкову от 28 (16) июня 1867 г. С. 9-10.

154. Тургенев И.С. Письмо № 2035 И.П. Борисову от 16/22 июня 1867 г. С. 10.

155. Тургенев И.С. Письмо №2053 А.А. Фету от 26 июля (7 августа) 1867 г. Т. 8. С. 23.

156. Тургенев И.С. Письмо № 2095 Л. Пичу от 14/26 октября 1867 г. На фр. яз. – с. 53-54, перевод на рус. яз. – 225-226.

157. Тургенев И.С. Письмо 2145 Я.И. Полонскому от 2 / 14 января 1868 г. С. 95-97.

158. Тургенев И.С. Письмо 2195 И.П. Борисову от 27 февраля / 10 марта 1868 г. С. 138-139.

159. Тургенев И.С. Письмо Я.П. Полонскому в марте 1869 года. ПСС и писем. В 13 томах. – М.-Л.: Наука, 1964. Т. 7. С. 328.
160. Тургенев И.С. Без гнезда. Стихотворение в прозе// Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С.58.
161. Тургенев И.С. Воробей. Стихотворение в прозе// Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С.22.
162. Тургенев И.С. Голуби. Стихотворение в прозе// Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С.43.
163. Тургенев И.С. К***. Стихотворение в прозе// Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С.61.
164. Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском//Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 156-189.
165. Тургенев И.С. Гоголь // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 190-206.
166. Тургенев И.С. Когда меня не будет. Стихотворение в прозе // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 62.
167. Тургенев И.С. Литературный вечер у П.А. Плетнева. Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 146-155.
168. Тургенев И.С. Отцы и дети // Накануне. Отцы и дети. Степной король Лир. Классики и современники. М.: Наука, 1981. – С. 133-301.
169. Тургенев И.С. Русский язык. Стихотворение в прозе // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С.52.
170. Тургенев И.С. Старик. Стихотворение в прозе // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 46-47.
171. Тургенев И.С. Стой! Стихотворение в прозе // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. С. 50.
172. Тургенев И.С. Что я буду думать? Стихотворение в прозе // Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. 1987. – С. 34.
173. Тургенев И.С. Переписка // Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Сочинения в 12-ти томах. Т. 5. Повести и рассказы 1853-1857. М.: Наука, 1980 – С. 18-48.
174. Тургенев И.С. Первая любовь // Повести (Муму. Первая любовь (С.53-154). Пунин и Бабурин). М.: Худ. литература. 1968. – 248 с.
175. Тургенев и его время / под ред. Н.Л. Бродского. М.-П.: Век, 1923. – 328 с. С. 73.
176. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Правда, 1988. – 560 с.
177. Тютчев Ф.И. Нет, это сон... Тургенев И.С. Полное собрание сочинений (ПСС) и писем в 30 томах. Письма в 18 томах, М.: Наука, 1987-1990 гг. Том 7. Годы 1866-1867. С. 387.

178. Уж не Глинка, а фарфор». Неизвестные факты о последних годах жизни великого композитора. <http://lera-komog.livejournal.com/1986700.html> (Последнее обращение 25.03.2018).
179. Успенский Вс. Михаил Иванович Глинка. Л.: Молодая гвардия, 1950. – 267 с.
180. Фет А.А. Мои воспоминания. – М., 1890. Ч. 1. – С. 161.
181. Фори Б. Воспоминания о Тургеневе http://dugward.ru/library/turgenev/turgenev_po_povodu.htmlhttp://dugward.ru/library/turgenev/turgenev_po_povodu.html
182. Фридкин В.М. Послесловие. Роман из жизни Наталии Александровны Пушкиной, младшей дочери поэта. М.: Захаров, 2003. – 208 с. <https://www.libfox.ru/149473-38-natalya-pushkina-merenberg-vera-petrovna-peterburgskiy-roman-roman-docheri-pushkina-napisannyye-yu-samoy.html#book> (Последнее обращение 25.03.2018).
183. Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина. М.: Знание. 1991. – 256 с.
184. Чалмаев В.А. Иван Тургенев. М.: Современник, 1986 г. 308 с.
185. Черкашина, Л. Наталия Гончарова: счастливый брак. – 5-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 320 с.
186. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Уроки мужества. М.: Книга, 1988. – 672 с. e-libra.ru/read/205669-zhizneopisanie-mihaila-bulgakova.html (Последнее обращение 25.03.2018).
187. Шнейдерман И. Мария Гавриловна Савина. Л.; М.: ВТО, 1956. – 420 с.
188. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%83%D1%8D%D0%BB%D1%8C_%D0%9F%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D1%81_%D0%94%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%BC
189. http://vladim.h1.ru/istoria_istor1.htm
190. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/pss/pss3163-.htm>
191. <http://www.abc-people.com/data/pushkin/soch3.htm>
192. http://images.google.ru/imgres?imgurl=http://img0.liveinternet.ru/images/attach/c/0/32/727/32727401_Abanico_de_Plumas_fabian_peres.jpg&imgrefurl=http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post85763961/&usq
193. <http://www.ladoshki.ch/forum/showthread.php/8850-Код-Пушкина>
194. http://www.kulturologia.ru/blogs/030517/34390/?utm_source=7pisem&utm_medium=email&utm_campaign=daily
Дочери гения: как сложились судьбы Марии и Натальи Пушкиных
195. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ivan_Makarov_-_Nataliya_Nikolaevna_Pushkina-Lanskaya_1849.jpg?uselang=ru
196. <https://profilib.net/chtenie/20636/irina-chaykovskaya-tri-zhenschiny-tri-sudby-2.php>

197. <https://rodich2007.livejournal.com/1384288.html> - неужели, эту Верочку я написал...

198. <https://p-i-f.livejournal.com/3703758.html> Вчера, поздно вечером, получил я Ваши два письма.

199. nashagazeta.ch/news/13203 Наташа Узер-Герцен: «Среди потомков Герцена – инженеры, архитекторы, врачи...

*Литературно-художественное
произведение*

Рубан Лариса Семеновна

Международный проект
«Диалоговое партнёрство как фактор стабильности
и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»)

Иллюстрации «скачены» из Интернет через свободный доступ
системы «Yandex-поиск» и Рубан Л.С. на
их авторство не претендует.

Какого цвета счастье?

Серия «Семейная книга». Выпуск первый.

Рубан Лариса Семёновна является членом Союза писателей России. Она работает в жанре поэзии и прозы. Опубликовала 420 произведений. Как основатель и руководитель международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») ИВ РАН она уделяет большое внимание пропаганде русского языка, литературы и культуры за рубежом и регулярно передаёт свои произведения коллегам в научные, культурные и образовательные организации. За развитие толерантности у молодёжи Рубан Л.С. награждена Орденом «За вклад в просвещение» (2008) и медалью «За развитие образования» (2009), ей объявлена благодарность министром образования и науки России (2017), получены Почётные грамоты от APWG и Посольства Филиппин (2010), премия Министра культуры и туризма Непала (2011); медаль «20 лет СНГ» (2011); благодарность Посла Вьетнама в России (2012); Почётные грамоты Посольства Венесуэлы (2017) и LAD – Латиноамериканского Дома в РФ (2019), благодарственное письмо от Департамента внешнеэкономических и международных связей правительства г. Москвы (2019 г.) В 2020 г. Рубан Л.С. награждена Московской городской организацией Союза писателей России Дипломом им. И.А. Бунина «За верность отечественной литературе» с вручением медали «И.А. Бунин (1870-1953)» и как лауреат конкурса «Преодоление» Дипломом литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна с вручением медали Куприна, в 2021 г. медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Она стала лауреатом литературно-общественной премии «Жизнь задыхается без цели» с вручением медали Ф.М. Достоевского и диплома премии «Преодоление», дипломантом премии «Кому на Руси жить хорошо» с вручением медали Н.А. Некрасова, финалисткой конкурса «Бегущие по волнам» 2021 г. им. А.С. Грина, а в 2022 г. – лауреатом премии «Золотая осень» с вручением медали С.А. Есенина и дипломом премии «Наш век» с вручением медали Ф.И. Тютчева.

Лукьянов Иван Александрович родился в Москве в семье научных сотрудников, работающих в Российской академии наук. Ещё в школе он посещал литературный кружок, а в 2010 году поступил в литературную студию, действующую в рамках Международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и под руководством профессора Рубан Л.С. начал специализироваться в жанре малой прозы и фэнтези. Первые его литературные работы были выполнены в форме коротких рассказов и энімал-фэнтези.

